

Виктор СУВОРОВ

Марк СОЛОНИН и другие

КНИГИ, ИЗМЕНИВШИЕ МИР

**ПОЧЕМУ
БОЯТСЯ**

**★ ВИКТОРА
СУВОРОВА?**

**САМЫЕ
ЗАПРЕТНЫЕ
КНИГИ
О ВТОРОЙ МИРОВОЙ**

Виктор СУВОРОВ
Марк СОЛОНИН
Андрей Буровский

ПОЧЕМУ БОЯТСЯ
ВИКТОРА СУВОРОВА?

*Книги,
изменившие мир*

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2012

УДК 355/359
ББК 68
С 89

Оформление серии *П. Волкова*

Суворов В.

С 89 Почему бояться Виктора Суворова? Книги, изменившие мир / Виктор Суворов, Марк Солонин, Андрей Буровский. — М. : Яуза-пресс, 2012. — 352 с.— (Самые запретные книги о Второй Мировой).

ISBN 978-5-9955-0408-5

Есть книги, которым суждено не просто стать бестселлерами, но буквально перевернуть все прежние представления, взорвать общественное сознание, раз и навсегда переписать прошлое, чтобы, ни много ни мало, ИЗМЕНИТЬ МИР. Так было с «Архипелагом ГУЛаг» Солженицына. Так стало с «Ледоколом» Виктора Суворова. И сколько ни бесновался кремлевский агитпроп, как бы ни проклинали его книги дрессированные историки-«антирезунисты», им не удастся ни замолчать его откровения, ни спасти сталинскую мифологию Второй Мировой, ни заткнуть рот многочисленным последователям Виктора Суворова, которые продолжают его дело и находят все новые подтверждения его открытиям. Несмотря на негласную цензуру и преследование инакомыслящих, процесс переосмысления истории уже не остановить. Доказательством чему - эта книга.

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-9955-0408-5

© Хмельницкий Д.,
автор-составитель, 2012
© ООО «Яуза-пресс», 2012

СССР ГОТОВИЛСЯ НЕ К ТОЙ ВОЙНЕ

С Виктором Суворовым беседует

Дмитрий Хмельницкий

— Как вы полагаете, почему Красная Армия, несмотря на многолетнюю подготовку к войне, была при первом же столкновении с Вермахтом летом 1941 г. почти мгновенно разгромлена?

— Советские войска готовились к совершенно другой войне, и это объясняет все. Это примерно как если бы мы готовились к экзамену по математическому анализу или физике, а нам устроили бы вдруг экзамен по анатомии какой-нибудь африканской эбры. Возникло бы полное несовпадение того, к чему мы готовились, и того, что случилось на самом деле. Все мои книги как раз об этом.

Вот известный пример. Была у нас Днепровская флотилия, которая перекрывала речной путь от Смоленска до Черного моря, не давала противнику идти на восток. Днепр — великая река. Очень труднопреодолимое препятствие, если взорвать мосты и постреливать с другой стороны, не давая переправляться. Там дислоцировалась в 30-х гг. Днепровская флотилия. Вот эту Днепровскую флотилию расформировали перед самой войной и двинули в устье Дуная. Ну что ей делать в устье Дуная? В случае оборонительной войны это полнейшая глупость.

А вторую часть Днепровской флотилии двинули в реку Припять и вырыли канал до города Бреста, чтобы соединить с Бугом, Вислой и реками Германии. Зачем это делается?

У меня есть доказательства того, что это не глупость и это не неготовность. Это готовность, но совсем к другой войне.

Вот скажем, всю войну немцы использовали наши мосты Н2П.

—Что это такое?

— Самый лучший в мире наплавной мост, назывался Н2П. Эти наплавные мосты были сосредоточены в районе государственных границ. Немцы напали, захватили мосты, которые мы заранее наготовили. После этого они легко форсировали Днепр, Березину и так далее.

Так отчего же немцы так быстро продвигались? Оттого, что мы не были готовы? Нет, быстрое продвижение немцев в направлении Москвы объясняется потрясающей готовностью Красной Армии к войне.

Вот еще пример. Советский Союз захватывает Западную Украину, Западную Белоруссию, Эстонию, Литву, Латвию. Не хотите сказать «захватывает», говорите «освобождает», сказать можно все, что угодно. На этих территориях практически не было аэродромов, потому что они там никому не были нужны. А у немцев весь расчет был на тактическую авиацию. У них стратегической авиации не было, она, по большому счету, им была не нужна.

Им не нужно было разрушать Донбасс, промышленные центры — Ленинград, Москву и т.д. Им нужно было разгромить армию, и тогда и Донбасс, и Ленинград, и Москва достались бы им целыми, не уничтоженными. А чтобы разгромить армию, не нужен стратегический бомбардировщик, который бомбит неподвижные цели далеко в тылу. Нужен тактический бомбардировщик, с одним двигателем, который падает с неба вниз и уничтожает командный пункт, батарею противотанковую, колонну танков. Он работает по точечным подвижным целям. У таких самолетов очень небольшой радиус действия. Поэтому для того, чтобы продвигаться вслед за войсками, им нужны аэродромы. И если бы Советский Союз не готовился к войне, то произошло бы следующее: немцы нападают, вступают в Западную Украину и Западную Белоруссию, там аэродромов нет. Они продвигаются вперед,

а базы авиации остаются далеко в тылу, на германской и покоренной польской территориях. Покоренной немцами. А впереди у них огромная безаэродромная полоса.

Но когда немцы вступили в Западную Украину и Белоруссию, там обнаружилось сотни взлетно-посадочных полос, на которых было заготовлено топливо, бомбы и т.д. Потому немцы так быстро и пошли вперед до Киева и Смоленска, что для них кто-то наготовил бстонируемые аэродромы со всем необходимым. Наша подготовка к войне полностью работала на Гитлера.

— Оборонять страну можно двумя путями. Это легко представить себе на модели. Вот предположим, недалеко друг от друга находятся две враждебные деревни. Чтобы защититься от соседа, можно выстроить высокую стену, поставить там пулеметы, караулить круглосуточно и дать понять злему соседу, что лучше ему даже не соваться, хорошо не будет. А можно ничего не строить, а наоборот — сформировать команду охотников, самым в удобный момент напасть на соседей, захватить их деревню и тем самым надежно предотвратить нападение. Так вот, Советский Союз действовал по второму варианту?

— Да, именно так.

— Значит, поражение летом 41-го года было естественным завершением длительной и тщательной подготовки к войне. А когда эта подготовка началась?

— Она началась в 1917 г. Октябрьская революция сразу рассматривалась как пролог к мировой революции. Первая попытка развязать Вторую мировую войну была предпринята советским правительством 13 ноября 1918 г. 11 ноября в 11 часов Первая мировая завершилась, а уже 13 ноября советское правительство отдало приказ Красной Армии идти вперед, и она пошла — в Эстонию, Литву, Латвию, с намерением дойти до Берлина. Но в то время уже шла Гражданская война, и ничего у них не получилось.

—А чем закончился этот поход?

— Этот поход закончился установлением советской власти в Эстонии, Латвии, Литве. Поэтому позже, когда речь заходила о 1940 г., Советский Союз обычно говорил, что тогда произошло ВОССТАНОВЛЕНИЕ советской власти в Прибалтике. Но потом белые там поднялись всякие, Юденич и прочие, быстренько вышибли оттуда большевиков, однако попытка эта в ноябре 1918 г. ринуться в Европу — была.

Потом была еще одна попытка, в 1920 г. «Дасшь Варшаву, дай Берлин, уж врезались мы в Крым» — это марш Первой конной армии. Тогда Тухачевский шел на Варшаву, но по книгам его четко видно, что Варшава — это просто стационарный полустаночек, они шли в Европу.

После неудачи Польского похода было два пути. Все лидеры большевиков отлично понимали, что сосуществовать с капиталистическим миром мы не можем, и в этом они были полностью правы. Потому Советский Союз и рассыпался в конце концов, что существовать рядом с нормальным человеческим обществом он не мог. Потому что Запад — это пример нормальной человеческой жизни для всего нашего покоренного населения. Так же как Северная Корея не способна сосуществовать с Южной Кореей. Люди смотрят туда, в Южную Корею, и спрашивают: «Почему же мы живем как-то иначе?» Точно так же и Восточная Германия не могла сосуществовать с Западной. Либо одно, либо другое победит, говорил товарищ Ленин.

Так вот, было два пути. Первый путь — путь Троцкого, то есть перманентная революция. Постоянно поддерживать любые силы, которые кто-либо где-либо поднимает против капитализма. Партизанскую войну, например, вроде той, которая велась в Польше в 20-х гг.

—В Польше тогда было советское подполье?

— Да, шла советская партизанская война. Ваупшасов, Рябцевич, Орлов, будущие руководители советского партизанского движения во Второй мировой войне, были партизанскими лидерами в Западной Украине, Западной Белоруссии в 23 — 24 — 25-м гг. Есть еще несколько фами-

лий, сейчас не помню. В книге «День М», кажется, я про наших партизанских лидеров писал.

Второй путь — путь Сталина: социализм в одной стране. Этот социализм у нас совершенно неправильно трактуется. Тот, кто говорит, что Сталин хотел построить социализм в одной стране, Сталина не читал. Сталин писал, что можно добиться полной победы социализма в одной стране. Однако, продолжал он, окончательная победа социализма может быть только в мировом масштабе. И был тоже в этом прав. Что такое социализм? Ликвидация частной собственности. Это сделали. Съезд победителей в 1934 г. постановил, что социализм в Советском Союзе построен. Провели коллективизацию, всех загнали в колхозы, все встало под государственный контроль. Но, как говорил тов. Сталин, окончательная победа — это гарантия от реставрации капитализма. Оттого, что в мировом масштабе социалистическая революция не победила, окончательной победы у нас не вышло. Рухнуло все.

Так вот, путь Сталина — это социализм в одной стране, который строится как база грядущего освобождения человечества.

Вот вчера я получил удивительный плакат «Боевой карандаш № 1», где написано: «Фашизм — враг человечества. Нет фашизму!» Нарисована змея, которой наш красноармеец втыкает штык в горло, и вокруг четыре маленькие картиночки: «Фашизм — это уничтожение культуры» — какой-то варвар сжигает книги в огне. «Фашизм — это голод» — несчастная мама с умирающим ребенком. «Фашизм — это тюрьма» — нарисована тюрьма. «Фашизм — это война». Нарисован поджигатель войны. Имеется штамп: «Музей В.И.Ленина. Ленинградский филиал». Инвентарный номер. Даты нет, но «№ 1» говорит очень о многом. О том, что это самый первый плакат из серии. То, что он подготовлен до войны, мне совершенно очевидно — в этом плакате нет ничего о защите нашего Отечества. Нет ничего о том, что фашизм — это враг Советского Союза, или русского народа, или советских народов. Фашизм — враг человечества. А мы освобождаем человечество — не себя защищаем, а освобождаем человечество от фашизма.

— Интересно, когда слово «фашизм» стало применяться по отношению к национал-социалистической Германии? Мне кажется, что это изобретение Сталина.

— Не знаю, когда он стал применяться, но термин этот я встречал в речах Сталина 1927 г.

— Это была явная компинтерновская пропаганда...

— Да. Гитлеровцы никогда себя фашистами не называли. В «Майн кампф» такого термина я не нашел. Фашистами называли себя итальянцы. Фашина — это римское название, обозначает связку прутьев, то есть, если переводить на понятный нам язык, это союз единомышленников.

— В советской пропаганде слово «фашизм» применялось к чему угодно, ко всем, кто считался в тот или иной момент врагом СССР.

— Вот именно. Поэтому социал-демократов в 1927 г. стали называть социал-фашистами. Мол, не верьте этому названию, не социал-демократы они, а социал-фашисты. Это был выдуманный, ничего не обозначавший ярлык, который навешивался куда угодно.

— Самое забавное, что этот сталинский ярлык применяется во всем мире до сих пор. Даже в Германии говорят про «фашистскую Германию», а не про «нацистскую». Отсюда и Советский Союз, который воевал и с нацистами, и вообще со всеми, с кем хотел, но-прежнему числится в «антифашистах». Хотя если считать, что «фашизм» — это разговорный синоним тоталитаризма (что правильно), то никак не мог СССР оказаться в «рядах антифашистов». По определению не мог. Антифашизм — это борьба за демократию, а не наоборот.

— Да, это чисто сталинская наклейка, которая лепилась куда угодно. Вот пример. Открываю словарь иностранных слов под ред. Лехина и проф. Петрова. Москва, 1949 г., стр. 323: «Консерватор. Первое значение латинское, вто-

рос: член реакционной политической партии буржуазии, ведущий империалистическую политику экспансии, насильственного подавления рабочего и революционного движения, ликвидации демократических свобод. В настоящее время партии консерваторов открыто переходят на сторону фашизма». Так что наша Маргарита, которая миссис Тэтчер, вот куда, оказывается, клонила.

— Это было остроумное изобретение. Советская пропагандистская подготовка к будущей войне декларировала «войну с фашизмом», под которым подразумевались все враги, любые, без учета их политических различий. В «фашистах» мог оказаться кто угодно. Итак, первые попытки развязать войну в мировом масштабе начались в 1918 г., потом — польская война 1920 г., потом Сталин сместил и изгнал Троцкого, и примерно году в 28-м началась уже серьезная, долговременная подготовка к войне. Так?

— В экономическом плане она началась в 1927 г. Это первая пятилетка. Для того она и задумывалась. Хотя эти самые «немецкие фашисты» еще не были у власти. Будущие «фашисты» в это время проходили военную подготовку в Казани и других советских городах.

— Не был ли такой временной период — пятилетка — специально выбран для того, чтобы как раз за это время успеть подготовить страну к войне?

— Можно считать, что и так. Четкого мнения по этому поводу у меня нет. На мой взгляд, у Сталина было два плана: максимум и минимум. По всей видимости, он рассчитывал на одну или две пятилетки, потому что смотреть дальше вперед никогда не получается. Когда мы пытаемся это делать, всегда нарушается пропорция: события кажутся нам либо очень отдаленными, либо близкими, а вот уловить определенный момент чисто психологически невозможно. Поэтому, возможно, первая пятилетка была организована Сталиным так, чтобы через пять лет начать ломать соседей. Ломать Польшу, ломать Европу. Но у Ста-

лина могли быть и сомнения. В этом случае первая пятилетка была для него первым мощным заделом. Временем строительства производственной базы. А вторая пятилетка — дальнейшее развитие этой производственной базы и массовый выпуск оружия.

Вообще-то, никто не мог предполагать, что будет. Невозможно было предугадать ситуацию в Германии, если Гитлер придет к власти (1932 — 1933). Вполне вероятной, например, была гражданская война. Она ведь никак не исключалась, правда? В этом случае СССР проламывает Польшу и оказывает Германии прямую помощь. Так что долговременные прогнозы всегда могут быть ошибочны, их просто нельзя делать.

— Когда могла произойти следующая после 1920 г. советская попытка реально спровоцировать европейскую войну?

— Мировая война приблизилась вплотную в 1936 — 1937 гг. И вот почему. В 1936 г. вспыхивает Гражданская война в Испании. Тогда Советский Союз начинает давить на Францию и Великобританию: «Там же дети гибнут, там Пикассо картину пишет, разрушили деревню, проклятые фашисты...» Интернациональные бригады рвутся в Испанию, а Сталин гонит туда военных советников. Чтобы понять серьезность намерений Сталина, надо просто посмотреть, кого он туда послал. Вот список этих советников. Тогда они были лейтенантами, капитанами, полковниками, однако это были самые перспективные командиры Красной Армии, которых Сталин наметил к выдвижению. Испания была для них последней проверкой. Большинство после возвращения из Испании стремительно пошло вверх. Вот вершины, которых достигли некоторые из военных советников через несколько лет.

Малиновский, Маршал СССР, министр обороны СССР.

Мерцков, начальник Генштаба, Маршал СССР.

Кулик, заместитель народного комиссара обороны, Маршал Советского Союза.

Кузнецов, Адмирал флота Советского Союза, военноморской министр, на протяжении всей войны член Ставки Верховного Главнокомандующего. В Испании он был мор-

ским офицером, громил конвои, которые шли через Майорку, Минорку.

Воронов, главный Маршал артиллерии, командующий артиллерией Вооруженных Сил СССР.

Неделин, главный Маршал артиллерии, заместитель министра обороны, главнокомандующий ракетных войск стратегического назначения.

Огольцов, Маршал авиации, командующий дальней авиацией, первый зам главкома ВВС.

Казаков, Маршал артиллерии, командующий ракетными войсками артиллерии сухопутных войск.

Рычагов, генерал-лейтенант авиации, начальник Главного управления ВВС.

Мансуров, генерал-полковник, первый замначальника ГРУ.

Вечный, генерал-лейтенант, военный адъютант Сталина.

Проскуров, генерал-лейтенант авиации, начальник ГРУ.

Датов, Павлов, Колпакчи, Лященко — генералы армии.

Родимцев, Романенко, Штерн, Шумилов, Юшкевич — генерал-полковники...

Всего более четырех десятков генералов, адмиралов... Чувствуете, какой букет? Вот я их собрал и обабдел. После возвращения из Испании все военные круто пошли вверх. Кроме того, там были разведчики. А самым главным человеком там был Антонов-Овсенко. Официально он занимал должность генерального консула в Барселоне, но это было прикрытием. Это тот Антонов-Овсенко, который брал Зимний дворец, потом давил мужиков в Тамбовской губернии, Тухачевский у него был тогда по военным делам. Этот консул вывез весь испанский золотой запас через Средиземное море, но по возвращении его расстреляли. Главным военным советником был Берзин, начальник Четвертого управления (впоследствии ГРУ). Его тоже расстреляли. Я это объясняю так: военные свое дело сделали — и все пошло вверх. А вот разведчики, политики, тот же Антонов-Овсенко — они своей задачи не выполнили. А задача была — развязать Вторую мировую войну.

Сталин защищал испанских детей. А у нас только что коллективизация прошла, сколько миллионов погибло...

Если бы он втянул Испанию, Англию и Францию в войну и она бы распространилась дальше на Италию и Германию, тогда бы все европейские страны оказались втянуты. А там, кроме того, были интернациональные бригады — и американцы, и шведы, и прочие. Могло получиться, что и США, и какая-нибудь Канада, и Мексика, и другие тоже втянулись бы в войну.

28 марта 1939 г. пал Мадрид, последний бастион республики. Война в Испании была как бы своеобразным прологом Второй мировой войны. Интернационалистов-добровольцев там было 42 тысячи человек, из 54 стран мира. Кто-то организовал пропаганду — давайте, ребята, слетайтесь в Испанию. Почему-то, когда Советский Союз воевал в Финляндии, никто интернациональных бригад не собирал. Но вот что интересно. Я занимался этими интернациональными бригадами. Так вот, когда они попадали в Испанию, у них забирали документы. А потом обязательно попадал снаряд в здание, где хранились эти документы, или сгорал грузовик, который их перевозил. Таким образом советская разведка получала на десятки тысяч молодых мужиков настоящие паспорта. Американские, голландские, бельгийские...

Это номер один. А вот второй момент. Когда человек туда приезжал и у него забирали паспорт, он превращался в раба. Денег у него нету, на север — море, на запад — море, на восток — Пиренейские горы, убежать он не мог. Побег из интернациональной бригады карался смертью. Система была продумана очень четко. Я считаю, что это организовал Советский Союз, хотя доказательств у меня нет. Но то, что их эксплуатировали по полной программе, — это точно.

Один интернационалист в Барселоне все-таки прозрел. Он видел, как пытаются людей и все прочее. Вернулся оттуда прозревшим и написал потом книгу. Орвелл, «1984 год»...

Конечно, все это делалось на советские деньги. Кто-то платил людям, которые туда ехали... Это была попытка развязать Вторую мировую войну вдали от советских территорий. Для чего Сталин не жалел ни танков, ни советников. Но мировой войны не получилось. Немедленно по-

сле окончания Гражданской войны в Испании, в марте 1939 г., Сталин меняет внешнюю политику. Уже в мае он снимает Литвинова, который, как еврей, не может действовать в качестве министра иностранных дел, и переводит стрелки на Польшу, на Германию.

— Есть очень интересная книга «Русские добровольцы в Испании», выпущенная в Сан-Франциско в 1983 г. Автор — А.П. Яремчук 2-й. Он рассказал о белогвардейцах, которые воевали на стороне Франко и остались победителями. Их всего было человек тридцать.

— Есть у меня эта книга. В «Красной Звезде» была когда-то опубликована статья о том, что проклятые белогвардейцы, потерпев поражение в своей стране, встали под знамена фашистов и воевали против собственного народа, против советских добровольцев на стороне фашистов. Однако у генерала Франко не было колхозов, и если испанцу что-то не нравилось, он мог плюнуть, взять и уехать в какую-нибудь Аргентину. А советский мужик в то время уже в колхозе сидел. Я считаю, что, воюя в Испании, русские добровольцы тем самым спасали честь своей страны.

Испания — это была самая реальная возможность начать Вторую мировую войну. В 1936 г. в Германии вообще никаких танков не было, только-только что-то начинало строиться. И в Италии еще ничего особенного не было. В то время советский перевес был бы еще круче. А если бы в Испании развязалась Вторая мировая война и были бы втянуты Великобритания, Франция, Германия, Италия и Испания...

— Да, тогда о Польше вообще бы никто не позаботился.

— Это выглядело бы так: мы идем освобождать Европу, а тут какая-то шавка у нас под ногами. Ей пришили бы аморальное поведение. Мы идем детей спасать, а она нас не пускает.

— Существует мнение, что Сталин в очередной раз готовился к прыжку летом 40-го года, рассчитывая на то, что Германия глубоко увязнет во Франции.

— Да, это была бы идеальная ситуация. Никто не ожидал падения Франции, даже Гитлер не предполагал, что все произойдет так быстро.

— Как вы считаете, можно ли исходя из ситуации 1941 г., считать нападение Германии на СССР превентивным?

— Я считаю, что ни с той, ни с другой стороны нападение не могло быть в полной мере превентивным. Когда говорят, что Сталин хотел предупредить германское нападение своим, то это чепуха, потому что в германское нападение он вообще не верил. А с германской стороны оно было более или менее превентивным, но несколько с иной точки зрения. Гитлер не видел непосредственной угрозы, потому что Сталин отлично замаскировал свои действия, а германская разведка была чересчур слаба и советские военные приготовления толком не раскусила. Однако со стратегической точки зрения Гитлер совершенно отчетливо понимал: если он высадится в Британии, то товарищ Сталин его долбанет.

— Поставим вопрос по-другому. 1939 год, пакт Молотова — Риббентропа. В том, что Сталин планировал его нарушить, сомнений нет. А собирался ли нарушить его Гитлер? Или он заключал пакт всерьез, с намерением его соблюдать? Если не собирался, значит, он заранее готовил войну на два фронта.

— Есть достаточно свидетельств того, что он заключал пакт всерьез. И он не был так глуп, чтобы готовить войну на два фронта.

— Но оказался достаточно глуп, чтобы подставиться Сталину...

— По-моему, главная идея Гитлера в то время — консолидировать Германию. Он не предвидел и не планировал Второй мировой войны. По-моему, он просто залетел с Великобританией и Францией. Его задача была объединить все области, населенные немцами. В то время Гитлеру на-

до было вырваться из Версальского договора, надо было вернуть германские земли, надо было вернуть Данциг, ему, конечно, было мало Восточной Пруссии, ему хотелось, чтобы Германия не была разорвана на половинки. Он сначала хотел консолидировать Германию, построить хорошие дома, наладить рождаемость, поднять жизненный уровень, а потом уже...

— То есть в 1939 г. он решал сугубо тактические задачи, не понимая, что влияется...

— Да, я так думаю.

— Значит, заключая пакт, он действительно хотел разделить сферы влияния, и все? Никакой войны за жизненное пространство на Востоке не предполагалось?

— Да, только раздел сфер влияния. И Восточная Пруссия объединяется с Германией...

— Если Гитлер не собирался обманывать Сталина, то тогда стратегически нападение на СССР было превентивным.

— С точки зрения большой политики — да. Гитлер в 1940 г. осознал, что Сталин не остановится на достигнутом. Когда Сталин вошел в Румынию, Гитлер дрогнул. А потом Молотов приехал в Берлин, поговорил с Гитлером, и тот все наконец понял. Да, с этой точки зрения война превентивная. Гитлер подумал, что если сейчас, когда я воюю с Британией и Францией на континенте, они мне руки выламывают, то что же будет потом, когда я рипнусь на Британию. А Британия на мир не идет, и покорить ее нельзя, при ее-то количестве колоний.

А прямого интереса к советской территории у Гитлера тогда быть не могло. У него уже были голландские колонии, и Дания, и Словения, и Чехословакия, и часть Польши, так что жизненного пространства хватало.

ПРОСТАЯ ПРИЧИНА ВЕЛИКОЙ КАТАСТРОФЫ

Летом 1941 г. с Красной Армией произошло что-то нехорошее. В различные периоды истории нашей страны это «что-то» получало различные названия: от «временных неудач» до «катастрофического разгрома». Соответственно, и поиск причин и объяснений произошедшего приобретал различную остроту. Одно дело — искать причины «временных неудач». Простой здравый смысл и личный опыт каждого взрослого человека сразу же подсказывает очевидный ответ: «эка невидаль, с кем не бывает». Совсем другое дело — попытаться объяснить катастрофический разгром крупнейшей сухопутной армии мира. Поэтому, прежде чем искать причины явления, постараемся возможно точнее определиться с масштабом и фактическим содержанием произошедшего.

1. СООТНОШЕНИЕ СИЛ

К началу Второй мировой войны Советский Союз был вооружен и — по мнению многих — очень опасен. Точные цифры, характеризующие численный состав и вооружение Красной Армии (равно как и армии любой другой мощной державы того времени), назвать невозможно. Причина этого очень проста — накануне большой войны СССР, Германия, Польша, Франция, Италия и пр. непрерывно наращивали свою военную мощь. Формировались все новые и новые части и соединения, стремительно обновлялся танковый и авиационный парк, менялись штатные распи-

сания и структура соединений, менялись принципы и схемы перевода армии из состояния мирного в состояние военного времени. Точные до последней запятой цифры указать в подобной ситуации нельзя, но — как станет ясно из дальнейшего — это не создает больших проблем для исследователя, так как при том численном превосходстве, которым обладала Красная Армия, небольшие «погрешности измерения» не имеют принципиального значения.

Гитлеровская Германия начала подготовку к войне с большим (относительно Советского Союза) опозданием. В то время (первая половина 30-х гг.), когда в обстановке жесточайшего мирового экономического кризиса крупная буржуазия промышленно развитых стран мира (США, Англии, Франции, Германии) наперегонки бросилась продавать Сталину военную технику, технологию, станки и целые заводы в полной комплектации, Гитлер еще только «зачищал» политическое пространство своей власти в Германии, а новорожденный Вермахт проводил полевые учения с картонными макетами танков. Безрассудная и самоубийственная политика Запада позволила Сталину превратить гигантские финансовые ресурсы (как насильственно изъятые у прежних владельцев, так и вновь созданные трудом многомиллионной армии колхозных и гугаговских рабов) в горы оружия и военной техники. Уже в 1937 г. на вооружении советских ВВС числилось 8139 боевых самолетов — примерно столько же будет два года спустя на вооружении Германии (4093), Англии (1992) и США (2473), вместе взятых. К 1 октября 1939 г. самолетный парк советских ВВС вырос в полтора раза (до 12 677 самолетов) и теперь уже превосходил общую численность авиации всех участников начавшейся мировой войны. По числу танков (14 544 — и это не считая устаревшие Т-27 и легкие плавающие Т-37/38) Красная Армия в начале 1939 г. ровно в два раза превосходила армии Германии (3419), Франции (3286) и Англии (547), вместе взятые.

Всеобщая воинская повинность в Германии была введена только 16 марта 1935 г. К лету 1939 г. в составе Вермахта была уже 51 дивизия (в том числе — 5 танковых и 4 моторизованных), а в составе Красной Армии — 100

стрелковых дивизий (считая имевшиеся 5 стрелковых бригад за две «расчетные дивизии»), 18 кавалерийских дивизий и 36 танковых бригад. В дальнейшем обе державы стремительно наращивали численность своих вооруженных сил, причем разрыв между ними непрерывно сокращался (Германия «догоняла» своего будущего противника). С другой стороны, к лету 1941 г. радикально изменилась геополитическая ситуация: дивизии Вермахта были разбросаны на огромных пространствах от Северной Норвегии до Северной Африки, от Бреста на Атлантическом побережье Франции до Брест-Литовска на реке Западный Буг. В результате из примерно 200 дивизий (всех типов), которыми располагала гитлеровская Германия в начале лета 1941 г., на западной границе Советского Союза в составе трех групп армий («Север», «Центр», «Юг») к 22 июня были сосредоточены 91 пехотная дивизия, 17 танковых и 9 моторизованных дивизий (в общее число «91 пехотная дивизия» мы включили 4 легкопехотные, 1 кавалерийскую, 4 горнострелковые дивизии и 5 боевых дивизий СС). **Всего — 117 дивизий.**

В дальнейшем в течение нескольких недель и месяцев состав этой группировки постепенно увеличивался за счет ввода в бой резервов: 2 танковых дивизий (появившихся на Восточном фронте лишь к началу битвы за Москву), одной моторизованной, 24 пехотных дивизий. Кроме того, с 29 июня начались бои в Заполярье (в направлении Мурманска и Кандалакши), в которых приняли участие еще 4 немецких дивизии (точнее говоря, три дивизии и «группа СС Норд», по численности соответствующая стрелковой бригаде). **Итого — 148 немецких дивизий.** 10 июля 1941 г. началось наступление финской армии в Карелии, и таким образом общий состав группировки противника увеличился на 1 немецкую и 16 финских пехотных дивизий — значительно уступавших Вермахту в вооружении и оснащении, но ничуть не уступавших в боевом духе. Пресловутые «190 дивизий противника», неизменно присутствующие (причем якобы с первого дня войны!) во всех сочинениях советских историков, были получены путем сложения в одну кучу боевых частей Вермахта и СС, 9 немецких ох-

ранных дивизий, дивизий резерва Верховного командования и войск союзников гитлеровской Германии, включая итальянцев, венгров и словаков, которых летом 1941 г. на советской территории не было вовсе.

Советский Союз к 22 июня 1941 г. имел вооруженные силы, состоящие из 198 стрелковых, 13 кавалерийских, 61 танковой, 31 моторизованной дивизии. **Всего — 303 дивизии.** Кроме того, в составе Красной Армии были и такие, не имеющие прямых аналогов в войсках вторжения Вермахта соединения, как 16 воздушно-десантных бригад и 10 противотанковых артиллерийских бригад (ПТАБР). По принятой традиции мы не стали включать в общий перечень части и соединения войск НКВД, численность которых (154 тыс. чел.) соответствовала 10 «расчетным дивизиям». Разумеется, не вся эта колоссальная сухопутная армия находилась на западной границе. Сколько дивизий было на Западе? На этот простой вопрос, к сожалению, невозможно дать точный ответ. Красная Армия находилась в движении. В мае 1941 г. началась, а в июне продолжилась и значительно увеличилась в масштабе крупнейшая в истории СССР, России и мира передислокация войск. Не отвлекаясь ни на секунду на дискуссию о причинах, побудивших Сталина начать эту грандиозную операцию по переброске войск, попытаемся хотя бы ориентировочно оценить состав группировки советской действующей армии.

Последний из известных довоенных документов — справка «О развертывании Вооруженных Сил СССР на случай войны на Западе», подписанная заместителем начальника Генштаба Н. Ватутиным 13 июня 1941 г., — предусматривал следующее распределение сил: 186 дивизий в составе действующих фронтов, 51 дивизия в составе пяти (16, 19, 22, 24, 28-й) армий резерва ГК, развертываемых в полосе от западной границы до линии Брянск — Ржев. Итого — 237 дивизий для «войны на Западе». Имеющиеся, сверх того, 66 дивизий распределялись по внутренним округам, в частности 31 дивизия (десятая часть всех Вооруженных Сил СССР) на Дальнем Востоке. Далее Ватутин пишет: *«При таком распределении сил необходимо до-*

полнительно запланировать перевозку по железной дороге... всего 33 дивизий... Для перевозки потребуется около 13 дней... боевые части могут быть перевезены за 10 дней». Еще раз напомним, что цитируемый документ составлен 13 июня. Даже если увеличить названные Ватутиным сроки в два раза, получается, что полное сосредоточение группировки Красной Армии могло закончиться к 10 июля. Другими словами, Гитлеру сильно повезло.

Отсрочка вторжения всего на две недели могла бы привести к тому, что 117 немецких дивизий начали бы наступление против двукратно превосходящей группировки противника. Но и в реальной истории численное превосходство было на советской стороне.

22 июня в составе войск четырех приграничных округов (Прибалтийский, Западный, Киевский, Одесский) было 149 дивизий (не считая ПТАБРы, 7 кавалерийских дивизий и 12 воздушно-десантных бригад учтены как 7 «расчетных дивизий»). Кроме того, к 22 июня на территории западных округов было сосредоточено по меньшей мере 16 дивизий второго стратегического эшелона. Таким образом, к началу боевых действий Красная Армия имела на Западном ТВД 165 дивизий, в том числе 40 танковых и 20 моторизованных. Сравнивая эти цифры с группировкой противника (117 дивизий, в том числе 17 танковых и 9 моторизованных), можно сразу же отметить не только общее количественное превосходство советских войск, но и значительно большую долю в их числе танковых и моторизованных соединений. Впрочем, и по числу стрелковых (пехотных) дивизий Красная Армия имела некоторое превосходство над противником (105 против 91). Вопреки тысячекратно повторенному огромной армией советских историков вранью про «6 тысяч человек в дивизии», состав стрелковых дивизий приграничных округов (при штатной численности 14 483 чел.) к началу войны был следующим: 21 дивизия по 14 тыс. человек, 72 дивизии по 12 тыс. человек и 6 дивизий по 11 тыс. человек.

В дальнейшем численность группировки советских войск стала возрастать — причем в значительно большем масштабе и с большей скоростью, нежели группировки

Вермахта и его союзников. В конце июня в бой вступили части и соединения Ленинградского ВО: 15 стрелковых, 4 танковых и 2 моторизованные дивизии. К 10 — 15 июля была в основном завершена передислокация на ТВД войск второго стратегического эшелона (16, 19, 20, 21, 22, 24 и 28-й армий). В середине июля в составе действующей армии было уже порядка 235 дивизий. К концу июля 1941 г. сформированы 29, 30, 31, 32, 33, 43, 49-я армии. Всего в ходе двухмесячного Смоленского сражения было введено в бой 104 дивизии и 33 бригады. В общей сложности до 1 декабря 1941 г. на западном стратегическом направлении Ставка направила 150 дивизий и 44 стрелковые бригады, на ленинградское и киевское направления — еще 140 дивизий и 50 стрелковых бригад. А ведь кроме стрелковых (пехотных) соединений формировались еще и кавалерийские, танковые, артиллерийские бригады и дивизии...

Причина, по которой Красная Армия наращивала свою численность в объемах, совершенно недостижимых для противника, предельно проста. То количество дивизий, которое Вермахт смог сосредоточить у границ Советского Союза, представляло собой максимум, достигнутый 80-миллионной Германией через два года после начала всеобщей мобилизации. Добавить к этому «максимуму» было почти что нечего. С другой стороны, те 235 дивизий, которые Красная Армия сосредоточила на фронте к середине июля 1941 г., представляли собой минимум, который 200-миллионный Советский Союз смог сформировать в рамках скрытой, тайной мобилизации еще до объявления открытой всеобщей мобилизации. 23 июня 1941 г. была начата открытая мобилизация, и уже к 1 июля в ряды Вооруженных Сил было призвано 5,3 млн человек (что означало увеличение общей численности военнослужащих в два раза по сравнению с состоянием на 22 июня). Но 1 июля мобилизация, разумеется, не закончилась. Она еще только начиналась. В итоге до конца 1941 г. было мобилизовано в общей сложности 14 млн человек. Располагая таким огромным людским ресурсом, командование Красной Армии могло как восполнять потери личного состава частей действующей армии, так и формировать все новые, но-

вые и новые соединения. В целом во втором полугодии 1941 г. общий располагаемый «ресурс» личного состава (первоначальная численность действующей армии плюс пополнения и отправленные на фронт новые формирования) сторон соотносился как 2,7 к 1. В связи с тем что открытая мобилизация в СССР была объявлена не до, а после начала боевых действий, в первые дни и недели войны численное превосходство Красной Армии над Вермахтом в личном составе и общем количестве дивизий было относительно небольшим (примерно 1,3 к 1). Превосходство же в наиболее современных и эффективных (для того времени) родах войск — танках и авиации — было подавляющим с первых дней войны.

В составе войск немецкой группы армий «Север» имелось 3 танковых дивизии, на вооружении которых было 602 танка. Противостоящие ей войска советского Северо-Западного фронта в период с 22 июня по 6 июля ввели в бой четыре мехкорпуса (12, 3, 21 и 1-й без одной танковой дивизии, которая воевала в это время в Заполярье), на вооружении которых было 2188 танков. Соотношение численности 3,6 к 1. В скобках заметим, что подготовленный военно-исторической службой Генерального штаба Российской армии под общей редакцией генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева статистический сборник «Гриф секретности снят» на стр. 368 сообщает, что в ходе «Прибалтийской оборонительной операции» в период с 22 июня по 9 июля войска С-3, ф. потеряли 2523 танка. Так что указанное нами (здесь и далее) количество танков в составе мехкорпусов Красной Армии занижено (вероятно, из-за недоучета процесса поступления новых танков, каковой процесс 22 июня 1941 г. отнюдь не закончился). Для самых дотошных читателей отметим, что немецкие танкисты в ходе боевых действий тоже получали новые танки. В частности, в период до 10 сентября 1941 г. три танковые дивизии группы армий «Север» получили следующие подкрепления: 1-я тд — ноль, 6-я тд — 2 (два) чешских танка Pz-35(t), 8-я тд — ноль. Всего же на Восточный фронт до 10 сентября поступило 10 (десять) Pz-IV, 35 (тридцать пять)

Pz-III и 44 (сорок четыре) чешских Pz-35/38(t). Вот так «на Гитлера работала вся Европа»...

Самая мощная немецкая группа армий «Центр» имела в своем составе 9 танковых дивизий, 1936 танков. Противостоящий ей Западный фронт в период с 22 июня по 6 июля ввел в бой шесть мехкорпусов (11, 6, 13, 14, 7 и 5-й без 109-й мед) и отдельную 57-ю тд, на вооружении которых было 4365 танков. Соотношение 2,25 к 1. Правда, на стр. 368 сборника «Гриф секретности снят» сообщается, что потери танков Западного фронта с 22 июня по 9 июля составили 4799 машин.

В составе группы армий «Юг» было 5 танковых дивизий, 728 танков. Противостоящие ей войска Юго-Западного и Южного фронтов имели в своем составе десять мехкорпусов (22, 15, 4, 8, 16, 9, 19, 24, 2, 18-й). В полосе Ю-3. ф. воевала и 109-я мед из состава переброшенного на Западный фронт 5-го мехкорпуса. Эта огромная бронированная орда насчитывала 5826 танков. Соотношение 8 к 1.

В целом на вооружении 17 немецких танковых дивизий было 3266 танков (а если — что будет совершенно логично — вычесть из общей численности 146 безоружных «командирских танков» и 152 учебно-боевые танкетки Pz-I с пулеметным вооружением, то у немцев не набирается и трех тысяч танков). Этой «стальной лавине» уже в первые 2 недели войны было противопоставлено 20 советских мехкорпусов, имевших до начала боевых действий 12 379 танков. Соотношение численности танков 3,8 к 1. Для полной ясности уточним, что в расчет не были включены

11 дивизионов и 7 батарей самоходных «штурмовых орудий», что добавляет к немецким бронетанковым вооружениям еще 246 машин (включая бронированные транспортеры боеприпасов). С другой стороны, мы не учли два формирующихся в Западном **ОВО** мехкорпуса, 17-й МК и 20-й МК, на вооружении которых было 63 и 94 танка соответственно, не учли танковые полки кавалерийских дивизий, не учли полторы тысячи легких плавающих танков в составе разведывательных подразделений стрелковых дивизий и корпусов. Общий состав танкового парка Красной Армии на 1 июня 1941 г. (не считая 2,4 тыс. уста-

ревших танкеток Т-27, не считая 3,6 тыс. легких плавающих Т-37/Т-38/Т-40) выражался немислимой ни для одной другой армии мира цифрой **19 540 танков**. Кроме того, на вооружении числилось 3258 пушечных броневедомостей, по своему вооружению (45-мм пушка в танковой башне) превосходивших две трети того, что в Вермахте называлось громким словом «танк»...

Совершенно уникальной была и степень механизации советской артиллерии. По штатному расписанию обычной (не мотострелковой!) стрелковой дивизии Красной Армии гаубичному артиллерийскому полку полагалось два трактора на одну гаубицу, 90 грузовых и 3 легковые автомашины. В отдельном противотанковом дивизионе стрелковой дивизии на 18 «сорокапятков» приходилось 24 автомашины и 21 тягач. Причем в качестве тягача предполагалось использовать бронированный гусеничный «Комсомолец» — созданный на базе узлов и агрегатов легкого танка Т-38, вооруженный пулеметом в шаровой установке и в целом соответствующий по боевым возможностям немецкой танкетке Pz-I.

Это — штатное расписание апреля 1941 г. К началу войны довести укомплектованность стрелковых дивизий до таких высот (два тягача на одну гаубицу) не успели (на что неустанно ссылались все советские историки). Что же было сделано в реальности? Уже в феврале 1941 г. в РККА числилось 34 тыс. тракторов (гусеничных тягачей), 214 тыс. автомашин всех типов и 11,5 тыс. мотоциклов. К началу войны количество тракторов (гусеничных тягачей) выросло до 44 900 единиц. В том числе 7780 бронированных «комсомольцев». Теперь сравним количество средств мехтяги с количеством артсистем. К 22 июня во всей Красной Армии числилось 14,9 тыс. противотанковых пушек и 17,9 тыс. гаубиц и пушек калибра более 76 мм. Как видим, уже к 22 июня количество тягачей превысило число орудий.

Но 22 июня 1941 г. оснащение Красной Армии военной техникой отнюдь не завершилось. Этот очевидный (казалось бы) факт яростно игнорировался в советской историографии. И тем не менее в ходе начавшейся 23 июня от-

крытой мобилизации Вооруженные Силы получили еще 31,5 тыс. тракторов и 234 тыс. автомобилей. В результате укомплектованность войск тракторами (тягачами) была доведена до 80% от штатной потребности, т.е. до тех самых двух тягачей на одну гаубицу.

Вопреки всеобщему заблуждению рация в Красной Армии тоже была. И далеко не одна. На начало января 1941 г. в Вооруженных Силах СССР числилось:

— фронтовых радиостанций 40 штук (т.е. 8 на каждый из пяти будущих фронтов);

— армейских 845 штук (полсотни на одну общевойсковую армию);

— полковых (5АК) 5909 штук (примерно 4 штуки на полк).

Самыми крупными в мире были и советские ВВС. По числу авиационных эскадрилий, летных экипажей и боеготовых самолетов советская авиация также имела значительное (а на южном и северном флангах огромного фронта — подавляющее) превосходство над Люфтваффе. В упомянутом выше докладе Ватутина от 13 июня 1941 г. сообщается о наличии *«всего 218 боеспособных (без учета новых, формирующихся. — М.С.) авиаполков»*. Правда, уже в следующем абзаце, где указано распределение этих сил по фронтам (именно этот термин, «фронт», использован в тексте от 13 июня), суммирование приводит к числу 225 авиаполков, т.е. 1125 эскадрилий. Чуть более половины этих сил было развернуто на Западном ТВД (применительно к событиям первых недель советско-германской войны под театром военных действий следует понимать небо над Карелией и Мурманском, Прибалтикой, Белоруссией, Правобережной Украиной, Молдавией и Крымом). Минимальные из имеющихся в нашем распоряжении цифр позволяют определить численность группировки советских ВВС (включая авиацию Балтийского и Черноморского флотов) в 136 авиаполков (**680 эскадрилий**), **7200 летных экипажей** (в том числе порядка 3,6 тыс. летчиков-истребителей). Противник (1, 2, 4-й и некоторые части 5-го воздушных флотов Люфтваффе) имел в своем составе 63 группы (авиаполка), т.е. **189 эскадрилий**, **2110 летных**

экипажей (в том числе 910 летчиков-истребителей). Соотношение по числу эскадрилий 3,6 к 1. По числу экипажей — 3,4 к 1. По числу летчиков-истребителей — 4 к 1. А за спиной группировки советской авиации, развернутой на Западном ТВД, стоял практически равный по численности (порядка 120 авиаполков) резерв во внутренних округах, в Закавказье и на Дальнем Востоке.

Самое неблагоприятное для советских ВВС соотношение сил сложилось в полосе наступления группы армий «Центр». Здесь сосредоточена самая мощная группировка Люфтваффе (2-й воздушный флот) и самая слабая группировка советской авиации (ВВС Западного фронта и 3-й дальнебомбардировочный корпус). Но даже и на этом направлении численное превосходство было на стороне советской авиации (по числу эскадрилий — 1,6 к 1, по числу экипажей — 1,4 к 1, по числу летчиков-истребителей — 1,5 к 1).

На северном и южном флангах (Прибалтика, Украина) численное превосходство советской авиации над немецкой было огромным. В полосе наступления группы армий «Юг» (4-й ВФ Люфтваффе) советские ВВС превосходили противника по истребителям в 5,4 раза, по экипажам бомбардировщиков — в 4,4 раза. В полосе наступления группы армий «Север» (1-й и часть сил 5-го ВФ Люфтваффе) соотношение численности летчиков-истребителей составляет 7,2 к 1, экипажей бомбардировщиков — 4,3 к 1. Хилые силы немецкой авиации были настолько малы — как в сравнении с численностью ВВС Красной Армии, так и в сравнении с прогнозами советской разведки, — что в докладе штаба Северо-Западного фронта №3, подписанном в 12 часов дня 22 июня 1941 г., утверждалось дословно следующее: *«Противник еще не вводил в действие значительных сил ВВС, ограничиваясь действием отдельных групп и одиночных самолетов».*

Мы не стали приводить цифры, характеризующие число боевых самолетов сторон, по двум причинам. Во-первых, потому, что самолет в военной авиации — это расходный материал. Причем весьма быстро расходуемый: средний срок «жизни» самолета на войне исчисляется двумя-тремя десятками боевых вылетов. После этого его или

сбивает противник, или он сам ломается в аварии, или его просто выводят из боевого состава на замену двигателей, реальный ресурс которых в боевых условиях не превышал 50 — 100 моточасов. Во-вторых, исправных самолетов в ВВС западных округов было гораздо больше, чем летчиков (советская авиация стремительно обновляла самолетный парк, и во многих авиаполках — особенно истребительных — скапливалось по два комплекта самолетов). Поэтому оценка соотношения сил по числу самолетов (вместо оценки по числу экипажей и эскадрилий) привела бы нас к совершенно астрономическим цифрам.

Несколько слов следует сказать и об авиации союзников Германии. В боевых действиях в небе Карелии участвовали два финских истребительных и один бомбардировочный полк, на вооружении которых было порядка 180 боевых самолетов. Румынские ВВС располагали 8 эскадрильями истребителей и 11 эскадрильями бомбардировщиков, на вооружении которых к началу войны было около 200 самолетов. Разумеется, финские и румынские ВВС не могли сколь-нибудь существенно повлиять на соотношение сил сторон и ход боевых действий, тем более что им предстояло действовать именно на тех участках общего фронта, где численное превосходство советской авиации было огромным. Тем не менее совсем сбрасывать со счетов их не следует. Прежде всего это относится к ВВС Финляндии, летчики которой накопили за три месяца ожесточенных воздушных боев «зимней войны» 1939 — 1940 гг. значительный боевой опыт. В целом можно предположить, что авиация союзников увеличила процентов на 10 боевой потенциал Люфтваффе.

Спустимся теперь с небес на землю и посмотрим на эту землю (точнее говоря — на географическую карту западных районов Советского Союза) пристальным взглядом. Война разворачивается, как всем известно, не на гладкой шахматной доске, а на реальной местности, с ее оврагами, ухабами, озерами, горами и болотами. И если никаких «наступательных» или «оборонительных» танков и самолетов нет и не было, то местность, напротив, может помогать или обороняющейся, или наступающей стороне. Это придумано не

нами, и термины «танконедоступная местность», «танкоопасное направление» давно и прочно заняли свое место в военной литературе. Это тем более верно и значимо для армий 40-х гг., в которых мотострелковые батальоны танковых дивизий передвигались не на гусеничных бронетранспортерах, а на обычных, «гражданских» грузовиках и трофейных автобусах; да и немецкие танки на своих узких гусеницах застревали после первого же дождя на той местности, которая в России называется «дорогой».

Обратившись к карте, мы увидим, что немецкая группа армий «Север» сразу же после перехода границы «утыкалась» в полноводную реку Неман, причем в ее нижнем (т.е. наиболее широком) течении. Далее, форсировав множество малых рек и речушек, немецкие дивизии примерно в 250 км от границы выходили на берег широкой судоходной реки Западная Двина (Даугава), причем опять же в ее нижнем течении. Еще через 200 — 250 км на пути к Ленинграду немецкие войска должны были форсировать реку Великая, к северу от которой дорогу на Ленинград намертво перекрывала система Чудского и Псковского озер. И это — самый лучший из предоставленных природой вариантов. Войска групп армий «Центр» и «Юг» ждали гораздо более серьезные препятствия.

Местность в полосе наступления 3-й и 2-й танковых групп (Южная Литва и Западная Белоруссия) совершенно «противотанковая». С севера Белостокский выступ прикрывает полоса непролазных болот в пойме лесной реки Бебжа, на юге граница была проведена по берегу судоходной реки Западный Буг (опять-таки в его нижнем течении). После форсирования Буга немцев ждали заболоченные берега реки Нарев и сплошной ряд лесных рек, притоков Припяти (Ясельда, Щара, Цна, Случь, Птичь). Немногочисленные дороги среди дремучих лесов и болот Западной Белоруссии представляют собой некое подобие горных ущелий: застрявшую (или подбитую) головную машину колонны не объехать и не обойти. Восточнее Минска полосу наступления группы армий «Центр» с севера на юг пересекают две полноводные реки, с которыми в свое время имел несчастье познакомиться Наполеон: Березина и Днепр.

Группа армий «Юг» могла начать вторжение практически лишь через узкий (100 — 120 км) «коридор» между городами Ковель и Броды. С севера этот коридор ограничен абсолютно непроходимой полосой болот Полесья, с юга — Карпатскими горами. Именно в этой полосе и наступали все немецкие танковые и моторизованные дивизии. На этом пути им предстояло форсировать Западный Буг, а затем — следующие один за другим с почти равными промежутками в 50 — 60 км южные притоки Припяти (Турья, Стоход, Стырь, Горынь, Случь). Южнее Карпат, в Молдавии и в степях юга Украины, местность, казалось бы, гораздо более благоприятная для наступающих войск — там нет ни лесов, ни болот. Зато есть три судоходные реки — Прут, Днестр, Южный Буг — в их нижнем течении. Наконец, на пути немецких и румынских войск неизбежно возникал могучий Днепр, форсирование которого в его нижнем течении представляет собой операцию, уже вполне сравнимую по сложности и рискованности с высадкой морского десанта. По сути дела, только к востоку от Днепра немецкие моторизованные соединения групп армий «Центр» и «Юг» выходили на местность, позволяющую осуществлять широкий и труднопредсказуемый оперативный маневр. Да только от границы до Днепра более 450 км. Это примерно соответствует размерам всей Германии от ее западной до восточной границы.

Препятствия, созданные самой природой, дополнились и многократно усиливались препятствиями рукотворными. Вдоль западной границы Советского Союза, от Балтики до Черного моря, протянулась сплошная полоса укрепрайонов «линии Молотова»: Тельшайский, Шауляйский, Каунасский, Алитусский, Гродненский, Осовецкий, Замбровский, Брестский, Ковельский, Владимир-Волынский, Рава-Русский, Струмиловский, Перемышльский, Верхне-Прутский и Нижне-Прутский. К 22 июня 1941 г. в Западном ОВО было построено (по разным источникам) от 332 до 505 ДОТов, в Киевском ОВО — порядка 375. Вдвое большее число ДОТов находилось еще в стадии строительства. Например, в Брестском УРе было построено 128 ДОТов и еще 380 должны были быть сданы строителями к 1 июля 1941 г.

В Рава-Русском УРе было построено 95 ДОТов и еще 306 находились в стадии строительства. В среднем на основных оперативных направлениях «линии Молотова» на каждом километре стояло три врытых в землю бетонных бункера, стены которых выдерживали прямое попадание снаряда тяжелой полевой гаубицы, причем один из них — полностью построенный и оборудованный.

На глубине в 200 — 300 км от границы располагались укрепрайоны «линии Сталина»: Кингисеппский, Псковский, Островский, Себежский, Полоцкий, Минский, Слуцкий, Мозырьский, Коростеньский, Новоград-Волынский, Шепетовский, Изяславский, Староконстантиновский, Остропольский, Летичевский, Каменец-Подольский, Могилев-Ямпольский, Рыбницкий, Тираспольский. Количество ДОТов в составе одного У Ра было различным и находилось в диапазоне от 206 до 455. Плотность — от 2 до 3 ДОТов на 1 км фронта. По количеству и составу вооружения, по качеству железобетона, по оснащенности специальным оборудованием (фильтро-вентиляционные установки, проводная и радиосвязь, электрооборудование, оптические приборы) любой из этих ДОТов по меньшей мере не уступал оборонительным сооружениям пресловутой «линии Маннергейма». Вопреки легенде, тиражировавшейся многие десятилетия, ДОТы «линии Сталина» никто перед войной не взрывал и землей не засыпал. Напротив, 25 мая 1941 г. вышло очередное постановление правительства о мерах по реконструкции укрепрайонов на «старой» границе. Некоторые ДОТы «линии Сталина» целы и по сей день. Перевезти с них вооружение на «линию Молотова» никто не планировал, да это было и невозможно в принципе: ДОТы на «старой» границе были на 9/10 пулеметными, в то время как на новой границе ДОТов должно было быть в полтора раза больше (5807 против 3279), и половина из них должна была вооружаться артиллерийскими орудиями.

Подведем первые итоги. Факты, перечисленные выше, уже *несут* в себе достаточно информации для того, чтобы дать простые и точные ответы на вопросы, по которым де-

сятки лет велась ожесточенная дискуссия. Например, вопрос №1. Почему Сталин проспал нападение? Почему он не внял пресловутым «предупреждениям» Черчилля и Зорге? Почему не объявил мобилизацию? Почему «не двинул войска к границе»?

А почему он не должен был спокойно спать в ночь с 21 на 22 июня? В ночь перед экзаменом не спит и лихорадочно листает учебники двоечник, который весь семестр бездельничал и не учился. Сталин не был бездельником. Многие годы он работал до поздней ночи (или раннего утра), лично решая тысячи вопросов, связанных с созданием, оснащением, вооружением, обучением крупнейшей армии мира. Эта армия была создана. Она была больше любой европейской армии. Она была вооружена таким количеством танков и самолетов, которых не было у всех противников Сталина, вместе взятых. На западе страны, по берегам могучих рек было выстроено два ряда мощнейших укреплений, на которых — товарищ Сталин доподлинно знал это из опыта финской войны — даже численно ничтожная армия может неделями сдерживать натиск наступающего противника. Но его армия не была «численно ничтожной». Даже в Первом стратегическом эшелоне она превосходила по численности ту группировку Вермахта, которую выявила (как мы теперь знаем — с некоторым преувеличением) его разведка. Так почему же Сталин должен был не спать? Метаться с потухшей трубкой по кабинету? Принимать какие-то судорожные решения, ломающие давно и тщательно проработанный Большой план? Объявлять открытую (!!!) мобилизацию, на сто лет вперед лишая себя возможности предстать перед всем миром в роли невинной жертвы вероломного нападения?

Вопрос №2. «А вот если бы Директиву № 1 отправили в войска на день, на час, на полчаса раньше... А если бы Молотов выступил не в 12 часов дня, а в 9 часов утра... А если бы командующий Западным фронтом объявил боевую тревогу тогда же, когда и командующий Южным фронтом (т.е. на 4 часа раньше)... И вот тогда бы...»

Ничего бы не изменилось. Ни на оперативном, ни — тем более — на стратегическом уровне. Даже если бы мы ничего не знали про реальный ход боевых действий, даже

если бы мы не знали о том, что самые крупные поражения 1941 г. (Киевский и Вяземский котлы) состоялись не в первый день, не в первую неделю и даже далеко не в первый месяц войны, даже если бы мы забыли о том, что разгром советских войск в Крыму и под Харьковом весной 1942 г. был ничуть не менее сокрушительным, нежели поражения и разгромы 41-го, даже ничего этого не зная, мы могли бы твердо утверждать, что ничего судьбоносного 22 июня 1941 г. не произошло. Потому что не могло произойти. Не тот масштаб. Не тот пространственный размах. Уничтожить одним первым ударом армию, имеющую в своем составе три сотни дивизий, десятки тысяч танков и самолетов, разбросанных на гигантских пространствах Советского Союза, можно было, только массированно применив ракетно-ядерное оружие. Но атомной бомбы у Гитлера не было. Баллистические ракеты «Фау-2» и реактивные бомбардировщики существовали летом 1941 г. лишь в виде чертежей. К счастью для всех нас, надолго «оттянуть» начало войны с Советским Союзом Гитлеру не удалось. В результате из 117 дивизий армии вторжения три четверти были пехотными. С артиллерией на конной тяге. Солдаты Вермахта переходили пограничные реки пешком. По мостам, которые еще надо было навести (или захватить и удержать). Расчетный темп марша (марша, а не наступления!) пехотной дивизии — 20 км в день. Без учета времени, потребного на форсирование рек, и без учета сопротивления противника, который в боевых действиях тоже участвует. Добавим к этому максимальную дальность стрельбы основных систем немецкой полевой артиллерии (10 — 20 км), и мы получим величину максимально возможной глубины «зоны поражения 22 июня». По меньшей мере, 4/5 всех дивизий Красной Армии находились вне этой зоны, на расстоянии в 50 — 500 — 5000 километров от границы. О начале войны они узнали из выступления Молотова по радио (как об этом и повествуется в сотнях мемуаров). И уж тем более не могли стать жертвами «первого уничтожающего удара» те 14 миллионов резервистов, которые надели солдатские шинели после объявления всеобщей мобилизации 23 июня 1941 г.

2. ЦЕНА И РЕЗУЛЬТАТ

Закончив с обсуждением того, чего не было, обратимся теперь к истории реальных событий.

Задача, поставленная перед Вермахтом по плану «Барбаросса» (*«основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев...»*), была выполнена уже к середине июля 1941 г. Войска Прибалтийского и Западного военных округов (более 70 дивизий) были разгромлены, уничтожены или взяты в плен. То же самое произошло и с 60 дивизиями, введенными в состав Северо-Западного и Западного фронтов уже в период с 22 июня по 9 июля. Через большую часть укрепрайонов «линии Молотова» и «линии Сталина» немцы прошли, даже не обратив внимания на серые бетонные коробки ДОТов. Через другие — прорвались с боями, продолжавшимися не более двух-трех дней (речь идет именно о прорыве фронта укрепрайона, а не о сопротивлении некоторых гарнизонов, которые удерживали ДОТы Гродненского, Брестского, Осовецкого УРов до 27 — 30 июня 1941 г.). Противник занял Литву, Латвию, почти всю Белоруссию, форсировал Буг, Неман, Западную Двину, Березину и Днепр. 16 июля немцы заняли Смоленск. Две трети расстояния от западной границы до Москвы были пройдены менее чем за месяц. Войска Юго-Западного фронта в беспорядке отступили за линию старой советско-польской границы, в середине июля 1941 г. танковые части Вермахта заняли Житомир и Бердичев, вышли к пригородам Киева.

Практически вся техника и тяжелое вооружение войск западных округов были потеряны. К 6 — 9 июля войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов потеряли **11,7 тыс. танков, 19 тыс. орудий**. Потери авиации уже к концу июля достигли цифры в **10 тыс.** самолетов, т.е. превысили исходную численность группировки советских ВВС на Западном ТВД. Особенно тяжелые, практически невозполнимые потери понесли танковые войска. Главная ударная сила Красной Армии — огром-

ные, вооруженные лучшими в мире танками Т-34 и КВ механизированные корпуса — просто растаяла, исчезла, оставив после себя груды брошенных танков, бронемашин, грузовиков и автоцистерн, запрудивших все дороги Литвы, Белоруссии и Западной Украины. Уже 15 июля 1941 г. остатки мехкорпусов были официально расформированы.

То, что советские историки скромно называли «неудачей приграничного сражения», означало на самом деле полный разгром Первого стратегического эшелона Красной Армии (по числу дивизий превосходившего любую армию Европы, а по количеству танков превосходившего их все, вместе взятые). К 7 — 10 июля 1941 г. немцы заняли (точнее сказать — прошли) территорию площадью в 700 тыс. кв. км, что примерно в три раза больше территории Польши, оккупированной Вермахтом в сентябре 1939 г. Правда, вскоре немецкому командованию пришлось узнать, что окруженные и разгромленные армии четырех западных округов (Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского) представляли собой лишь часть *«основных сил русских сухопутных войск»*. А на место разбитых дивизий из глубин огромной страны подходили все новые, новые и новые соединения. Все это бесчисленное воинство было разгромлено, окружено и пленено в новых котлах: у Смоленска и Рославля, Умани и Киева. К концу сентября 1941 г. Красная Армия только в ходе семи основных стратегических операций потеряла **15 500 танков, 66 900 орудий и минометов, 3,8 млн единиц стрелкового оружия**. Еще через месяц немцы захватили Харьков, Одессу и Крым, вышли к Москве и Тихвину.

Теперь взглянем на ситуацию первых недель войны с другой стороны. Какую цену заплатил вермахт за свой (скажем прямо — феноменальный) успех? *«Общие потери, — пишет начальник Штаба сухопутных войск Ф. Гальдер, — к 6.7.41 г. составляют: раненых — 42 755 (1588); убитых — 13869 (829); пропавших без вести — 5010 (81); итого — 61634 (2498). Цифры в скобках показывают потери в офицерском составе, в общее число потерь они не включены»*.

Если перевести данные Гальдера в более привычный для нас вид (объединив солдат и офицеров), то получают следующие цифры потерь вермахта:

—19,8 тыс. убитых и пропавших без вести;

—44,3 тыс. раненых.

Итого: **64 тыс.** солдат и офицеров.

Много ли это? Все познается в сравнении. Для начала сравним потери первых недель советско-германской войны с потерями Вермахта в Польше (сентябрь 1939 г.) и Франции (май — июнь 1940 г.).

Война в Польше: 14 тыс. убитых и пропавших без вести, 30 тыс. раненых, общие потери — **44 тыс.** человек.

Война во Франции: 45 тыс. убитых и пропавших без вести, **111 тыс.** раненых, общие потери — **156 тыс.** человек.

Эти цифры взяты из известной монографии Типпельскирха. По уточненным данным, представленным в столь же хрестоматийно известной работе Мюллер-Гиллебранда, в Польше Вермахт потерял безвозвратно 17 тыс. человек, а во Франции — 49 тыс. человек.

В принципе картина ясная, но некоторые пояснения все же необходимы. Польская армия по числу дивизий уступала советским войскам западных военных округов в пять раз. Техническая оснащенность польской армии 1939 г. и Красной Армии 1941 г. просто несопоставимы. Атакованная с трех сторон (с запада, из Восточной Пруссии, из занятой немцами Чехии) польская армия практически осталась без тыла, да еще и получила сокрушительный удар «сталинского топора» в спину. *«Польское государство, правители которого всегда проявляли так много заносчивости и бахвальства, — кричал 7 ноября 1939 г. с трибуны Мавзолея нарком обороны Ворошилов, — при первом же военном столкновении разлетелось, как старая сгнившая телега...»* И тем не менее потери Вермахта в Польше оказались немногим меньше тех, что понесли немцы при разгроме войск западных округов Советского Союза. Потери же Вермахта во Франции (как общие, так и безвозвратные) в ходе того, что отечественные историки и по сей день не стесняются называть «триумфальным маршем», были в **2,5 раза больше**, чем потери на Восточном фронте к 6 июля 1941 г. И это при том, что вся французская армия была по числу людей, дивизий, танков и самолетов меньше Первого стратегического эшелона Красной Армии,

а главные события войны с Францией произошли на «пятачке» Нормандии и Фландрии, с максимальными расстояниями в 300 км по фронту и 250 км в глубину. Это примерно соответствует размерам Литвы, которую одна из трех, самая малочисленная, группа армий «Север» заняла за одну неделю июня 1941 г.

Заслуживают краткого упоминания и результаты войны в воздухе. За первые три недели войны на Западном фронте (с 10 по 31 мая 1940 г.) безвозвратные потери Люфтваффе (самолеты всех типов) составили 978 машин. За первые три недели войны на Восточном фронте (с 22 июня по 12 июля 1941 г.) безвозвратные потери Люфтваффе (самолеты всех типов) составили: по так называемым «уточненным данным» — 550 самолетов, по простому суммированию еженедельных сводок штаба Люфтваффе — 473 самолета, т.е. в два раза меньше, чем в небе Франции.

В целом за все время кампании на Западе (с 10 мая по 24 июня) Люфтваффе потеряли на Западном фронте 1401 самолет безвозвратно, и еще 672 было повреждено. За сопоставимый промежуток времени (с 22 июня по 2 августа 1941 г.) потери немецкой авиации на Восточном фронте составили 968 сбитых и 606 поврежденных самолетов.

Таким образом, потери Люфтваффе на Западном фронте были — в любом из рассматриваемых интервалов времени — выше, чем на Восточном. В тот период (май 1940 г.), когда французская авиация и базирующиеся во Франции английские истребители (суммарно 700 — 750 летчиков) еще имели возможность для организованного сопротивления, немецкие потери были в 2 раза больше, чем за первые три недели боевых действий на Востоке. Остается еще раз напомнить, что только в составе ВВС западных округов было 3,6 тыс. летчиков-истребителей (почти в пять раз больше, чем у союзников), и состав группировки советской авиации непрерывно увеличивался.

Все познается в сравнении. Сравним теперь потери Вермахта с его численностью. Тот же Гальдер неоднократно определяет численность группировки немецких сухопутных войск на Востоке в 3,2 млн человек. Таким образом, к 6 июля 1941 г. потери составили ровно 2% от об-

шей численности. Это, безусловно, не малые, а очень малые потери.

Даже тем, кто не закончил военную академию, должно быть понятно, что армия, которой пришлось сломить «упорное сопротивление противника», несет совсем другие потери. Поясним это тремя конкретными примерами.

Халхин-Гол. Численность группировки советских войск: три стрелковые дивизии, шесть танковых и мотоброневых бригад, 57 тысяч человек личного состава. Численность японских войск отечественные историки определяют в 75 тысяч человек (т.е. 5 «расчетных дивизий»). Активные боевые действия продолжались всего семь дней (с 23 по 30 августа 1939 г.). В сравнении с войной, в которую две огромные, многомиллионные, армии вступили 22 июня 1941 г., конфликт на Халхин-Голе выглядит забытым мелким эпизодом. Тем не менее потери Красной Армии составили 40% от общей численности группировки (8 тыс. убитых и пропавших без вести, 15 тыс. раненых). Сразу же отметим и то, что потери Красной Армии на Халхин-Голе оказались всего лишь в три раза меньше потерь, понесенных Вермахтом в боях со 150 советскими дивизиями!

Операция «Багратион» (разгром немецких войск в Белоруссии летом 1944 г.). Численность группировки советских войск: 156 стрелковых, 12 кавалерийских дивизий, 2 стрелковые, 18 танковых и механизированных бригад, 2332 тыс. человек личного состава. Потери составили 33% от общей численности (179 тыс. убитых и пропавших без вести, 587 тыс. раненых и больных).

Львовско-Сандомирская операция (освобождение Западной Украины летом 1944 г.). Потери Красной Армии (65 тыс. убитых и пропавших без вести, 224 тыс. раненых и больных) составили 29% от общей численности группировки.

В целом, при освобождении Прибалтики, Белоруссии, западных областей Украины, Молдавии (в отечественной историографии это называется Прибалтийская, Белорусская, Львовско-Сандомирская и Яско-Кишиневская стратегические наступательные операции) Красная Армия по-

теряла **1400 тыс.** человек (318 тыс. убитых и пропавших без вести, 1084 тыс. раненых и заболевших). Уточним, что здесь не учтены потери Красной Армии в еще двух операциях по освобождению Западной Украины: Ровно-Луцкой и Проскурово-Черновицкой, данными по которым автор не располагает. Сравнивая эти страшные цифры с потерями, которые понес Вермахт при оккупации тех же самых территорий в июне — начале июля 1941 г., мы обнаруживаем, что общие потери наступающей Красной Армии оказались **в 22 раза больше** потерь наступавшего летом 1941 г. на той же местности Вермахта.

Наконец, следует сопоставить потери Вермахта (64 тыс. убитых и раненых) с потерями Красной Армии. Войска Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов в период с 22 июня по 6 — 9 июля потеряли **749 тыс.** человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Эта цифра не включает потери Северного фронта (Ленинградский ВО) и Южного фронта (Одесский ВО), которые начали активные боевые действия, соответственно, 29 июня и 2 июля. Но даже и без учета потерь этих фронтов соотношение потерь наступающего (причем очень успешно, по 20 — 30 км в день, наступающего) Вермахта и обороняющейся Красной Армии составляет 1 к 12. Это есть «чудо», не укладывающееся ни в какие каноны военной науки. По здравой логике — и по всей практике войн и вооруженных конфликтов — потери наступающего должны быть больше потерь обороняющегося. Соотношение потерь 1 к 12 возможно разве что в случае, когда белые колонизаторы, приплывшие в Африку с пушками и ружьями, наступают на «противника», вооруженного копьями и мотыгами. Но летом 1941 г. на западных границах СССР была совсем другая ситуация: обороняющаяся сторона не уступала противнику ни в численности, ни в вооружении (уже один только факт потери 19 тыс. орудий говорит о том, что пушки эти были), значительно превосходила его в средствах нанесения мощного контрудара — танках и авиации, да еще и имела возможность построить свою оборону на системе мощных естественных преград и долговременных оборонительных сооружений.

Не менее красноречивы и цифры, характеризующие соотношение потерь боевой техники. Как было уже отмечено выше, к концу сентября 1941 г. Красная Армия потеряла 15,5 тыс. танков. Потери танковых дивизий Вермахта (правда, не к концу месяца, а к 5 — 6 сентября) составили: 285 легких Pz-II, 471 чешский Pz-35/38(t), 639 средних Pz-III и 256 «тяжелых» Pz-IV. Всего 1651 танк. Это общая цифра потерь, включающая в себя как безвозвратно списанные машины, так и те танки, которые находились в ремонте. Но даже при таком, не вполне корректном, сравнении соотношение потерь сторон составляет 1 к 9. Подсчет, проведенный с учетом только безвозвратных потерь, увеличивает эту пропорцию почти вдвое.

Весьма показательны и соотношение потерь танков на южном фланге советско-германского фронта. Дело в том, что на вооружении восьми мехкорпусов Юго-Западного фронта накануне войны числилось 833 новейших танка Т-34 и КВ — больше, чем было всяких разных в составе пяти танковых дивизий 1-й танковой группы Вермахта (728 танков). Длинноствольная 76-мм пушка Ф-34, установленная на советских танках Т-34 и КВ, пробивала лобовую броню самых защищенных немецких танков (Pz III серии J, Pz IV серии F) на дистанции в 1000 — 1200 метров. Легкие танки с противопульным бронированием (а таковых в составе 1-й ТГр было 319 единиц) снаряд пушки Ф-34 пробивал сквозь два борта. С другой стороны, ни один танк Вермахта не мог поразить Т-34 даже с 500 м. Строго говоря, в составе 1-й ТГр было 255 танков Pz-III, вооруженных 50-мм пушкой, которая могла специальным подкалиберным снарядом с сердечником из карбида вольфрама (бронепробиваемость — до 65 мм на дистанции 300 м) поразить Т-34, но из-за дефицита вольфрама такие боеприпасы были большой редкостью. Ну а против 48-тонного монстра КВ с лобовой броней 95 мм и бортовой 75 мм любые немецкие танки были просто безоружны. Таким образом, огромный количественный перевес танковых войск Юго-Западного фронта дополнялся абсолютным качественным превосходством. Тем не менее Ю-3. ф. уже к 6 июля потерял 4381 танк. Потери же 1-й танковой груп-

пы к концу августа составляли: 183 танка потеряно безвозвратно и 198 находились в ремонте. Соотношение безвозвратных потерь 1 к 24.

1 к 24. Две эти цифры дают простой ответ на вопрос о том, «что было бы, если бы удалось оттянуть...». В советской историографии этим словом обозначают перенос даты начала советско-германской войны на более поздний срок. Каковой перенос якобы позволил бы «завершить перевооружение армии». Не говоря уже о том, что полностью и окончательно «завершить перевооружение» может только разгромленная армия, сама идея «оттягивания» абсурдна в принципе. Да, конечно, 15 минут дополнительного времени футбольного матча могут гарантированно привести к победе. Но при одном условии: если вся команда противника сядет на скамеечку и позволит вам забивать голы в пустые ворота. А если нет? А если противник тоже постарается использовать каждую из этих 15 минут для укрепления своей обороны и штурма ваших ворот? В начале 40-х гг. Германия стремительно догоняла Советский Союз по качеству и техническому совершенству своей боевой техники. К концу войны — несомненно, обогнала. Обогнала в условиях экономической блокады и среди развалин городов, дотла разрушенных ударами англо-американской авиации. А что было бы на вооружении Вермахта и Люфтваффе, если бы Гитлер и вправду смог оттянуть начало войны против СССР? Возвращаясь от сослагательного наклонения к реальной истории, мы видим, что перевооружение танковых дивизий Киевского округа новейшими танками ничего не изменило ни в ходе боевых действий, ни в динамике потерь техники.

Два поколения советских (а теперь уже и российских) историков вели непримиримую борьбу с советскими танками 1941 г. Их просто смешали с грязью (не на поле боя, разумеется, а на бумаге). Было «доподлинно установлено», что все танки были поломанные, безнадежно устаревшие, изношенные, с ничтожным остатком в 100 — 150 часов моторесурса. Шестеренки были слишком хрупкими, пальцы гусеничных траков — слишком мягкими, фильтры не фильтровали, перископы не перископили... Короче говоря,

на них не то что воевать — проехать 50 км из пункта А в пункт Б было невозможно. Просто диву даешься — как эти безнадежные «тридцатьчетверки» простояли на вооружении многих армий мира до середины 60-х гг. К счастью, борьба эта была бескровной. К несчастью, она имела вполне конкретные, ощутимые экономические последствия. Два поколения советских генералов было воспитано и обучено в военных академиях на мифе о том, что катастрофа 41-го г. случилась из-за технической отсталости Красной Армии.

Советские генералы не хотели повторения катастрофы и полвека давили на партийную верхушку, требуя окончательно и бесповоротно «перевооружить» Советскую Армию так, чтобы и друзья боялись. В результате Советский Союз рухнул и исчез с политической карты, имея на вооружении — кроме всего прочего — 30 тысяч лучших в мире танков...

Подробный анализ тактико-технических характеристик советских танков, самолетов, орудий и артиллерийских тягачей, серьезное и беспристрастное сравнение их с техникой противника далеко выходят за рамки этой статьи. Не будем даже пытаться «объять необъятное». Возьмемся лучше за винтовку.

На стр. 367 многократно упомянутого нами статистического сборника «Гриф секретности снят» написано, что в 1941 г. Красная Армия потеряла **6 290 000 единиц** стрелкового оружия. Самое распространенное «стрелковое оружие» 1941 г. — трехлинейная винтовка Мосина. Оружие это было и осталось непревзойденным образцом надежности и долговечности. «Трехлинейку» можно было утопить в болоте, зарыть в песок, уронить в соленую морскую воду — а она все стреляла и стреляла. Вес этого подлинного шедевра инженерной мысли — 3,5 кг без патронов. Это означает, что любой молодой и здоровый мужчина (а именно из таких и состояла летом 1941 г. Красная Армия) мог без особого напряжения вынести с поля боя 3 — 4 винтовки. А уж самая захудалая колхозная кобыла, запряженная в простую крестьянскую телегу, могла вывезти в тыл сотню «трехлинеек», оставшихся от убитых и раненых бой-

цов. И еще. Винтовки «просто так» не раздают. Каждая имеет свой индивидуальный номер, каждая выдается персонально и под роспись. Каждому, даже самому «молодому» первогодку, объяснили, что за потерю личного оружия он пойдет под трибунал. Как же могли пропасть шесть миллионов винтовок и пулеметов?

Не будем упрощать. На войне как на войне. Не всегда удается собрать на поле боя все винтовки до последней. Не каждый грузовик и не каждый вагон с оружием в боевой обстановке доходит до места назначения. Наконец, какое-то количество винтовок и автоматов на самом деле могло быть испорчено огнем, взрывом, заполярным холодом. Можно ли ориентировочно оценить размер таких «нормальных» потерь стрелкового оружия? Разумеется, можно. Поработав несколько минут с калькулятором и все тем же сборником «Гриф секретности снят», мы выясняем, что в 1944 — 1945-м гг. один миллион солдат «терял» в месяц 36 тысяч единиц стрелкового оружия. Следовательно, за шесть месяцев 1941 г. «нормальные» потери не должны были бы превысить 650 — 700 тысяч единиц. Фактически потеряно — 6,3 млн. Налицо «сверхнормативная» утрата более **5,6 млн** единиц стрелкового оружия.

Столь же «ненормальными» оказались и потери других видов вооружения. Так, за шесть месяцев 1941 г. было потеряно 24 400 орудий полевой артиллерии (в эту цифру не вошли противотанковые пушки и минометы), что составило 56% от общего ресурса. А за 12 месяцев 1943 г. потеряно 5700 орудий (9,7% ресурса). Таким образом, «среднемесячные» потери 1941 г. оказались в **8,5 раза больше**, чем в году 43-м. Еще более показательными являются пропорции потерь орудий противотанковой обороны. По состоянию на 22 июня 1941 г. в Красной Армии числилось

14 900 противотанковых пушек (на самом деле еще больше, так как составители сборника «Гриф секретности снят» почему-то не учли 76-мм и 88-мм пушки, стоявшие на вооружении ПТАБов). В дополнение к этому колоссальному количеству (**по 5 пушек против одного немецкого танка**) за шесть месяцев 1941 г. советская промышленность передала в войска еще 2500 противотанковых пу-

шек. Итого — общий ресурс в 17 400 единиц, из которого 70% (12 100 пушек) было потеряно. А за весь 1943 г. — за все его 12 месяцев — потеряно 5500 противотанковых пушек, что составило всего лишь 14,6% от общего ресурса 43-го г. В качестве примера для сравнения 1943 год выбран не случайно. Это год грандиозных танковых сражений на Курской дуге, это тот год, когда немцы начали массовое производство тяжелых танков «Тигр» и «Пантера», против которых наши «сорокапятки» (а именно они все еще составляли 95% от общего ресурса 1943 г.) были совершенно беспомощны. И тем не менее в 1943 г. Красная Армия теряла по 460 пушек в месяц, а в 1941 г. — в то время, когда два из трех немецких танков на Восточном фронте были легкими машинами с противопульным бронированием, — по 2000 в месяц. **В 4,5 раза больше.** Но и это — абсолютно неверный подсчет. Не было никакой «равномерной» потери по две тысячи пушек каждый месяц. Была массовая потеря большей части всего противотанкового вооружения в первые недели войны — и бутылки с горючей смесью КС, которые были официально приняты на вооружение Красной Армии и запущены в серийное производство уже через месяц после начала боевых действий.

Приведенные цифры настолько невероятны, что сразу же возникает резонный вопрос: «А верны ли они?»

В том, что касается учета потерь личного состава, на этот вопрос можно ответить твердым «нет». Потери личного состава Красной Армии, приведенные в статсборнике Г.Ф. Кривошеева, явно занижены. Проиллюстрируем это следующим конкретным примером. На стр. 162 указанного сборника сообщается, что войска Северо-Западного фронта (численность которых к началу боевых действий определена составителями в 440 тыс. человек) до 9 июля потеряли 87 208 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. 20% от первоначальной численности. Может ли эта цифра соответствовать действительности? Конечно, нет. Все имеющиеся в нашем распоряжении документы, мемуары, исследования с абсолютным единодушием сви-

детельствуют — фронт был разгромлен. Разгромлен наголову. Приведем лишь несколько отрывков из донесений, которые командование С-З.ф. посылало в Москву:

28 июня «...8-я армия, понесшая 40% и более потерь, отходит на северный берег Западная Двина.

2-я танковая дивизия, видимо, погибла. Положение 5-й танковой дивизии и 84-й моторизованной дивизии не знаю.

11-я армия как соединение не существует.

Положения 5, 33, 188, 128, 23 и 126-й стрелковых дивизий не знаю...»

29 июня «...у Двинск наши силы: две воздушно-десантные бригады, из коих одна фактически не существует из-за понесенных потерь, два сводных полка, сформированных из оставшихся, остатки 2-й танковой дивизии без единого танка и 46-я моторизованная дивизия 21-го механизированного корпуса — всего 1000 человек...»

2 июля «...5-я танковая дивизия 24.6. в районе Вильнюс была окружена противником и рассеялась. Оставшиеся бойцы и командиры только 26.06.41 г. стали появляться в районе Полоцк и 30.06.41 г. в районе Псков. Мат. часть боевых машин полностью уничтожена или оставлена на территории противника...

2-я танковая дивизия... попала в окружение, и больше сведений о ней не было. Сейчас, так же как и в 5-й танковой дивизии, остатки собираются в районе Псков и Полоцк.

84-я моторизованная дивизия... подверглась сильной бомбардировке авиацией противника и впоследствии окружена и дралась в окружении до 25.6. Сведений о ней нет, встречаются в различных пунктах отдельные красноармейцы...»

3 июля «...состояние частей 8-й армии характеризуется следующими данными:

10-я стрелковая дивизия: 98-й стрелковый полк почти полностью уничтожен; от 204-го стрелкового полка осталось 30 человек без материальной части; 30-й артиллерийский полк имеет одно орудие; 140-й гаубичный артиллерийский полк из 36 орудий потерял 21...

Части и управление 90-й стрелковой дивизии до сих пор найти не удалось. Отдельные бойцы дивизии присоединены к частям 10-й стрелковой дивизии.

Данные о состоянии остальных частей армии не поступили...

...Состав соединений 12-го механизированного корпуса на 3.7.41 г.:

23-я танковая дивизия — 10 танков, 150 человек пехоты, снарядов не имеет;

28-я танковая дивизия — 22 танка, мотострелковый полк почти в полном составе;

202-я моторизованная дивизия — около 600 человек...»

Как же можно совместить такие рапорты с утверждением о потере «всего лишь» (простите за цинизм) 20% от исходной численности личного состава? Впрочем, в упомянутом статистическом сборнике есть еще стр. 368. На ней мы читаем, что в тот же самый период, с 22 июня по 9 июля, С-3, ф. потерял 341 тыс. единиц стрелкового оружия. Вот это уже позволяет оценить с некоторой долей достоверности реальные потери...

Постоянный недоучет числа потерь (главным образом «пропавших без вести») привел к тому, что в итоговой таблице № 69 на стр. 146 общее число пропавших без вести в 1941 г. определено в 2 335 482 человека. И это при том, что общепризнанная, основанная на давно рассекреченных и всесторонне изученных документах Вермахта оценка числа советских пленных 1941 г. составляет 3,8 млн человек. Не претендуя на абсолютную точность, попытаемся оценить общие потери Красной Армии в 1941 г. Решать эту задачу будем, забыв на минуту о том, что речь идет о миллионах загубленных людей. Просто как задачу про бассейн, в который по одной трубе вливается, из другой — выливается. Известно (все тот же статистический сборник Кривошеева, стр. 152), что среднемесячная численность действующей армии к концу 1941 г. не только не увеличилась, но даже несколько снизилась (2 818 500 против 3 334 400). Единственно возможное объяснение такой динамики: потери превысили численность пополнения (из бассейна вылилось больше, чем влилось).

Какие же людские ресурсы получила во второй половине 1941 г. Красная Армия? Всего было мобилизовано 14 млн человек. Разумеется, далеко не все они попали в дей-

ствующую армию. Действующая армия — это только одна из составляющих вооруженных сил. Есть еще тыловые и учебные части, испытательные полигоны, есть склады и базы, госпитали, тыловые аэродромы. Например, в Германии при общей численности вооруженных сил рейха в 7,25 млн чел. в частях и соединениях действующей армии (на всех фронтах) в июне 1941 г. было 3,8 млн (52%). В СССР на протяжении трех последних лет войны доля личного состава действующей армии составляла 57 — 58% от общего числа военнослужащих. Можно обоснованно предположить, что такие же цифры применимы и к распределению людских ресурсов в 1941 г. В таком случае из общего числа 14 млн человек, призванных по мобилизации, в состав действующей армии должно было поступить не менее 8 млн человек. И это — минимальная оценка. Не будем забывать о том, что в состав действующих фронтов летом 1941 г. вошли еще и армии Второго стратегического эшелона, затем — войска ранее считавшихся тыловыми внутренних округов, а в конце года — части Дальневосточного фронта.

Такая простая арифметика приводит нас к тому, что Красная Армия потеряла в 1941 г. как минимум **8,5 млн человек** ($3\ 334\ 400 + 8\ 000\ 000 - 2\ 818\ 500 = 8,5$ млн). А теперь — самое главное: из каких же составляющих сложилась эта кошмарная цифра?

Наиболее достоверными (по мнению автора) являются данные по количеству раненых, поступивших на лечение в госпитали. В глубоком тылу и порядка было больше, и учет был но меньшей мере двойной (и при поступлении, и при выписке). Так вот, все санитарные потери действующей армии (раненые и заболевшие) авторы сборника «Гриф секретности снят» определили в 1314 тыс. человек. Исходя из постоянного для всех войн XX века соотношения раненых и убитых как 3 к 1, можно предположить, что 450 тыс. человек погибло на поле боя.

Фактически — точнее говоря, по сводкам штабов частей и соединений действующей армии — число убитых и умерших от ран в госпиталях составило 567 тыс. человек. Даже если предположить самое худшее — пи один ране-

ный до конца 1941 г. так и не вернулся в строй — и прибавить к числу убитых и умерших все санитарные потери (1314 тысяч), то получается, что учтенные боевые потери 1941 г. (т.е. убитые и раненые) составляют не более 2,0 млн человек. Еще 6,4 млн бойцов и командиров «пропали без вести».

6,4 миллиона. Столько, сколько было в действующей армии 22 июня 1941 г., и еще раз столько.

Разумеется, термин «пропавшие без вести» является эвфемизмом, призванным заменить другие, гораздо менее благозвучные термины. «Типовая схема» разгрома и исчезновения воинской части Красной Армии известна. Известна из великого множества документов, воспоминаний, книг.

Пункт первый. Раздается истошный крик: «Окружили!» Летом 1941 г. это незатейливое слово творило чудеса.

«Одно-единственное, редкое, почти неупотребляемое в мирной жизни, роковое слово правило несметными табунами людей, бегущих, бредущих, ползущих куда-то безо всяких приказов и правил...» (В. Астафьев)

Пункт второй. Потеря командира. Причины могли быть самые разные: погиб, ранен, уехал выяснять обстановку в вышестоящий штаб, застрелился, просто сбежал.

Пункт третий. Кто-то из «бывалых», взявший на себя командование обезглавленной воинской частью, принимает решение: прорываться на восток «мелкими группами». Все. Это — конец. Через несколько дней (или часов) бывший батальон (полк, дивизия) рассыпается в пыль и прах.

Пункт четвертый. Огромное количество одиноких «странников», побродив без толка, без смысла и без еды по полям и лесам, выходит в деревни, к людям. А в деревне — немцы. Те самые немцы, которых и должна была остановить рассыпавшаяся по лесам и полям дивизия. Дальше вариантов уже совсем мало: сердобольная вдовушка, лагерь для военнопленных, служба в «полицаях». Вот и все.

Каким словом вправе мы назвать этих людей? Дезертиры, изменники Родины, сдавшиеся в плен, захваченные в плен? Отнюдь не претендуя на то, чтобы подменять компетентные органы и давать персональные оценки, постараемся хотя бы ориентировочно оценить масштаб катастро-

фы (сама природа такого явления, как массовое дезертирство, исключает возможность точного, поименного учета).

Полученная нами чисто расчетным путем цифра в 6,4 млн «пропавших без вести» (т.е. пленных, дезертиров, не учтенных в донесениях штабов убитых и раненых) с приемлемой точностью коррелируется с другими, вполне достоверными сведениями. Например, с указанной выше цифрой потерь стрелкового оружия (6,3 млн единиц).

Далее. Немецкое военное командование зафиксировало пленение в 1941 г. **3,8 млн** бывших военнослужащих Красной Армии. Эта цифра, как справедливо уточняют советские историки, может быть несколько завышена за счет того, что в число пленных немцы включали и военных строителей (а в ряде случаев — и просто мужчин из числа гражданского населения, мобилизованного на рытье окопов и противотанковых рвов). Это верно, как верно и то, что речь идет всего лишь о единицах процентов от общего числа пленных. Никакой нужды в «вылавливании» гражданских строителей и зачислении их в число военнопленных Красной Армии у немцев не было. Более того, уже к концу июля 1941 г. поток военнопленных превысил возможности Вермахта по их охране и содержанию. Дело дошло до того, что 25 июля 1941 г. был издан приказ генерал-квартирмейстера № 11/4590, в соответствии с которым началось массовое освобождение пленных ряда национальностей (украинцев, белорусов, прибалтов). За время действия этого приказа, т.е. до 13 ноября 1941 г., было распущено по домам 318 770 бывших красноармейцев (главным образом украинцев — 277 761 человек).

По данным, приведенным все в том же сборнике «Гриф секретности снят» (т.е. по меньшей мере не завышенным в целях «злобного шельмования Красной Армии»), советское военное командование и органы НКВД обнаружили и осудили за дезертирство **376 тыс.** бывших военнослужащих. Еще **940 тыс.** человек было «призвано вторично». Этим странным термином обозначены те бойцы и командиры Красной Армии, которые по разным причинам «отстали» от своей воинской части и остались на оккупированной немцами территории. По мере наступления Крас-

ной Армии, в 1943 — 1944-м гг. они были повторно поставлены под ружье. При этом не следует забывать и о том, что исходное число «отставших» было значительно больше: кто-то погиб от нищеты, голода, обстрелов, расстрелов и бомбежек, кто-то пошел в партизаны и погиб в бою, кто-то записался в «полицай» и ушел вместе с отступающими частями Вермахта.

Вероятно, мы не сильно ошибемся, оценивая общее число дезертиров (если только этот термин вообще применим к ситуации массового развала армии) в **1,3 — 1,5 млн** человек. И эта цифра скорее занижена, чем завышена. На стр. 140 суммарное число всех категорий выбывшего личного состава Красной Армии — убитые, умершие, пропавшие без вести, пленные, осужденные и отправленные в ГУЛАГ (а не в штрафбат, который является частью армии), демобилизованные по ранению и болезни и «прочие» — не сходится с указанным на стр. 139 общим числом «убывших по различным причинам из Вооруженных Сил» на **2248 тыс.** человек. Сами составители сборника прямо объясняют такую нестыковку «значительным числом неразысканных дезертиров».

Арифметическая разница ($6,4 - 3,8 - 1,5 = 1,1$) может быть отражением неточности нашей оценки общего числа «пропавших без вести». Хорошо, если бы это было так. К несчастью, есть все основания предположить, что этот «ненайденный миллион» состоит из раненых, брошенных при паническом бегстве и не учтенных в донесениях с фронта убитых. По крайней мере, многие советские историки в своих сочинениях без тени смущения сообщали читателям о том, что «раненые, которых не удалось эвакуировать, были переданы на попечение местного населения». Стоит ли обсуждать вопрос о том, каким образом «местное население», в доме у которого не было ни медикаментов, ни даже лишнего стакана молока, могло взять на свое «попечение» тяжелораненых солдат? 17 ноября 1941 г. начальник Политуправления Западного фронта дивизионный комиссар Лестев в докладе «О политико-моральном состоянии войск» писал: *«Тяжелораненые или раненные в ноги, которые не могли идти и даже ползти, в лучшем случае остава-*

лись в деревнях или просто бросались на поле боя, в лесах и погибали медленной смертью от голода и потери крови. Все это происходило на глазах у людей и являлось одной из причин того, что многие красноармейцы и командиры стремились уклониться от боя, ибо в ранении видели неизбежность гибели». По сведениям, приведенным Г.Ф. Кривошеевым, 200 (двести) армейских госпиталей пропали без вести, 17 — вышли из окружения «с большими потерями».

То, что летом 1941 г. именно массовое дезертирство и массовая сдача в плен были главной составляющей потерь Красной Армии, отчетливо видно и по тем (как уже было показано — значительно заниженным) данным, которые приводят составители сборника «Гриф секретности снят». Например, за 32 дня своего существования в июле — августе 1941 г. Центральный фронт безвозвратно потерял 111 тыс. бойцов и командиров. В том числе 9199 (8%) убитых, 45 824 пропавших без вести и пленных и еще 55 985 человек проходят по странной графе «небоевые безвозвратные потери». Центральный фронт воевал очень недолго. Западный фронт, непрерывно меняя своих командующих и поглощая все новые и новые десятки дивизий, дожил до конца 1941 г. Его безвозвратные потери составили 956 тыс. человек, из которых 849 тыс. (89%) пропали без вести, попали в плен и в «небоевые потери». Такая же неприглядная ситуация сложилась и на южном фланге войны. Войска Юго-Западного и Южного фронтов безвозвратно потеряли в 1941 г. 956 тыс. человек (это не опечатка, а случайное совпадение с числом потерь З. ф.). Из них 864 тыс. (90%) пропали без вести, сдались в плен, дезертировали.

3. ПРОСТЫЕ ОТВЕТЫ

Первым абсолютно точно понял смысл происходящего сам Сталин. Возможно, именно потому так быстро и так правильно понял, что его «университетами» была подпольная работа в подрывной организации, которая однажды развалила русскую армию прямо во время мировой войны. Сталин конкретно знал, как рушатся империи и исчезают многомиллионные армии. Поэтому всего семь

дней потребовалось ему для того, чтобы понять, в чем главная причина неслыханного разгрома. Открывшаяся истина оказалась непомерно тяжелой и ошеломляюще неожиданной даже для этого человека с каменным сердцем и стальными нервами. В ночь с 28 на 29 июня Сталин бросил все и всех, уехал на «ближнюю дачу», где и провел в полной прострации два дня — 29 и 30 июня, не отвечая на телефонные звонки и ни с кем не встречаясь.

Нам не надо проводить спиритические сеансы и вызывать духов умерших для того, чтобы узнать, о чем думал и к каким выводам пришел Сталин. Свои решения он выражал в виде приказов, которые поступали в войска или от него лично, или от имени Ставки, наркома обороны, Генерального штаба, командующих фронтами и стратегическими направлениями. Пр процитируем лишь некоторые из них:

Постановление ГКО № 00381 от 16 июля 1941 г. (подписано лично Сталиным):

«...отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушая Присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником...»

Приказ Главного командующего войсками Северо-Западного направления № 3 от 14 июля 1941 г.:

«...войска Северо-Западного фронта, не всегда давая должный отпор противнику, часто оставляют свои позиции, даже не вступая в решительное сражение. Отдельные паникеры и трусы не только самовольно покидают боевой фронт, но и сеют панику среди честных и стойких бойцов. Командиры и политработники в ряде случаев не только не пресекают панику, не организуют и не ведут свои части в бой, но своим позорным поведением иногда еще большие усиливают дезорганизацию и панику на линии фронта...»

Приказ командующего Северо-Западным фронтом № 044 от 26 июля 1941 г.:

«...Приказываю

1. Командирам и военным комиссарам соединений и частей обязать всех командиров и политработников, под их личную ответственность, в трехдневный срок нашить на

шинели и гимнастерки петлицы, нарукавные знаки и знаки различия.

2. Впредь всех лиц начсостава, допускающих нарушения формы одежды, снявших знаки различия, рассматривать как трусов и паникеров, бесчестящих высокое звание командира Красной Армии, и привлекать их к суровой ответственности, вплоть до предания суду военных трибуналов».

Приказ Ставки № 270 от 16 августа 1941 г.:

«...командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту... расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава... Если начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться ему в плен — уничтожить их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи...»

Директива Ставки № 001919 от 12 сентября 1941 г.:

«Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать: «нас окружили» и увлекают за собой остальных бойцов. В результате дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть и потом одиночками начинает выходить из леса. Подобные явления имеют место на всех фронтах» (выделено мной. — М.С.).

Директива Ставки ВГК № 002202 от 21 сентября 1941 г. (приведен полный текст без сокращений):

«Ставка Верховного Главнокомандования предлагает срочно донести:

1. Оставлен нашими частями Киев или нет?
2. Если Киев оставлен, то взорваны мосты или нет?
3. Если взорваны мосты, то кто ручается, что действительно мосты взорваны?»

Если вопрос о моральном состоянии армии, в которой издавались приказы такого содержания, еще нуждается в

каких-то комментариях, то в качестве таковых остается привести следующие три цифры:

163 командира дивизии (бригады);

221 начальник штаба дивизии (бригады);

1114 командиров полков.

Это перечень командиров сухопутных войск (без учета авиационных командиров, не вернувшихся с боевого вылета), пропавших без вести за все годы войны. Принимая во внимание, что по штату одной стрелковой дивизии требовался один командир, один начальник штаба и пять командиров полков (три стрелковых, два артиллерийских), мы приходим к выводу, что без вести пропал офицерский корпус, по численности более чем достаточный для полного укомплектования старшего начсостава всех дивизий пяти западных военных округов СССР. Стоит отметить и то, что даже к началу 90-х гг. не были известны места захоронений 44 генералов Красной Армии (не считая тех, кто был расстрелян или умер в тюрьмах и лагерях, не считая погибших во вражеском плену). Сорок четыре генерала — среди них два десятка командиров корпусного и армейского звена — разделили судьбу миллионов рядовых солдат, бесследно сгинувших в пучине войны. А ведь между генералом и солдатом есть большая разница. Солдат часто воюет в одиночку и порою гибнет без свидетелей. Но как же мог пропасть без вести генерал, командир дивизии или корпуса? Командир в одиночестве не воюет. Командование и штаб дивизии имели численность (по штату апреля 1941 г.) в 75 человек. Это не считая личный состав политотдела, трибунала и комендантского взвода. В штабных структурах корпуса и армии людей еще больше. До каких же пределов должны были дойти хаос, паника, дезертирство, чтобы командир корпуса или дивизии «пропал» в чистом поле, без приметы и следа? Да и не все «пропавшие без вести» генералы пропали бесследно. За добровольную сдачу в плен и сотрудничество с оккупантами после войны было расстреляно или повешено 23 бывших генерала Красной Армии (это не считая гораздо большего числа тех, кто получил за предательство полновесный лагерный срок). Среди изменников были и командиры самого высокого ранга:

- начальник оперативного отдела штаба Северо-Западного фронта Трухин,
- командующий 2-й Ударной армией Власов,
- начальник штаба 19-й армии Малышкин,
- член Военного совета 32-й армии Жиленков,
- командир 4-го стрелкового корпуса (Западный фронт) Егоров,
- командир 21-го стрелкового корпуса (Западный фронт) Закутный.

Да, десять человек из числа казненных генералов были в конце 50-х посмертно реабилитированы. Но при этом не следует забывать, что реабилитации 50-х гг. проводились по тем же самым правилам, что и репрессии 30-х. Списком, безо всякого объективного разбирательства, по прямому указанию «директивных органов»...

Казненные генералы известны поименно. О рядовых, как всегда, известны только суммарные числа. Так, за неполные четыре месяца войны (с 22 июня по 10 октября 1941 г.) по приговорам военных трибуналов и Особых отделов НКВД был расстрелян 10 201 военнослужащий Красной Армии. Всего же за годы войны только военными трибуналами (без учета деятельности НКВД) было осуждено свыше **994 тысяч** советских военнослужащих, из них **157 593 человека расстреляно**. Впрочем, обсуждение масштабов репрессий превращается в демагогию, если оно происходит в отрыве от обсуждения главного: совершенно беспримерного поведения огромной массы бойцов и командиров Красной Армии, с чем советское военно-политическое руководство и пыталось бороться единственно известным и доступным ему способом, т.е. жесточайшим террором.

Уже через несколько месяцев после начала войны, осенью 1941 г., немецкое командование смогло приступить к планомерному формированию «национальных» частей Вермахта, укомплектованных бывшими советскими гражданами (если только слово «гражданин» вообще применимо к подданным сталинской империи). Так, было создано в общей сложности порядка 90 так называемых «восточных» батальонов: 26 «туркестанских», 13 «азербайджан-

ских», 9 «крымско-татарских», 7 «волго-уральских» и т.д. В следующем, 1942 г., после прорыва немецких войск на Дон и Кубань, началось создание «добровольческих» казачьих формирований. Так, в мае 1942 г. в 17-й полевой армии Вермахта был издан приказ о создании при каждом армейском корпусе по одной казачьей сотне и еще двух сотен — при штабе армии. Своя казачья сотня появилась в сентябре 1942 г. даже в составе 8-й итальянской армии. К весне 1943 г. в составе Вермахта воевало более 20 казачьих полков общей численностью порядка 30 тысяч человек. Самой же распространенной и массовой формой сотрудничества бывших военнослужащих Красной Армии с оккупантами стало зачисление их в регулярные части Вермахта в качестве так называемых «добровольных помощников» (Hilfswillige, или сокращенно «хиви»).

Первоначально «хиви» служили водителями, кладовщиками, санитарями, саперами, грузчиками, высвобождая таким образом «полноценных арийцев» для непосредственного участия в боевых действиях. Затем, по мере роста потерь Вермахта, русских «добровольцев» начали вооружать. В апреле 1942 г. в германской армии числилось 200 тысяч «хиви». Так, в окруженной у Сталинграда 6-й армии Паулюса в ноябре 1942 г. было 51 800 «хиви», а в 71, 76 и 297-й пехотных дивизиях этой армии «русские» (как называли всех бывших советских) составляли до 40% личного состава. Летом 1942 г. в 11-й армии Манштейна числилось 47 тысяч «добровольцев». В конце концов масштабы этого беспрецедентного в истории России массового сотрудничества с оккупантами стали столь велики, что верховным командованием Вермахта был создан специальный пост «генерал-инспектора восточных войск». В феврале 1943 г. под началом генерала Кестринга в рядах Вермахта, СС и ПВО служило порядка **750 тыс. человек**. С октября 1943 г. «хиви» были включены в стандартный штат немецкой пехотной дивизии в количестве 2000 человек на дивизию, что составляло 15% от общей численности личного состава. Такие цифры называют зарубежные историки. С ними вполне согласны и военные историки российского Генштаба, составители сборника «Гриф секретности снят». На стр. 385 читаем: «Чис-

ленность личного состава военных формирований так называемых «добровольных помощников» Германии, включая полицейские и вспомогательные, к середине июля 1944 г. превышала 800 тыс. человек. Только в войсках СС в период войны служило более 150 тыс. бывших граждан СССР». На стр. 334 сообщается, что в 1942 — 1944 гг. из числа находившихся в немецких лагерях военнопленных в связи со вступлением в «добровольческие формирования» было освобождено порядка 500 тыс. человек. А ведь пленные были важным, но отнюдь не единственным источником людских ресурсов. К услугам немцев были и сотни тысяч дезертиров, и миллионы военнообязанных, уклонившихся от мобилизации в начале войны...

С тех страшных дней прошло уже более 60 лет. И все эти годы официальная советская военно-историческая наука, игнорируя очевидный и бесспорный факт полномасштабного развала Красной Армии, факт беспримерного массового дезертирства, массовой сдачи в плен и перехода на сторону врага, успешно искала и находила все новые и новые «причины поражения Красной Армии в начальном периоде Великой Отечественной войны». Сама по себе история этих попыток, выработанные за эти годы шулерские приемы могут стать предметом отдельного исследования. Новый импульс подобные исследования получили в начале 90-х гг., после того как рассекречивание огромного массива документальной информации сделало (правильнее сказать — должно было бы сделать) невозможным дальнейшие спекуляции на тему о «многократном численном превосходстве противника» и «безнадежно устаревших советских танках». Новое время — новые песни. Да и читатель нынче новый, молодой и гораздо более требовательный. Посему нынешние продолжатели «славных традиций» советской историографии простых ответов не ищут, а свои 700-страничные труды пишут очень научным, чистоконкретным, языком:

«Первая боевая группа 14-й танковой дивизии (кампф-группа Штемпеля) состояла из 108-го моторизованного пехотного полка (без 2-го батальона), штаба 4-го артилле-

рийского полка 14-й танковой дивизии с 3-м дивизионом 4-го артполка (без 1-й батареи), 1-й батареи 4-го артиллерийского полка, 1-й батареи 607-го мортирного дивизиона (приданная корпусная часть, 210-мм мортиры), 1-й батареи 60-го артиллерийского полка (приданная корпусная часть, 100-мм пушки), 1-й роты 4-го противотанкового батальона 14-й танковой дивизии, 36-го танкового полка (без 1-й усиленной роты) со 2-й ротой 13-го моторизованного саперного батальона, частей моторизованного батальона связи, 2-го взвода 4-й саперной роты. Вторую боевую группу (кампфгруппу Фалькенштейна) составляли 103-й моторизованный пехотный полк, 1-я усиленная рота 36-го танкового полка, 2-й дивизион 4-го артиллерийского полка, 4-й противотанковый дивизион без одной роты и двух взводов, 1-й взвод 4-й саперной роты. Третья боевая группа (кампфгруппа Дамерау) состояла из...»

Вы таки будете смеяться, но молодой автор этого маленького шедевра претенциозного пустозвонства удостоился даже публичной похвалы из уст самого Махмуда Ахметовича! Товарищ М.А.Гареев, генерал армии, президент Академии военных наук, академик РАН и прочая, прочая, прочая, недавно изрек: *«Если будут такие люди, как Алексей Исаев, наше дело безнадежно!»* Совершенно точное определение. Махмуд Ахметович и его подчиненные в больших погонах и при высоких званиях десятки лет ели народный хлеб, но ничего, имеющего хотя бы признаки научности и правдоподобия, придумать так и не удосужились. Современный продолжатель их дела делает свое дело гораздо качественнее. Тоньше. Тов. Исаев не «подставляет» себя прямым утверждением о «численном превосходстве» противника. Но бесконечно длинный (из жалости к читателю мы процитировали только половину) перечень взводов, рот и батарей 14-й танковой дивизии на подсознательном уровне формирует у читателя, загнипнотизированного всем этим мельканием номеров, мортир и пушек, представление об «огромной черной туче», надвигавшейся на позиции советских войск. Фактически на своем пути от приграничного Владимира-Волынского до Луцка немецкая 14-я танковая дивизия встретила (опять же

правильнее будет сказать — должна была бы встретить) четыре дивизии Красной Армии (19-я тд, 135-я сд, 215-я мд, 131-я мд) и 1-ю противотанковую бригаду. Это не считая находившихся непосредственно у границы 87-й сд и 41-й тд, а также трех узлов обороны Владимир-Волынского У Ра (о которых А. Исаев коротко обронил: «40 редко расположенных ДОТов»). «Редко расположенных» — это 40 ДОТов на 20 км фронта. 26 июня к занятому немцами Луцку подошли еще две стрелковые дивизии Красной Армии (200-я сд и 193-я сд). Чудес не бывает, и если полный перечень всех подразделений немецкой дивизии занимает 2 страницы текста, то такой же перечень применительно к 9 советским дивизиям должен был бы занять 18 страниц. Но вот его А. Исаев почему-то не приводит.

Интереснее другое. Случайно или осознанно, но А. Исаев своим длинным пассажем («первая кампфгруппа состояла из..., вторая кампфгруппа состояла из..., третья кампфгруппа состояла...») практически точно воспроизвел хрестоматийно известный каждому образованному человеку фрагмент из романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Да-да, тот самый, где австрийский генерал перед Аустерлицким сражением долго и нудно зачитывает свою замечательную диспозицию: *«Die erste Kolonne marschirt... Die zweite Kolonne mar schiert...»* На протяжении всего романа Лев Николаевич противопоставляет этот тупой механистический подход полководческому гению Кутузова, который *«долголетним военным опытом знал, что решают участь сражения не распоряжения главнокомандующего, не место, на котором стоят войска, не количество пушек и убитых людей, а та неуловимая сила, называемая духом войска, и он следил за этой силой и руководил ею, насколько это было в его власти»*. Не отвлекаясь на дискуссию о том, насколько реальный исторический персонаж соответствовал тому образу Кутузова, который создал Л.Н. Толстой, отметим главное — почти мистический дар предвидения, проявленный великим писателем. В романе, посвященном событиям Отечественной войны 1812 г., с абсолютной точностью названы и главная причина поражения 1941 г., и главный источник победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Увы, нынешняя молодежь (к которой я уже не могу себя причислять) «Войну и мир» не читает, а «проходит». Зато много и долго играет в компьютерные «стрелялки».

Поверьте, я ничуть не шучу и не ерничаю. Игра в «стрелялки» роковым образом препятствует пониманию простой причины военной катастрофы 41-го г. И вот почему: забавный человечек на экране монитора всегда абсолютно послушен вам. Легким движением компьютерной «мышки» вы можете направить его в переулок, который кишит злобными монстрами, — и он пойдет. Без вопросов. Монстры сожрут его, другого, десятого — следующий пойдет по «трупам», беспрекословно выполняя ваши команды. Компьютерные игры совершенно не предполагают возможность того, что человечек вдруг вылезет из летающе-ныряющего ракетного танка, бросит на землю лазерный бластер и, матерно ругаясь, покажет вам большую дулю. В игре такого не бывает. А в реальной истории такое уже случалось бесчисленное число раз. Огромная армия персидского царя Ксеркса, воинов которой гнали в бой кнутами (не в переносном, а в прямом смысле этого слова), не смогла совладать с маленьким «пятнышком» на карте, называемым «Древняя Греция». Численно ничтожная армия Александра Македонского завоевала огромные пространства Персидской империи вовсе не потому, что кони в персидской коннице были «безнадежно устаревшими», а серпоносные колесницы «выработали почти весь моторесурс». Крохотный Израиль раз за разом громил многочисленные арабские армии, а вооруженные силы богатейшей страны мира так и не справились с вьетнамскими партизанами, ловившими вертолеты сетями, сплетенными из дикорастущих лиан...

Строго говоря, ни советская, ни считающая себя продолжательницей ее дела часть российской историографии никогда и не отрицала роль «человеческого фактора». Ни в коем разе! Наоборот, неустанное повторение «мантры» про «обстановку всенародного патриотического подъема» было неотъемлемой частью любой публикации, посвященной событиям советско-германской войны. Появилась даже новая отрасль военно-исторической науки: «геронка войск».

И я опять не шучу. На полке у меня стоит книжечка, которая просто потрясла меня потоком грубейших фактических «ляпов». На первой же странице текста в первом абзаце сообщается, что Тимошенко сменил Ворошилова на посту наркома обороны СССР... знаете когда? «В декабре 1940 г.». Дальше — больше, и все в том же духе. Кто же автор? На обложке читаем: *«полковник, доктор исторических наук, профессор, автор 300 печатных (лучше было бы сказать — непечатных) работ по теории и истории военного искусства и героике войск»*. Разумеется, писать про «героику войск» доходнее и прелестней. И гораздо проще — не надо проверять ни одной цифры, ибо какая, в конце концов, разница: 15-я или 51-я, танковая или стрелковая дивизия совершила свой подвиг в октябре или ноябре 14-го или 41-го г.? Вообще же логика советской пропаганды не может не изумлять: она (пропаганда) готова была признать почти любой «негатив». Могла согласиться с тем, что в ходе раскулачивания имели место «отдельные перегибы», а сплошная коллективизация не всегда была добровольной, что во время массовых репрессий 37 — 38-го гг. были допущены «нарушения социалистической законности», да и жизнь в «коммуналках» и бараках была не очень сытной и веселой. Но вот допустить хотя бы тень сомнения в том, что подданные сталинской империи *«как один человек с радостью готовы отдать жизнь за великое дело Ленина — Сталина, и во имя этой идеологии бойцы, командиры и политработники готовы всегда отдать свою жизнь»* (Ворошилов, речь на XVIII съезде партии) — нет, нет и еще раз нет! Этого не могло быть, потому что не могло быть никогда!

Впрочем, не будем сверх меры и разума преувеличивать роль пропаганды. Пропаганде верят тогда, когда очень хотят в нее поверить. Раз уж мы заговорили про литературу, то как тут не вспомнить бессмертную пушкинскую строку: *«Ах, обмануть меня не трудно — я сам обманываться рад»*. Тупой и примитивной советской пропаганде верили не всегда. Сколько ни талдычили по радио и ТВ про «загнивание Запада и третий этап общего кризиса капитализма», а народ так и норovil на этот самый «загнивающий Запад» сли-

пять — если уж и не навсегда, то хотя бы в турпоездку за джинсами и японским «двухкассетником». Сколько ни предупреждали знающие специалисты и умеренно приличные политики о том, что рыночная экономика — это не молочная река с кисельными берегами, а в конкурентной борьбе не может «победить дружба», никто их не услышал и им не поверил. В героические мифы советской истории по сей день верят потому, что очень хотят в них поверить. Что другое может найти современный россиянин в истории XX века, что могло бы подкрепить и оправдать его великодержавные амбиции? Чем еще ему гордиться? Нынешним статусом, извините за выражение, «великой энергетической державы»? Московскими офисами, построенными из финских и итальянских материалов на немецкой технике турецкими строителями, в которых несколько тысяч «менеджеров среднего звена» протирают импортные штаны импортными стульями, подсчитывая на импортном компьютере доходы от экспорта российской нефти?

Меня часто спрашивают: когда мы узнаем правду о Великой Отечественной войне и узнаем ли мы ее вообще? Ответ и на этот вопрос очень прост. Узнаем. Когда? Не раньше, но и не позже, чем закончится нынешнее, изрядно затянувшееся, «смутное время» и Россия займет, наконец, достойное ее место в общем ряду цивилизованных стран.

Только тогда мы сможем честно признать, что в нашей недавней истории были не только славные победы, но и позорные поражения.

СУВОРОВ — ДЕТОНАТОР РЕВИЗИИ

Осмелюсь доложить — а вот этот вольно-определяющийся умствуют!

А.И. Куприн

ПОКУШЕНИЕ НА МИФ

В 1990 году вышла книга Виктора Суворова «Ледокол». Вслед за ней бабахнула вторая: «День «М». Тиражи книг мгновенно зашкалили за миллион, и с территории тогда еще Советского Союза раздались такие вопли, что залпы тысяч сталинистов и «патриотов» «слились в протяжный вой».

Прошло 17 лет, а книги Суворова все в списке бестселлеров, и все не утихают споры вокруг животрепещущей проблемы: кто на кого и когда напал? Гитлер на Сталина или Сталин на Гитлера?

Наверное, для потомков будет казаться странным ожесточенность этих споров и их эмоциональность. О Суворове и его книгах написано больше, чем объем его собственных книг. И ведь не успокаивается народ...

Разборки предков часто кажутся бредом для потомков.

Трудно понять вроде нормальных людей, которые вдруг начали убивать друг друга из-за важнейшего вопроса: в какой степени и как именно соединяется божественное и человеческое в личности Иисуса Христа?

А ведь убивали. Насчитывают до 15 миллионов покойников в Сирии, Египте, в Малой Азии и в Палестине.

Наверное, потомкам будет так же трудно понять, почему книга Суворова-Резуна вызвала такую массовую истерику. Почему людям конца XX — начала XXI века так важно было «доказать» одну из истин — кто же и на кого первым напал?

Эмоциональный заряд полемики поражает не меньше ее масштаба. Казалось бы, ну что меняется для людей XXI века от того, существовал ли сталинский план нападения на Европу? От того, планировал ли Сталин использовать Гитлера в качестве «ледокола революции»? А ведь явно меняется, и многое.

Люди бьются и «за», и «против» Суворова, обвиняют его в неслыханных гадостях и возносят на пьедестал почти с той же яростью, с которой двумя поколениями раньше совершали патриотические подвиги: давили друг друга танками, полосовали штыками, добивали прикладами. Аналогия вовсе не хромает. Для участника Второй мировой облить бензином и поджечь «вражеских» раненых в госпитале или сбросить бомбы на жилой квартал «чужого» города означало защищать «своих» и «свой» привычный, понятный мир. За полемикой вокруг Суворова стоит такое же стремление отстаивать нечто привычное, родное, понятное. На войне как на войне, и «мочат» Суворова-Резуна вполне по-настоящему. Не в порядке дискуссии, а «на поражение», стараясь уничтожить если не физически, то психологически, духовно, а главное — политически.

Защищают его тоже всерьез: как раненого с поля боя выносят. Прикрывают «своих».

Идет не полемика вокруг фактов истории. Идет война, к счастью, пока только словесная.

Сразу видно: Суворов посягнул не на историческое знание.

Дело вовсе не в фактах и даже не в их анализе. Не в концепциях историков или в теориях политических режимов. Суворов посягнул на что-то священное. На что-то такое, к чему и прикасаться не позволено. Сомнение в чем вызывает в первую очередь эмоциональную реакцию.

Реакция такая же, как если бы мусульманин в Риме прикурил от лампадки или христианин в Мекке подтерся страницами из Корана.

Суворов посягнул не на историческое знание, а на исторический миф. Не на факты, а на теплое, интимное отношение к историческим фактам.

Только не надо считать исторические мифы чисто советским явлением и каким-то атрибутом России. Вторая мировая война была МИРОВОЙ. И мифы о ней — тоже МИРОВЫЕ. Книги Виктора Суворова — Владимира Резуна вызвали такую же истерическую реакцию во всем мире.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ КАК МИФОЛОГИЯ

Часто под мифом понимают любое «неправильное» утверждение. Такое мнение, которое противоречит фактам и опровергается фактами. Например, мифом объявляют утверждение, что Солнце вращается вокруг Земли. Но это вовсе не миф.

Птолемей полагал, что в центре Вселенной находится Земля, вокруг которой вращается Солнце. Коперник считал, что в центре Вселенной находится Солнце, а Земля вращается вокруг Солнца. То и другое — не мифы, а научные модели. Модель отражает феномен. Модель всегда беднее отражаемого феномена, но позволяет его понимать. Модель Птолемея позволяла понимать устройство Вселенной хуже, чем модель Коперника, но обе они сами по себе не несли в себе эмоционального заряда.

Миф — это и объяснение мира, и отношение к миру. Это и знание, и эмоция вместе. Птолемей и Коперник ничего не говорили о том, хорошо ли вращаться Земле и Солнцу. А в Книге Бытия, которой начинается Библия, сказано вполне определенно: «И увидел Бог, что это хорошо»¹.

Занимаясь устройством Вселенной, ученые мало затрагивают интересы людей. Мифологии и тут хватает, но ее много меньше, чем в истории. Историческое знание мифологично по самой своей сути. Более того — в истории на-

учная теория без мифологии никогда не станет широко известной, не ляжет в основу поведения государственных деятелей, не войдет в учебные пособия. Это происходит потому, что мифологично ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ людей.

Потому что вечность и бесконечность Вселенной не имеют отношения к интересам людей и к их самоопределению. А история стран и народов имеет самое прямое отношение к национальному и культурному самоопределению. Особенно история стран и народов, которые существуют сейчас. Историю Рима можно писать «чисто научно». Историю Германии и России — много труднее.

Историческое сознание человека мифологично. Всегда и везде. При всех социально-экономических формациях. Люди нуждаются не только в описании истории и в ее понимании. Они нуждаются в совместном переживании истории.

«Человек не в силах вынести, что он предоставлен собственным силам, что он должен сам придать смысл жизни, а не получить его от какой-то высшей силы, поэтому людям нужны идолы и мифы», — писал Эрих Фромм.

Еще короче и жестче сказал современный социальный психолог Серж Московичи: «Массы не могут жить под открытым небом»².

Миф делает беспощадно-холодную жизнь теплой и душевной, жестокость истории осмысленной высшими ценностями, одинокого человека включает в историческую общность. Если что и не так, «на миру и смерть красна». Тем более во имя высших вечных ценностей.

Миф вовсе не отрицает фактов. ...Он их «нужным» образом «поправляет». Миф не мешает изучать частные истины, он на них опирается. И потому миф всегда очень похож на правду. Только правда эта — не объективная истина, а частное и субъективное мнение группы людей, а то и заказчика.

Если научное исследование вызвало эмоциональную реакцию — значит, оно покусилось не на науку, а на миф.

Какой же миф оспорил Виктор Суворов?

МИФ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Суть мифа, созданного сталинской пропагандой еще во время Второй мировой войны, примерно такова: советские люди в 1930-е годы мирно трудились. Создавалась индустриальная база новой, счастливой жизни в СССР. Советские люди не хотели никого завоевывать и ни с кем не собирались воевать. Они были счастливы своим трудом, под руководством своих мудрых руководителей. «Только Советский Союз неуклонно проводил политику мира, политику организации коллективного отпора агрессорам и поддержки народов, ставших жертвами агрессоров»³.

Фашистская Германия предложила СССР заключить пакт о ненападении. Советский Союз вынужден был заключить этот пакт с целью самообороны и для того, чтобы не дать сложиться общему фронту империалистических держав против СССР.

1 сентября 1939 года фашистская Германия напала на Польшу, тем самым начав Вторую мировую войну. Западные державы предали Польшу, и только Советский Союз совершил освободительный поход, освободил и присоединил Западную Украину и Западную Белоруссию и заключил пакты о взаимопомощи с Литвой, Латвией и Эстонией.

22 июня 1941 года гитлеровская Германия внезапно и вероломно, без объявления войны напала на Советский Союз. Она имела колоссальное превосходство в вооружениях и в технике, потому что Гитлер располагал ресурсами всей Европы. В 1941 году началась Великая Отечественная война. Это была война за спасение своей Родины. Участие в Великой Отечественной войне есть великий подвиг и колоссальная заслуга. Если кто-то из советских людей воевал на стороне Гитлера — то он отвратительный предатель, а его поведение совершенно «нетипично».

Благодаря своему военно-техническому превосходству Гитлер смог нанести временное поражение Советскому Союзу. Но советские люди — патриоты своей социалистической Родины. Они еще теснее сплотились вокруг Коммунистической партии и под руководством своего гениального вождя и учителя, величайшего полководца

И.В. Сталина поднялись на священную освободительную войну и дали врагу сокрушительный отпор. Гениальный план великого Сталина, «десять сталинских ударов», привел фашистскую Германию и всех ее союзников к полнейшему поражению.

«Фашисты» руководствовались антинаучным, реакционным учением о неравенстве человеческих рас. Они хотели истребить миллионы ни в чем не повинных людей по национальному признаку, а других превратить в своих рабов. Чудовищные, не имеющие аналогий в истории преступления фашистов осудил глубоко законный и прогрессивный международный Нюрнбергский процесс.

Победа «немецко-фашистских агрессоров» была бы величайшим несчастьем для человечества. Она привела бы к уничтожению современной цивилизации, порабощению и физическому истреблению десятков миллионов людей.

В СССР у власти находилась самая передовая общественная теория Карла Маркса и В.И. Ленина, марксизм-ленинизм. Она не имеет ничего общего с расовой теорией и человеконенавистническим учением «фашистов». С помощью этой теории Россия проделала путь от деревянной сохи к индустриальной цивилизации и указала тем самым путь всему миру.

В лице СССР прогрессивное человечество победило «фашистов» — мракобесов и негодяев, душителей самого лучшего. Ценность этой победы абсолютно очевидна и никогда никем не сможет быть поставлена под сомнение. «Советский народ своей самоотверженной борьбой спас цивилизацию Европы от фашистских погромщиков. В этом великая заслуга советского народа перед историей человечества»⁴.

ПОЧЕМУ ЭТО МИФ?

Мифологично уже само название события: Великая Отечественная война. Из грандиозного события мирового масштаба, Второй мировой войны 1939 — 1945 годов, произвольно вырезают кусок, которому придется свое самостоятельное значение.

Получается: Великая Отечественная — самая важная часть Второй мировой. В этом нет русской специфики. Похожим образом действуют американцы, провозглашая самыми важными событиями Второй мировой войны военные действия на Тихом океане между американской и японской армиями и флотами.

Советские историки считали главным событием Второй мировой войны сражение под Сталинградом в 1942 — 1943 гг. («самую выдающуюся победу в истории великих войн»)⁵. Американские — битву за атолл Мидуэй в 1942-м.

Так же точно английские историки провозглашают главным сражением Второй мировой войны Эль-Аламейн в Северной Африке.

Из этих сравнений уже видно, что фальсификация истории — дело вовсе не одних советских историков. Советская фальсификация грандиознее по масштабам, но принципиально такова же по смыслу.

Но в этом названии — «Великая Отечественная» присутствует эмоциональный, пропагандистский заряд. Американцам ведь хватило совести не называть битву на Тихом океане Великой Отечественной войной американского народа.

А советским пропагандистам нужно было оторвать события 1939 — 1941 годов от того, что происходило после нападения Гитлера. Название это и делает.

Фашизм никогда не был идеологией Третьего рейха.

Само слово «фашизм» происходит от итальянского «фашо» — то есть пучок.

Фашисты в Италии и в Испании были консерваторами. Их цель была в том, чтобы сплотить нацию в фашо — пучок, и за счет роста корпоративного начала, сворачивания демократических свобод подавить движение социалистов. Ведь социалисты хотели воплотить в жизнь утопию, построить идеальное общество на выдуманных теоретиками началах. А фашисты хотели любой ценой не позволить им этого, сохранить завоевания цивилизации XIX века.

В Германии фашистов почти не было, и у власти они никогда не находились. Поэтому, когда пленных немецких

солдат в России называли «фашистами», они, мягко говоря, удивлялись.

— Мы не фашисты, мы нацисты! — отвечали они вполне мотивированно, а у советских людей окончательно заходил ум за разум.

Партия, созданная Гитлером и пришедшая к власти в 1933 году⁶, называлась *Nationalsozialistische deutsche Arbeiterpartei* — национал-социалистическая немецкая рабочая партия (NSDAP).

Идеология этой партии была очень схожа с коммунистической — рабочих и вообще всех трудящихся угнетает буржуазия, надо произвести социалистическую революцию, привести к власти настоящих вождей рабочего класса, установить государство социальной и политической справедливости.

Нацистов порой называют «коричневыми» в отличие от красных. Отличие есть, но в чем его смысл? Цвет, который в России обозначался как черный, в Германии видели коричневым. Цвет плодородного слоя, гумуса, чернозема, почвы. Красный и коричневый цвета — цвета крови и почвы.

В России говорили «черный народ», и отсюда — «черная сотня»... В Германии это звучало как «коричневый народ». Простонародье, народная толща. И шли в бой коричневые не под каким-нибудь, а под красным знаменем. Шли для того, чтобы освободить немецких рабочих от власти еврейской, французской и англо-американской буржуазии.

Идеология, психология и даже символика всех социалистов имела много общего. Во время Гражданской войны в России долгое время красными символами были не только звезды, но и свастики разного цвета. Есть фотографии авиационных эскадрилий Красной Армии, на крыльях которых четко видны синие и белые свастики. Звезды тоже изображались разных цветов.

Жесткое противостояние красной звезды и коричневой свастики приходится уже на конец 1920-х — начало 1930-х годов.

В СССР приложили колоссальные усилия для того, чтобы откреститься от родства. Даже собственное их название — национал-социалисты — в СССР заменили на

«фашисты». Такое название применяют даже в Германии. Когда я в беседе с германскими коллегами выразил недоумение, они долго думали и наконец сказали:

— Фашисты были очень жестокие. Поэтому они должны так называться.

Сила аргументации чарует.

Расовая теория, то есть теория биологического неравенства людей, вовсе не особенность Германии и немцев. Во 2-й половине XIX — начале XX века представление о неравенстве рас было довольно распространено по всему тогдашнему миру. В том числе, кстати, и в еврейской среде.

С чувством сильного недоумения читал я много лет назад книгу некоего немецкого еврея Фрица Кана, озаглавленную: «Евреи как раса и культурный народ». Книга вышла в Германии в 1921 году и украшена такими, например, перлами: «Моисей, Христос и Маркс — три представителя специфической расы и расовых особенностей»⁷ и что «Троцкий и Ленин украшают нашу расу»⁸. Оставляю в стороне вопрос — кем должен быть человек, чтобы «украшать» самого себя родством с Троцким и Лениным. Обращу внимание читателя на прозвучавшее слово «раса» и на то, что использует его еврей — причем еврей, вполне лояльный к коммунистам разного разлива. Для автора евреи — это раса.

Ф. Кан — явный и откровенный социалист, а вот его сородич Бенджамин Дизраэли — решительнейший консерватор. С точки зрения кавалера ордена Подвязки, виконта Гюгенденского, графа Биконсфилда (все это титулы Дизраэли), евреи идут в социалисты не от хорошей жизни, а под давлением не признающего их общества христиан. И тогда «...избранная раса подает руку отбросам и презреннейшим частям общества».

Как мы видим, слово «раса» звучит вполне определенно. И еще как определенно! «...еврейская раса связывает современные народы с древнейшими временами.... Они — яркое свидетельство лживости современного учения о равенстве людей и о космополитическом братстве, которое при своем осуществлении только содействовало бы падению великих рас»⁹.

Кто это? Геббельс?! Нет, это все еврей Дизраэли. Хотя, конечно, интересно, кто такой для Дизраэли Фриц Кан — «отброс общества» или «человек избранной расы»?

Не меньшее удивление испытал автор, читая В.В. Шульгина: у него следуют рассуждения, что господин Шульгин не нанес бы никакого оскорбления китайцу, говоря о его шафрановой коже и узких глазах... Но «...стоит самым академическим тоном перечислить несколько отличительных черт этой расы, как таковое описание сейчас же начинает звучать неким измывательством, насмешкой, презрением»¹⁰.

В.В. Шульгин всегда открыто и честно объявлял себя антисемитом. Этот русский дворянин, гордящийся своим происхождением, вдруг в чем-то очень даже солидарен с двумя евреями. Причем не только с консерватором и монархистом, но и с социалистом. Все трое — явные расисты.

Остается предположить, что во времена, когда жили и работали эти люди, такая точка зрения была довольно обычной.

Последовательным использованием расовой теории национальный социализм действительно сильно отличался от интернационального. Коммунисты-интернационалисты национальности угнетаемых и угнетателей не придавали особого значения. Но убеждения и тех и других имели один и тот же интеллектуальный и духовный источник — работу интеллектуалов недоброго XIX столетия. Ведь социализм — и в его националистической, германской, и в его интернационалистской, советской, версии — никак не изобретение простонародья и не «поверье неграмотных масс». Ничего подобного. Все теории, которые легли в основу всех социалистических режимов, созданы в кабинетах самых что ни на есть высоколобых интеллектуалов.

В 1850-е годы в самых развитых странах Европы сложилась научная школа, которую называли расово-антропологической. Лицо школы определяют французы Ж.А. Гобино и Ж.Лапуж, британцы Ф. Гальстон, К. Пирсон, Х. Чемберлен. Назвать их всех или каждого по отдельности «тупым» или «недостаточно интеллектуальным» будет очень, очень затруднительно. Наверное, именно поэтому в СССР имена творцов расовой теории скрывались и уж

тем более ничто написанное ими не переводилось — даже для исторических факультетов или для профессиональных историков.

В числе создателей расовой теории — и многие культовые имена социалистов. Анархист П. Прудон полагал, что «евреи — это антисоциальная, упрямая, дьявольская раса»; «Еврей — враг человеческого рода. Следует выслать этот народ в Азию или уничтожить его».

Евгений Дюринг призывал уничтожить евреев, эту «врожденно и бесповоротно испорченную расу».

Русские народовольцы в 1881 — 1882 годах поддерживали погромы.

К. Маркс полагал, что евреи — «омерзительнейшая из рас». Впрочем, славян он тоже считал расой и наговорил о них невероятное количество гадостей.

А Лассаль, вождь немецких рабочих, тоже заявлял, что презирает «еврейскую расу».

Но это не спасло его от пронизательного суждения Карла Маркса: «Он происходит, судя по форме его головы, от негров, смешавшихся с евреями во время исхода из Египта».

Исходно расовое учение или расовая теория — «Rassenlehre» — термин немецкого философа XVIII века К. Мейнера. Во второй половине XIX века со взлетом науки начались исследования в разных направлениях: «Rassenforschung» — расовые исследования, «Rassenkunde» — расоведение, «Rassengedanke» — расовое мышление.

Но не надо... Не надо и тут считать немцев какими-то особенными и порочными. Во время Первой мировой войны французские врачи всерьез пытались ловить немецких шпионов, проверяя состав их мочи: у немцев, оказывается, в моче «слишком» много аммиака... Еще один признак: у немецкой расы выделяется больше экскрементов, чем у людей галльской расы. Проследил, кто больше других накакал, — и смело пиши в доблестные органы: явный немецкий шпион.

А вот и британский расист: Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855 — 1927) родился в Англии, где фамилия эта куда как известная. Семья Чемберленов-политиков, папа и два сына, приходится ему дальними родственниками.

У Чемберлена расовая вражда арийцев и семитов стала

основой исторического процесса! Все, чем гордится коллектив, сделали, конечно же, светлокожие, светловолосые арийцы, высокие и с длинными черепами. Невыразимо отвратительные семиты с круглыми головами и курчавыми волосами низко гадили арийцам и паразитировали на их достижениях.

Постепенно Х.С.Чемберлен так проникся собственными писаниями, что даже переехал из родной Британии в Германию: чтобы поближе к арийцам. Тут его ждало, с одной стороны, разочарование — далеко не все немцы так уж торопились в арийцы, а некоторые так просто крутили пальцем у виска. С другой же стороны, некоторые все-таки проникались, в том числе люди весьма влиятельные. Х.С. Чемберлен был вхож даже к канцлеру Вильгельму II и вел с ним долгие беседы о черепах и культурах. В его последние закатные годы уже к самому Чемберлену заходил некий новый политический деятель, не имевший, впрочем, особых шансов — Адольф Гитлер. Чемберлену очень нравилась политическая программа Гитлера, но решительно не нравился его череп и другие расовые признаки.

Мне возразят: мало ли кто что болтал... А именно в Третьем рейхе расовая теория стала не теорией, а руководством к действию!

Справедливо. Но задолго до возникновения национал-социалистического Третьего рейха сугубо расистской страной были либеральные Соединенные Штаты.

Расовые законы гитлеровской Германии во многом копировали законодательство США: с 1896 года в США негры и белые должны были жить раздельно. Иметь «то же самое» (по крайней мере, в теории), но раздельно!

Неравенство рас поддерживалось такой практикой, как суд Линча. В 1892 году, например, было убито 226 негров — в основном их сжигали живыми, и, по свидетельству Марка Твена, белые американцы очень беспокоились — а вдруг «негр подойдет слишком быстро»?¹¹

Чтобы отменить рабство негров, США, как и подобает истинному светочу демократии, потребовалась Гражданская война 1861 — 1865 годов. Во время этой войны страна с населением в 31 миллион человек потеряла только

убитыми 623 тысячи. В союзной армии воевали 290 тысяч негров, из них 38 тысяч погибли. После этой войны Конгресс издал ряд законов в защиту прав негров. Закон 1870 года объявил преступлением лишение негров избирательных и других гражданских прав. Закон 1877 года объявил незаконной дискриминацию негров в гостиницах, театрах, на железных дорогах и во всех общественных местах. Надзирать за этим должны были специальные федеральные чиновники. На юге их называли «саквояжники», потому что приезжали они с пустыми саквояжами, а вот уезжали почему-то с набитыми..

В 1877 году южные демократы за спиной северных демократов сговорились с республиканскими жожаками. Они обещали поддержать кандидата в президенты — республиканца, но при условии — войска северных штатов будут уведены с юга. Федеральные войска и все чиновники, контролировавшие исполнение законов, были выведены. И началось...

Под лозунгом «равно, но раздельно» началась неприкрытая травля негров. Для них вводились особые средства транспорта, особые школы и особые скамейки в парках. В 1896 году негр-сапожник Плесси в Нью-Орлеане решил выяснить на опыте, означает ли Конституция США равенство людей... Купив билет, он сел в вагон, предназначенный для белых. Его арестовали и судили за нарушение закона. Дело дошло до Верховного суда в Вашингтоне. Верховный суд утвердил приговор. Этим актом Верховный суд США узаконил расизм и расовую дискриминацию официально.

В 1901 году несколько негров из Массачусетса написали письмо президенту Мак-Кинли. Они обвинили правительство в потворстве белым расистам. Мол, власти отлично знают, что происходит, и не имеют ничего против. Негры упоминали погром, происходивший в городе Вильмингтоне, штат Северная Каролина, где негров убивали как собак (выражение авторов письма), охотились за ними как за дичью — а правительство не сделало ничего и только закрывало глаза. «Мы напрасно надеялись на защиту закона», — писали негры из Массачусетса.

«В 1921 году 59 афроамериканцев было линчевано в

окрестностях Тулсы. Обычным поводом для линчевания было состряпанное обвинение, как правило, без расследования, что некий афроамериканец хотел изнасиловать белую девушку. После Первой мировой войны, в которой участвовало много афроамериканцев, некоторые участники войны вздумали было протестовать. Но это еще больше ожесточило ку-клукс-клан.

По такому же поводу был и погром в Тулсе в 1921 году. Некий афроамериканец, молодой человек Ричард Роуланд, должен был спуститься на лифте. Девушка, обслуживающая лифт, увидя черного, нажала на спуск прежде, чем он вошел в лифт. Он заторопился и упал ей под ноги»¹².

На вопли девицы сбежалась толпа. Тут же сделан был вывод, что негр пытался напасть на девушку. Толпа не разбиралась, что вообще произошло. Зеваки «точно знали», что собирался сделать молодой человек, и собирались его линчевать. Полиция тоже не вникала в детали, но и полицейским было «все ясно». Они арестовали Ричарда Роуланда и увели его в тюрьму. «Пресса подняла вой, что, дескать, время унять негров, что они якобы обнаглели, забыли свое место. Журналисты представили девушку 17-летней бедной сиротой, которая зарабатывала трудовые гроши на образование. Описали ее страдания, «разорванное платье», царапины на лице. Позже было установлено, что ничего этого не было, что девушка была совсем не девушка, а женщина сомнительного поведения...

Под вечер у здания суда, которое служило и тюрьмой, собралась толпа человек в 500, требуя выдачи черного юноши на расправу. Афроамериканское население всполошилось. 25 черных с оружием прибыли к зданию суда»¹³. Вот, собственно, и весь пусковой механизм начавшегося погрома. Кто первый начал стрелять и кто первый пустил в дело нож, выясняют до сих пор. Есть очень разные версии. Все эти версии выдвигаются в очень большой зависимости от цвета кожи и убеждений исследователя. Во всяком случае, началась драка с применением дубинок и холодного оружия, раздались револьверные выстрелы. Черных было меньше, порядка 75 человек против 2 тысяч белых, они отступали внутрь черного квартала.

«Когда погром начался, начальник полиции послал телеграмму губернатору штата с просьбой выслать национальную армию резервистов. Поезд с солдатами прибыл только утром, когда все уже было окончено. Солдаты не торопились. Да и вмешиваться уже не имело смысла»¹⁴.

Говоря коротко — негритянская часть города Тулсы перестала существовать. Число убитых называют разное — от 36, по официальной версии того времени (но власти, скорее всего, старались преуменьшить масштаб события), до 175 по версии бульварных газет (но они могли преувеличить). Наиболее вероятна цифра одного из современных исследователей — «около 100». Известно, что Красный Крест оказал помощь примерно 1000 человек, в том числе и женщинам и детям. Известно, что грузовики, нанятые властями, вывозили трупы из города, и потом эти трупы сваливали в реку или в наспех вырытые братские свальные могилы.

Черная молодежь и вообще все кто мог ушли из города. Те, кто уйти не мог или кому было некуда идти, зимовали в палатках и очень нуждались в самом необходимом. Городские же власти изо всех сил замалчивали происшествие, мешали оказывать помощь пострадавшим, а неграм мешали восстанавливать свои жилища.

75 лет спустя, летом 1996 года, городские власти официально извинились за погром и поставили мемориальную стелу на одной из улиц бывшего афроамериканского города с надписью: «1921, Черная Уолл-Стрит». Несколько уцелевших и доживших до нашего времени пострадавших заговорили о материальной компенсации... но не получили ни гроша.

Погром в Тулсе — вовсе не единичное явление. В Сент-Луисе погром произошел в 1917 году, причем убито было 125 черных, в Чикаго в 1919 году — 36 человек, в городе Элайн (штат Арканзас) в 1919 году убили 38 негров.

Расовая сегрегация в США официально существовала до 1960-х годов. Части американской армии, воевавшие во время Первой и Второй мировых войн, были раздельными. Это кажется настолько диким для сколько-нибудь вменяемого европейца, что возникают забавные казусы.

Скажем, в 1960-е годы на экранах всех стран Варшавского договора шел польский фильм «Ставка больше, чем

жизнь» — про героического польского офицера, внедренного в вермахт и ставшего чуть ли не личным приятелем Гитлера. Эдакий предшественник Штирлица.

Один из кадров в последней серии «Ставки больше, чем жизнь» — негр, сияющий с танковой брони «генерала Шермана», среди таких же сияющих белых. Кадр, которого не могло быть потому, что не могло быть никогда — части американской армии были раздельные. Негры отдельно, белые отдельно.

Забавные шутки шутит история! Фильм про героического полковника Клосса снимали в 1960-е годы. Мировая пресса завывала про антисемитизм, царящий в Польше, и разделялась только в одном: одни считали антисемитизм родовой метой советского строя, другие — типичной чертой поляков, независимо от политического строя. Вой шел в том числе и в США.

А поляки в это время снимали исторический фильм, даже не подозревая о расовой сегрегации, царившей в американской армии. Забыли, наверное. Наверное, полякам просто не приходило в голову, что рьяные борцы с нацизмом, спасители Европы от ужасов национал-социализма и лучшие друзья всех евреев и негров мира могут быть вульгарными расистами. И притом расистами не «в душе», в частной жизни, — а официальными расистами, согласно своим собственным законам.

Развращенные Европой, некоторые американские негры женились на европейских женщинах. Эти негры официально, по закону, не имели права появляться с женами на улицах родных городов. Только в 1948 году президент Трумэн, как главнокомандующий вооруженными силами Америки, специальным указом отменил сегрегацию, создал общие бело-черные части.

Что остается? Наверное, надо пожелать американцам дальнейшей героической борьбы за права человека во всем мире.

Но если уж мы о расовой теории — простите, немцы и в ее теории, и в практике не были лучше, но не были и хуже остальных европейцев. По крайней мере, не были хуже светочей прогресса и демократии, американцев.

Истребление людей по национальному признаку широко практиковалось не только в Третьем рейхе, но и в СССР, и во многих других странах — участницах Второй мировой войны.

После «перестройки» стало широко известно о геноциде «предательских» народов: чеченцев, крымских татар, калмыков, греков, карачаевцев.

27 декабря 1943 года было сообщено о депортации всего калмыцкого народа и об упразднении Калмыцкой АССР.

21 августа 1944 года вышел не подлежащий опубликованию Указ Президиума Верховного Совета РСФСР (№ 619/3) о переименовании сельсоветов Крыма. 20 октября 1944 года принято постановление Крымского обкома ВКП (б): «переименовать населенные пункты, реки и горы, названия которых связаны с татарским, греческим и немецким происхождением...»

К. Паустовский, которого трудно объявить антисоветским элементом, полагал: «этот случай с переименованиями свидетельствует об отсутствии элементарной культуры, пренебрежении к народу, к стране...»¹⁵ Но кто его слушал, Паустовского?

23 февраля 1944 года был зачитан Указ Президиума Верховного Совета о выселении и чеченцев и ингушей за измены, за сотрудничество с врагом. Разрешается взять с собой по 20 кг багажа на семью. Для депортации чеченцев потребовалось 40 200 вагонов. Какие последствия имело это для ведения военных действий и для снабжения фронта — понятно. Но власти пошли на эти неудобства, чтобы заняться любимым делом.

Чеченцы и ингуши были депортированы и из других районов СССР, и из городов. Только в Москве уцелело 2 чеченца.

Тогда же, точно так же как в Крыму, был издан Указ о переименованиях районов и райцентров. Даже Эльбрус переименовали в Иалбузи. Тогда же провели массовое переселение в Чечню русских, украинцев, осетин, аварцев, даргинцев.

По воспоминаниям современников, «в горах осталось 2000 ослушников. Они кочевали с места на место. За ними охоти-

лись, их убивали, но они не сдавались. Горы скрыли многих из них». О судьбе этих «ослушников» и о судьбе русских переселенцев есть неплохая повесть А. Приставкина¹⁶.

В 1944 году с Черноморского побережья выселили в Среднюю Азию греков — тоже за «сотрудничество с оккупантами». Как тут разделить мстительность, идеологию коллективной ответственности и примитивное желание «освободить» теплые, плодородные земли для «своих»?

После войны тоже проводились масштабные депортации «нехороших» народов, чем-то вызвавших неудовольствие властей. Организовывали выселения заместители Берии, Б. Кобулов и И. Серов.

В конце 1940-х сослали в Среднюю Азию несколько десятков тысяч армян-репатриантов — тех, кто приехал из-за границы, чтобы жить на исторической родине, среди других армян.

Тогда же выслали из крупных городов курдов, а в 1947 году депортировали в Казахстан и в Среднюю Азию примерно 80 тысяч грузин-мусульман. Опять же — получается «расчищали» землю для сородичей Сталина и Берии.

«Не только марксист-ленинец, но и просто здравомыслящий человек не может себе представить, как можно сделать ответственными народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, обрушить на них массовые репрессии и обречь их на уничтожение и страдания за враждебные действия отдельных людей и групп людей», — так говорил Н.С. Хрущев на XX съезде КПСС.

Если бы можно было бы еще забыть — сам Никита Сергеевич организовывал голод на Украине в 1931 — 1932 годах и был в числе самых жестоких и беспощадных. Забыть бы... Да разве такое забудешь?

Упомянем и геноцид немцев. К началу XX века в Российской империи жили порядка 1,2 млн немцев, чуть меньше 1% всего населения. Кроме остзейских немцев, были еще большие колонии переселенцев на Волге и на Алтае.

В 1922 году создали Автономную ССР Поволжских Немцев, АССР ПН. И названия деревень на Волге звучали так: Шафгаузен, Гларус, Филипсфельд, Эрнестинендорф, Гогерберг, Цюрих, Базель.

Неприятная в советские послевоенные времена тема: голод 1921 года вовсе не минул и немцев. В селе Grimm во время голода 1921 года из 11 тысяч жителей уцелело 5 тысяч.

Русские немцы были самым обычным, самым заурядным этносом российского суперэтноса. Те немцы, которые выбрали Россию своей родиной.

Российская империя могла воевать с Германией, но при этом нормально взаимодействовать с лояльными русскими немцами. Переименовать Петербург в Петроград переименовали (оставив «немецкими» названия Екатеринбург, Ревеля, Риги и Гельсингфорса-Хельсинки), но при попытке Союза русского народа в августе 1914 года устроить немецкий погром Департамент полиции «не рекомендовал» устраивать нечто подобное. Погрома не было.

С 1868 года, с введением всеобщей воинской повинности, немцев начали призывать на воинскую службу. Русские немцы воевали на стороне Российской империи в Первую мировую войну. Брат моего деда, Курт Шмидт, был отравлен газами на фронте и умер от скоротечной чахотки в 1922 году, в возрасте 28 лет. А дед, Вальтер Шмидт, с 1914 по 1917 год был депортирован подальше от театра военных действий, в Карелию — не ровен час, перебежит к неприятелю.

СССР декларировал на каждом шагу свой интернационализм, клеймил Российскую империю «тюрьмой народов», но воевать с Германией и быть лояльным к собственным подданным-немцам он оказался совершенно не способен. Каким-то мистическим образом немцы, родившиеся на Алтае и в Поволжье, оказались виноваты в том, что Сталин не сумел до конца обмануть и использовать в своих интересах Гитлера.

Одна из любимых баек советского времени: что в СССР нет и не может быть национального неравенства, «у нас» никого не обижают. Вот и целый фильм «Цирк» сняли — исключительно на эту тему. Как у них, в страшном буржуазном обществе, обижают негров, и как негров любят в СССР. Насчет негров судить трудно, но как же совместить с идеей «Цирка» Указ 26 августа 1941 года? Согласно этому Указу немцы в 24 часа выслались в Сибирь, на положение спецпоселенцев.

И хорошо, если спецпоселенцев! Ни в чем не повинных, чаще всего — лояльных России людей ссылали сюда, в тундру. Выбрасывали на обледенелые берега, без всяких средств к существованию, — умирать. К весне из сотен людей выживало несколько сильнейших мужиков. У большинства и могил не было — зимой хоронить невозможно, а весной начиналось гниение сотен трупов, похоронить их оставшиеся все равно не смогли бы. И эти... «счастливики», дожившие до весны живые скелеты, разбегались от несущих заразу трупов близких и родных.

Они пристраивались в заготконторы, на валку леса, становились рабочими самых различных профессий. А кто-то прибывался к ненцам жить, бежал из обернувшегося адом «цивилизованного» мира; эти учились разводить оленей, охотиться на дикого зверя. Из смеси русских и ненцев появился целый народ — долгане. Из смеси немцев и тундровых жителей возник целый оленеводческий род. Языком его стал немецкий — все же более гибкий и сложный. Слова, отражавшие охоту, оленеводство, вошли в язык от ненецкого, и только.

В 1990 году на Таймыре жило 3028 немцев.

В армии немцев тоже снимали с фронта, выключали из боевых частей и ссылали. Некоторых удалось выдать за евреев, за финнов, и они довоевали. Доводилось мне знать человека по фамилии Вогау, военный билет у которого был на фамилию Власьев.

А после войны был новый Указ Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года за подписью Н. Шверника:

«В целях укрепления режима поселения для выселенных Верховным Органом СССР... чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их выселения, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц произведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства»¹⁷. Согласно Указу, за самовольный выезд с мест спецпоселения полагалось 20 лет каторги. За помощь в побеге, за прописку на прежнем месте жительства и прочие преступления того же рода — 5 лет.

Одновременно уничтожалась историческая память: в местах, где искони веку жили немцы, изменялись все исторические названия, сжигались архивы, сравнивались с землей кладбища.

На немцев, никогда не живших в СССР, тоже обрушился чудовищный террор. К истреблению немцев прямо призывают многие художественные тексты времен Второй мировой. Взять хотя бы стихотворение К. Симонова, которое так и называется: «Так убей же его, убей!»:

Если немца убил твой брат,
Если немца убил сосед,
Это он, а не ты солдат,
А тебе оправдания нет!
Так убей же немца, чтоб он,
А не ты, на земле лежал.
Не в твоём доме чтобы стон,
А в его по мертвом стоял.
Так хотел он, его вина —
Пусть горит его дом, а не твой.
И пускай не твоя жена,
А его пусть будет вдовой.
Пусть заплачется не твоя,
А его родившая мать.
Не твоя, а его семья
Понапрасну пусть будет ждать.
Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей.
Сколько раз увидишь его,
Столько раз и убей!

Так писал Константин Михайлович, с разных сторон объясняя, почему необходимо «их» убивать.

Но это что! Вот Илья Эренбург: «...Убедить немца нельзя, но зарыть немца можно и должно. Чем больше немцев убьёт каждый боец, тем скорее кончится эта проклятая война. ...Убей немца — не то немец убьёт тебя. Много ещё немцев, но все-таки виден им конец: мы их перебьём. Немцы говорили, что они народ без пространства. Ладно, мы выдадим каждому фрицу по два аршина. Проклятая страна, которая принесла столько горя всему человечеству, которая разорила и опечалила наш народ, получит по заслугам: Германия станет пространством без народа»¹⁸.

От теории к практике: в Восточной Пруссии Советская Армия и части НКВД истребили путем расстрелов и утопления в баржах в Балтике несколько сотен тысяч немцев — всех, кто не успел убежать. Кладбища запахивались, историческая память уничтожалась, архивы сжигались или вывозились.

Точно так же вели себя поляки в западных районах Польши. Немецкое население из Вроцлава-Бреслау и Данцига-Гданьска депортировалось такими методами, что многие погибли.

Еще раз подчеркну — в этом кошмаре нет никакой осой русской или советской специфики.

Захватывая территорию СССР, финские войска уводили «своих», ингерманландских финнов, в Финляндию. За сопротивление — расстреливали. Было несколько расстрелов и русского населения: на захваченном СССР Карельском перешейке.

Румыны делали то же самое. В числе прочих «подвигов» они истребляли молдаван, которые не хотели признать себя румынами.

Венгры проводили политику официального антисемитизма, и на руках правительства Хорти — кровь десятков тысяч людей.

В Югославии хорваты развязали геноцид сербов и всех других православных народов. Миру известны лагеря уничтожения Освенцим-Аушвиц и Бухенвальд. Про лагерь Ясеновац известно мало, а в нем уничтожено больше 300 тысяч человек, в основном сербов. Общее же число православных южных славян, убитых другими южными славянами, приближается к миллиону.

В 1938 году, надеясь на заступничество великих держав Запада, чехи устраивают отвратительный немецкий погром. Великие державы в Мюнхене заняли позицию невмешательства и «умиротворения агрессора». Тем самым они развязали руки нацистской Германии. Нацисты захватили Чехословакию и конечно же свели счеты с теми, кто обижает «арийцев». Но и Польша тоже воспользовалась Мюнхенским соглашением. 2 октября 1938 года она вторглась в Чехословакию и захватила там Тешинскую область

с населением 237 тысяч человек, из которых поляков было от силы 33%. Многие чехи при этом были убиты или изгнаны, их имущество разграблено, недвижимость передана полякам.

В США с началом войны с Японией депортировали 112 тысяч этнических японцев. Большинство из них были совершенно лояльны к правительству и народу США и считали себя американцами. После войны доживших (30% умерли от невыносимых условий) выпустили, но имущества им никто не вернул.

Пусть мои слова не станут поняты как попытка оправдания Бабьего Яра или Хатыни. Преступления одних совершенно не оправдывают преступлений других. Я показываю только — во время Второй мировой войны не было ангелов в белых одеждах и черных демонов-нацистов. Чудовищные преступления совершали все. Абсолютно все. И разговоры об «особой жестокости» немецких нацистов, мягко говоря, несостоятельны. Это черный миф, призванный оправдать преступления победителей.

Нюрнбергский процесс над основными «военными преступниками» до сих пор пользуется большим уважением у большинства россиян. Как же! Международный военный трибунал с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года провел 403 открытых судебных заседания. В Нюрнберге судили государственную и военную верхушку Третьего рейха, его политическую элиту. Свидетелей допросили 116, а уж письменных свидетельств изучили аж 300 тысяч. Издали семь томов документов!¹⁹

... Правда, как-то не очень понятно, как можно судить людей за поступки, которые в момент совершения не рассматривались как преступления? А Лондонская конференция СССР, США, Британии и Франции 26 июля — 8 августа 1945 года создала именно такой Международный трибунал: чтобы карать за преступления, которые преступлениями не были.

Впрочем, западные державы требовали даже не суда: казни будущих подсудимых без суда и следствия. На публичном и гласном процессе активнее всех настаивал СССР.

Виктор Суворов считает, что такой Нюрнбергский про-

цесс был нужен лишь СССР: для поимки и казни тех, кто знал и мог доказать агрессивные планы Советского Союза и факт объявления ему войны Германией.

Это похоже на правду, потому что не судили и не казнили генералов, виновных в преступлениях на Восточном фронте. А вот министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп был «изобличен» в преступлениях и казнен.

Впрочем, суждения Суворова слишком часто похожи на правду.

Процесс выносил приговоры на основании одних свидетельских показаний или на основании «признаний» обвиняемых. Именно этих людей, предназначенных для показательного процесса, не пытали. Но в ходе подготовки к Нюрнбергскому процессу и к 12 последующим процессам меньшего масштаба в 1945 — 1946 гг. зафиксировано множество случаев, когда военнослужащие вермахта, особенно офицеры СС, подвергались пыткам, чтобы выжать из них «необходимые» «признания».

Американский сенатор Джозеф Маккарти в заявлении, сделанном 20 мая 1949 г., обратил внимание американской прессы на следующие случаи применения пыток, чтобы выбить «признания». Офицеры дивизии СС «Лейбштандарте Адольф Гитлер» избивались кнутами до такой степени, что они были все в крови, после чего им наступали на половые органы, пока они лежали на полу. Допрашиваемых подвешивали и избивали до тех пор, пока они не подписывали «признания».

Генерала СС Освальда Пола били и обмазывали лицо нечистотами, пока он не подписал то, чего от него требовали. На основании таких «признаний», выбитых из генерала Зеппа Дитриха и Йоахима Пайпера, дивизия «Лейбштандарте...» была осуждена как «криминальная организация», хоть она была нормальной фронтовой дивизией.

«Я слышал и даже видел документальные доказательства того, что с пленными плохо обращались, избивали и пытали такими методами, которые могут придумать только извращенцы, — писал Маккарти. — Пленные подвергались таким мерам воздействия, как импровизированные приговоры и казни, которые отменялись в последний мо-

мент. Им говорили, что у членов их семей изымут карточки на питание или даже передадут их в советскую зону. Все это проводилось с одобрения прокурора для того, чтобы обеспечить психологическую атмосферу, рассчитанную на выбивание «признаний». Позволив себе такие действия, США дают повод остальному миру нас критиковать и сомневаться в наших мотивах и нашей морали».

Такие методы имели место также на процессах во Франкфурте и в Дахау, и значительное число немцев были осуждены только на основании их «признаний».

Как видите, не только сталинским соколам свойственна такого рода практика.

Масштаб преступлений был таков, что американцы создали Армейскую Комиссию Симпсона, которая расследовала методы дознания на судах в Дахау. Один из членов этой комиссии, американский судья Эдвард Ван Роден, рассказал о методах, которые использовались, чтобы выбить «признания».

Среди описанных методов были пытки горящими спичками, запихивание иголок под ногти, одиночное заключение на полуголодном содержании. Избивали «преступников» так, что выбивали зубы и ломали челюсти.

Согласно Ван Родену, 137 «обвиняемым» были нанесены удары в пах такой силы, что атрофировались половые органы. Это была стандартная процедура у американских «следователей». Репортаж о такой деятельности «следователей» был напечатан в газете Washington Daily News 9 января 1949 г., а также в английской газете Sunday Pictorial 23 января 1949 г. Но это не помешало им сделаться прокурорами.

Показания, которые давали бывшие немецкие офицеры — такие как Хесс, Хеттль, Вислицени, Хелльригель и другие, совершенно неправдоподобны и часто кажутся попросту издевательством. В материалах НКВД есть показания некоего одесского грузчика, обвиненного в шпионаже в пользу нескольких иностранных государств, в том числе Греции... По словам грузчика, собранные им шпионские данные увозил под своей черной повязкой кривой на один глаз греческий резидент Филипп Македонский.

Ну, а немецкие офицеры рассказывали, например, о расстреле ста евреев в Минском гетто, как при этом присутствовал Гиммлер и как он выблевал тут же на землю. Всем известно, что Гиммлер никак не мог находиться в тот день в Минске, т.к. он был на конференции в Житомире. Это обстоятельство отмечено во многих книгах — например, книге К. Фовинкеля «Вермахт в войне».

Более того — в апреле 1959 г. один из «свидетелей» в Нюрнберге, Бах-Зелевски публично отказался в Западно-германском суде от своих показаний, сделанных в Нюрнберге. По его словам, эти показания не имели ничего общего с фактами и что он их сделал ради того, чтобы сохранить свою жизнь. На эту историю опустилось «благоразумное замалчивание», и до сих пор выходят книги, распространяющие миф о том, как Гиммлер чуть не потерял сознание при виде расстрелянных людей. В России — хотя бы «Семнадцать мгновений весны» Ю. Семенова.

Победители так откровенно фальсифицировали «доказательства вины», что американский судья Венерстурм (Wenersturm), который был президентом одного из трибуналов на Нюрнбергском процессе, пришел в ужас от организации процесса, подал в отставку и улетел назад в США.

Судья оставил заявление для прессы, где утверждал:

— Члены прокуратуры, вместо того чтобы сформулировать и попытаться применить юридические нормы ведения процесса, занимались в основном преследованием личных амбиций и мщением.

— Девяносто процентов администрации Нюрнбергского трибунала состоит из людей с предвзятым мнением, которые по политическим или расовым причинам поддерживали обвиняющую сторону.

— Настоящей целью Нюрнбергского процесса было показать немцам преступления их фюрера, и эта цель также явилась предлогом, под которым Трибунал был создан.

Не менее красочные факты приводятся в книге об этом процессе, написанной выдающимся английским юристом Вилом и выразительно названной «Прогресс в варварстве» (1953).

Как выразился фельдмаршал Монтгомери, этот процесс сделал проигрыш войны преступлением. По словам же Харвурда, этот процесс стал наибольшим юридическим фарсом в истории²⁰.

ЦЕЛЬ? САМООПРАВДАНИЕ!

Но зачем нужен явно незаконный и к тому же фальсифицированный судебный процесс? Для того, чтобы из многих преступников выбрать одного ответчика за всех! Проигравшего войну, разумеется!

В ходе Второй мировой войны совершены были чудовищные преступления. В числе всего прочего совершались они и союзниками против немцев. «Доказать» любой ценой, что немцы негодяи и преступники, было для них способом самооправдания. Бомбардировки английского города Ковентри «проклятыми тевтонами» унесли жизни 30 тысяч человек. Бомбежки немецких городов союзной авиацией унесли жизни трех миллионов человек. Летчики выполняли приказ: бомбить не военные объекты, а жилые кварталы.

Как выглядели бы англосаксы, если бы нелюбезный суд стал задавать им неудобные вопросы? Например, о том, насколько необходимо было бомбить жилые кварталы Дрездена, Кёльна, Гамбурга, Лейпцига, Берлина — даже не пытаясь разрушить находившиеся в них промышленные и военные объекты?

Англосаксы рисковали предстать перед миром не в облике благородных спасителей человечества, а в роли грязных убийц, мстящих за Ковентри по вонючим законам времен Великого переселения народов и поедания человечины. Чтобы избежать таких ужасов, англосаксы остро нуждались в демонизации нацистов, а по возможности и всего немецкого народа.

В Первую мировую войну английская пропаганда обвиняла немцев в поедании (!) бельгийских детей, а также, что они якобы подбрасывали детей в воздух и пронзали их штыками. В дополнение к тому англичане писали, что у немцев была целая фабрика, в которой они добывали глицерин и другие вещества из трупов убитых. После войны

глава Министерства иностранных дел Великобритании принес извинения — мол, это было сделано в целях военной пропаганды.

Но после Второй мировой войны извинений принесено не было, более того, вместо того, чтобы утихать с годами, пропаганда о жестокости нацистов скорее интенсифицируется.

После войны Германию буквально наводняли отряды мстителей. Известны несколько случаев, когда поляки, чехи и украинцы находили убийц своих близких и расправлялись с ними. Западная пресса и писала, и сейчас пишет об этом достаточно свободно, тут нет никакого секрета. Случалось, мстители убивали вообще первого попавшегося под руку эсэсовца и вообще любого воевавшего немца²¹.

Почему же до сих пор об этом почти ничего не известно?! Почему преступники не изобличены и не наказаны?!

Да потому, что преступники приняли необходимые меры. По договору о создании ФРГ правительство Аденауэра обязалось не проводить никаких расследований и процессов о военных преступлениях союзников. Не только не сводить счеты, но и не изучать никогда ни бомбежек, ни геноцида немцев, ни «актов возмездия».

Глупые немцы, не умеющие жить, до сих пор не нарушили навязанного им закона.

Но для самооправдания очень «полезно» обвинить одну из сторон Второй мировой войны в максимальном числе преступлений. И продолжать обвинять даже много после войны — чтобы никто не задумался.

Во Второй мировой войне воевали вовсе не Россия и Германия. Тем более вовсе не русские воевали с немцами.

Третий рейх и СССР были глубоко идеологическими, многонациональными государствами. Их жителей объединяло не происхождение, а идеология и подданство. Они имеют очень косвенное отношение к исторической Германии и к исторической России.

Третий рейх напал на СССР вовсе не «вероломно» и не «без объявления войны».

Примерно в половине четвертого ночи 22 июня 1941 года немецкий посол в Москве, фон Шуленбург, стоя перед наркомом иностранных дел Советского Союза Вячеславом Молотовым, зачитывал текст германской декларации о «военных контрмерах против СССР». По указанию Гитлера, в декларации было запрещено упоминать слова «война» и «нападение».

Сам Молотов в своих мемуарах писал, что, когда Шуленбург читал текст декларации, его голос дрожал, а глаза были полны слез. Выслушав посла, нарком долго молчал, а затем тихо произнес: «Это война? Вы считаете, мы ее заслужили?» Едва сдерживаясь, немецкий посол добавил от себя, что не одобряет решение своего правительства.

В эти же минуты в Берлине советского посла Деканозова принял министр иностранных дел Третьего рейха Риббентроп. Риббентроп вручил Деканозову декларацию об объявлении войны. Пораженный посол довольно быстро пришел в себя и резко заявил: «Вы пожалеете о том, что совершили это нападение! Вы за это дорого заплатите!» Он поднялся, поклонился и, не подавая руки Риббентропу, направился к двери. Провожая посла, министр шептал: «Я был против этого нападения».

Байка о «вероломном нападении» пущена еще Сталиным во время его знаменитой речи 3 июля 1941 года. Потом эта ложь повторялась много раз, твердят ее и до сих пор. Вовсе не только в России, но по всему миру.

Как отнестись к этому месту в речи Сталина?!

Отнестись надо адекватно: как к случаю так называемого вранья. Сталин достаточно редко говорил правду, и это как раз типичный случай.

И все советские историки, которые рассказывали про «вероломное нападение Германии на Россию», лгали сразу в нескольких пунктах:

- не вероломно.
- не Германии.
- не на Россию.

В армии Третьего рейха служили вовсе не одни немцы.

В вермахт призывали не по расовому или по национальному принципу. А по принципу гражданства. В част-

ности, этнический еврей признавался таковым только в двух случаях: если он исповедовал иудаизм и если он был записан в еврейскую общину. Во всех остальных случаях его призывали в армию на общих основаниях, и «еврейских солдат Гитлера» было больше 150 тысяч.

В числе союзников Германии, участвовавших во Второй мировой войне, Румыния, Венгрия, Словакия, Италия и Финляндия. Испания послала целую дивизию на Восточный фронт.

В первые же недели и месяцы после 22 июня 1941 года в плен к наступающим нацистам попали от 3,5 до 4,5 миллиона советских военнослужащих.

К 1944 году 10% личного состава вооруженных сил Третьего рейха, Вермахта, составляли жители Советского Союза.

На стороне СССР воевали представители всех 120 народов Советского Союза, французы, британцы, американцы, китайцы и немцы из Германии (до 100 тысяч перебежчиков).

Союзники Советского Союза, величайшие колониальные державы того времени, Франция и Британия, мобилизовали представителей до 200 азиатских и африканских народов.

На стороне США сражались люди десятков народов, включая этнических индейцев и негров.

Попытки представить Вторую мировую войну как войну «русских и немцев» совершенно абсурдны.

НАВЯЗЫВАНИЕ МИФА

Сталинский миф о Великой Отечественной войне не разделялся ни народом США, ни европейскими народами. Но он согласовался с мифами, которые создавались в этих странах. Победители во Второй мировой войне не нуждались в объективной истине: на их руках было слишком много крови.

Несогласных было не так много. На Западе они имели право слова, но их мнения не были популярны, не могли изменить общественного мнения. А вся государственная пропагандистская машина работала на создание мифа.

В каждой стране миф имел свои особенности: преувеличивалась роль «своей» армии и «свой» вклад в общую победу, страдания и потери «своего» народа. Эти части национальных мифов были очень похожи на советский миф про Великую Отечественную войну.

В СССР даже возразить против мифа о Великой Отечественной значило заплатить жизнью за свою неуместную болтливость. Кроме того, миф поддерживался не только государством. Народ был в основном согласен с этим мифом, гнев множества людей мог обрушиться на несогласного.

Колоссальные людские потери «повязали кровью» людей. Как можно не принимать представлений, которые поддерживаются не только живыми, но и мертвыми?! Посыгаешь на миф?! Тем самым оскверняешь память солдат своей страны, которые умирали за твою жизнь и твое счастье. Они отдали за тебя свои жизни, а ты плюешь на их могилы. Такое обвинение способно остановить самого храброго человека.

Вот и Суворов извиняется перед ветеранами Второй мировой... чуть не написал: «Великой Отечественной».

То же самое и за рубежом.

Многие ли в Англии способны осознать: «серебряные крылья» летчиков Второй мировой — не крылья героев и патриотов, а крылья убийц? Не многие... В том числе и потому, что не разделять именно эту позицию общества — опасно. Можно оказаться вообще за пределами этого самого общества.

Британское общество толерантно, чудаков и оригиналов ценит. Занимаешься историей? Имеешь какие-то необычные убеждения и мнения? Ты имеешь право на поддержку. Но Дарвина и его сторонников британское общество травило: не смей разрушать удобный ласкающий миф о божественном происхождении!

Так и здесь: попробуйте только сказать... нет, не только ВСУ правду! Сказав 5% правды о чудовищных бомбежках, вы тут же становитесь предателем, растленным типом, врагом общества.

И Суворова в Британию не пустили бы, если бы он говорил о целях Нюрнбергского процесса и о том, сколько

невинной крови на руках британских ВВС. Виктор Суворов ведет себя политкорректно: аккуратно обходит вопросы участия Британии в войне.

С Германией еще проще: немцам навязали миф штюкками оккупационных армий. Послевоенные немецкие правительства, не успев возникнуть, тоже вколачивали в голову немцев, что это они начали Вторую мировую войну, совершили неслыханные преступления и сами во всем виноваты. В ГДР даже праздновалось 9 мая как День Освобождения Германии.

Каяться и рвать на себе рубаху немцу сделалось ВЫГОДНО. На примере «перестройки» мы видим — по России бегают целые толпы людей, которые охотно скажут о своем Отечестве любую гадость, — показали бы им хоть ломаный грош. И в Германии такой мрази хватает.

Визжа про ужасных нацистов, мерзких тевтонов с засученными рукавами, залитых человеческой кровью, можно сделать карьеру. Задавая неудобные вопросы, рискуешь большими неприятностями: от недопонимания коллег до судебных исков и нежелания иметь с тобой дело.

В 1964 году канцлер ФРГ Вилли Брандт встал на колени в Освенциме и официально покался в преступлениях немцев и Германии. Сам он относится к поколению, которое помнило войну, но не принимало в ней участия — по малолетству. Со вступления в активную жизнь этого поколения Германию буквально захлестывают волны настоящего покаянного психоза.

Сам В.Суворов очень хорошо пишет о том, что для немца признать его правоту смерти подобно: он просто выпадает из системы. Дед или отец этого немца не смели отрицать, что в Третьем рейхе в газовых машинах истребили 6 млн евреев и наварили из них всех мыла. Эти бедняги могли только говорить, что лично они тут ни при чем, никого не убивали и ничего из мертвых евреев не вываривали. Так же точно сын или внук этих немцев не могут отрицать, что Германия начала войну. Он может только провести исследование каких-нибудь частных случаев, не покушаясь на фундаментальные концепции.

ДЕСТРУКЦИЯ МИФА ПОСЛЕ СТАЛИНА

Некоторые части официального советского мифа с самого начала принимались не всеми людьми. Само воевавшее поколение могло иметь свое мнение о каких-то отдельных событиях. Но это все были отдельные частные уточнения, не претендовавшие на изменения главного в мифе. Да и не способные его изменить.

Сразу после смерти Сталина начал изменяться и сам официальный миф. Но изменялся он только в деталях.

Разоблачая «культ личности Сталина», Н.С. Хрущев заговорил об «ошибках» и «перегибах» руководства СССР и командования армией, которые вели к неоправданным потерям. Он поставил под вопрос осмысленность тех или иных решений.

Сама цифра потерь была пересмотрена. Сталин называл 7 миллионов человек погибших. При Хрущеве официальной цифрой стали 20 миллионов погибших советских людей.

Во время «перестройки» изменилось еще больше.

Стали еще откровеннее писать о потерях, в том числе о потерях мирного населения. Например, стали писать о голоде в СССР времен войны. Раньше тема была абсолютно запретной.

Стали писать о заградительных отрядах — тоже абсолютно запретная тема.

Стали писать о том, что не «фашисты» убили польских офицеров в Катыни, а НКВД.

Скажем откровенно — до сих пор не очень очевидно, что поляков в Катыни истребляли только советские. Но тут важно, что тема перестала быть запретной.

Но оставались неизменными главные тезисы:

- 1) О вероломном нападении без объявления войны.
- 2) Участие СССР во Второй мировой войне началось с 1941 года.
- 3) О военно-технической слабости СССР.
- 4) О военно-техническом преимуществе Вермахта.
- 5) О моральной правоте СССР в этой войне.

Какие бы части мифа и как ни изменялись, на месте

оставалось главное: «они» планировали войну, мы не хотели войны. Все «наши» действия до 1941 года объясняются вынужденной самообороной. Мы воевали с Финляндией, захватывали Прибалтику, Буковину и часть Речи Посполитой потому, что обстановка нас к этому вынуждала.

22 июня 1941 года «они» без предупреждения напали на «нас». Они были очень сильные, «мы» были слабее «них». Ценой колоссальных потерь «мы» сумели остановить вражеское наступление. Ценой подвига тыла «мы» сумели создать нужное количество вооружений и разгромить ненавистного врага.

Какие бы преступления ни совершались советской стороной и какие бы безобразия ни творились, но «мы» были правы, а «они» были не правы. «Мы» добились великой победы, и наша слава будет сиять в веках.

... И тут пришел Виктор Суворов.

ИСТИНА ВИКТОРА СУВОРОВА

Часть концепции Суворова бесспорна просто потому, что подтверждается документами. Это только в СССР «ничего не знали» про секретные пункты Пакта Молотова — Риббентропа и про подготовку наступательной войны в СССР. На Западе и документы печатались, и вспоминать не запрещалось. Скажем, планировали британцы бомбовый удар по Баку и по нефтяным промыслам... Гитлер успел напасть, СССР из врага Британии и союзника Гитлера стал дорогим и ценным союзником... Налет на Баку не состоялся, но о нем помнили.

Суворов опирается на эти и многие другие документы.

Но и та часть концепции, которая документами не подтверждена, выглядит очень убедительно. Слишком много косвенных свидетельств, данных, сведений, показаний. Разные данные ложатся в стройную, как собранные пазлы, картину: Сталин считал Гитлера «ледоколом революции». Он и выращивал Гитлера для того, чтобы тот внес в Европу как можно большую смуту. Сталин приготовил громадную, прекрасно вооруженную армию, сильнее любой из армий Европы. Это делает понятным характер вооружений и под-

готовки Красной Армии, даже ее идеологию: «воевать малой кровью и на чужой территории».

Удар по Европе должен был начаться в июле 1941-го. Отсюда и «странности»: разминированные мосты в приграничной зоне, отпуска офицерского состава накануне нападения Гитлера, карты зарубежья при отсутствии карт своей территории. Понятно, почему не придавалось значения всем показаниям и перебежчиков, и собственной разведки. Сталин считал, что подготовка к войне Гитлера уже не имеет значения: он все равно успеет первым.

Но Сталин просчитался: Гитлер его опередил!

Эта часть концепции Суворова вряд ли может быть опровергнута. То есть истерик она вызывает много, но вот аргументации как-то не слышно.

Самой по себе этой концепцией Виктор Суворов совершил деконструкцию двух мифов, очень значимых для национального самоопределения и немцев, и народов СССР, особенно русских.

Немцам Суворов сказал, что это не они начали войну. Войну подготовил Сталин, а Гитлер был только «ледоколом революции», которого Сталин пытался использовать.

Советским людям он сказал, что у СССР не было технического отставания. Наоборот! У них было как раз техническое превосходство!

Тема этого превосходства, количества и качества советских вооружений для Суворова настолько важна, что трудно даже сослаться на какое-то определенное место.

В целом эта сторона его исследования довольно убедительна, хотя не обходится без создания новых мифов. Авторских мифов Суворова.

ПЕРВЫЙ МИФ ВИКТОРА СУВОРОВА

Первый миф Суворова в том, что у него затюканные Сталиным немцы вообще оказываются плохо вооруженными, не подготовленными к войне и очень слабыми. Прямо жалко бедняжек становится.

Даже сверхпушка «Дора», оказывается, это такое ничемное, ни за чем не нужное изобретение. Ведь многотон-

ный снаряд зарывается в землю и взрывается глубоко в толще земли, не причиняя никакого вреда.

... Ну да... А если пушка «Дора» применяется против бетонных укреплений? Против противника, сидящего под защитой толстой брони и бетона? Скажем, знаменитую 30-ю батарею, защищавшую Севастополь, с лица земли смела именно «Дора». Видимо, все-таки не совсем бесполезная? Вопрос, где и как применять?

Про советские танки даже сказано «танк-агрессор». Невольно улыбаешься: а у нацистов танки были сугубо мирные? И у французов... И у англосаксов? Невольно вспоминается старый советский анекдот: «Враг из-за границы обстрелял мирно пашущий советский трактор. Ответным огнем трактор уничтожил противника».

Получается: чехи делали для вермахта исключительно мирно пашущие трактора. А вот советские были танками-агрессорами. Эти — для наступления!

МИФ ОБ АВТОМАТАХ

Поразительно, но и профессиональный военный Резун-Суворов, и Веллер, постоянно хвастающий своими познаниями в оружии, просмотрели элементарную, в общем-то, вещь. Объяснить могу только одним: глубоко советские люди, они «купились» на поворот сталинской военной пропаганды.

Для Суворова наличие на вооружении пистолетов-пулеметов, или автоматов — однозначно признак могучей военной промышленности, высокого качества и современности вооружений.

Но автомат — вовсе не символ могучей военной промышленности. Наоборот. Автомат — дитя бедности.

Основное вооружение пехоты во Второй мировой войне — винтовка, то есть длинноствольное автоматическое или полуавтоматическое ружье с нарезами в дуле. Нарезы придают пуле вращение, пуля летит далеко и долго сохраняет убойную силу.

Принятые на вооружение в СССР винтовки Мосина выпускались в нескольких модификациях, с длиной ство-

ла 800, 730, 729 мм. Магазин на 5 патронов обеспечивал скорострельность до 10 выстрелов в минуту.

Максимальная дальность поражения — до 2000 м. Дальность прицельной стрельбы оценивалась в 500 метров, но зависела уже не от характеристик оружия, а от качеств подготовленного солдата. Снайперы уверенно поражали цель на расстоянии до 800 метров²².

«Вопреки распространенному мнению о чуть ли не поголовном вооружении вермахта пистолетами-пулеметами основную массу его вооружения составляли магазинные винтовки и карабины системы Маузера. На сентябрь 1939 г. пехотная дивизия вермахта имела по штату 13 300 винтовок и карабинов и 3700 пистолетов-пулеметов»²³.

Mauser G98 (Gewehr 98) (Маузер 98) — немецкая винтовка, созданная в 1898 году фирмой «Маузер». Эта винтовка Маузера оказалась настолько удачной, что в малоизмененном виде прослужила в германской армии вплоть до конца Второй мировой войны. Это только в фильмах Киностудии имени Довженко нацисты идут в бой в рогатых шлемах, с автоматами у бедра и с придушенными курицами, прицепленными к брючному ремню за мученически растопыренные лапки. Глядя эти фильмы, пожилые немцы смеются буквально до слез. Не говоря ни о чем другом, в Вермахте неплохо кормили. Ловля кур была для солдат Вермахта намного менее характерным занятием, чем для полуголодных солдат многих других государств, да и для многих частей Красной Армии.

Характеристики маузеровской винтовки мало отличаются от мосинской: пять патронов, прицельная дальность до 2000 метров, предел надежной стрельбы 400 — 600 метров, длина ствола в разных модификациях от 1100 до 1250 мм.

Так вот — изготовить винтовку трудно. Для этого нужно много деталей, изготавливаемых с высокой степенью точности на фрезерном станке. Еще труднее просверлить длинный ствол и сделать в нем точные нарезки. Нужна квалификация рабочих, нужно время и оборудование.

А вот пистолет-пулемет состоит в основном из деталей, которые готовятся штамповкой. Таков и пистолет-пулемет, изготовленный под пистолетный патрон. Таков и автомат, сделанный под промежуточный патрон, средний между пистолетным и винтовочным.

И ствол у пистолета-пулемета короткий. У немецкого эмни-40 («шмайссера») — 251 мм. У советского ППШ — 269 мм. Даже знаменитый «Калашников», изготовленный под промежуточный патрон, имеет ствол длиной 414 мм — заметно меньше даже кавалерийского карабина. Такой ствол намного легче и просверлить, и нарезать. Для этого нужна намного меньшая квалификация.

Вот только дальность стрельбы у пистолета-пулемета несравненно меньше винтовочной. И точность стрельбы куда меньше. Расточительная стрельба очередями помогает, но от большого числа выстрелов ствол быстро перегревается, точность стрельбы становится еще ниже. На расстоянии даже в 100 метров пистолет-пулемет малоэффективен. Он — дешевое и скверное оружие, которое производили не от хорошей жизни²⁴.

Сталин делал хорошую мину при плохой игре, выдавая переход на автоматы за могучие шаги прогресса и за прозорливую и мудрую политику партии большевиков.

Показывая нациков, которые мчатся на мотоциклах (по вспаханному полю) с автоматами наперевес или пижонски палящими из них от бедра, Киностудия имени Довженко хотела показать технически прекрасно подготовленных и сильных врагов. А если разобраться, «работала на Суворова»: показывала плохо вооруженных, пьяных, голодных солдат, которые гоняются за курами в шутовских шлемах с рогами.

Странно, что Суворов этого не заметил.

ВТОРОЙ И ГЛАВНЫЙ МИФ ВИКТОРА СУВОРОВА

Но гораздо важнее другое: Суворов невероятно много пишет про вооружения, технику, военные приказы, горючку, рода войск, время извлечения приказов из конверта, разминированные мосты и так далее.

Но он совершенно не пишет об общественной психологии тех, кто выполнял приказы и приводил в действие вооружения.

И объяснения побед и поражений у него тоже сводятся к материально-техническим моментам.

Куда девалось громадное количество вооружений, изготовленных в СССР после начала войны? Суворов-Резун отвечает ничтоже сумняшея: всю подготовленную технику и вооружения нацисты уничтожили в первые дни, чуть ли не первые часы войны.

Было это все, было! Готовился Сталин к захвату Европы! Но уже загнанный в угол «ледокол революции», Гитлер в последний момент нанес упреждающий удар и уничтожил, разбомбил и пожег фантастическое количество оружия, снаряжения и техники.

Выглядит не особо убедительно. Даже непривычно после всегда убеждающих умозаключений Резуна.

Для того чтобы дать более внятное объяснение, потребовался другой человек.

МИФЫ МАРКА СОЛОНИНА

Сказав «А», приходится говорить и «Б». Владимир Резун первым начал деконструкцию мифа — и честь Резуну-Суворову. Будь славен, Виктор Суворов!

Но очень уж большой миф и чересчур великими силами создавался, десятилетиями прорастал в общественное сознание. Суворов только начал размонтировать здание этого мифа, и только. А за Суворовым естественнейшим образом потянулись и другие.

Марк Солонин уже пришел и уже сказал о Второй мировой войне чуть больше Суворова, открыл новые «великие» тайны.

Марк Солонин заговорил о «человеческом факторе». О той элементарной истине, что всякая военная техника приводится в действие людьми. Что мало проку даже от огромного количества самых хороших самолетов, если летчики на них — с низкой квалификацией.

ЧАСЫ НАЛЕТА?!?!?!²⁵

Всякое оружие, как и абсолютно любая техника, требует квалификации для применения. Чем сложнее техника — тем и квалификация выше. Проще всего — бежать в атаку с дегенеративным воплем «Уря-я-я-я!!!!!!!» и палить от бедра в белый свет, как в копеечку, из любимого сталинского пистолета-пулемета, символа современных вооружений. Уже винтовка требует более серьезного обращения и осмысленного применения. Еще сложнее приводить в движение танк, пулеметный ствол, артиллерийское орудие.

Солонин показывает на множестве примеров, что солдаты и офицеры Красной Армии попросту не обладали нужной квалификацией. По существу, они губили доверенную им технику или в лучшем случае использовали ее на незначительную часть возможного.

Очень интересная тема: при всем своем декларативном «демократизме» советская система ни в какие времена не была способна работать на человека и использовать его потенциал. Сталин и его сарычи, прозванные «соколами», искренне полагали, что колоссальные армии и громадное количество оружия и техники само по себе сделает их непобедимыми. И, как обычно, проиграли — именно потому, что не учитывали «человеческого фактора».

Пока не будем развивать эту тему, вернемся к Солонину.

Марк Солонин нимало не отрицал всего сказанного Суворовым... Он на Суворова опирался. В этом смысле Солонин, конечно, не ученик Суворова, но его последователь. «Если я вижу далеко, то это потому, что я стою на плечах гигантов», — сказал в свое время Чарлз Дарвин. С плеч Суворова его последователь сумел увидеть дальше того, кто первым вошел в эту дверь.

Он просто делает следующий шаг.

Марк Солонин показал, что нацисты не уничтожили накопленное для захвата Европы. И не истребили Красную Армию. Все проще: в 1941 году Красная Армия попросту разбежалась. Приграничные части состояли из жи-

телей западных областей СССР, «присоединенных» к СССР в 1939 году. При первых же ударах они побежали... А потом разбрелись по домам. В 1944 — 1945 годах в Советской Армии насчитывалось 3 млн «повторно призванных»: тех, кого вновь пошедшая на запад Советская Армия призвала второй раз.

Вот теперь, после Солонина, все становится окончательно ясно!

ЧЕГО НЕТ У СУВОРОВА С СОЛОНИНЫМ

Не только Суворов, рассуждающий в основном о калибре пушек и ходовых характеристиках танков, но и Солонин не произнес крамольной фразы... Вплотную подошел к ней... Фактически дал многие сведения... Но не решился переступить важный психологический запрет...

Придется решиться мне!

Дело в том, что Вторая мировая война для русского народа и всех народов СССР была еще и Второй Гражданской войной. Стоит понять это — и исторические пазлы собираются уже окончательно.

Начать с того, что Гражданская война только в советских учебниках шла с 1918 по ноябрь 1920 года. Якобы вот победили Врангеля — и все, и советские люди под руководством родной партии большевиков пошли строить счастливую мирную жизнь и готовить бесклассовое общество. Это не так.

1) Боевые действия между Красной Армией и Белой армией (Земской ратью государства братьев Меркуловых) на Дальнем Востоке продолжались до 1924 года.

Даже формально Гражданская война продолжалась по крайней мере до этого времени — пусть и не в Европейской России.

2) В СССР о боевых действиях против крестьянских армий писали как о «мятежах» и в лучшем случае как о восстаниях. В какой-то степени восстанием можно считать события в Петербурге и на всем Северо-Западе в 1921 году. Это восстание вошло в историю как «Кронштадтский

мятеж» — коммунисты пытались преуменьшить масштабы события.

Но разве движение крестьян на Тамбовщине было восстанием? «Зеленые» в Тамбовской губернии с самого начала Гражданской войны существовали автономно. Они слабо поддерживали белых, но с красными воевали до осени 1922 года. Они не «восстали», они продолжали войну. А коммунисты, разделавшись с белыми армиями, активизировали войну с «зелеными» ополчениями крестьян.

Точно так же и крестьяне Сибири никогда не были подданными Совдепии. Они не могли ни «изменить» советской власти, ни «восстать» против нее даже при сильном желании.

Война с «зелеными» 1920 — 1924 гг. была не цепью восстаний, а продолжением Гражданской войны. На этой стадии войны погибли 238 тысяч красноармейцев²⁶ и порядка миллиона вооруженных крестьян и мирного населения, заложников и истребленных.

И дату конца боевых действий назвать трудно. На Сахалине последние «зеленые» партизаны были разбиты в 1925 году. В Крыму последние «зеленые» и татарские националисты сдались в 1926 году. В Якутии последние «зеленые» партизаны были разбиты только в 1929 году. «Армия ислама» Джунайд-хана последний раз приняла бой в 1934 году.

Уже этих данных достаточно, чтобы понять: и после 1920-го, и после 1922 года Гражданская война продолжалась.

3) В 1920 году за границу ушли белые армии: сотни тысяч вооруженных людей, принимавших присягу. Все они считали себя русскими или россиянами и никогда не были враждебны России. Но они находились в состоянии войны с Советами и были непримиримыми врагами советской власти и самой идеи коммунизма.

С руководителями белого лагеря никто и никогда не заключал мирного договора и не признавал своей капитуляции. Формально армии Врангеля, Юденича, атамана Семенова, Земская рать правительства Меркуловых во Владивостоке, боевая дружина генерала Пепеляева находились в состоянии войны с советской республикой.

Люди из Российского Общевоинского Союза и Братства Русской Правды, белые солдаты и офицеры, проникали в СССР, совершали теракты, продолжали Белую борьбу другими средствами.

Коммунисты тоже продолжали войну на территории других государств. Война с Белыми армиями была перенесена на территорию других стран, велась другими средствами, но вовсе не завершилась.

В 1928 году при весьма странных обстоятельствах скончался барон Врангель. В 1930 году убит при попытке похитить его агентами НКВД генерал Кутепов. В 1937 году похищен агентами НКВД и вывезен в Москву новый председатель Российского Общевоинского Союза генерал Миллер. Похищение совершилось с целью продвинуть на пост председателя РОВСа агента НКВД генерала Н.В. Скоблина.

Отправляясь на встречу и чувствуя опасность, Миллер оставил записку сотрудникам с указанием, к кому он отправился вместе со Скоблиным. Поэтому захватить РОВС коммунистам не удалось. Генерал Миллер был расстрелян в Москве 11 сентября 1939 года, уже после начала Второй мировой войны, накануне вступления Красной Армии на территорию Речи Посполитой.

С белыми эмигрантами, которых удавалось захватить во время рейдов на территорию Польши, Румынии или Китая, и с теми, кто возвращался в Совдепию, поверив красной пропаганде, поступали по законам военного времени.

И после Второй мировой войны тоже. Все бывшие русские подданные, которых застал рейд Красной Армии в Китае в 1945 году, были уничтожены или сосланы. В особенности сурово поступали со всеми социально активными людьми: кто в эмиграции высказывался хоть о чем-то политическом.

Гражданская война продолжалась и после Второй мировой войны. Оставляя русскую землю, Белая армия вывозила с собой прах своих солдат и офицеров: красные окверняли и уничтожали могилы. В 1921 году прах В.О. Каппеля, умершего на льду Байкала в 1920-м, был перенесен из Читы в Китай и захоронен в Иверской церкви города Харбина в Маньчжурии.

А в 1955 году установленный на могиле В.О. Каппеля памятник снесен по требованию СССР: после перехода власти от Чан Кайши к Мао Цзэдуну. Коммунисты в 1955 году довоевали. В 1955-м довели до конца то, чего не смогли сделать в 1921-м.

Уже этих данных достаточно, чтобы понять: и после 1920-го, и после 1922 года Гражданская война продолжалась.

Это была вовсе не только война русских с русскими и не война народов Российской империи друг с другом или их разных партий. Гражданская война с самого начала считалась Мировой войной пролетариев с буржуями. Фактически она была войной утопии с исторически сложившейся реальной политической, общественной и экономической жизнью. Такая война не признавала никаких границ между государствами.

В каждом государстве и в каждом народе коммунисты видели угнетенный пролетариат и эксплуататоров — буржуев. Они считали, что рано или поздно Гражданская война вспыхнет везде, во всех государствах. Земшарная республика Советов — неизбежна!

В разделе Первом Конституции СССР 1924 года, «декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик», прямо писалось:

«Воля народов советских республик, собравшихся недавно на съезды своих Советов и единодушно принявших решение об образовании Союза Советских Социалистических Республик, служит надежной порукой в том, что Союз этот является добровольным объединением равноправных народов, что за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза, что доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику»²⁷.

Остается поражаться или слепоте, или чудовищному лицемерию тех, кто отрицает: СССР готовился к войне. Конечно, готовился. И не только в конце 1930-х годов. СССР ВСЕГДА готовился к войне и вел войну. Он и был создан, как временный военный лагерь на пути к Земшарной республике Советов.

Различия в позициях Троцкого и Сталина не так уж сильны. Троцкий слишком уж увлекся своим собственным красноречием и красноречием коллег. Он думал, что Мировую революцию можно и должно подтолкнуть пропагандой марксистских идей.

А Сталин (и уж, наверное, не он один) полагал, что агрессия уже захваченной коммунистами страны против других — самый лучший способ организовать эту самую Мировую революцию. То есть революции — вооруженного восстания масс — в этом случае может и не быть. А Гражданская война есть: война армий за разный политический строй. Сперва Гражданская война, а уж потом, может быть, и революция, если аборигены оценят. И Гитлера он называл именно «ледоколом революции», а не «ледоколом империи» или «ледоколом СССР». Стремясь завоевать весь мир, Сталин только продолжал начатое в октябре 1917-го. Только иначе.

Вот Виктор Суворов судорожно доказывает исходную агрессивность СССР в конце 1930-х годов... И это вызывает улыбку у историка: ну что ломится в открытую дверь?! СССР и создавался как плацдарм для завоевания мирового господства. Суворов приводит только отдельные, поздние примеры, не более.

ОПЫТ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОЙН

Победив, революция пытается распространить себя и на соседние страны. Французская революция²⁸ пыталась принести то, что она считала своим высшим достижением, в Италию, Германию, Испанию. Принести на штыках французской армии. Гражданская война сделалась одновременно и национальной войной.

Так же точно и коммунисты еще до переворота Сталина в 1929 году были готовы вторгаться в другие страны,

чтобы принести в них советскую власть. Гражданская война создала опыт: советскую власть удалось принести в Среднюю Азию, Грузию, Армению, на Украину и в Молдавию. Не будь штыков Красной Армии — там не было бы советской власти. Национальная война велась не за территорию и ресурсы, но за право установить в стране другой политический строй. Национальная война легко переходила в гражданскую.

Но никакая болезнь и никогда не проникнет в здоровое тело. Никакие немецкие денегки, никакая пропаганда еврейских и европейских умников никогда не свалили бы Российскую империю, не ввергли бы ее в Гражданскую войну, если бы Российская империя была бы совершенно здоровым организмом.

Точно так же и никакая военная агрессия Советской России или СССР не могла бы установить советскую власть без помощи населения захваченных стран. Польша не стала советской не потому, что она большая и сильная, а потому, что против советской агрессии пошли даже польские коммунисты и анархисты. Никто в Польше не хотел становиться частью государства с центром в Москве. Эстония маленькая, но и она отстаивала свою независимость. А Украина большая, но в ней были те, кто помогал большевикам ее завоевывать. И в маленькой Армении этих любителей хватало.

Советской власти в Армении не было бы и в том случае, если бы все армяне дружно поднялись против советской власти. Но часть армян были коммунистами, они и сами хотели советской власти. Они помогали Красной Армии и устанавливали советскую власть вместе с комиссарами из Москвы.

Гражданские войны в странах Европы вспыхивали и без всякой провокации со стороны СССР. «Красное двухлетие» в Италии, Гражданская война в Испании 1936 — 1938 годов, Великая забастовка 1926 года в Британии, Гражданская война 1926 года в Польше, фашистские перевороты в Болгарии, Венгрии, Румынии, Литве, Латвии происходили и без введения советских войск. Тем более без «руки Москвы» началась Гражданская война в Китае, и

Китай распался на 8 враждующих государств. СССР не имел никакого отношения к множеству революций и путчей в странах Латинской Америки.

Между 1914 и 1945 годами мир неузнаваемо изменился. События в России были важны, но они — только часть событий во всем мире. С 1914 года мир вступил в полосу войн и революций, продолжавшуюся 21 год... Он вынырнул из этой кровавой «полосы» совершенно другим! Как герой сказки, ныряющий в кипящее молоко или в кровь. Нет ни одной страны, в которой за этот 21 год не изменился бы политический строй. В одних странах он изменился не очень значительно, в других все стало совершенно иным, но никто не остался таким же, как был до 1914-го.

На фоне этого двадцатилетия Вторая мировая война — только завершающая фаза Мировой гражданской войны.

Историки спорят: прогремели на свете две Мировые войны, 1914 — 1918 и 1939 — 1945 годов, или была только одна Мировая война, но с большим, сравнительно мирным, перерывом между активными фазами?

Но точно так же, как задаются вопросом о числе Мировых войн, можно спросить и иначе... А сколько было Гражданских войн? Было их много в разных странах, с разными датами, или все это одна, растянувшаяся во времени, грандиозная Мировая Гражданская война 1914 — 1945 годов? В этой Мировой Гражданской войне Гражданская война в России 1917 — 1922 года — только один из эпизодов. Вторая мировая война — тоже один из эпизодов.

На мой взгляд, вопрос только в одном: считать ли Мировой Гражданской войной весь период 1914 — 1945 годов или только 1939 — 1945?

РОССИЯ — ПРОДОЛЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Наверное, самый подлый и самый лживый из тезисов официальной советской пропаганды: о политическом единстве советского народа.

К 1939 году в СССР было множество людей, вовсе не разделявших воззрения коммунистов, а то и враждебных этим идеям. Не будем даже говорить, что в зарубежье жи-

ло до миллиона активных врагов советской власти и что они охотно работали на финскую, германскую, американскую, китайскую, японскую разведки и армии.

Число советских перебежчиков в Финляндию, Китай и Персию, Румынию и Польшу исчисляется по крайней мере десятками тысяч человек.

В 1941 году Красная Армия частично разбежалась — новобранцы из западных районов СССР. Частью же Красная Армия сдавалась в плен батальонами, полками и чуть ли не дивизиями.

Число сдавшихся называют разное: от 3 — 5 млн до 4 — 5 млн. Приблизительность цифр доказывает одно: толком никто не считал. Именно по их поводу Сталин произнес свое знаменитое: «В Советском Союзе нет военнопленных. В Советском Союзе есть предатели».

Заметим: Сталин поступил с этими людьми не как монарх, президент, глава правительства. Он действовал по законам Гражданской войны. И когда решал, что за сдавшихся в плен отвечают члены их семей, он поступал по законам той, казалось бы, уже давней Гражданской войны 1917 — 1924 годов.

И он сам, и его окружение были сформированы Гражданской войной и как личности, и как политические деятели.

Но их решения и их политические пристрастия совершенно не обязаны были разделять все россияне.

Известно, что в вермахте служило много жителей Советского Союза: 310 тысяч русских, 53 тысячи казаков, 250 тысяч украинцев, 110 тысяч человек из народов Северного Кавказа, волжских татар — 40 тысяч, крымских татар — 20 тысяч, других тюркских народностей — 180 тысяч человек. Это на начало 1945 года, и к тому же в это число не входят эстонский, латышский легионы СС, несколько литовских батальонов СС.

Если граждане одной страны воюют во враждующих армиях — то что это, если не гражданская война?!

Казачья в 1941-м раскололась на прокоммунистические и пронацистские силы. Казачья белая эмиграция встала во главе казачьего коллаборационизма, а во главе казачьих

частей стоял штандартенфюрер СС, казачий батько Гельмут фон Паннвиц.

Крымские татары и народы Северного Кавказа (чеченцы, карачаевцы, калмыки) дали примерно одинаковое количество добровольцев в вермахт и в Красную Армию. Если это не раскол народа и не гражданская война, то что же это?

Как видно, во время событий 1941 — 1945 гг. между собой воевали не только и даже не столько национальные силы, сколько политические. Сидели в окопах друг напротив друга, стреляли друг в друга из пушек и ружей, сходились в рукопашных люди одних народов. И в огромном большинстве случаев речь шла не об «отдельных отщепенцах» — это позднейшая пропагандистская утка, речь идет о расколе народов по политическому принципу.

Всегда, когда в столицу временно оккупированной страны (нациками или комиками, без разницы) вступала национальная армия, всегда речь шла об определенной политической силе! Которая планировала использовать получение власти для проведения своей политики и реформ в соответствии со своей идеологией.

Не только военнослужащие вермахта, но и угнанные на работу, трудившиеся в спецлагерях, носившие на одежде специальный знак «Ост» — и из них не больше 15% хотели вернуться в СССР. Если читателю очень хочется, он может считать, что 85% бывших советских людей были негодями и предателями по духу. Но и в этом случае Гражданская война — налицо.

Число «перемещенных лиц» в Германии на 1945 год неизвестно. Согласно официальной советской статистике, в 1945-м «вернулись на родину» 5 236 130 человек. Статистика наверняка не полна: слишком многие пытались спрятаться, сбежать, укрыться от возвращения в СССР. Но судьбы их уже предрешены.

СГОВОР В ЯЛТЕ

Послевоенная система родилась как результат сговора нескольких самых сильных стран земного шара. Каждая из них охотно распространила бы свой политический строй

на весь земной шар. Ведь Гражданская война идет Мировая. Не только Сталин охотно создал бы Земшарный СССР. Англосаксы охотно сделали бы земной шар сплошным скоплением «демократических республик», экономически зависящих от США и Британии.

В ходе Мировой гражданской войны самые сильные державы не могут одолеть друг друга и потому договариваются о том, каким будет послевоенное устройство мира. Это происходит на Крымской конференции, в Ялте, 4 —

11 февраля 1945 года. Встреча У. Черчилля, Ф.Д. Рузвельта, И.В. Сталина при участии министров иностранных дел и начальников штабов: три победителя во Второй мировой войне откровенно делили добычу.

Народы воевали и строили, люди надеялись и верили, что приближают «этот День победы». Что после Дня победы они смогут хоть как-то влиять на устройство своей жизни. А все уже было решено. И, может быть, самое отвратительное, самое издевательское в этом то, что решали за другие народы, делили мир державы, объявившие сами себя воплощениями демократии и светочами прогресса.

В Коммюнике конференции три державы решали, что после поражения Германии каждая из них оккупирует определенную зону, а Большой Берлин будет находиться под совместным управлением. Германия должна была находиться под совместным управлением трех держав-оккупантов, главнокомандующие которых будут находиться в Берлине. Разделены были и будущие репарации.

Немцы еще умирают на фронтах, еще поднимаются в безумные атаки. Немецкие женщины харкают кровью, учатся жечь фаустпатронами танки на улицах собственных городов. Еще собирается «фольксштурм»: старые да малые, младше 16 и старше 60 лет. Они идут умирать под гусеницами советских танков с шибко веселой народной песней:

Wir — «neue Waffen»,
Wir — alte Affen.

Что означает по-русски:

Мы — «новое оружие»,
Мы — старые обезьяны.

Еще где-то бегут вдоль линии фронта немецкие коммунисты — служащие Советской Армии. Они бегут с рупорами в руках, кричат через линию окопов призывы сдаваться, бить нацистов, переходить на сторону Советов, строить демократическую Германию. Еще немецкий же снайпер, скрипнув зубами, ловит «предателей» на мушку по слуху, на голос.

А все уже сосчитано, поделено. Известно, как эти люди будут жить, в каких условиях, сколько они будут платить и кому.

В «Декларации об освобожденной Европе» державы дружно заявляли, что они будут согласовывать свои действия при решении политических и экономических проблем Европы после войны. На Крымской конференции декларировалось, что все народы Европы смогут «создать демократические учреждения по собственному выбору»²⁹. А если выбор народа — фашизм? А если — национал-социализм?

Ах! О таких ужасах у нас до сих пор не принято говорить!!!

Союзники договорились о том, что будущее государственное устройство Югославии решит Временное объединенное правительство, в которое войдут все политические силы — от коммунистов до монархистов.

Было также решено, что в правительство будущей Польши войдут и польские политические эмигранты — ее законное правительство, бежавшее за границу в 1939 году. Определялась будущая граница Польши, и решено было отдать Польше давно онемеченные земли на севере, например, Гданьск-Данциг, и на западе — Щецин.

Но одновременно решалось, что Вильно станет литовским Вильнюсом, а Львов станет украинским городом. Немцев выгонят из собственных домов, прикладами забьют в товарные вагоны и навсегда увезут из Данцига, где родилось и выросло больше двадцати поколений. Но точно так же поляки из Львова и Вильнюса будут поставлены перед простым выбором — бежать с родины или быть истребленными.

Было также решено, что не позднее, чем через 2 — 3 месяца после капитуляции Германии СССР вступит в

войну с Японией и получит Южный Сахалин и Курильские острова. На этих землях еще живут японские поселенцы, они еще строят какие-то планы, на что-то рассчитывают и надеются — но и они уже обречены.

Разбредаются по Европе угнанные на восток украинцы, русские и белорусы... Большинство из миллионов «перемещенных лиц» хотят немногого — хоть как-то устроиться и отдохнуть, не возвращаться в Советский Союз. Но и их судьба предрешена: на Ялтинской конференции разбойники договорились, что в Советский Союз должны вернуться все, кто на момент начала войны был гражданином СССР. Независимо от своего желания. Если власовцы, казаки или кабардинцы сдаются в плен союзникам — они тоже подлежат выдаче.

ВЕЛИКОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Весной 1945 года Русская освободительная армия генерала Власова, РОА, еще ведет какую-то самостоятельную политику. Она еще вступает в бой за Прагу: нацисты заминировали город, хотят его взорвать, как взорвали Варшаву. Чехи подняли восстание, зовут на помощь.

В учебниках по истории СССР писалось много самых разнообразных сказок; одна из них про то, как 8 мая 1945 года восставшие жители Праги бросили по радио клич: «Красная Армия, выручай». На самом деле радиопризыв был на трех языках сразу — на русском, французском и английском. Почему на русском? А потому, что чехи знали о русских частях вермахта. Звали они не Красную Армию.

В СССР изо всех сил скрывали, что Прага освобождена от гитлеровцев силами власовской армии. Но что поделать? Факт остается фактом — дивизия Власова первой пришла на помощь чехам, опередив и советские войска, и американцев. Именно она фактически спасла чехов от резни, а Прагу — от неминуемого превращения в каменную пустыню. Более 300 власовцев заплатили за это жизнью, в несколько раз больше были ранены. После 1989 года в Праге поставлен памятник солдатам и офицерам власовской армии.

Но факт и другое — помогая чехам, власовцы потеряли несколько драгоценных дней, когда они могли бы уйти в глубь американской зоны оккупации. Они оказались зажаты между боевыми порядками 25-го советского танкового корпуса и 3-й танковой американской армии. Американцы отказались пропустить 1-ю дивизию Власова. Несколько дней шли переговоры. Лично Власову и людям из его окружения несколько раз предлагали переодеться в штатское и бежать. Он отказался.

Многие американские офицеры относились к власовцам сочувственно, но — люди военные — они получили приказ, и они выполнили приказ. Командующий третьей армией Д. Паттон категорически отказался взять власовскую армию в американский плен и посоветовал только пробиваться на запад мелкими группками. 12 мая дивизия официально была распущена последним приказом генерал-майора С.К. Буняченко. Началось массовое неорганизованное бегство людей; американцы доносили, что «белые русские» бегут от Красной Армии, «как звери». Руководство армии приказало открыть огонь по спасающимся русским, велело «задержать всех белых русских и выдать их Красной Армии». 12 — 14 мая шло планомерное уничтожение остатков дивизии, расстрел безоружных людей, которым не стало места на земле. Из 10 тысяч спасителей Праги уцелели буквально единицы.

Что тут сказать? Наверное, так: да здравствуют Соединенные Штаты — верные союзники Сталина! Ура американской демократии!

В числе спасшихся — командир батальона 3-го полка П.Н. Кучинский — он выдал местоположение и опознал А.А. Власова. За этот воинский подвиг, достойный настоящего советского человека, ему присвоили звание капитана Советской Армии и дали ему орден Отечественной войны 1-й степени.

Впрочем, еще неизвестно, как сложилась бы судьба власовцев, и сдайся они американцам. В 1945 — 1947 годах англичане и американцы выдали на верную смерть несколько сотен тысяч русских людей, не желавших возвращаться в СССР.

Подробности ужасны. Русских людей обманывали до последнего момента, были случаи, когда им подмешивали в кофе снотворное и выдавали СМЕРШу спящими. Английский капитан Дэнис клялся именем королевы, что устроит русским казакам встречу с фельдмаршалом Александером, после чего отвез их прямо в расположение советских частей.

Доблестные англичане, природные рыцари, чьи офицеры очень гордились своим джентльменством, сами принимали участие в убийствах и пытках. 1 июня 1945 года 8-м Аргайльским батальоном со страшной жестокостью был разгромлен Казачий стан. Массовыми самоубийствами сопровождалась выдача в Лиенце Казачьего стана генерал-майора Т.И. Домашевского и 15-го казачьего кавалерийского корпуса трехдивизионного состава Г. фон Паннвица. Детей, стариков, женщин, раненых избивали ногами и прикладами, силой швыряли в подошедшие грузовики. Английские солдаты очень веселились, когда казаки убивали жен и детей, оставляя последнюю пулю для себя. Остается пожалеть, что пулю они оставляли не для британских подонков.

И в американской зоне оккупации 19 января 1946 года в Дахау 14 человек покончили с собой, 21 человек пытались убить себя. В Платтлинге 24 февраля 1946 года тоже прошли массовые самоубийства. Американцы и англичане старались спасти самоубийц и всегда выдавали их — порой еще в бинтах.

Генерал-майор В.И. Мальцев в 1938 — 1939 годах провел 11 месяцев в Ашхабадской тюрьме, где подвергался страшным истязаниям, но не подписал никаких «признаний». Этот человек шел за Власовым совершенно сознательно и идейно. В американском плену он писал отчаянные письма генералу Эйзенхауэру, стремясь спасти своих офицеров от выдачи. Он выражал полную готовность предстать перед международным судом.

В момент выдачи, 16 августа 1945 года, Мальцев перерезал горло заржавленной бритвой. Американцы поместили его в закрытый советский госпиталь, оттуда он переведен в Бутырскую тюрьму. На суде Мальцев держался непримиримо.

Американская военная пресса очень веселилась по поводу самоубийств; сохранилось немало статей, так что отвертеться от фактов американцам будет непросто.

Любопытно, что уже в 1970-е годы А. Иден (лорд Эйвон), персонально отвечающий за «проведение всей этой политики», неоднократно писал графу Н.Д. Толстому, автору книги «Жертвы Ялты», «пытался оправдать репатриации, отказываясь в то же время отвечать на конкретные, причем ключевые вопросы»³⁰. По-видимому, считал, что все было правильно. В 1995 году ангlosаксы и французы пышно отпраздновали окончание II Мировой войны. И ни слова покаяния. Все в порядке.

Не менее ужасна участь югославских четников, воевавших против коммунистов Тито. Тот же самый капитан Дэнис выдал словенский корпус Льва Рупника вместе с больными, ранеными, инвалидами. В грузовики швыряли даже инвалидов в гипсе и слепых, потом прикладами стали загонять медицинских сестер и врачей. Среди самоубийц были дети 13 и 14 лет, брат и сестра. Они были неумелые, не довели дела до конца, и добрые английские солдаты помогли подросткам, добились их штыками.

Один из очевидцев описывал, как «бежал, вернее, скакал... инвалид на костылях. Отталкиваясь от земли своими подпорками, громадными прыжками несчастный пытался укрыться в лесу. Английские солдаты встали на колено и стали бить в него из карабинов. Они хохотали. Они веселились»³¹.

Хорватским четникам обещали, что их отвезут туда, где их ждет король Петр II. Монархисты с криками радости штурмовали грузовики — торопились на встречу со своим королем.

Этих четников выдали вместе с членами их семей. Все 16 тысяч человек расстреляли и сбросили в Кочевскую пропасть. Потом в пропасть спустили взрывчатку, трофейные фаустпатроны и подорвали — чтобы уж наверняка никто не спасся.

Строго говоря, по ялтинским соглашениям выдаче не подлежали ни западные украинцы и белорусы, ни граждане прибалтийских государств, ни белая эмиграция, в том

числе ни Шкуро, ни Краснов, ни Семенов — ведь все они ни единого дня не были гражданами СССР. Тем более, не было и не могло быть никаких документов о выдаче одних граждан Югославии другим.

Но конечно же, когда речь зашла об «умиротворении» Сталина, синим огнем горели все международные соглашения. Очень уж нужен был Сталин западным демократиям, чтобы ссориться с ним из-за каких-то там прав человека или других глупостей.

Что до Краснова и Шкуро — то красные накопили к ним слишком уж много счетов и уж очень хотели напиться их крови, включая и кровь писателя и общественного деятеля Петра Николаевича Краснова. 17 января 1947 года он был повешен в Москве, не дожив до 78 лет восьми месяцев.

По официальным данным, П.Н. Краснов «был захвачен советскими войсками». Но это ложь: доблестные союзники Сталина выдали и его, и всех остальных людей, числом до полутора миллионов; людей, порой доверчиво ждавших, что их спасут те, кто столь восторженно хвастал своей «демократией».

Мне известны только три случая, когда официальные лица Запада выступали против этих выдач. Папа Римский Пий XII официально высказался против выдачи людей «вне зависимости их воли и отказа в праве убежища».

Другой — это даже не клерикал, это очень плохой человек, злой фашист генерал Франко. На Восточном фронте воевала испанская «Голубая дивизия», и Франко вполне мотивированно спросили:

— А если бы кто-нибудь из ваших военных выдал бы Сталину русских?

— Повесил бы высоко и коротко! — рявкнул Франко. — А до того яйца бы оборвал!

И дальше он еще долго высказывался о депортациях в выражениях, которые не позволяют воспроизвести их на бумаге.

Не выдал ни одного из интернированных в Лихтенштейне премьер-министр этого маленького государства А. Фрик (сын крестьянина, в отличие от британских джентльменов). Советские дипломаты грозили ему, что если Лихтенштейн

не выдаст интернированных на его территории солдат и офицеров 1-й русской национальной армии, СССР никогда не установит ни дипломатических, ни экономических отношений с Лихтенштейном. «Ваше дело, — ответил премьер-министр, — но я не хочу, чтобы мои внуки когда-нибудь смогли сказать, что их дед был убийцей». По-видимому, английские аристократы не имеют ничего против этого звания.

Неоднократно против политики выдачи выступали немецкие генералы и офицеры — но они выступали в защиту однополчан, и отношение к ним было понятным: «Что?! Эта бошская свинья еще гавкает?!»

Но вот характерная деталь: когда в Австрии союзники — англичане и американцы стали выдавать сталинской охранке казаков, казачий батько и генерал-майор вермахта Гельмут фон Паннвиц сам пошел за своими однополчанами и разделил их судьбу — был казнен коммунистами в Москве в 1947-м. 144 офицера вермахта добровольно ушли в плен со своими русскими однополчанами, 690 казачьими офицерами³². Вечная слава героям.

Переводчик Р. Ресслер добровольно остался с Власовым, хотя в момент ареста Андрея Алексеевича его пытались отделить от начальника. Он вернулся в ФРГ в 1955 году, отсидев в ГУЛАГе 10 лет.

Удивительно, но факт — жизнь в Третьем рейхе и служба в рядах вермахта формировала более высокие человеческие качества, чем жизнь в демократии и служба в рядах армий-освободительниц.

Имеет смысл подчеркнуть еще раз — ни западные народы, кичащиеся «демократией», ни правители этих держав не имеют никаких прав на «белые одежды». Я бы даже сказал, что в ряде случаев у западных народов меньше прав на белые одежды, чем у немцев, а у правителей западных стран меньше прав называться порядочными людьми, чем у Гитлера и Бормана.

Какое право имеют осуждать Орадур и Бабий Яр английские солдаты, со смехом стреляющие по спасающемуся калеке? Швыряющие в грузовики человека в гипсовом корсете на обеих ногах? Прикальвающие штыками двух неудачных самоубийц-подростков?

Да никакого! Интересно только, в каких комиссиях по правам человека заседали, кого учили жить, вернувшись на родину, эти радостно смеявшиеся люди, убийцы обреченного калеки?

Что касается вождей народов, то тут возникает вопрос... Очень страшный... Очень неприличный вопрос... Даже вымолвить боязно... Скажите — а чем Рузвельт и Черчилль принципиально отличаются от своего союзника Сталина? И более того — а чем они принципиально отличаются от Гитлера и Риббентропа? Тем, что они выиграли войну, да? А еще чем?

ТРЕТИЙ МИФ СУВОРОВА, ИЛИ НЕУДАЧЛИВЫЙ МАНИПУЛЯТОР

Что еще выдает Суворова как глубоко советского человека: он очень уважает гражданина Джугашвили...³³ В смысле Иосифа Сталина. У Суворова получается, что Гитлер не сумел провести «очищение» своей армии и своего государства. И потому у него были плохие генералы и негодные политические деятели. Вот Сталин очищение произвел — перестрелял «ленинскую гвардию», уцелевших революционеров, и потому его государство и его армия были активные, жизнеспособные. Его «винтики» государства оказались сильнее, чем служащие в вермахте. Надежнее. Целую книгу посвятил тому, как Сталин очищал и улучшал свою армию от Тухачевского и Якира³⁴.

Правда, сам же Суворов не очень последователен: он порой пишет о «сталинских соколах» такое, что волосы дыбом. По маршалу Жукову прошелся так, что становится очевидно: нет ничего общего у Жукова с Мольтке, фон Браухичем и Гудерианом³⁵. У Тухачевского и Якира с ними ничего общего нет — убедил Суворов, убедил! Но и у Жукова и Конева с Гудерианом тоже ничего общего нет. В том числе и по эффективности их деятельности. Любой лейтенант Гудериана стоит трех Жуковых, взятых вместе.

Возможно, Суворов и не хотел этого показать. Возможно, он честно пытался показать, что Жуков и Конев чем-то лучше... Но у него получилось вот это!

А главное — Сталин у Суворова как-то не заслуживает оргастического трепета. Суворов этот трепет то ли честно испытывает, то ли пытается имитировать, чтобы все видели. А получается плохо.

У него Сталин получается все-таки редкостным неудачником. Абсолютно все начинания Сталина заканчиваются провалом и ни к чему хорошему не приводят.

Для начала Сталин реализовывал идею Мировой революции через дружбу с Гитлером. Почти совсем его обманул, но тут «ледокол революции» сам обманул Сталина: вышел из-под контроля и сам напал на вождя первого государства рабочих и крестьян.

Сделавшись поневоле врагом Гитлера, Сталин снова стал делить мир, уже с правителями «загнивающих буржуазных лжедемократий». Способ тот же — тайного сговора.

В 1941 году было не так просто откреститься от прежнего союзника и войти в дружбу с новыми. «Пришлось» совершить много не очень почтенных действий.

Еще в июне 1941 года правительство СССР «в упор не видело» дипломатических представителей стран, захваченных Гитлером, но установило дипломатические отношения с марионеточным правительством Виши. Теперь пришлось признать все правительства стран, оккупированных Гитлером, — и не коммунистических марионеток, а как раз те силы, которые признавать не хотелось: эмигрантское польское правительство в Лондоне, правительство генерала де Голля.

В 1943 году возрастают силы СССР, и опять Сталин успокаивает союзников, проводит Тегеранскую конференцию, начинает обсуждать будущие границы оккупационных зон в Европе.... Одновременно он отказывается от мрачноватой армейской символики Гражданской войны. Он вводит погоны и международную систему воинских чинов, ликвидирует Коминтерн летом 1943 года, а в сентябре проводит Собор епископов Русской Православной Церкви.

То есть вроде бы очевидно — антигитлеровская коалиция существует только до тех пор, пока существует Гитлер. Но Сталин не торопится переходить к конфронтации — Германия еще сильна, он хочет получать поставки по ленд-лизу, хочет добиться открытия Второго фрон-

та...И совершает ряд шагов, позволяющих думать — СССР готов либерализовать внутренний режим после войны.

Н.Н. Краснов-младший оставил записки, в которых, помимо всего прочего, приводит слова следователя В.Н. Меркулова: «Но что вы поверили англичанам — это действительно глупость! Ведь это — исторические торгаши! Они любого и любое продадут и глазом не моргнут. Их политика — проститутка. Их Форейн Офис — публичный дом, в котором заседает премьер — главная дипломатическая «мадам». Торгуют они чужими жизнями и своей собственной смертью. Мы? Мы им не верим, полковник. Поэтому мы и взяли вожжи в свои руки. Они и не знают, что мы их заперли на шахматной доске в угол и теперь заставили их плясать под нашу дудку, как последнюю пешку. Рано или поздно произойдет схватка между коммунистическим медведем и западным бульдогом. Милости нашим сахарным, медовым, пресмыкающимся и заискивающим союзникам — не будет! Полетят к чертовой матери все их короли со всеми их традициями, лордами, герольдами, орденами Бань и Подвязок и белыми париками»³⁶. Если так говорил рядовой следователь, то что же думал «отец народов»?

В какой степени понимали игру Сталина те, кого сам он именовал «наши доблестные союзники»? Неужели интеллеktуал Рузвельт, умный и циничный Черчилль не могли раскусить наивной тюремно-лагерной хитрости уса-того пахана? Ведь все было шито белыми нитками!

Понимали ли они, руководители западного мира, что на самом деле думает о них кавказский вор, ставший диктатором Советского Союза? Была ли у Рузвельта и Черчилля надежда все-таки переиграть Сталина, обмануть обманщика? Или они рассчитывали на экономическую удавку? На то, что Сталин не сможет существовать без ввоза машин и продовольствия, окажется поневоле послушен? Или расчет был на ядерное оружие? Скажу откровенно — не знаю. Не уверен даже, что вообще какой-нибудь расчет был. Возможно, выдачи в Лиенце, все «Великое предательство» объясняются просто — обычным колонизаторским отношением к русским вообще. Ну подумаешь, выдали нескольких негров другому туземному вождю... Делов!

Но что самое интересное — дважды находя союзников, дважды начиная делить с ними мир, в обоих случаях Сталин обманулся в своих планах и прогнозах. Великий государственный деятель? Но он каждый раз ухитрялся совершить невероятные усилия и получить за них неоправданно мало. В том числе, похоже, и потому, что он совершенно не понимал психологии своих союзников, не видел, что для них действительно приоритетно, за что они готовы сражаться не на шутку.

В результате со Сталиным происходило то же самое, что рано или поздно происходит с любым манипулятором: как бы хитро он ни вил паутину, все равно он никак не может просчитать все действия другого человека. Если бы он был честен в своих отношениях с другим, всегда можно было бы договориться... Но манипулятор рассчитывает получить что-то, о чем вовсе не договаривается; он рассчитывает, что его партнер выдаст предсказуемую и заранее учтенную реакцию, и она-то и будет выигрышем... И проигрывает, потому что партнер выдает реакции вовсе и не предсказуемые (как и следовало ожидать).

Даже гораздо более близкий и понятный для Сталина Гитлер совершил нечто непредсказуемое и неожиданное. А уж «его доблестные союзники»... Сталину так и не достался даже тот кусок мира, который союзники отвалили ему в Ялте, — до конца своей жизни он никак не мог полностью завоевать даже Западной Украины и Литвы, не говоря о Венгрии и Польше (психологии польских и литовских патриотов он, естественно, тоже не понимал).

Что же до Германии, до власти над миром... стоит ли вообще повторять сказочки для полудурков, живущих не в реальном мире, а в причудах собственных фантазмов?

Конечно, «многие решения К.к. (Крымской конференции. — *А.Б.*)... не нашли своего послевоенного осуществления ...по вине западных держав, взявших курс на раздувание «холодной войны» против социалистических стран, на возрождение западногерманского милитаризма и реваншизма»³⁷.

Получается — даже с помощью тайного раздела мира, ценой истребления миллионов людей Сталин не смог до-

биться не только власти над миром... Он не смог добиться намного более скромных вещей... Например, он не смог сделать Германию своим сателлитом.

МИРОВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Вторая мировая война была гражданской не только для СССР. Это был взрыв, в ходе которого почти во всех государствах Европы и мира сменился политический строй.

До Великой войны 1914 — 1918 годов мы видим один мир. С «пятью Великими державами», абсолютным лидерованием стран Европы, с сочетанием монархии и либеральной демократии во внутренней политике ведущих держав.

После 1945 года возникает совершенно другой: с другими лидерами, другим политическим, экономическим и общественным строем, другими приоритетами.

В огне Первой мировой войны прежнее мироустройство рухнуло, а новое не появилось. Все страны мира оказались перед необходимостью выбора.

Версальская система завязала множество узелков международной напряженности. После Революции 1917 года и Гражданской войны 1917 — 1922 годов остро встал вопрос о политическом строе ...по сути дела во всех странах Европы. Мировая политическая система и направление развития во всех государствах Европы оставались очень неопределенными. Период 1918 — 1939 гг. в мировом масштабе — период промежуточности, неопределенности, переходности.

Италия долго металась между социализмом, демократией и фашизмом.

В Испании фашизм стал спасением от коммунистического и анархического эксперимента — в ходе Гражданской войны 1935 — 1938 гг.

Франция: кризис либеральной демократии, рост сил социал-демократов, проблема авторитаризма, реставрации монархии, роста коммунистических сил.

Великобритания: агитация в пользу коммунизма и национал-социализма. Нарастание автократизма власти, рост автономии управленческого аппарата от демократически избираемых органов представительской власти.

Восточная Европа с конца Первой мировой войны между коммунизмом, фашизмом, социал-демократией и национал-социализмом. В каждой стране Восточной Европы была своя специфика, но борьба шла именно между этими силами. И почти все страны Восточной Европы (Венгрия, Болгария, Румыния, Греция) в конечном счете сделали выбор в пользу фашизма или автократизма, близкого к фашизму (Польша, Чехословакия).

В Прибалтике устанавливались авторитарные режимы, близкие к фашизму.

В Австрии боролись тенденции присоединиться к Германии и остаться независимыми, а в политике — социал-демократия, либерализм и нарастающий соблазн национал-социализма.

Во Франции коммунисты, фашисты и либералы спорили почти исключительно на газетных страницах, но и тут нарастала напряженность.

Национально-государственное строительство СССР позволяло через систему соподчиненных «народных республик» как угодно увеличивать размеры СССР. СССР и вел военные действия почти непрерывно, в 1923 — 1939 гг. — в Средней Азии, на Кавказе, Западной Украине. Красная Армия оставалась главным инструментом расширения территории... Но необходимость вести тайную войну в Европе и в Америке превратила ВЧК, инструмент геноцида, в одну из сильнейших спецслужб мира, НКВД.

СССР противостоял социалистический Рейх с красным знаменем, коричневыми рубашками и пением гимнов, восхитительно похожих на советские.

И все эти силы... Не немцы, не Сталин, а именно что ВСЕ. Все поголовно готовили новую войну.

Вторая мировая война доделала то, что не доделали после Первой мировой. Она внесла определенность в мировую ситуацию. Версальский раздел мира и деятельность Лиги Наций не удовлетворяли, по сути дела, никого. Мировая послевоенная система просуществовала с 1945 по 1989 год и устраивала почти всех европейцев.

В ходе Второй мировой войны АБСОЛЮТНО ВСЕ страны Европы наряду с войной национальной (или цивили-

лизационной?) вели и гражданские войны — войны между гражданами одной страны, у которых были разные политические убеждения и разные представления о желательном будущем. Во многих странах (Франция, Польша, Советский Союз, Венгрия, Болгария, Испания, Австрия, Германия) гражданская война была не менее жестокой, чем война национальная.

Даже в тихой Британии и спокойных Соединенных Штатах политический строй изменился: либеральная демократия сменилась в них корпоративной, в которой гораздо меньше «можно».

Ни одно государство, участвовавшее во Второй мировой войне, не сохранило прежний политический строй.

«Мировая революция», которой бредили большевики, не состоялась. Но Мировая гражданская — состоялась. Она продолжалась порядка 2 десятков лет и охватила весь цивилизованный мир. Как началось в 1914 году — так и продолжалось до 1945-го.

После Второй мировой войны изменился не только облик мира, границы и сферы зон влияния. Изменилась политическая карта внутри всех государств-участников. Говорить об этом до сих пор считается очень неприличным, но это так.

Победители во Второй мировой войне создали множество мифов. Эти мифы изучались в учебниках и пропагандировались в романах и фильмах. А рассказывать о реальных событиях и фактическом положении дел стало чем-то непатриотичным и как бы враждебным по отношению к собственному народу. А следовательно, и небезопасным.

К 1960-м годам выросло первое поколение, представлявшее себе Вторую мировую войну в первую очередь по этим мифам.

К ИСТОРИИ МИРОВОЙ ГРАЖДАНСКОЙ

Суворов начал разваливать здание этих мифов. Он дал объяснения многого из того, о чем врал десятилетия. А исследователя чуть не зашибли возмущенные «патриоты».

ты», и его счастье, что он сидел в Лондоне: не так просто до Суворова добраться.

Солонин продолжил и сказал даже больше, чем Суворов. Но агрессия против него была меньше... Наверное, разъяренные патриоты истощились на Суворове. Да и просто все уже привыкли.

Миф начал стремительно рассыпаться. Наверное, на его месте появятся (уже начали появляться) новые мифы, но и реконструировать, «как это было», уже можно.

Но завершить реконструкцию — трудно.

Дело не только в пропаганде и не только в государственном насилии.

Дело в том, что миф — сам по себе теплый и уютный.

Пока ты живешь в этом мифе, ты окружен единомышленниками. Кругом — благожелательные взгляды, кругом люди, готовые подставить плечо. И сам ты осознаешь эту общность как «правильную» и «достойную». Общность, принадлежностью к которой можно гордиться.

Демонтировать миф — это подняться выше племенных, групповых представлений. Процесс вроде подъема по склону горы где-нибудь в Гималаях.

Надо покинуть теплую долину, где живут «все». Наверху меньше тепла, ниже растения, свистят холодные, резкие ветры. Но со склона уже видно больше, чем снизу... например, видно, кто именно готовил Вторую мировую войну. Еще выше — вокруг пятна снега, стягивает холодом лицо, воздух разреженный... Но видно уже совсем далеко! Видно, что твоя долина — только одна из многих, что твои соплеменники ничем не лучше всех остальных.

А надо двигаться туда, где ты окончательно один, где не видно сородичей и куда ни один из них еще не поднимался. Там, под черно-зеленым небом, среди обледеневших скал, мха и пронзительного холодного света, тебе откроется истина. Какая там война! Это Гражданская война, и ее смысл — изменить экономический и политический строй... по возможности, во всем мире.

Страшно. Непонятно. Опасно. Неизвестно, захотят ли поверить тебе, если ты принесешь эту истину вниз, на днище теплой долины, другим.

Любой миф деконструировать неприятно. Увидеть, что Земля вращается вокруг Солнца, а человек произошел от зверообразных предков — значит отказаться от уютной общности с дедом и отцом. Это — начать думать не так, как думали недавние предки и как думают твои сородичи.

«...Марк Солонин совершил научный подвиг, и то, что он делает, — это золотой кирпич в фундамент той истории войны, которая когда-то будет написана...» — так оценил работу коллеги Виктор Суворов.

На мой взгляд, эти слова правильнее отнести к работе самого Виктора Суворова. Он совершил научный подвиг и сдвинул лавину.

А история войны, которую надо написать... Это история Мировой гражданской войны... То ли 1914 — 1945 годов. То ли все же 1939 — 1945.

Примечания

¹ Библия. Книги Священного Писания и Ветхого Завета. Канонические. М.: Российское библейское общество, 1997. С. 7.

² *Московичи С.* Век толп. Москва, 1996. С. 419.

³ БСЭ. Издание второе. Т. 9. М., 1951. С. 358.

⁴ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд.

⁵ БСЭ. Т. 9. С. 359.

⁶ Еще один миф — о «захвате» власти Гитлером. В отличие от большевиков, нацисты пришли к власти законным, вполне конституционным путем.

⁷ *Кан Ф.* Die Juden als Rasse und Kulturfolk. Berlin, Weltverlag, 1921. С. 199.

⁸ Там же. С. 202.

⁹ Там же. С. 192

¹⁰ *Шульгин В.В.* Что «нам» в «них» не нравится? СПб. Вече, 1993. С. 10.

¹¹ *Марк Твен.* Соединенные Линчующие Штаты. // *Марк Твен.* Собрание сочинений в 12 тт. Т. 11. М., Худлит. С. 470.

¹² *Клименко М.Я.* Другая Америка. Мечты и действительность. М., Посев, 2001. С. 191 - 192.

¹³ *Клименко М.Я.* Другая Америка. Мечты и действительность. М., Посев, 2001. С. 192.

¹⁴ *Клименко М.Я.* Другая Америка. Мечты и действительность. М., Посев, 2001. С. 193.

¹⁵Паустовский К.Г. Собрание соч. в 6 тт. Т. 5. М., Худлит, 1968. С. 566.

¹⁶Приставкин А. Ночевала тучка золотая. Л., Лениздат, 1987.

¹⁷Фуке Ф. Роковые дороги поволжских немцев. Красноярск, 1993. С. 61.

¹⁸Фуке Ф. Роковые дороги поволжских немцев. Красноярск, 1993. С. 111.

¹⁹Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Сборник материалов. ТТ. 1 — 7. М., Юриздат. 1957 — 1961.

²⁰Харвурд Р. Шесть миллионов — потеряны и найдены. М., Витязь, 1998. С. 23

²¹Едвабне, или Сотрясение совести // Новая Польша. 2000. № 2.

²²Наставление по стрелковому делу. Винтовка обр. 1891/30 г. и карабины обр. 1938 г. и обр. 1944 г. М., Военное издательство Министерства обороны Союза ССР. 1953.

²³http://www.gewehr.ru/2006/12/22/mauzer_98.html

²⁴Болотин Д.Н. История советского стрелкового оружия и патронов. М., 1992 г.

²⁵Солонин М. НА МИРНО СПЯЩИХ АЭРОДРОМАХ... 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА. М., 2008.

²⁶Гриф секретности снят. М., 1993. С. 54.

²⁷Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. Принят второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 года и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 года. М., 1924.

²⁸Надеюсь, читатель извинит меня, если я не буду называть ее Великой Французской революцией? Я брезгливый.

²⁹БСЭ. Т. 13. М., 1973. С. 514.

³⁰Голстой Н.Д. Жертвы Ялты. М., 1996. С. 12.

³¹Александров К.М. Из истории насильственных репатриаций (1945 - 1946 гг.) // Россия и Запад. СПб. Изд-во СПбГУ, 1996. С. 248.

³²Голстой Н. Д. Жертвы Ялты. М., 2000. С. 268.

³³А как же его называть? Господином? Смешно и подумать. Товарищем? Крыса на помойке ему товарищ. Остается протокольное «гражданин».

³⁴Суворов В. Очищение. М., 2005.

³⁵Суворов В. Беру свои слова обратно. М., 2007.

³⁶Краснов Н.Н. Незабываемое. Сан-Франциско, 1957. С. 145.

³⁷БСЭ. 3-е изд. Т. 13. М., 1973. С. 514.

ПОИСКИ ПРАВДЫ О КАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Никому на слово, товарищи, верить нельзя...

Сталин

В советской историографии многие десятилетия бытовали положения о том, что Октябрьская революция стала «великим началом мировой пролетарской революции; она указывала всем народам мира путь к социализму». Однако, как убеждали читателей авторы шеститомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза», партия «видела свою миссию не в «подталкивании», не в «экспорте революции», а в том, чтобы практическим примером убеждать народы в преимуществах социалистического строя»¹.

В действительности же все делалось с точностью до наоборот. Правда, в первые месяцы и даже годы после Октябрьского переворота лидеры большевистской партии не скрывали не только своей веры в мировую революцию, но и своих действий, направленных на ее «подталкивание». Не один В.И. Ленин жил надеждой на то, что, «как только

¹ Павлова Ирина Владимировна — доктор исторических наук, бывший ведущий научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН, в настоящее время — независимый историк, проживающий в США в г. Бостоне. Среди ее работ — книги «Сталинизм: становление механизма власти» (Новосибирск, 1993), «Механизм власти и строительство сталинского социализма» (Новосибирск, 2001), а также статьи по наиболее спорным проблемам советской истории, опубликованные в журналах «Вопросы истории», «Отечественная история», «Russian Studies in History».

мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот». Исследователь Л.А. Коган суммировал высказывания и предложения других известных деятелей партии того времени на этот счет: Л.Д. Троцкий в 1919 г. предлагал сформировать мощный конный корпус для броска в Индию, так как, по его мнению, путь на Запад пролегал через Афганистан, Бенгалию и Пенджаб. Н.И. Подвойскому принадлежит высказывание о том, что «одно должно претворяться в другое так, чтобы нельзя было сказать, где кончается война и начинается революция». Предлагая создать Генеральный штаб III Интернационала, М.Н. Тухачевский писал в июле 1920 г.: «Война может быть окончена лишь с завоеванием всемирной диктатуры пролетариата». Известны и другие сентенции: К.Б. Радек: «Мы всегда были за революционную войну... штык — очень существенная вещь, необходимая для введения коммунизма»; Ф.Э. Дзержинский: «Мы идем завоевывать весь мир, несмотря на все жертвы, которые мы еще понесем»; Н.И. Бухарин: «Рабочее государство, ведя войну, стремится расширить и укрепить тот хозяйственный базис, на котором оно возникло, то есть социалистические производственные отношения (отсюда, между прочим, ясна принципиальная допустимость даже наступательной революционно-социалистической войны)»; «Гражданская война — минус, но она дает возможность перестройки на новых началах». В 1919 г. в Петрограде вышла книга Г. Борисова (псевдоним экономиста и философа И.А. Давыдова) под названием «Диктатура пролетариата», в которой прозвучало откровенное признание: «Нет, не мир, а меч несет в мир диктатура пролетариата»².

После поражения под Варшавой в 1920 г. Ленин стал более осторожным относительно своих планов о будущей советизации Запада. В настоящее время опубликован ранее неизвестный фрагмент его речи на IX партийной конференции 22 сентября 1920 г., где он, в частности, сказал: «Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать...»³ В этом выступлении, как уже отмечено в литературе, отразились ленинские планы большевистской экспансии на Запад, включая дислокацию Красной Армии

вдоль германской и чехословацкой границы, а также его одержимость секретностью⁴.

Говоря о планах советизации Польши, Ленин приоткрыл завесу над тем, как принималось решение «использовать военные силы»: «Мы формулировали это не в официальной резолюции, записанной в протоколе ЦК и представляющей собой закон для партии до нового съезда. **Но между собой мы говорили**, что мы должны штыками пощупать — не созрела ли социальная революция пролетариата в Польше?» (выделено мною. — *И.П.*). Делалось это втайне как от собственной партии, так и от Коминтерна. «Когда съезд Коминтерна был в июле в Москве, — продолжил далее Ленин, — это было в то время, когда мы решали в ЦК этот вопрос. На съезде Коминтерна поставить этот вопрос мы не могли, потому что этот съезд должен был происходить открыто»⁵.

После поражения под Варшавой намерения руководства партии остались прежними. Председатель Сибревкома И.Н. Смирнов на III Сибирской конференции РКП(б) в феврале 1921 г. рассказал о своем разговоре с Лениным, состоявшемся у него после того, как выяснилось, что 40 тыс. добровольцев, собравшихся в Сибири для поездки на Польский фронт, оказались невостребованными: «...Скажи в деревне, что нам еще придется ломать капиталистическую Европу и что эти 40 тыс. должны сыграть решающую роль. И русская советская винтовка появится в Германии»⁶.

Что же касается принципов конспирации во внешней политике, то они были не только закреплены, но и доведены Сталиным до логического завершения. После первых неудачных попыток надежды на мировую революцию не исчезли и действия по ее «подталкиванию» не прекратились, но были глубоко законспирированы. В результате правда о них оказалась буквально замурована. Кто реально мог отважиться усомниться в утверждении Сталина, когда он в 1936 г. на вопрос американского журналиста Роя Говарда «Оставил ли Советский Союз свои планы и намерения произвести мировую революцию?» ответил: «Таких планов и намерений у нас **никогда не было**»⁷ (выделено мною. — *И.П.*). Данный ответ чрезвычайно характерен для личности

Сталина. Для тех, кто не знал, что такие планы существовали, сталинский ответ означал «не оставил», тот же, кто спрашивал наобум, получил и соответствующий ответ. Здесь даже не двойное, а избыточное отрицание, равное саморазоблачению и достойное расхожего анекдота! В то же время этот ответ можно рассматривать как утонченную дезориентацию противника для внутреннего употребления и выражение непричастности к той политике, в которой Запад подозревал Советский Союз — для внешнего употребления. Фактически же в нем содержалось грубое издевательство над всеми, кому этот ответ предназначался.

Только с началом радикальных политических изменений в Советском Союзе с конца 80-х гг. правда стала постепенно выходить наружу, но процесс этот оказался намного сложнее, чем тогда представлялось.

«Ключом», который открывает путь к правде о сталинских замыслах по расширению «фронта социализма», является правда о кануне войны.

Сразу после войны по указанию Сталина был создан специальный орган, в разных документах именованный по-разному: «правительственная комиссия по Нюрнбергскому процессу», «правительственная комиссия по организации Суда в Нюрнберге», «комиссия по руководству Нюрнбергским процессом». Во главе этой сверхсекретной комиссии с функциями особого назначения Сталин поставил Вышинского. Членами комиссии были назначены прокурор СССР Горшенин, председатель Верховного суда СССР Голяков, нарком юстиции СССР Рычков и три ближайших сподвижника Берии, его заместители Абакумов, Кобулов, Меркулов. Главная цель комиссии состояла в том, чтобы ни при каких условиях не допустить публичного обсуждения любых аспектов советско-германских отношений в 1939 — 1941 гг., прежде всего самого факта существования, а тем более содержания так называемых секретных протоколов, дополняющих пакт о ненападении (23 августа 1939 г.) и Договор о дружбе (28 сентября 1939 г.). Для того чтобы обеспечить во время следствия действенность указаний тайной комиссии, в Нюрнберг была от-

правлена и следственная бригада особого назначения во главе с одним из самых свирепых бериевских палачей полковником М.Т. Лихачевым⁸. Сталин боялся в общественном мнении Европы и Америки оказаться в Нюрнберге на одной скамье с нацистскими военными преступниками. А у него были серьезные основания для таких опасений. Поэтому Сталин сделал все, чтобы не допустить на Нюрнбергском процессе обсуждения вопроса о роли СССР в развязывании Второй мировой войны. Ему это удалось — положение победителя позволяло диктовать условия.

26 ноября 1945 г. комиссия Вышинского приняла решение «утвердить... перечень вопросов, которые являются недопустимыми для обсуждения на суде»⁹. Отдельные же попытки подсудимых указать на действительную роль СССР в подготовке Второй мировой войны не изменили общей ситуации. Так, Риббентроп в своем последнем слове заявил: «Когда я приехал в Москву в 1939 году к маршалу Сталину, он обсуждал со мной не возможность мирного урегулирования германо-польского конфликта в рамках пакта Бриана — Келлога, а дал понять, что если он не получит половины Польши и Прибалтийские страны еще без Литвы, с портом Либавы, то я могу сразу же вылететь назад. Ведение войны, видимо, не считалось там в 1939 году преступлением против мира...»

Этот абзац не вошел в русское издание материалов Нюрнбергского процесса¹⁰. Правду о кануне войны было приказано забыть. Забыть в прямом смысле слова — Сталин запретил писать дневники и воспоминания о войне. Нарушение запрета могло стоить жизни. Что же касается прямых соучастников Сталина, то забвение было в их собственных интересах. Ярчайшее тому свидетельство — разговор Ф. Чуева с Молотовым: «На Западе упорно пишут о том, что в 1939 году вместе с договором было подписано секретное соглашение...

— Никакого.

— Не было?

— Не было. Нет, абсурдно.

— Сейчас уже, наверно, можно об этом говорить.

— Конечно, тут нет никаких секретов. По-моему, нароч-

но распускают *слухи*, чтобы как-нибудь, так сказать, подмочить. Нет, нет, по-моему, тут все-таки очень чисто и ничего похожего на такое соглашение не могло быть. Я-то стоял к этому очень близко, фактически занимался этим делом, могу твердо сказать, что это, безусловно, выдумка»¹¹.

Конечно, Молотов «стоял к этому очень близко», что неоспоримо подтверждается его подписью под секретными протоколами и фотографией, которая запечатлела его рядом со Сталиным и Риббентропом во время подписания этих документов. Показательно, что и спустя десятилетия Молотов оказался неспособен к исторической самооценке, иначе бы его заведомая ложь вербализовалась без интриганских слов «распускают слухи», «подмочить» и утверждения, что «тут все-таки очень чисто», в то время как там было очень грязно, запредельно грязно. Все это еще раз убедительно свидетельствует о моральной характеристике Молотова как политического деятеля, занимавшего положение «второго лица» в стране в ответственный момент ее истории.

Отсутствие необходимых документов (те, что остались, были глубоко запрятаны в секретных архивах), общее мировоззрение военных историков, в большинстве своем живших при Сталине и прошедших войну, воспитанных официальной пропагандой, естественно, обусловили то, что они видели войну с подачи Сталина.

Не будет преувеличением утверждение о том, что и в период хрущевской «оттепели» историки даже не допускали мысли о существовании тайны кануна войны, которая скрывалась Сталиным. Не было ничего подобного тогда и у А.М. Некрича, автора известной книги «1941. 22 июня». Он резко отрицательно высказался по поводу «легенды о превентивной войне», которую «искусственно поддерживают западногерманские неонацисты и некоторые реакционные западногерманские публицисты и историки»¹².

Любая критика действий Сталина, выходящая за разрешенные тогда рамки, вызывала немедленную дисциплинарную реакцию. Характерен диалог, состоявшийся в ходе обсуждения книги А.М. Некрича в отделе истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС 16 февраля 1966 г. между председателем

ствовавшим генерал-майором Е.А. Болгиным и преподавателем Московского историко-архивного института Л.П. Петровским, назвавшим Сталина преступником: «Товарищ Петровский, в этом зале, с этой трибуны нужно выбирать выражения. Вы коммунист?

— Да.

— Я не слышал, чтобы где-нибудь в директивных решениях нашей партии, обязательных для нас обоих, говорилось о том, что Сталин — преступник»¹³.

После смещения Н.С. Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС критика «культы личности» Сталина постепенно сошла на нет. В течение последующего двадцатилетия историография Великой Отечественной войны утратила даже то, что было достигнуто ею после XX съезда КПСС. Достаточно сравнить хотя бы 6-томную «Историю Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 — 1945 гг.» (М., 1960 — 1965) с 12-томной «Историей Второй мировой войны 1939 — 1945» (М., 1973 — 1982). Это признали и сами военные историки. «Остается лишь сожалеть о том, — писал Н.Г. Павленко, — что время потеряно, многие участники и свидетели ушли от нас, и самые существенные проблемы начального периода войны приходится изучать, по сути, заново»¹⁴.

Горы книг о войне, накопившихся к началу перестройки, объединяла общая просталинская концепция кануна войны, состоявшая из набора незыблемых схем и стереотипов. Откроем любую из этих книг, например, «Великая Отечественная война. Вопросы и ответы» (М., 1985): «Обстановка... вынудила СССР пойти на заключение 23 августа 1939 г. договора о ненападении с Германией, хотя до срыва Англией и Францией московских переговоров этот акт никак не входил в планы советской дипломатии.

...17 сентября Красная Армия начала освободительный поход в Западную Белоруссию и Западную Украину.

...30 ноября 1939 г. не по вине СССР вспыхнула советско-финляндская война...

...22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно, нарушив договор о ненападении, внезапно, без объявления войны напала на Советский Союз».

Более того, и в начале перестройки новое знание о кануне войны пробивалось с трудом. Старейшины советской военной историографии Ф. Ковалев и О. Ржешевский и в 1989 г. сочли своим долгом предупредить тех, кто высказывал «точки зрения, недостаточно критически воспроизводящие издавна известные тезисы антисоциалистической пропаганды вроде стереотипов о «прямой ответственности» СССР за развязывание войны...»¹⁵.

Перестройка в историографии кануна войны началась только с созданием комиссии ЦК КПСС по вопросам международной политики во главе с А.Н. Яковлевым. Вот некоторые высказывания, прозвучавшие на заседании этой комиссии 28 марта 1989 г., высказывания воинственные и беспомощные одновременно.

Заведующий Международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалин: «...В недалеком времени мы столкнемся с целой лавиной версий, совершенно оторванных от реальных фактов, навязывающих — особенно несведущим людям, молодежи — вывод, будто Советский Союз был соучастником развязывания Второй мировой войны или, как минимум, способствовал тому, что она приняла столь трагический оборот, который нам известен из истории и из собственного опыта.

...Поэтому относиться отстраненно к тому, что происходит, — а нечто подобное наблюдается и у нас, — нельзя. В нынешнем остром споре нашим союзником выступает правда. Но эта правда должна быть полной. Без подделок и перехлестов».

Начальник Института военной истории Министерства обороны СССР Д.А. Волкогонов: «... Все решения, которые принимались в 1939 г., включая августовский, сентябрьский договоры, определялись оборонительной стратегией Советского Союза.

История в конце концов оправдает то, что был подписан пакт 23 августа, оправдает как вынужденный, хотя и чрезвычайно тусклый в нравственном отношении шаг.

Поддерживая в политическом плане необходимость подписания договора от 23 августа, мы в то же время должны осудить сговор, который противоречил ленинским принципам отказа от тайных соглашений».

Директор Института всеобщей истории АН СССР

А.О. Чубарьян: «... У нас есть общая концепция, связанная с ответственностью за развязывание Второй мировой войны, которую несет гитлеровский фашизм. Она не требует пересмотра»¹⁶.

Итоги работы комиссии А.Н. Яковлев доложил II съезду народных депутатов СССР. По его докладу съезд принял специальное постановление «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года», которое стало новым руководством в освещении кануна войны советскими историками: «...Съезд народных депутатов СССР соглашается с мнением комиссии, что договор с Германией о ненападении заключался в критической международной ситуации, в условиях нарастания опасности агрессии фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии и имел одной из целей отвести от СССР угрозу надвигавшейся войны.

...Съезд считает, что содержание этого договора не расходилось с нормами международного права и договорной практикой государств, принятыми для подобного рода урегулирований. Однако как при заключении договора, так и в процессе его ратификации скрывался тот факт, что одновременно с договором был подписан «секретный дополнительный протокол», которым размежевывались «сферы интересов» договаривавшихся сторон от Балтийского до Черного моря, от Финляндии до Бессарабии.

...Съезд народных депутатов СССР осуждает факт подписания «секретного дополнительного протокола» от 23 августа 1939 года и других секретных договоренностей с Германией. Съезд признает секретные протоколы юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания...»¹⁷.

Комиссия А.Н. Яковлева не вышла за рамки обсуждения и оценки договора как международно-правового документа. Договор не был поставлен в исторический контекст, и никаких принципиальных выводов о последствиях этого договора в то время сделано не было. Яковлев ограничился замечанием о том, «что у Сталина и некоторых людей из его окружения уже тогда могли быть имперские

замыслы, чуждые принципам социализма», а также «иллюзии, которым, судя по всему, предался Сталин после заключения соглашений 1939 года. Иллюзии, не позволившие должным образом использовать полученную мирную передышку...»¹⁸.

Более того, комиссия Яковлева к этому времени еще не знала о том, что оригиналы секретных протоколов хранятся в архиве Общего отдела ЦК КПСС. Выступая на съезде, Яковлев сказал: «В Министерстве иностранных дел СССР существует служебная записка, фиксирующая передачу в апреле 1946 г. подлинника секретных протоколов одним из помощников Молотова другому: Смирновым — Подцеробу. Таким образом оригиналы у нас были, а затем они исчезли...»¹⁹.

А в это время оригиналы секретных протоколов были не только найдены, но и известны Генеральному секретарю ЦК. Однако, выступая на съезде народных депутатов, М.С. Горбачев заверил, что «все попытки найти подлинник секретного договора не увенчались успехом». Спустя некоторое время после своего выступления, как пишет В.И. Болдин, «М.С. Горбачев спросил меня как бы между прочим, уничтожил ли я протокол»²⁰. К счастью, этого не случилось, и публикация оригиналов секретных протоколов стала еще одним серьезным шагом на пути постижения истины. Но каким трудным был этот путь!

В дискуссиях того времени по вопросу о политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении высказывались мнения о том, что, заключив этот договор, оба государства несут одинаковую ответственность за начало Второй мировой войны. Однако такие мнения советская историография отторгала автоматически, фактически без аргументации. Вот точка зрения М.И. Семиряги, автора книги «Тайны сталинской дипломатии»: «Утверждение о равной ответственности СССР и Германии за развязывание Второй мировой войны только потому, что в них существовал «одинаковый тоталитарный режим», нельзя считать убедительным. Главную ответственность за это международное преступление все же несет правящая верхушка гитлеровской Германии. Свою

долю ответственности советское руководство несет за то, что подписанием договора о ненападении с Германией оно создало определенные условия, способствовавшие развязыванию войны Гитлером»²¹.

Позиция М.И. Семиряги более радикальна, чем позиция историков, которых представлял А.С. Орлов. Несмотря на очевидные факты, он был по-прежнему убежден, что «договор позволил СССР остаться вне военного пожара, охватившего Европу с 1 сентября, а секретный протокол ограничил германскую экспансию на Восток линией северной границы Литвы и рек Нарев, Висла, Сан, дал возможность вынести западную границу СССР на 250 — 300 км на запад. Договор создавал возможность в условиях мира готовиться к неминуемой схватке с фашизмом». Далее — Красная Армия «вступила в пределы Польши...», и войска «имели ограниченную задачу взять под защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии»²².

Относительный покой в среде российских военных историков разрушила публикация на русском языке книг В. Суворова (В. Резуна), который поставил под сомнение то, что в СССР ранее никогда и никем не подвергалось сомнению. (Его книга «Ледокол» имеет подзаголовок «Кто начал Вторую мировую войну?».) Своими книгами он стремился доказать, что главный виновник и главный зачинщик Второй мировой войны — Советский Союз. Используя метафорический оборот, он назвал день фактического вступления СССР в войну — 19 августа 1939 г. В. Суворову удалось вычислить, что в этот день состоялось заседание Политбюро ЦК, которое приняло решение о начале тайной мобилизации. «Многие историки, — пишет он, — думают, что сначала Сталин решил подписать с Гитлером мир, а потом решил готовить внезапное нападение на Германию. Но факты открыли и подтвердили мне, что не было двух разных решений. Подписать мир с Германией и окончательно решиться на неизбежное вторжение в Германию — это одно решение, это две части единого замысла». И далее: «Поэтому я считаю 19 августа рубежом войны, после которого при любом раскладе Вторая миро-

вая война должна была состояться. И если бы Гитлер не начал ее 1 сентября 1939 года, Сталин должен был бы искать другую возможность или даже другого исполнителя, который бы толкнул Европу и весь мир в войну. В этом суть моего маленького открытия»²³.

В. Суворов не замкнулся на одном 1939 годе, а рассмотрел все основные события вплоть до начала Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г., увязав их в единое логическое целое: «Тайная мобилизация должна была завершиться нападением на Германию и Румынию 6 июля 1941 года... Тайная мобилизация была направлена на подготовку агрессии. Для обороны страны не делалось ничего. Тайная мобилизация была столь колоссальна, что скрыть ее не удалось. Гитлеру оставался только один и последний шанс — спасти себя превентивным ударом. И 22 июня 1941 года Гитлер — на две недели — упредил Сталина»²⁴.

Публикация книг Суворова разделила историков на две неравные группы. Подавляющее большинство — историки со стажем и именами, которые в своих трудах «освящали» просталинскую концепцию войны. Работая много лет под эгидой Института военной истории Министерства обороны СССР, они не смогли принять даже той половинчатой правды о войне, которая стала достоянием официальной гласности. Об этом свидетельствует провалившаяся попытка подготовить новую, 10-томную «Историю Великой Отечественной войны советского народа». Но и те военные историки, которые (как, например, А.Н. Мерцалов и Л.А. Мерцалова) резко критикуют Сталина и сталинизм за неготовность советских войск к началу войны, за некомпетентность и произвол, безнравственность и жестокость²⁵, оказались не готовы к тому, чтобы спокойно обсуждать концепцию В. Суворова.

Объяснить это можно лишь тем, что суворовская концепция ломала не только устоявшуюся историографическую традицию, но и наносила удар по личным чувствам и представлениям о войне. Тем более что многие военные историки, как А.Н. Мерцалов, сами были ее участниками. Это не просто неприятие, но и нежелание понять. Книги В. Суворова, по их мнению, не заслуживают развернутых

рецензий военных историков, потому что «с помощью «ледоколов» осуществляется конъюнктурный пересмотр важнейших моментов отечественной и мировой истории», бросается «тень на реальные исторические факты, которые давно и с научной точки зрения безукоризненно (! — *И.П.*) установлены мировой историографией»²⁶.

По мере распространения влияния книг В. Суворова на общественное сознание в России усиливалось и их отрицание. От замалчивания эти историки перешли к ругани и неправдоподобным обвинениям. Они заклеили его как «не историка, не мемуариста, изменника, агента иностранных спецслужб». Оказывается, его книги «написаны разными людьми, скорее группами людей», участие В. Суворова «обнаруживается лишь в отдельных литературных приемах, жаргоне, междометиях»²⁷.

Даже такой радикально настроенный историк, как Д.А. Волгогонов, который был поставлен посткоммунистической властью в привилегированное положение и имел допуск ко многим секретным документам, не принял этой концепции²⁸. Однако статья, в которой излагалась его позиция по этому вопросу, по-своему знаменательна. Во-первых, тем, что он признал факт, угаданный В. Суворовым: 19 августа 1939 г. действительно состоялось заседание Политбюро. Но, как подчеркивал Волгогонов, «военный вопрос стоял лишь такой: «Об отсрочке призыва в РККА рабочих строительства железной дороги Акмолинск — Карталы (по телеграмме Скворцова)». И все. Никакого упоминания о плане «Гроза» и т.д.».

Во-вторых, статья знаменательна тем, что демонстрирует непонимание механизма действия сталинской власти. Волгогонов, который получил право распечатать «особые папки» Политбюро довоенного и послевоенного времени, так и не понял, что отсутствие в протоколе Политбюро от 19 августа 1939 г. и в «особых папках» каких-либо сведений о тайных сталинских замыслах нападения на Германию, а также отсутствие подписей Сталина и Жукова на таком, по словам Волгогонова, «разительном» документе, как «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и

ее союзниками» по состоянию на 15 мая 1941 г. (и не только на этом, но и на других важнейших документах), — это еще не аргумент, тем более решающий, в споре с В. Суворовым.

В отличие от своих маститых оппонентов, В. Суворов понял, хотя и не занимался специально, механизм власти сталинского режима, основной принцип деятельности Сталина в политике — по возможности не оставлять документов, не оставлять следов, окружать правду «батальонами» лжи.

Многочисленные свидетельства советских военачальников о том, как принимались решения по военным вопросам, выше уже приводились. Уж если столь мало знали такие люди, как заместитель начальника Оперативного управления Генерального штаба Красной Армии генерал-майор А.М. Василевский, имевший непосредственное отношение к разработке оперативных планов накануне войны («Соображения по плану стратегического развертывания...» написаны его рукой)²⁹, то вполне закономерно предположить, что нижестоящие знали еще меньше о стратегических замыслах Сталина, более того, порой недоумевали по поводу «нелогичных» действий своего руководства. Историк В.Д. Данилов привел в своей статье весьма характерное свидетельство К.К. Рокоссовского, накануне войны освобожденного из тюрьмы и назначенного командиром 9-го механизированного корпуса в Киевском особом военном округе: «Последовавшие затем из штаба округа распоряжения войскам о высылке артиллерии на полигоны, находившиеся в приграничной зоне, и другие нелепые в той обстановке указания вызывали полное недоумение. Судя по сосредоточению нашей авиации на передовых аэродромах и расположению складов центрального подчинения в прифронтовой полосе, это походило на подготовку прыжка вперед, а расположение войск и мероприятия, проводимые в войсках, ему не соответствовали... Во всяком случае, если какой-то план и имелся, то он явно не отвечал сложившейся к началу войны обстановке»³⁰.

Таким образом, утверждать, что Советский Союз не готовился к войне против Германии в 1941 г., только на основании отсутствия официального «решения на начало

войны со стороны советского политического руководства и правительства, в соответствии с которым СССР первым бы приступил к приготовлению к войне, первым бы провел мобилизацию, сосредоточение и развертывание войск на наивыгоднейших рубежах», как это сделал Ю.А. Горьков, по меньшей мере, преждевременно. Тем более в этой же статье он сообщает весьма примечательный факт, что в предвоенное время оперативный план «разрабатывался в единственном экземпляре, на утверждение докладывался только лично Сталину и Молотову»³¹.

В советское время историки не только не имели доступа к секретным материалам партийных и государственных органов, но и воспитывались на строгом соблюдении принципов партийности и классового подхода. Это предполагало следование той интерпретации событий, которая была заложена в самих источниках. В результате в трудах историков воспроизводилась идеология и логика документа. Основная трудность в преодолении советского историографического наследства заключалась в том, чтобы научиться вскрывать подлинный смысл событий, которые по-своему отражали оставшиеся документы советской эпохи — секретные и несекретные. Надо отдать должное В. Суворову, проявившему себя в книге «Ледокол» как историк-разведчик, сумевший раскрыть главную тайну советской военной политики и истории. Сделал он это, опираясь в основном на опубликованные советские источники, которые были им сопоставлены, переосмыслены, очищены от идеологической маскировки и маркировки.

Весьма примечательно, что к выводу о подготовке в 1939 — 1941 гг. активного вступления СССР в мировой конфликт пришли и другие историки. Прежде всего следует назвать имена Я. Замойски (Польша) и И. Хоффмана (Германия). Статья Я. Замойски «Черная дыра», сентябрь 1939 — июнь 1941 г. (К вопросу о политике СССР в начальный период конфликта)» опубликована в 1994 г., но подготовлена намного раньше, к международной конференции историков в апреле 1990 г. в Москве³². Убедившись в том, что действия Советского Союза в тот период «не укладываются в какое-то логическое целое», не зная

еще многих документов, в последующие годы опубликованных в России, автор пришел к выводу, что нижеперечисленные решения свидетельствуют о подготовке СССР к наступлению.

Это: 1. Назначение Г.К. Жукова на пост начальника Генерального штаба как победителя на Халхин-Голе, отлично показавшего себя (хотя не без критики) во время январской штабной игры. 2. Нарастающие пополнения частей в западных округах, но еще не в мобилизационном порядке. 3. Огромная программа военного производства и перевооружения РККА, результаты которой были реализованы только в 1942 г. (с учетом достижений немецкой авиации). 4. Передвижение пяти армий (16, 19, 21, 22, 25-й) из глубины страны на запад, но не в пограничные зоны, что важно с оперативной точки зрения. 5. Создание на Украине сильного оперативного кулака из 60 дивизий с тенденцией дальнейшего его укрепления. 6. Реорганизация четырех стрелковых дивизий Киевского округа в горные (Украина в основном равнинная, а перед ней — горное направление на стыке Чехословакии, Австрии с выходом к центральному, жизненно важным регионам Германии — направление, известное из Первой мировой войны). В Киевском округе формировался также воздушно-десантный корпус, инструмент необоронительного применения. 7. Разоружение укрепленных районов на старой границе. 8. Широкое строительство аэродромов вблизи западной границы и массовый подвоз туда авиабомб, что могло означать их подготовку для наступления. 9. Передвижение военных складов по личному решению Сталина на запад, что впоследствии оказалось крупной ошибкой, но что вполне понятно и правильно при наступательном варианте планируемых операций. 10. Выступление Сталина перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г. (в тексте статьи 5 января 1941 г. — *И.П.*) о том, что война с Германией неминуема и надо быть к ней готовым в 1942 г. и что возможен не только защитный, но и предупредительный удар. 11. 6 мая Сталин становится главой правительства, что могло означать многое, в том числе и резкий поворот в сторону уступок перед Германией, но прежде всего означа-

ло, что СССР входит в период крупных и опасных решений — решений, рассчитанных на успех.

Я. Замойски сделано также важное замечание о «молчащих источниках», в которых отсутствует какая-либо информация о стратегических замыслах Сталина. В частности, акцентировано внимание на прозрачности и многозначительности многоточий в воспоминаниях Г.К. Жукова — «Гитлер... торопился, и не без причин...». В результате у Замойски сложилось убеждение в том, что «Сталин еще в период Мюнхена предпринял огромную, опасную, «с дальним прицелом» игру, рассчитанную на то, что СССР, т.е. он, скажет в этом конфликте решающее слово...»³³.

В этом же направлении в своих исследованиях двигался и историк И. Хоффман, долгие годы проработавший в Институте военной истории во Фрайбурге, который пришел к выводу о том, что «Сталин заключил пакт 23 августа 1939 г., чтобы развязать войну в Европе, в которой он сам с 17 сентября 1939 г. принимал участие как агрессор... Военные и политические приготовления Красной Армии к нападению на Германию достигли кульминации весной 1941 г.»³⁴.

В статье Хоффмана, опубликованной в журнале «Отечественная история», содержатся дополнительные доказательства агрессивности намерений СССР. Во-первых, он приводит два очень важных факта: «Заключение нами соглашения с Германией, — сообщил Наркоминдел 1 июля 1940 г. послу в Японии, — было продиктовано желанием развязать войну в Европе». А в телеграмме советским послам в Японии и Китае 14 июня 1940 г. говорилось: «Мы бы пошли на любое соглашение, чтобы обеспечить столкновение между Японией и Соединенными Штатами».

Во-вторых, в допросах военнопленных советских офицеров, хранящихся в немецких архивах, он нашел подтверждения тому факту, что действия Красной Армии на границе с Германией перед 22 июня 1941 г. действительно были окутаны тайной, смысл которой понимали далеко не все.

В-третьих, имеются дополнительные вещественные доказательства существования наступательных планов с советской стороны, захваченные немцами. Так, бывший заведующий кафедрой восточноевропейской истории Майнц-

ского университета, профессор доктор Готтхольд Роде, в свое время переводчик и зондерфюрер в штабе 3-й немецкой пехотной дивизии, нашел 23 июня 1941 г. в здании штаба советской 3-й армии в Гродно, как он отметил в своем дневнике, «кипу карт Восточной Пруссии, отлично напечатанных в масштабе 1:50000 ... Вся Восточная Пруссия как на ладони. Зачем же, — задавался он вопросом, — Красной Армии нужны были целые сотни карт?» Далее, в здании штаба советской 5-й армии в Луцке 4 июля 1941 г. были обнаружены документы, среди которых — «План политического обеспечения военных операций при наступлении». Кроме того, немцам были известны листовки, адресованные немецким солдатам, найденные, в частности, войсками 16-й немецкой армии в первый день войны, 22 июня 1941 г., у местечка Шакай в Литве. Таким образом, по мнению И. Хоффмана, хотя «Гитлер не имел ясного представления о том, что действительно готовилось с советской стороны... он своим нападением 22 июня 1941 г. предвосхитил нападение Сталина»³⁵.

Надо сказать, что и на Западе точка зрения о «превентивном» нападении Германии на СССР в 1941 г. подавляющим большинством историков отвергается без обсуждения. Еженедельник «Die Zeit» (7 июня 1991 г.) прямо назвал сторонников этой версии «запоздалыми жертвами нацистской пропаганды»³⁶. Складывается впечатление, что западные историки, в особенности немецкие, больше всего боятся обвинения в симпатиях к фашизму, в неонацистских устремлениях. Эти опасения столь велики, что перевешивают стремление к истине, которым в своей работе должен руководствоваться историк. Поэтому они так агрессивны в своей критике историков так называемой ревизионистской школы, к которой относят прежде всего Суворова и Хоффмана. Недавно в этом ряду прибавилось еще одно имя — немецкий историк В. Мазер выпустил книгу «Нарушенное слово. Гитлер, Сталин и Вторая мировая война» (в другом переводе «Вероломство...»), которая подверглась сокрушительной критике со стороны другого немецкого историка — Г.А. Якобсена вплоть до заявления, что «Мазер показал себя в этой книге несостоятельным

как историк». Аргументами в его критике служат такие же категоричные утверждения, как и у наших противников этой концепции; «Нет никаких указаний, документов, которые свидетельствовали бы о том, что у Сталина были политические намерения напасть в какой-то определенный день на Германию», и вообще «нет никаких доказательств, что Сталин собирался напасть на Германию в 1941 году». К тому же, по мнению Г.А. Якобсена, «Красная Армия еще только собиралась модернизировать свои танковые войска и авиацию»³⁷.

К сожалению, в этом вопросе не только российские, но и западные историки руководствуются прежде всего идеологическими мотивами. Так, израильский историк Г. Городецкий, автор книг, изданных в 1995 и 1999 гг. на русском языке — «Миф «Ледокола» и «Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз», — провозглашая своей целью «перевод дискуссии с дороги идеологии на рельсы науки», видит в концепции В. Суворова только «грандиозную мистификацию», которая выгодна «для тех, кто хотел ослабить потепление политического климата, а в Германии — реабилитировать нацистский режим»³⁸. В этом заявлении наиболее откровенно раскрывается идеологизированность трудов самого Г. Городецкого. Было бы честнее признать, что и многие западные историки пока не готовы к серьезной научной дискуссии по этим вопросам так, как это сделал, к примеру, американский историк Р.Ч. Раак в рецензии на книгу И. Хоффмана «Сталинская всеокрушающая война 1941 — 1945»³⁹.

Попытки оправдать действия Сталина в 1939 — 1941 гг. беспомощны, наивны, а главное, идут вразрез с логикой. Пожалуй, Сталин не желал бы себе лучшего защитника, чем, к примеру, И. Фляйшхауэр. Приведя факт более чем полуметровой (58 см) подписи Сталина на карте — приложении к советско-германскому договору о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г., она стремится убедить читателя в том, что это не «империалистический триумф в связи с подписанием секретного протокола к пакту от 23 августа, а скорее своего рода разрядка в связи с тем фактом, что пакт о ненападении принес свои плоды». Хотя не было бы

триумфа, то и не было бы и психологической разрядки. Более того, по мнению И. Фляйшхауэр, «карта закрепляет не разделение Польши пополам, а скорее советский отказ от большей части Восточной Польши в качестве компенсации за Литву. Сталин тогда явно предпочитал военную безопасность территориальной экспансии на Западе»⁴⁰. В последующем И. Фляйшхауэр и Г. Городецкий пытались даже доказывать, что существительное «наступление» в русском языке означает... «оборона»⁴¹.

Весьма примечательно, что публикации, которые появились в России в те годы на эту тему, — документальные материалы или статьи историков, руководствовавшихся стремлением установить истину, — в целом подтверждали концепцию «Ледокола». «Военно-исторический журнал» (1991, № 12; 1992, № 1, 2) осуществил частичную публикацию вариантов планов стратегического развертывания советских Вооруженных Сил, которые разрабатывались перед войной Генеральным штабом и Наркоматом обороны СССР (план 1940 г. — основа для подготовки плана от 18 сентября 1940 г., план от 11 марта 1941 г. и частично план от 15 мая 1941 г.). Предваряя эту публикацию под названием «Готовил ли СССР превентивный удар?», редакция журнала сформулировала свою точку зрения: «В целом они (материалы. — *И.П.*) подтверждают, что Советский Союз, делая, по словам Молотова (выделено мною. — *И.П.*), выбор в пользу «наступательной политики», не ставил перед собой агрессивных целей, не провоцировал Германию на «превентивную войну»⁴². Однако историки Б.Н. Петров⁴³ и особенно В.Н. Киселев, от которого редакция даже предпочла отмежеваться примечанием («Мы не считаем точку зрения автора бесспорной»), пришли к иным выводам. По мнению Киселева, «и вермахт, и Красная Армия готовились к наступлению. Стратегическая оборона нами не планировалась, и это общепризнано. Обороняться должны были только войска прикрытия, чтобы обеспечить развертывание главных сил для наступления. Судя по срокам сосредоточения резервов приграничных военных округов, армий резерва Главного Командования и развертывания фронтовых пунктов управления,

наступление советских войск по разгрому готовящегося вторжения агрессора могло начаться не ранее июля 1941 года...»⁴⁴.

Генерал-полковник Ю.А. Горьков одним из первых в России опубликовал «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» по состоянию на 15 мая 1941 г., что нанесло еще один удар по предшествующей советской историографии войны, категорически отрицавшей факт возможной проработки Генштабом Красной Армии плана нападения на Германию. Но сам Горьков не согласен с выводом о подготовке Красной Армии к наступлению. Более того, в усилении Юго-Западного направления он видит не стратегический замысел, а просчет. По его мнению, «замысел оперативного плана войны отражал не наступательную, а скорее зонтичную доктрину. Войскам прикрытия согласно смыслу зонтичной доктрины должна ставиться задача прикрыть прочной обороной развертывание своих войск, выявить состав наступающих войск противника, определить направление главных и других ударов для уточнения задач главным силам своих войск»⁴⁵.

Между тем именно непредвзятое изучение имеющихся документов кануна войны привело к появлению статей В.Д. Данилова и М.И. Мельтюхова⁴⁶. Основным выводом, к которому пришел Данилов, заключался в признании: «Готовились начать войну сокрушительным наступлением, но упустили многие вопросы организации надежной обороны страны. Именно этими «ошибками» и «просчетами» объясняются крупные неудачи наших войск в начале войны».

Что касается статьи Мельтюхова, то решение о ее публикации принималось на специальном заседании редколлегии журнала «Отечественная история», на котором также проявилось резкое неприятие концепции подготовки СССР к нападению на Германию со стороны историков Ю.А. Полякова, В.П. Дмитренко, В.И. Бовыкина, В.А. Федорова и др.⁴⁷. Поляков, несмотря на лавину очевидных фактов, отказывался признавать агрессией действия СССР по присоединению Прибалтики, Западной Украины и Западной Белоруссии, Бессарабии и обвинял Мельтюхова в тенденциоз-

ности. Дмитренко был убежден в том, что «обсуждать в научном журнале книгу Суворова просто неприлично».

Тем не менее статья была принята к публикации. Заместитель главного редактора журнала М.А. Рахматуллин справедливо оценил ее как одну из первых попыток объективной оценки книг В. Суворова. Мельтюхов не только обосновал факт готовившегося со стороны СССР нападения на Германию, но и указал на то, что план войны с Германией был утвержден 14 октября 1940 г. и его дальнейшее уточнение в документах от 11 марта и 15 мая 1941 г. ничего, по сути, не меняло. «Самое важное, — подчеркнул он, — и в Германии, и в СССР эти планы не остались на бумаге, а стали осуществляться. Сопоставительный анализ подготовки сторон к войне — еще одно из направлений дальнейших исследований кануна войны. Но даже на основе известных сегодня материалов можно утверждать, что этот процесс шел параллельно и с начала 1941 г. вступил в заключительную стадию и в Германии, и в СССР, что, кстати, еще раз подтверждает неизбежность начала войны именно в 1941 г., кто бы ни был ее инициатором»⁴⁸.

Что касается даты возможного советского наступления, то, по мнению Мельтюхова, «никакие наступательные действия Красной Армии против Германии ранее 15 июля 1941 г. были невозможны»⁴⁹. Данилов, наоборот, считает, что самым поздним сроком готовности было 2 июля 1941 г.⁵⁰. Несколько позже он назвал другую дату — «примерно после 10 июля 1941 г.»⁵¹.

Далее Мельтюхов коснулся версии о «превентивной войне» Германии против СССР. Он привел определение превентивных действий, данное немецким историком А. Хильгрубером. Превентивная война — это «военные действия, предпринимаемые для упреждения действий противника, готового к нападению или уже начавшего таковое, путем собственного наступления». Для этого требуется прежде всего знать о намерениях противника. По мнению Мельтюхова, ни Германия, ни СССР не рассчитывали на наступление противника, значит, и тезис о превентивных действиях в данном случае неприменим. Более того, он считает, что «версия о превентивной войне вообще

не имеет ничего общего с исторической наукой, а является чисто пропагандистским тезисом для оправдания собственных действий»⁵².

Вопрос о превентивных действиях, на мой взгляд, сложнее, чем его трактует Мельтюхов, и не является только пропагандой. Гитлер действительно не имел ясного представления о том, что готовилось с советской стороны, — сошлемся при этом на авторитетное мнение И. Хоффмана. Он не представлял себе размаха этой подготовки и не знал даты предполагаемого нападения. Немцам не было известно практически ничего о систематическом создании танковых соединений в СССР с целью ведения наступательных операций, так что в начале войны для них стало полной неожиданностью столкновение с многочисленными танковыми дивизиями, на которые они внезапно вышли. Но Гитлер имел определенное представление о наступательной военной доктрине СССР и о политических намерениях Сталина. От советника германского посольства в Москве Г. Хильгера он знал о речи Сталина 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий РККА, в которой было прямо сказано о войне с Германией в ближайшее время⁵³.

С юридической точки зрения, нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г., безусловно, является агрессией. Действия Гитлера могли бы быть квалифицированы как превентивные в том случае, если бы он, разгромив на границе армии противника, не устремился бы дальше, в глубь страны, захватывая все новые и новые территории СССР. С этого времени военные действия со стороны Германии однозначно являются агрессией, а со стороны СССР — освободительной войной, войной Отечественной. Однако объективно нападение Гитлера на СССР явилось превентивным, потому что оно предотвратило куда более массированное наступление Красной Армии.

В это же время было признано, что официальные советские историки, пытаясь обосновать тезис о военно-техническом превосходстве вермахта в момент нападения на СССР, фальсифицировали имеющиеся факты. Приводили, к примеру, число всех немецких танков и самолетов, имевшихся на Восточном фронте, а со стороны СССР только

число новейших образцов. Это даже не фальсификация, а прямой подлог. В результате убеждение об абсолютном превосходстве войск вермахта прочно утвердилось не только в советской историографии, но и в обыденном сознании. Теперь даже бывший главный редактор готовившейся по решению Политбюро ЦК КПСС от 13 августа 1987 г. «Истории Великой Отечественной войны советского народа» В.А. Золотарев признал, что к началу войны «только по танкам и самолетам мы превосходили вооруженные силы Германии, Японии, Италии, Румынии и Финляндии, вместе взятые, почти в два раза»⁵⁴.

Тогда же официальная историография подтвердила, что переговоры с Англией и Францией в 1939 г. зашли в тупик не только по вине этих двух стран, но и по вине СССР: «Никем не доказано, что возможности переговоров СССР с Англией и Францией были исчерпаны, что без согласия польского правительства пропустить войска РККА через территорию Польши военная конвенция с этими государствами была исключена... хотя единственная возможность предотвращения войны заключалась в скорейшем заключении военного и политического союза с Англией и Францией»⁵⁵. В то же время в российской литературе отмечалось, что «до сих пор отсутствует всеобъемлющая документальная картина, которая отразила бы с исчерпывающей достоверностью позицию советского руководства применительно к заключению пакта о взаимопомощи с Лондоном и Парижем, высветила бы глубинные, а не внешние причины срыва этих переговоров и переориентации Москвы на соглашение с Берлином»⁵⁶.

А в декабрьском номере журнала «Новый мир» за 1994 г. появилась публикация речи Сталина, с которой он выступил в день заседания Политбюро 19 августа 1939 г. Т.С. Бушуева, которая нашла текст этой речи в секретных трофейных фондах бывшего Особого архива СССР, оценила ее как «безусловно исторический документ, столь откровенно обнаживший агрессивность политики СССР». По ее мнению, именно эта речь «легла в основу позиции советской стороны при подписании ею секретных протоколов с фашистской Германией о разделе Европы»⁵⁷.

Запись речи Сталина на заседании Политбюро ЦК 19 августа 1939 г. публиковалась ранее на Западе. Почти сразу с изложением этой речи выступило французское агентство Гавас, чью публикацию Сталин назвал «враньем» в интервью газете «Правда» от 30 ноября 1939 г. Знали о речи Сталина и некоторые западные историки. Западногерманский историк Е. Еккель даже опубликовал найденную им запись речи Сталина в одном из журналов ФРГ в 1958 г.⁵⁸. Реакцию советских военных историков на эту публикацию можно найти во втором томе «Истории Второй мировой войны»: «Фальсификация очень грубая. Достаточно сказать, что Сталину приписаны такие обороты речи и обращения, которые он никогда не употреблял. Кроме того, в этот субботний день, 19 августа 1939 г., заседания Политбюро вообще не было»⁵⁹. Фальсификацией считает эту речь и такой просталинский настроенный западный историк, как И. Фляйшхауэр⁶⁰.

В 1995 г. в России было торжественно отмечено 50-летие Победы над фашистской Германией и окончания Второй мировой войны. Этот юбилейный год стал годом огромного количества публикаций по теме, продемонстрировавших не только тот уровень свободы, которого достигли российские историки, но и то, с каким трудом правда о кануне войны пробивается наружу⁶¹.

Советская история переполнена тайными преступлениями власти, но из всех ее тайн особо мрачной и хранимой была подготовка военного наступления на Европу в 1941 г. Эту правду приняла пока небольшая часть российских историков.

В качестве примера столкновения прямо противоположных точек зрения может служить опубликованная незапланированная дискуссия «Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?» (М.: АИРО — XX, 1995). Наряду со статьями А.В. Афанасьева, С. Григорьева, М.Г. Николаева, С.П. Исайкина, А.Н. и Л.А. Мерцаловых в сборнике представлен альтернативный взгляд на события кануна войны — Б.Н. Петрова, В.Н. Киселева, В.Д. Данилова, М.И. Мельтюхова, В.А. Невежина. Вместе с тем поставленные перед целым рядом очевидных фактов сторонники просталинской концепции были вынуждены, по

крайней мере, признать, что «проблема взаимосвязи военной доктрины с технической политикой в СССР всегда была белым пятном для общества...», что «по сравнению с Западом у нас выпущено ничтожно малое число книг, посвященных этой теме»⁶².

Наиболее радикальные выводы содержались в статье М. Никитина, который не случайно скрылся под псевдонимом (правда, весьма прозрачным). На основании идеологических документов мая — июня 1941 г. автор пришел к выводу о том, что «основной целью СССР являлось расширение «фронта социализма» на максимально возможную территорию, в идеале на всю Европу. По мнению Москвы, обстановка благоприятствовала осуществлению этой задачи. Оккупация Германией большей части континента, затяжная, бесперспективная война, рост недовольства населения оккупированных стран, распыление сил вермахта на разных фронтах, близкий японо-американский конфликт — все это давало советскому руководству уникальный шанс внезапным ударом разгромить Германию и «освободить» Европу от «загнивающего капитализма». Этой цели и была посвящена вся деятельность советского руководства в 1939 - 1941 гг.

Таким образом, — считает автор, — намерения советского руководства в мае — июне 1941 г., устанавливаемые на основе исторических документов, значительно отличаются от тех, которые нам преподносит отечественная историография. Следовательно, неверна вся и так не очень стройная концепция предьстории Великой Отечественной войны, поскольку она не соответствует известным фактам и документам. Поэтому уже сейчас основной задачей отечественной науки является создание новой концепции истории советского периода вообще и событий 1939 — 1941 гг. в частности»⁶³.

Однако последующее развитие историографической ситуации показало, как далека российская историческая наука от того, чтобы признать этот вывод. В 1995 г. в России прошли конференции, в том числе специально посвященные кануну войны. На международной конференции в Москве, организованной Институтом всеобщей истории РАН совместно с Институтом Каммингса по исследова-

нию России и стран Восточной Европы при Тель-Авивском университете, «подавляющее большинство — практически все — выступавших опровергло версию Суворова и других авторов, поставив под сомнение сам их метод подхода к анализу событий»⁶⁴. Участники научного семинара в Новосибирске, организованного местным обществом «Мемориал», наоборот, высказались за очищение истории от идеологического камуфляжа. Одним из участников семинара — В.Л. Дорошенко был сделан анализ речи Сталина 19 августа 1939 г., которым убедительно доказано, что текст этой речи, «при всех возможных искажениях, восходит к Сталину и должен быть принят в качестве одного из основополагающих документов по истории Второй мировой войны»⁶⁵.

Из иностранных авторов в юбилейном году российские исторические журналы отдавали предпочтение тем, кто выступал с просталинской концепцией⁶⁶.

Особого внимания в рассматриваемом контексте заслуживают две установочные статьи — директора Института всеобщей истории РАН А.О. Чубарьяна и директора Института российской истории РАН А.Н. Сахарова, которые по традиции, идущей с советских времен, определяли возможные пределы исторического поиска, а объективно обозначили те трудности, которые еще необходимо преодолевать на пути к истине. Основной вывод статьи Чубарьяна сводился к тому, что «Сталин в те тревожные месяцы боялся даже думать о нападении Германии и о начале войны»⁶⁷. Однако уже введенный в научный оборот новый фактический материал о кануне войны не мог не обусловить противоречивый характер статьи. С одной стороны, отметив отсутствие в протоколах Политбюро обсуждения важнейших вопросов внешней и внутренней политики, автор соглашается с тем, что «многие вопросы и не проходили обсуждения на Политбюро: решения по ним, видимо, принимались на совещаниях в узком составе или единолично Сталиным», а с другой — непосредственно коснувшись «Соображений по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» по состоянию на 15 мая 1941 г., вновь утверждает, что

«нет никаких свидетельств, что этот документ где-либо обсуждался, так же как нет определенных данных о реакции на него Сталина». Кроме того, повторяется одно из основных положений советской историографии, уже не раз опровергнутое в последнее время. По его мнению, «СССР не располагал силами и возможностями для начала войны с Германией»⁶⁸. Однако в том же номере журнала Г.А. Куманев признал, что «к началу войны оборонная индустрия СССР в целом впервые стала превосходить по количеству, а в отдельных областях военного производства и по качеству показатели фашистской Германии»⁶⁹.

Статья А.Н. Сахарова «Война и советская дипломатия: 1939 — 1945 гг.» в большей степени отвечала требованиям времени и учитывала результаты историографии, достигнутые за последние годы. Сахаров официально признал существующее до сих пор стремление «создать и укрепить государственно-идеологические мифы, предать анафеме тех, кто пытается проникнуть или хотя бы приблизительно выяснить истинный смысл происходивших в конце 30-х — первой половине 40-х годов событий, сохранить над ними завесу государственной тайны, что совершенно неприемлемо с точки зрения историка»⁷⁰. Далее Сахаров признал факт выступления Сталина на заседании Политбюро 19 августа 1939 г., процитировав отрывок из него и сославшись при этом (правда, глухо!) на декабрьский номер журнала «Новый мир» за 1994 г. Важнейшим фактом было также подтверждение А.Н. Сахаровым, в отличие от А.О. Чубарьяна, тезиса о том, что «по всем объективным данным, к середине 1941 г. перевес сил почти по всем параметрам был на стороне Советского Союза»⁷¹.

Однако серьезные возражения вызывает общий объективистский подход Сахарова к оценке советской дипломатии в 1939 — 1941 гг.: «Это была прагматическая, глобалистская дипломатия, покоившаяся на принципах преемственности с политикой старой России и сопровождавшаяся к тому же определенными революционно-идеологическими расчетами большевистского руководства. Защищать и оправдывать ее, как это делала в течение долгих лет советская историография, или порицать и обличать ее, как, ска-

жем, это предпринимает в своих книгах В. Суворов, совершенно бессмысленно. Мораль здесь ни при чем. В политике есть лишь результаты — победы или поражения. Такой была и советская политика, и дипломатия тех лет»⁷².

Избежать нравственной оценки действий сталинской власти невозможно, а попытки эти всегда имеют под собой реальную основу, и, как правило, такой объективистский подход ведет к оправданию действий власти. У Сахарова он определялся, во-первых, тем, что советская дипломатия 1939 — 1941 гг. рассматривалась им в отрыве от провокационной по своей сути сталинской дипломатии предшествующего периода, во-вторых, он, как и многие другие современные авторы, не избежал влияния «обаяния» сталинского великодержавия. Только с учетом этих обстоятельств можно без внутреннего протеста воспринимать заключительный вывод автора: «...советское руководство действовало вполне в духе времени, решительно, масштабно, инициативно. И основной просчет Сталина и его вина перед Отечеством заключались на данном этапе и в тех условиях не в том, что страна должным образом не подготовилась к обороне (она к ней и не готовилась), а в том, что советскому руководству — и политическому, и военному — не удалось точно определить момент, когда стремление оттянуть войну до приведения своих наступательных сил в полную готовность уже было невозможно, и оно не приняло экстренных мер для мобилизации страны и армии в состояние максимальной боевой готовности. Упреждающий удар спас бы нашему Отечеству миллионы жизней и, возможно, привел бы намного раньше к тем же политическим результатам, к которым страна, разоренная, голодная, холодная, потерявшая цвет нации, пришла в 1945 г., водрузив знамя Победы над Рейхстагом.

И то, что такой удар нанесен не был, что наступательная доктрина, тщательно разработанная в Генеральном штабе Красной Армии и начавшая энергично осуществляться в мае — июне 1941 г., не была реализована, возможно, является одним из основных просчетов Сталина»⁷³.

Определенным итогом историографии темы стала изданная в 1996 г. Российским государственным гуманитар-

ным университетом под редакцией Ю.Н. Афанасьева книга «Другая война: 1939 — 1945», которая объединила современных авторов, известных своими новыми подходами к изучению не только кануна, но всего периода Великой Отечественной войны. В этой книге в основном переопубликованы статьи В. Д. Данилова, М. И. Мельтюхова, В.А. Невежина, Ю.А. Горькова, А.А. Печенкина и др.

Однако в том же году на фоне набирающей силу волны апологетической литературы о Сталине стало заметно отступление от достигнутого в освещении кануна войны. Символом этого отступления стала иллюстрация к публикации Ю.А. Горькова и Ю.Н. Семина «Конец глобальной лжи. (Оперативные планы западных приграничных военных округов 1941 года свидетельствуют: СССР не готовился к нападению на Германию)»⁷⁴. Это плакат времен войны под названием «Красной Армии метла нечисть выметет дотла!». Среди этой «нечисти» и книга В. Суворова «Ледокол».

Знаками отступления являются фактически отрицательная рецензия А.Ф. Васильева на книгу «Другая война: 1939 — 1945», опубликованная в 1997 г. в журнале «Вопросы истории» (№ 7), и новые публикации Г. Городецкого. В ответ на перепечатку речи Сталина 19 августа 1939 г. немецким еженедельником «Die Welt» (12 июля 1996 г.) Городецкий в который раз назвал эту речь фальсификацией. В полном противоречии с известными сегодня историческими фактами он продолжает настаивать на том, что в дни, предшествовавшие подписанию советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г., Сталин «более чем когда-либо придерживался своей традиционной оборонительной политики», что он «не выдвигал никаких территориальных претензий, а хотел лишь взаимных германо-советских гарантий неприкосновенности Балтийских стран»⁷⁵.

В таком же ключе выдержаны книга В.Я. Сиполса «Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939 — 1941» (М., 1997) и рецензия на нее А.С. Орлова, в которой весьма показательна высокая оценка того, что «книгу пронизывает полемика с конъюнктурными трактовками истории 1939 — 1941 гг., которые на волне безудержной критики ис-

тории СССР конца 80-х — начала 90-х годов возобладали в постсоветской историографии». Показательна и логика возражений как Синолса, так и поддерживающего его рецензента. Оказывается, идея секретных протоколов и раздела «сфер влияния» впервые появилась не в советско-германском договоре о ненападении, а в ходе тайных англо-германских переговоров и в английских предложениях СССР о гарантиях стран Прибалтики⁷⁶.

В этом же году вышла книга В.А. Невежина «Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939 — 1941 гг.», которая является систематизированным результатом его предыдущих исследований. На основе большого фактического материала Невежин пришел к выводу о том, что «Сталин не отделял национальных интересов страны от конечной стратегической цели — уничтожения «капиталистического окружения». На исходе 30-х годов большевистское руководство уже не рассматривало саму по себе «мировую революцию» в качестве главного инструмента для достижения этой цели. Миссию сокрушения враждебного «буржуазного мира» должна была взять на себя, по замыслу Сталина, Красная Армия»⁷⁷.

Особый интерес представляет специальная глава книги «Сталинские выступления 5 мая 1941 г.». Это не только речь Сталина перед выпускниками военных академий, но и его реплики и тосты на банкете, устроенном по этому случаю. Подлинный аутентичный текст речи Сталина неизвестен. В распоряжении исследователей имеется лишь запись, причем не только речи, но и сталинских высказываний, сделанная сотрудником Наркомата обороны К. Семеновым и выявленная в РГАСПИ. В настоящее время наиболее полная публикация подготовлена А.А. Печенкиным⁷⁸. Так что обвинение, выдвинутое в 1994 г. историками А.Н. и Л.А. Мерцаловыми против немецкого историка И. Хоффмана в том, что он оперировал «предполагаемыми намерениями Сталина, его речью 5 мая 1941 г., содержание которой науке, к сожалению, неизвестно», лишено всяких оснований⁷⁹. Сам же Невежин, завершая главу о сталинских выступлениях 5 мая 1941 г., делает вывод о том, что «для ближайшего же сталинского окружения все сказанное тогда

«вождем» на торжественном собрании и на приеме (банкете) являлось не «мистификацией» и не «дезинформацией», а прямым руководством к действию»⁸⁰.

Однако значение исследования Невежина снижают непоследовательность и противоречивость выводов автора. Не стоило бы уделять этому обстоятельству особого внимания, если бы это не было доказательством обозначившегося отступления в историографии. Складывается впечатление, что Невежин боится того, что его поставят в один ряд с В. Суворовым, к которому он относится с очевидным предубеждением, непонятным потому, что на многие выводы и самого Невежина, и других современных исследователей предвоенного периода натолкнул именно «Ледокол». Не отметив положительных сторон этой книги, Невежин сразу же переходит к ее критике в худших историографических традициях: «...российскими историками было замечено, что В. Суворов (В.Б. Резун) слабо использует документальную базу, злоупотребляет домыслами, тенденциозно цитирует мемуарную литературу, которая сама по себе требует тщательного источниковедческого анализа, искажает факты, произвольно трактует события. Западные ученые также предъявили большие претензии к автору книги «Ледокол». Так, Б. Бонвеч отнес ее ко вполне определенному жанру литературы, в которой просматривается стремление снять с Германии вину за нападение на СССР»⁸¹. Досталось в этом контексте и тем западным исследователям, которые солидаризировались в своих выводах с В. Суворовым — Г. Гилессену, В. Мазеру, Э. Топичу, И. Хоффману.

С уже знакомым предубеждением Невежин относится также к книге «Другая война: 1939 — 1945». По его мнению, Ю.Н. Афанасьев необоснованно попытался поставить выступление Сталина 5 мая 1941 г. «в один ряд со сталинскими речами, якобы произнесенными на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 г. и на главном Военном совете 14 мая 1941 г.». Источник, на основании которого была сделана публикация речи Сталина на Политбюро 19 августа 1939 г., добавляет далее Невежин, «требуется критического анализа». Сделав это дополнение,

он посчитал необязательным упомянуть, во-первых, о том, что внимание к выступлению Сталина 19 августа 1939 г. привлек В. Суворов, во-вторых, что запись текста этой речи была обнаружена в Особом архиве (ныне Центр хранения историко-документальных коллекций) Т.С. Бушуевой и опубликована ею в журнале «Новый мир» в 1994 г. (№ 12), в-третьих, что анализ этой речи уже сделан В.Л. Дорошенко и опубликован в материалах научного семинара, посвященного пятидесятилетию разгрома фашистской Германии, состоявшегося в Новосибирске 16 апреля 1995 г., а затем переопубликован в книге «Другая война: 1939 — 1945». На все это нет никаких указаний не только в основном тексте книги, но и в прилагаемом «Списке использованных источников и литературы».

Что же касается употребленного Невежиным словесного оборота «якобы произнесенными», то же самое можно сказать и в отношении выступления Сталина 5 мая 1941 г. Подлинного текста речи в том и в другом случае не обнаружено. К тому же вся конструкция Невежина распадается, если взять за основу другую запись сталинской речи 5 мая 1941 г., о которой рассказал присутствовавший в Кремле в тот момент Н.Г. Лященко. Спустя десятилетия он смог ознакомиться с записью текста речи Сталина, присланной из Института военной истории. В полученной записи, подчеркивает Невежин, **о войне не было ни слова**. Как очевидец, Н.Г. Лященко сделал вывод, что «над ней кто-то изрядно поработал»⁸². Все это было вполне в духе Сталина. Не случайно он запретил включение записи своей речи 5 мая 1941 г., сделанной К. Семеновым, в предполагавшийся к изданию 14-й том его сочинений.

Такая позиция Невежина не могла не обусловить противоречивость и нечеткость выводов его книги. В главе, посвященной сталинским выступлениям 5 мая 1941 г., он присоединяется к выводу о том, что «сталинские призывы о необходимости перестройки советской пропаганды, прозвучавшие на банкете в Кремле по случаю выпуска военных академий РККА, еще не означали, что СССР готовился летом 1941 г. напасть на Германию» (выделено мною. — *И.П.*)⁸³.

Книгу завершает послесловие профессора Рурского университета (Германия) Б. Бонвеча, в котором он «разъясняет» читателю позицию Невежина. Оказывается, акцент на «наступление» не делает вынужденным «нападение». Автор книги, по словам Бонвеча, «подчас склонен к некоторой драматизации, но в целом его положительно характеризует то, что он на основе явных изменений в советской военной пропаганде после выступлений Сталина 5 мая 1941 г. не делает вывода, будто Советский Союз определенно намеревался напасть на Германию...»⁸⁴. Бонвеч, несмотря на исследование Невежина и других авторов, по-прежнему убежден в том, что «Сталин скрупулезно, и не только исходя из соображений обороны, учитывал государственные интересы, принимая в расчет и возможность войны с Германией. К какому времени он относил начало войны, установить невозможно, но многие данные указывают на 1942 год»⁸⁵.

Об определенной «сдаче позиций» свидетельствует также раздел, написанный М.И. Мельтюховым, в книге «Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира» (М.: РГГУ, 1997). Раздел имеет красноречивое название — «Крики об обороне — это вуаль», которое представляет собой фразу Сталина, сказанную им 1 октября 1938 г. на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда, тогда же записанную секретарем ЦК А.А. Ждановым в своем блокноте. Характерно, что Жданов выделил эту фразу как ключевую, раскрывающую подлинные представления Сталина о внешнеполитической миссии Советского государства⁸⁶. Но, с другой стороны, анализируя статьи авторов, которые собраны в книге «Другая война: 1939 — 1945» и фактически представляют собой дискуссию на тему «Готовил ли Сталин наступательную войну?», Мельтюхов неправоммерно свел ее к следующему заключению: «...авторы оспаривают не столько вероятность (или необходимость) упреждающего наступления СССР, сколько возможность его осуществления именно в 1941 г. (выделено мною. — *И.П.*). Во всяком случае, сопоставление упомянутых статей, опубликованных в

одной книге и отражающих на первый взгляд противоположные точки зрения, полезно. Это помогает лучше понять причины и характер катастрофы, которая произошла в 1941 г. и которая в конечном счете была органически связана с природой сталинского режима»⁸⁷.

Акцент на вопросе о **возможности** осуществления наступления СССР в 1941 г. — это не более чем попытка отвести дискуссию от выяснения реальных действий Сталина по подготовке к войне. Эта же тенденция отчетливо проявилась и на заседании ассоциации историков Второй мировой войны в декабре 1997 г., на которой обсуждался специальный доклад М.И. Мельтюхова⁸⁸. На одном фланге были докладчик и поддержавший его историк В.А. Невежин, а на другом — старейшины нашей военной исторической науки В.А. Анфилов, М.А. Гареев, Ю.А. Горьков, А.С. Орлов, О.А. Ржешевский и др., для которых «история — наука политическая», а историку, по их мнению, «необходимо всегда помнить об интересах своего государства и заботиться о здравомыслии поколений, вступающих в жизнь»⁸⁹. Состоявшаяся дискуссия продемонстрировала то, что историкам демократического направления не удалось оттеснить или сколько-нибудь заметно потеснить историков прокоммунистического направления. Последние, сохранив свои позиции в институциональной системе постсоветской науки, перешли к реваншу, который собственно научного значения не имеет. Однако он оказывает серьезное влияние на процесс дальнейшей деградации исторической науки в России и скажется на подготовке нового поколения историков. Процессы, которые происходят в постсоветской исторической науке, связаны с общими политическими процессами в стране. Демократия не удалась даже в истории, да и не могла удалиться при наличном соотношении сил. Если бы прокоммунистический реванш получил хотя бы отпор со стороны мировой исторической науки, но и здесь сложилась парадоксальная ситуация: западные историки не только формально контактируют с прокоммунистическими историками, но и поддерживают их концептуально⁹⁰. Российским историкам демократиче-

ского направления придется проявить не только терпение, но и отвагу.

Издание в 1998 г. международным фондом «Демократия» сборника документов «1941 год» (в 2 книгах) не ставит точку в историографии этой темы, как считает тот же Л.А. Безыменский, интервью с которым под знаменательным названием «Правда про 22 июня» появилось 18 июня 1998 г. в газете «Комсомольская правда». В сборнике опубликованы документы, которые до самого последнего времени были недоступны в таких архивах, как Архив Президента, Архив внешней политики, Архив Службы внешней разведки, Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации и др. При всей своей неоспоримой важности эти документы сами по себе не могут дать прямых ответов на поставленные вопросы. Именно это и входило в интересы Сталина, который лично контролировал комплектование своего архива, составляющего сегодня основу Архива Президента. Вот почему «документация, которая содержится в личных архивах Сталина и Молотова, представляет собой исключительно важный, но не исчерпывающий источник» (выделено мною. — *И.П.*)⁹¹. Весьма показателен и тот принципиальный факт, выявившийся в ходе подготовки сборника, что, «в отличие от скупой информации о возможном политическом сближении, материалы по возобновлению экономических связей между СССР и Германией весьма обширны...»⁹². Сталин не случайно оставлял в своем архиве в основном материалы об экономическом сотрудничестве с Германией, как будто знал психологию воспитанных в созданной им стране историков. И действительно, вывод последовал: «Наше предположение об инициативной роли экономического фактора еще требует дополнительного исследования, но и сейчас оно должно учитываться при оценке аргумента о «вынужденном» характере договоренностей 1939 г.»⁹³.

Документы о предвоенной политике сталинской власти, сохранившиеся до нашего времени, представляют собой именно тот пример источников, которые заставляют «отрешиться от иллюзии, будто источники — это «окна», через которые можно разглядывать историческую жизнь людей

других эпох в ее «первозданной» подлинности, стоит лишь хорошенько эти окна протереть»⁹⁴. Только тогда из этого массива оставленных нам источников удастся извлечь зерно истины, когда они будут сопоставлены с другими, проанализированы, встроены в общий контекст событий. Только при таком условии эти источники «расскажут» нам то, что Сталин хотел скрыть. А потому преждевременным представляется вывод составителей сборника документов «1941 год» о том, что «публикуемые документы полностью опровергают домыслы о якобы превентивном (для отражения готовящейся советской агрессии) нападении фашистской Германии на Советский Союз»⁹⁵. Тем более что ситуация в предвоенный период вообще не может трактоваться столь однозначно в категориях: «превентивное» — «непревентивное (вероломное)» нападение.

Каковы бы ни были отступления в освещении кануна войны, правда о нем уже вышла наружу. Она сделала понятней не только внешнюю, но и внутреннюю политику сталинской власти, направленную на осуществление главной цели. Цель эта четко сформулирована в статье З.С. Белоусовой и Д.Г. Наджафова, которую можно рассматривать как этапную в процессе отхода современных российских историков от лжи советской историографии: «Пролетарский призыв к «последнему и решительному бою» с капитализмом превратился в руководящий принцип политики коммунистических правителей Советского государства, был положен в основу их глобальной стратегии. Так идея уничтожения «старого мира» стала самоцелью новорожденного социалистического строя, смыслом и оправданием его существования, заразив устремленностью к «новому миру» миллионные массы громадной евразийской страны... Вера в то, что диалектика исторического развития приведет к торжеству коммунизма (а в первые послеоктябрьские годы такой ход мировых событий представлялся творцам русской революции близким будущим), покоилась на догмах классовой непримиримости и неизбежности войн при капитализме, якобы вплотную подводящих пролетариат к социальной революции. Возведенная в ранг официальной политики ставка на победу мирового комму-

низма обусловила глобальные рамки советской активности по созданию условий для повсеместного утверждения нового общественного строя»⁹⁶.

Однако необходимость исторической оценки этой «ставки на победу мирового коммунизма» обозначила новое расхождение между историками кануна войны, которое можно считать знаковым. С одной стороны, это демократическая позиция, суть ее изложена Д.Г. Наджафовым. «Скорее всего, — пишет он, — советские руководители действительно уверовали в свою революционную миссию, ставя знак равенства между интересами социалистического Советского Союза и «коренными» (по марксистской терминологии) интересами народов других стран, намереваясь в нужный момент выступить в роли освободителя этих народов от ига капитализма. На практике так называемый пролетарский интернационализм СССР свелся к откровенному национализму (в его советской, национал-большевистской версии), тогда как базовой составляющей Второй мировой войны с самого начала была защита свободы и демократии против наступления сил тоталитаризма»⁹⁷.

С другой стороны, это великодержавная, антизападная позиция, проявившаяся в книге М.И. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина». Эта позиция заслуживает особого внимания, потому что ее сторонником оказался автор, который добился весьма значительных результатов в изучении имеющихся и в поиске новых материалов по этой теме. Мельтюхову удалось обобщить практически все факты, ставшие известными в последние годы, и создать комплексное исследование, после которого возврат к старой версии о неготовности Советского Союза к войне уже невозможен. В книге убедительно доказано, что к лету 1941 г. Красная Армия была крупнейшей армией мира, имевшей на вооружении целый ряд уникальных систем военной техники, и эта армия готовилась к наступлению. В 1940 — 1941 гг. Генштабом Красной Армии было разработано как минимум четыре варианта оперативного плана, содержание которых свидетельствует о подготовке лишь наступательных действий советских войск... Особенно четко эта идея выражена в документе от 15 мая 1941 г. Всего

для войны с Германией из имевшихся в Красной Армии 303 дивизий было выделено 247, которые после мобилизации насчитывали бы свыше 6 млн. человек, 62 тыс. орудий и минометов, 14,2 тыс. танков и 9,9 тыс. самолетов. Германия и ее союзники, по данным, приводимым в книге, не располагали силами, способными нанести гарантированное поражение Красной Армии. Превосходство последней по числу дивизий было в 2,3 раза, по личному составу в 2,1, по орудиям и минометам в 2,4, по танкам в 8,7, а по самолетам в 4,4 раза⁹⁸.

После книги Мельтюхова невозможно более рассуждать о миролюбивой политике Советского Союза не только накануне войны, но и в предшествовавшие годы. В книге подробно рассматриваются действия СССР в Польше в сентябре 1939 г., его «борьба за Скандинавский плацдарм», «наращивание советского военного присутствия в Прибалтике», борьба за Балканы, политика, направленная на ослабление позиций Англии и Франции в Европе.

Вместе с тем дискуссию о кануне войны нельзя считать завершенной. Во-первых, как справедливо отмечает сам Мельтюхов, до сих пор засекречены многие документы о состоянии Красной Армии, планы боевых действий против Финляндии, Румынии, Турции, большая часть документов по оперативной подготовке войск, в частности, планы округов, планы прикрытия за весь межвоенный период и т.п. Но прежде всего отсутствуют документы, которые позволяют «в полной мере реконструировать процесс принятия ключевых решений советским руководством в 1939 — 1941 гг.». Имеющиеся источники не позволяют пока не только ответить на вопрос о причинах отказа от 12 июня как первоначальной даты нападения на Германию, но и обосновать тезис о том, что «Красная Армия должна была завершить подготовку к наступлению не ранее **15 июля 1941 г.**»⁹⁹.

Во-вторых, вызывает серьезное возражение общий подход Мельтюхова к рассмотрению политики СССР в 1939 — 1941 гг. Претендуя на объективное воссоздание исторической реальности, на рассмотрение советской внешней политики «без каких-либо пропагандистских шор, а с точки зрения реальных интересов, целей и возможностей

Советского Союза», выступая против морализаторских традиций в отечественной исторической литературе и заявляя о том, что в его исследовании речь не идет об оправдании или обвинении советского руководства, Мельтюхов оказывается выразителем великодержавной и антизападной позиции, которая характерна сегодня для многих представителей российской интеллигенции, в том числе и для историков. Эта позиция определила его исследовательский подход — он полностью на стороне Сталина, более того, он сожалеет об упущенном шансе «разгромить наиболее мощную европейскую державу и, выйдя на побережье Атлантического океана, устранить вековую западную угрозу нашей стране». Если бы Сталину удалось реализовать задуманный план, то, по мнению Мельтюхова, «Красная Армия могла бы быть в Берлине не позднее 1942 г., что позволило бы поставить под контроль Москвы гораздо большую территорию в Европе, нежели это произошло в 1945 г. Разгром Германии и советизация Европы позволяли Москве использовать ее научно-технический потенциал, открывали дорогу к «справедливому социальному переустройству» европейских колоний в Азии и Африке...»¹⁰⁰.

Никто не оспаривал бы право М.И. Мельтюхова рассуждать о возможных перспективах советизации Европы более полувека назад, подобно тому, как рассуждают председатель ЛДПР В.В. Жириновский и его последователь, депутат Государственной думы А.В. Митрофанов о позиции современной России по отношению к Западу, если бы не одно важнейшее обстоятельство. Такой подход находится в полном противоречии с заявкой автора на объективное исследование проблемы. Это противоречие можно показать на примере рассмотрения им важнейшего вопроса о роли СССР в развязывании Второй мировой войны. Мельтюхов фактически смазывает инициативную роль СССР в подготовке советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г., неверно излагает позицию СССР накануне приезда Риббентропа в Москву, обходит вопрос об оценке речи Сталина 19 августа, откровенно замалчивая появившиеся на эту тему публикации. Благодаря соглашению 23

августа, считает Мельтюхов, «СССР впервые за всю свою историю получил признание своих интересов в Восточной Европе со стороны великой европейской державы», поэтому «советско-германский пакт о ненападении можно расценивать как значительную удачу советской дипломатии, которая смогла переиграть британскую дипломатию и достичь своей основной цели — остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Восточной Европе, более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах, и при этом свалить вину за срыв англо-франко-советских переговоров на Лондон и Париж. Не в интересах советского руководства было препятствовать войне в Европе между англо-французским блоком и Германией, поскольку только война давала ему реальный шанс значительно усилить свое влияние на континенте... Пакт о ненападении, — заключает он, — обеспечил не только интересы Советского Союза, но и тыл Германии, облегчив ей войну в Европе»¹⁰¹. В выделенных мною словах фактически и заключается ключевая роль СССР в начале Второй мировой войны. Однако эта роль закамouflирована геополитическими рассуждениями Мельтюхова.

Таким образом, несмотря на очевидные успехи в поиске правды о кануне Великой Отечественной войны, создание его объективной истории требует прояснения еще многих принципиальных моментов. Следование концепции посткоммунистического великодержавия, защищающей агрессивные устремления Сталина, ведет не только к искажению освещения ключевых поворотов его политики, но и не может дать ответа на такой важнейший вопрос, почему Красная Армия, несмотря на свое многократное превосходство, потерпела столь сокрушительное поражение в 1941 г. Рассуждений о роковом просчете советского руководства и неготовности войск к созданию сплошного фронта обороны здесь недостаточно. Подобного рода вопросы вообще не вписываются в эту концепцию, ибо это уже вопросы не о геополитических планах Сталина, а об отношении миллионов красноармейцев к созданному им режиму.

Правде о кануне войны предстоит завоевывать надлежащее место не только в историографии, но и в общественном сознании. Российское общество пока не готово к восприятию такой правды о войне, о чем свидетельствовала его негативная реакция на документальный фильм В. Синельникова «Последний миф» о Викторе Суворове и его книге «Ледокол». И все-таки остается надежда на то, что 9 мая в России когда-нибудь станет не только Днем долгожданного мира, наступившего после кровопролитной войны, Днем памяти о 27 млн погибших в этой войне, но и напоминанием о нашей слепоте, о том, как **не должны** строиться отношения власти и общества.

Примечания

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 томах. Т. 4. Кн. 1. М., 1970. С. 217, 218.

² *Коган Л.А.* Военный коммунизм: утопия и реальность // *Вопр. истории.* 1998. № 2. С. 128.

³ «Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать». Выступления В.И. Ленина на IX конференции РКП(б) 22 сентября 1920 г. // *Исторический архив.* 1992. № 1. С. 12, 13.

⁴ *Раак Р. Ч.* Источник из высших кругов Коминтерна о планах Сталина, связанных со Второй мировой войной // *Отечественная история.* 1996. № 3. С. 45.

⁵ *Исторический архив.* 1992. № 1. С. 16.

⁶ ГАНУ, ф. П - 1, оп. 3, д. 11, л. 51.

⁷ *Сталин И.В.* Соч. Т. 14 / Сост. и общая ред. Р. Косолапова. М., 1997. С. 106. Б. Солоневич приводит этот эпизод в более подробном изложении: «Недавно он (Сталин. — *И.Л.*) дал интервью американскому журналисту Ховарду (так в тексте. — *И.Л.*), и, когда тот неожиданно спросил у Сталина насчет его намерения поднять мировую революцию, последний сделал «искренне наивное» лицо.

— Какую такую мировую революцию?

Американец даже смутился от подобной наглости.

— Помилуйте, мистер Сталин. Да ведь весь мир считает, что вашей задачей является установление мирового коммунизма путем революции во всех странах.

— Откуда взялось такое странное мнение? Тут явное недоразумение. Наш Советский Союз думает только об устройении своей жизни и никогда не помышляет вмешиваться в дела других стран. Все басни о том, что мы стремимся к какой-то мировой революции, — не что иное, как фантазия наших врагов...» // *Солоневич Б.* Заговор Красного Бона-

парта. Маршал Тухачевский: Документированный роман. Буэнос-Айрес, 1958. С. 125.

⁸ *Ваксберг А.* Страницы одной жизни (Штрихи к политическому портрету Вышинского) // Знамя. 1990. № 6. С. 131.

⁹ *Там же.* Этот перечень составили: «1. Вопросы, связанные с общественно-политическим строем СССР. 2. Внешняя политика Советского Союза: а) советско-германский пакт о ненападении 1939 года и вопросы, имеющие к нему отношение (торговый договор, установление границ, переговоры и т.д.); б) посещение Риббентропом Москвы и переговоры в ноябре 1940 г. Молотова в Берлине; в) Балканский вопрос; г) советско-польские отношения. 3. Советские прибалтийские республики». — *Наджафов Д.Г.* Советско-германский пакт 1939 года: переосмысление подходов к его оценке // Вопр. истории. 1999. № 1. С. 159.

¹⁰ *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии. 1939 — 1941. М., 1992. С. 48 - 49.

¹¹ Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 20.

¹² *Некрич А.М.* 1941. 22 июня. М., 1965. С. 8 — 9. В 1995 г. книга А.М. Некрича была переиздана. Современная его точка зрения по этому вопросу выглядит следующим образом: «У меня нет сомнений в том, что Сталин планировал участие СССР в широкомасштабной европейской войне, но при этом он опасался столкнуться с союзом ведущих капиталистических держав и прежде всего боялся изменения фронта Англией и сговора ее с Германией против СССР... Сталин опасался оказаться в политической изоляции... В этом, как мне кажется, заключаются уязвимые пункты предположения, что Сталин рассчитывал нанести Гитлеру неожиданный, превентивный удар летом 1941 г. [...] советские военно-промышленные планы были ориентированы в основном на их реализацию в 1942 году. Возможно, это время и было бы, по мнению Сталина, наиболее подходящим, чтобы бросить на чашу весов пушковые гири советской военной мощи». — *Некрич А.* 1941. 22 июня: Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 1995. С. 216 — 217.

¹³ Архив д-ра ист. наук, проф. А.С. Московского. Стенографическая запись заседания Комитета партийного контроля (КПК) при ЦК КПСС опубликована под названием «Дело А.М. Некрича»: Из истории гонений на советскую интеллигенцию. Публикация документов о кн. А. Некрича «1941. 22 июня» и обстоятельствах, связанных с ее обсуждением. Предисл. Л.П. Петровского // Кентавр. 1994. № 4 — 5. Решением КПК при ЦК КПСС Л.П. Петровскому был объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку «за безответственное, политически ошибочное выступление во время обсуждения книги А.М. Некрича и за нарушение партийной дисциплины». — Кентавр. 1994. № 5. С. 96. Что касается Е.А. Болтина, то постановлением Политбюро от 5 мая 1940 г. он был назначен редактором «Красной звезды» — РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1021, п. 177. С этого времени он был активным проводником сталинской политики и многое знал о готовящемся нападении на Германию. В.А. Неужин привел ряд высказываний из выступления

Е.А. Болтина на совещании с писателями 25 июня 1940 г. В частности, он сказал: «Мы должны быть готовы, если понадобится, первыми нанести удар... Совершенно ясно, что характер боевых действий Красной Армии будет активным». Е.А. Болтин сформулировал также основные установки советской военной идеологии, которые необходимо было проводить в жизнь. Во-первых, Красная Армия есть инструмент войны. Во-вторых, война СССР против любого капиталистического государства будет иметь справедливый характер, независимо от того, кто ее начнет. — *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939 — 1941 гг. М., 1997. С. 134.

¹⁴ *Павленко Н.* На первом этапе войны // Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988. С. 470.

¹⁵ *Ковалев Ф., Ржешевский О.* Так начиналась война // Урок дает история. М., 1989. С. 268.

¹⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 28, 29, 31, 32.

¹⁷ Накануне. 1931 — 1939. Как мир был ввергнут в войну. Краткая история в документах, воспоминаниях и комментариях. М., 1991. С. 268 - 269.

¹⁸ Там же. С. 268.

¹⁹ Там же. С. 227, 267.

²⁰ *Болдин В.И.* Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. М., 1995. С. 262. Только в октябре 1992 г. оригиналы секретных дополнительных протоколов были наконец «найжены» и опубликованы в России сначала в газетах, а затем и в других изданиях. См.: Новая и новейшая история. 1993. № 1. С. 83 — 95. Что касается вообще первой публикации в СССР текста секретного дополнительного протокола к договору от 23 августа 1939 г., то она была осуществлена журналом «Вопросы истории» в 1989 г. (№ 6). — *Александров В.А.* Сговор Сталина и Гитлера в 1939 году — мина, взорвавшаяся через полвека // Вопр. истории. 1999. № 8. С. 76.

²¹ *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии... С. 59.

²² Орлов А. С. Комментарии к кн.: Уинстон Черчилль. Вторая мировая война. Кн. 1. Т. 1 — 2 / Сокращ. перевод с англ. М., 1991. С. 179, 204.

²³ *Суворов В.* Ледокол. М., 1992. *Он же.* День М. М., 1994. С. 130, 131.

²⁴ Он же. День М. С. 249.

²⁵ *Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А.* Сталинизм и война. Из непрочитанных страниц истории (1930 — 1990-е). М., 1994.

²⁶ *Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А.* «Непредсказуемое прошлое» или преднамеренная ложь? // Свободная мысль. 1993. № 6. С. 50, 51.

²⁷ *Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А.* Между двумя крайностями, или Кто соорудил «Ледокол»? // Военно-исторический журнал. 1994. № 5. С. 83.

²⁸ *Волкоганов Д.* Эту версию уже опровергла история // Известия. 1993. 16 января.

²⁹ Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 40.

³⁰ Цит. по: *Данилов В.* Готовил ли Сталин нападение на Германию? // Поиск. 1994. № 24 (17 — 23 июня).

- ³¹ Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 31.
- ³² Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994.
- ³³ Там же. С. 425, 427.
- ³⁴ Отечественная история. 1993. № 4. С. 29. Положения статьи развиты в его книге: *Hoffmann J. Stalins Vernichtungskrieg 1941 — 1945. Planung, Ausföhrung und Dokumentation.* München, 1999. Первое издание этой книги было осуществлено там же в 1995 г.
- ³⁵ Там же. С. 19, 26, 27, 29.
- ³⁶ Цит. по: *Борозняк А.И., Буханов В.А.* Рец. на кн.: Два пути на Москву. От пакта Гитлера — Сталина к операции «Барбаросса» (на нем. яз.), 1991 // Вопр. истории. 1993. № 8. С. 176. См. также: *Якобсен Г.-А.* Противоречивые оценки 22 июня 1941 года // Война и политика, 1939 - 1941. М., 1999. С. 253 - 269 и др.
- ³⁷ Лит. газ. 1994. 21 сентября; *Якобсен Г.-А.* Вторая мировая война. Хроника и документы // Вторая мировая война: два взгляда. М., 1995. С. 84.
- ³⁸ Книжное обозрение. 1995. 21 февраля; *Городецкий Г.* «Ледокол»? Сталин и путь к войне // Война и политика... С. 244 — 252.
- ³⁹ *Raak R.C.* Рец. на кн.: *Stalins Vernichtungskrieg 1941 — 1945.* By Joachim Hoffmann. Munich, 1995 // *Slavic Review.* 1996. Vol. 55. N 2. P. 493 - 494.
- ⁴⁰ Накануне... С. 242 - 243.
- ⁴¹ *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны... с. 155.
- ⁴² Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 7.
- ⁴³ *Петров Б.Н.* О стратегическом развертывании Красной Армии накануне войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 12.
- ⁴⁴ *Киселев В.Н.* Упрямые факты начала войны // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 15 — 16.
- ⁴⁵ Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера... С. 37.
- ⁴⁶ *Данилов В.* Готовил ли Сталин нападение на Германию?! // Комсомольская правда. 1992. 4 января; Сегодня. 1993. 28 сентября; Поиск. 1994. № 24 (17 — 23 июня); *Мельтюхов М.И.* Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история. 1994. № 3.
- ⁴⁷ Отечественная история. 1994. № 4 — 5. С. 277 — 283.
- ⁴⁸ Там же. С. 283. Выступление М.И. Мельтюхова.
- ⁴⁹ Там же. С. 281; *Мельтюхов М.И.* Споры вокруг 1941 года... // Отечественная история. 1994. № 3. С. 16, 17, 18.
- ⁵⁰ *Данилов В.* Указ. соч. // Комсомольская правда. 1992. 4 января.
- ⁵¹ *Данилов В.* Сталинская стратегия начала войны // Отечественная история. 1995. № 3. С. 40.
- ⁵² *Мельтюхов М.И.* Споры вокруг 1941 года... // Отечественная история. 1994. № 3. С. 187.

⁵³ Хоффман И. Подготовка Советского Союза к наступательной войне // Отечественная история. 1993. № 4. С. 20, 21, 24, 25, 29.

⁵⁴ Россия в XX веке... С. 698.

⁵⁵ Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война... С. 200 — 201.

⁵⁶ Сафронов В.П. Рец. на кн.: Документы внешней политики. 1939 год. М., 1992. Т. 22. В 2 кн. // Отечественная история. 1995. № 3. С. 208.

⁵⁷ Бушуева Т.С. «... Проклиная — попробуйте понять». Рец. на кн. В. Суворова «Ледокол» и «День М» // Новый мир. 1994. № 12. С. 232 — 233.

⁵⁸ Jackel E. Über die angebliche Rede Stalins vom 19 August 1939 // Viertel Jahreshefte für Zeitgeschichte. Stuttgart. 1958. N 4 (Oktober). S. 381 - 382.

⁵⁹ История Второй мировой войны 1939 — 1945. Т. 2. М., 1974. С. 285.

⁶⁰ Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938 — 1939. Пер. с нем. М., 1991. С. 354.

⁶¹ Бобылев П.Н. К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // Отечественная история. 1995. № 5; Война 1939 — 1945: два подхода. М.: РГГУ, 1995. Ч. I. Под общей ред. Ю.Н. Афанасьева; Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995; Гареев М.А. О военной науке и военном искусстве в Великой Отечественной войне // Новая и новейшая история. 1995. № 2; Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995; Данилов В.Д. Сталинская стратегия начала войны // Отечественная история. 1995. № 3; Иванов А. Готовился ли СССР к превентивной войне? // Актуальные проблемы новой и новейшей истории. Ульяновск, 1995; Куманев Г., Шкляр Э. До и после пакта. Советско-германские отношения в преддверии войны // Свободная мысль. 1995. № 2; Мельтюхов М.И. Идеологические документы мая — июня 1941 года о событиях Второй мировой войны // Отечественная история. 1995. № 2; Он же. Правители без подданных. Как пытались экспортировать революцию // Родина. 1995. № 12; Он же. Советская отечественная историография предыстории Великой Отечественной войны (1985 — 1995 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М., 1995; Невежин В.А. Собирался ли Сталин наступать в 1941 г. (Заметки на полях «Ледокола» Суворова) // Кентавр. 1995. № 1; Он же. Речь Сталина 5 мая 1941 г. и апология наступательной войны // Отечественная история. 1995. № 2; Печенкин А.А. Была ли возможность наступать? // Отечественная история. 1995. № 3; Противостояние: Очерки военно-политической конфронтации первой половины XX века / Под ред. В.А. Золотарева. М., 1995; Случ С.З. Германо-советские отношения в 1918 — 1941 гг. // Славяноведение. 1995. № 6; Шевяков А.Л. Советско-германские экономические связи в предвоенные годы // Социс. 1995. № 5; Шириня К. К. Идея мировой революции в стратегии Коминтерна // Новая и новейшая история. 1995. № 5, и др.

⁶² Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия. Сборник материалов. М., 1995. С. 21, 22.

⁶³ Там же. С. 146.

⁶⁴ Чубарьян А. Война и судьбы мира. Проблемы исторических исследований // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 52.

⁶⁵ *Дорошенко В.Л.* Сталинская провокация Второй мировой войны // 1939 — 1945. 1 сентября — 9 мая. Пятидесятилетие разгрома фашистской Германии в контексте начала Второй мировой войны. Материалы научного семинара (16 апреля 1995 г. — Новосибирск). Новосибирск, 1995. С. 17.

⁶⁶ *Пиетров-Эннер Б.* Германия в июне 1941 г. жертва советской агрессии? (К тезису о «превентивной войне») // Кентавр. 1995. № 2; *Городецкий Г.* Ответы на вопросы журнала // Новая и новейшая история. 1995. № 3; *Вопр. истории.* 1995. № 5/6; *Новое время.* 1995, № 11; *Он же.* Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995.

⁶⁷ *Чубарьян А.* Война и судьбы мира... // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 52.

⁶⁸ Там же. С. 48, 52.

⁶⁹ *Куманев Г., Шкляр Э.* До и после пакта. Советско-германские отношения в преддверии войны // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 9 — 10.

⁷⁰ *Сахаров А.Н.* Война и советская дипломатия: 1939 — 1945 гг. // *Вопр. истории.* 1995. № 7. С. 26.

⁷¹ Там же. С. 29, 37.

⁷² Там же. С. 36 - 37.

⁷³ Там же. С. 38.

⁷⁴ *Военно-исторический журнал.* 1996. № 2. С. 3.

⁷⁵ *Городецкий Г.* Во льдах истории // Еврейская газета. 1996. № 17 — 18 (сентябрь).

⁷⁶ *Новая и новейшая история.* 1998. № 2. С. 182.

⁷⁷ *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны... С. 67.

⁷⁸ *Исторический архив.* 1995. № 2. С. 23 — 31.

⁷⁹ *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны. С. 154.

⁸⁰ Там же. С. 185.

⁸¹ Там же. С. 12. Характерно, что в автореферате докторской диссертации В.А. Невежина «Советская пропаганда и идеологическая подготовка к войне (вторая половина 30-х — начало 40-х гг.)». (М., 1999) В. Суворов не упоминается вообще. Та же тенденция прослеживается в подавляющем большинстве современных публикаций. См., например: *Бобылев П.Н.* Точку в дискуссии ставить рано. К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940 — 1941 годах // *Отечественная история.* 2000. № 1. С. 41 — 43.

⁸² *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны... С. 176. Основываясь именно на этой записи речи Сталина, О. В. Вишнев выстроил свои возражения В.А. Невежину и М.И. Мельтюхову в специальной статье «Речь И.В. Сталина 5 мая 1941 г. Российские документы» // *Новая и новейшая история.* 1998. № 4.

⁸³ *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны... С. 156.

⁸⁴ Там же. С. 261.

⁸⁵ *Бонвеч Б.* Наступательная стратегия — наступление — нападение. Историк из Германии о дискуссии вокруг событий 1941 года // *Отечественная история.* 1998. № 3. С. 23.

⁸⁶ *Советское общество: возникновение, развитие, исторический фи-*

нал. Т. 1: От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М., 1997. С. 291.

⁸⁷ Там же. С. 319.

⁸⁸ Новая и новейшая история. 1998. № 6. С. 201 — 208. Доклад М.И. Мельтюхова «Канун Великой Отечественной войны: дискуссия продолжается» в 1999 г. издан «АИРО — XX» в серии «АИРО — научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века».

⁸⁹ *Мяжков М.Ю.* Предвоенные оперативные планы СССР (заседание Ассоциации историков Второй мировой войны) // Война и политика... С. 493.

⁹⁰ Ярким подтверждением этого обстоятельства стало обсуждение на теоретическом семинаре в Институте российской истории РАН 24 июня 1997 г. книги С.Г. Уиткрофта и Р.У. Дэвиса «Кризис (! — И.П.) в советском сельском хозяйстве (1931 — 1933 гг.)». По словам участницы этого обсуждения Л. Виолы, «Уиткрофт и Дэвис представили сегодня на обсуждение прекрасный образец ревизионизма в рассмотрении проблемы голода» // Отечественная история. 1998. № 6. С. 122.

⁹¹ *Безыменский Л.А.* Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 24.

⁹² Там же. С. 25.

⁹³ Там же.

⁹⁴ *Гуревич А.Я.* Историк и история. К 70-летию Ю.Л. Бессмертного // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994. С. 213.

⁹⁵ 1 941 год. В 2 кн. Кн. 1. М., 1998. С. 10.

⁹⁶ *Белоусова З.С., Наджафов Д.Г.* Вызов капитализму: советский фактор в мировой политике // XX век. Многообразие, противоречивость, целостность. М., 1996. С. 54 — 55.

⁹⁷ *Наджафов Д.Г.* СССР в послевоенной Европе. Октябрь 1938 г. — март 1939 г. // Отечественная история. 2000. № 2. С. 86.

⁹⁸ *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939 — 1941 (Документы, факты, суждения). М., 2000. С. 497 - 498, 501 - 503.

⁹⁹ Там же. С. 16, 393, 405, 411 - 413, 415 и др.

¹⁰⁰ Там же. С. 506.

¹⁰¹ Там же. С. 79, 86, 93 -т 94, 492.

КАК ЧИТАТЬ ПОСТСОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ?

ТОЧКИ НАД «I»

С утверждением, что история Второй мировой войны оболгана, согласятся многие. Тем более согласятся с тем, что оболгана история участия в ней СССР. Но при этом каждый соглашающийся будет иметь в виду свое: один — что лгали до перестройки, другой — что лгут сейчас. Поэтому сразу раскрою карты: я отношусь к той категории людей, про которую Проханов сказал: «...стремятся заплывать красные иконы Победы ядовитой слюной нигилизма»¹.

ПРЕКРАСНОЕ НАЧАЛО

В начале 1990-х для научных работ по истории Второй мировой войны были характерны резкая критика историографии советского периода и стремление отмежеваться от нее: «...Адепты тоталитаризма по-прежнему пытаются навязать исторические мифы, с тем чтобы вытравить научное знание. Таковым примером является пресловутый десяти томник «История Великой Отечественной войны советского народа. 1941 — 1945», работа над которым была развернута в соответствии с решением Политбюро ЦК КПСС от 13 августа 1987 года... Десятитомный официальный опус — это це-

¹Цурганов Юрий Станиславович — кандидат исторических наук, главный редактор общественно-политического журнала «Посев», доцент Российского государственного гуманитарного университета.

ленаправленная диверсия идеологов от КПСС против прозревающего от лжи народа. Это попытка знакомыми средствами реанимировать идею прочности и незыблемости «социалистического» строя... Общество ждет от историков принципиально нового труда, созданного на основе глубокой переоценки прошлого, а не подправленной модели уже написанного»². Эта тенденция была устойчивой на протяжении нескольких лет, но потом ситуация начала меняться.

КАТЫНЬ — ТЕСТ НА ВМНЯЕМОСТЬ

Среди ранее не исследовавшихся проблем одной из первых привлекла к себе внимание современных российских историков судьба польских военнопленных в СССР.

Сборник статей «Катынская драма»³ с участием отечественных исследователей автор предисловия проф. А.О. Чубарьян назвал первым в нашей стране научным изданием, посвященным Катынскому делу. Публикации построены на архивных документах. «...Дела польских офицеров и полицейских, находившихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях в декабре 1939 — марте 1940 года, — делает вывод Н. Лебедева, — готовились на рассмотрение Особым совещанием НКВД в апреле — мае 1940 года. Более 15 тысяч польских военнопленных — офицеров и полицейских — были вывезены из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей и переданы У НКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей. Таким был их последний маршрут, конечными пунктами которого стали Катынь, Медное и 6-й квартал лесопарковой зоны Харькова»⁴.

Вывод о «советском следе» сделал и В.К. Абаринов, автор монографии «Катынский лабиринт»⁵. С юридической точки зрения Абаринов оценивает события в Катыни как военное преступление. При этом он ссылается на статью 6 Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге, которая говорит о нарушениях законов и обычаев войны, в частности об убийстве военнопленных. Автор также указывает на то, что Советский Союз был участником Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и к преступлениям против человечности

от 26 ноября 1968 года. В декабре 1983 года СССР голосовал за резолюцию 38/99 Генеральной Ассамблеи ООН, согласно которой привлечение к ответственности лиц, виновных в этих преступлениях, является обязательством всех членов международного сообщества.

В принципе, вопрос о том, кто именно расстреливал поляков в Катыни, уже утратил историческую актуальность, предметом исследований сегодня могут быть только детали события. После того как в апреле 1990 года президент СССР М.С. Горбачев признал вину НКВД в Катынском деле, этот вопрос утратил и политическую актуальность. Сегодня вопрос об ответственности за содеянное превратился в тест на вменяемость, который в нашей стране проходят не все.

«Контраргументов» три. Первый — отрицание до последнего, вопреки очевидным обстоятельствам, факта расстрела польских военнопленных именно советскими спецслужбами, перекладывание ответственности на вермахт, СС, гестапо. Доводы, как правило, облечены в характерную лингвистическую форму: «Это не мы, это немцы». Действительно, уже один только инстинкт самосохранения должен заставить выступать в защиту всех и каждого, кого человек объединяет вместе с собой в единое «мы». Проблема упирается в то, что все еще есть люди, для которых Сталин и НКВД — это «мы».

(Зарубежная общественно-политическая мысль иногда сама подталкивает к такому использованию местоимений. На Западе, да и в Восточной Европе, часто не разводят, а синонимируют понятия «русские» и «большевики». Так, например, Войтех Мاستны дал своей книге название: «Путь России к холодной войне». Хотя во времена холодной войны на политической карте мира не было государства с названием «Россия».)

Второй «контраргумент»: да, расстрелы осуществляли чекисты, но «неужели наши польские друзья не в состоянии оценить случившееся с четких классовых позиций? Ведь речь идет о командных кадрах старой польской армии, стоявшей на службе у буржуазии. Так почему же польские товарищи начинают терять классовое чутье, впадают в националистические амбиции?».

Третий «контраргумент»: руководство НКВД неверно истолковало приказ о ликвидации лагерей, Сталин вовсе не имел в виду расстрел поляков, это подчиненные перестарались.

И все же самым популярным остается первый «контраргумент». Примером может служить книга главного редактора газеты «Дуэль» Юрия Мухина «Антироссийская подлость». В ней, как и в нескольких других произведениях, автор пытается перечеркнуть выводы современной исторической науки о начальном периоде Второй мировой войны и вернуться к канонам советской историографии, сдобрив их пафосом национал-большевизма.

«Антироссийская подлость» — книга о Катыни. Ее даже не обязательно брать в руки, чтобы понять, в чем хочет убедить автор своих читателей. На обложке изображен немецкий военнослужащий, стреляющий в затылок человеку в польской униформе. (Качество рисунка очень низкое, но характерная немецкая каска и польская «конфедератка» угадываются.) В рамках статьи не представляется возможным дать полный анализ тезисов Мухина. Скажем только, что первый документ, который он приводит (причем уже во введении к книге), — «показания крестьянина Киселева» сотрудникам НКВД. В них Киселев утверждает, что при немцах был вынужден говорить, что поляков убили чекисты, поскольку немцы применяли к нему методы физического воздействия. Видимо, следует понимать так, что представители советских органов таких методов не применяли и потому с ними человек был по-настоящему откровенен.

Уровень полемики Мухина характеризуют высказывания такого рода: «После войны для польских шляхетских уродов, ошивающихся за границей и готовых за мелкие подачки на что угодно, Катынское дело стало единственным оправданием того, почему они не воевали против немцев во Второй мировой и почему гадят Польше и после войны... Приход в СССР к власти безмозглого Горбачева и его команды оставил Советский Союз без управления. Этот пятнистый кретин спилил сук, на котором сидел, а упав с вершины на помойку, делает вид, что он именно этого и хотел из-за своей приверженности «общечеловеческим ценностям» и своему

новому «мышлению»⁶. Своих научных оппонентов Мухин оценивает так: «...в архивы были допущены в основном крайне подлые, но частью просто глупые «ученые»...»

Мухин любит выводить события 1940-го (или, как он считает, 1941 года) на современность: «Многие ли в России понимают, что... почти 40-летний военный союзник СССР ныне стал потенциальным врагом России?..» А понимает ли он сам, что Польша никогда не была союзником СССР, что она была его сателлитом? Понимает ли он, что в 1944 году происходило не «освобождение» Польши, а смена оккупационного режима — гитлеровского на сталинский? Красная Армия бездействовала, вместо того чтобы прийти на помощь Варшавскому восстанию в августе 1944 года. Это восстание против нацистов было поднято Армией Крайовой («шляхетскими уродами», которые «не воевали против немцев во Второй мировой»). Армия Крайова — это сила, стремившаяся восстановить правопорядок, существовавший в Польше в довоенные годы. Конечно, Сталину было выгодно, чтобы нацисты утопили это восстание в крови, потому Красная Армия и бездействовала. Ведь главная цель Сталина — навязать Польше, как и другим европейским государствам, до которых он смог дотянуться, ту же варварскую систему, которая существовала в СССР. Это удалось, и на протяжении упомянутых Мухиным сорока лет СССР держал Польшу на поводке. В 1982 году Ярузельский был даже вынужден сам ввести военное положение, чтобы не допустить развития событий по венгерскому сценарию 1956-го или чехословацкому 1968-го. Даже без Катыни этого достаточно, чтобы признать ненависть поляков к большевизму вполне обоснованной. Пока только к большевизму как к системе, а как насчет русских как нации?

Общий вывод Мухина: «Катынское дело было использовано «пятой колонной» СССР и России точно так же, как его использовали гитлеровцы со своими польскими холоуями начиная с 1943 г., т.е. для вызывания ненависти у европейцев к СССР и России...»

Трагедия Мухина и его единомышленников заключается в том, что для них СССР — российское государство.

—А какое же еще? — последует вопрос.

— Большевицкое, коммунистическое, советское (в данном случае будем рассматривать эти термины как синонимы). А это означает — антироссийское в узком смысле и античеловеческое — в широком. Чем национальное государство отличается от тоталитарного? Тем, что национальное правительство в своей деятельности исходит из того, чтобы улучшить жизнь граждан. На этом попроще национальные правительства могут совершать ошибки, могут оказываться недостаточно компетентными, но вектор их политики задан, тем не менее, именно в названном направлении. Тоталитарное правительство в принципе не ставит перед собой задачу улучшения жизни граждан. Его задача — укрепление режима внутри страны и расширение географии его влияния. А все, что находится в стране, включая граждан, это лишь сырье для осуществления главной задачи. Причем ее осуществление представляет собой бесконечный процесс. Конечно, и тоталитарные правители делают что-то для граждан, но подобно тому, как рабовладелец делает что-то для рабов, а фермер — для домашних животных.

Почему трагедия? Потому что Мухин действительно любит Россию. Но в стремлении выразить свои чувства пытается защищать СССР — государство, которое было главным врагом для народов, проживавших на его территории. Любое обвинение, направленное против СССР, воспринимается Мухиным и его единомышленниками как «антироссийская подлость», то есть априори предвзято. А насколько это обвинение справедливо само по себе — для них неважно: обвиняют «наших», значит, надо защищаться. В действительности же Россия — первая жертва большевизма, который впоследствии стал действовать от имени своей жертвы, навлекая на нее ненависть сопредельных народов за свои преступления. Отречься от Ленина и Сталина как от губителей России — главная задача национальной политики. Говорить о них как о национальных лидерах — это действительно антироссийская подлость, в данном случае без кавычек.

По-настоящему плохо то, что Мухин неразборчив в средствах. В целях обеспечения поддержки своей версии со стороны российских обывателей он играет на весьма

незатейливых чувствах: «Многие ли понимают, что как только в этом деле будет поставлена вожделенная поляками и отечественными негодьями точка, нынешние граждане России будут платить нынешним гражданам враждебной Польши денежную «компенсацию»?..» К теме возможного «иска граждан Польши к гражданам России» Мухин обращается неоднократно. Исследователи, цель которых — воссоздание адекватной картины прошлого, к таким доводам не прибегают.

Из 1940-го Мухин не только перепрыгивает в 1991-й, но и отпрыгивает в 1937-й: «Катынское дело прекрасно объясняет, почему накануне Второй мировой войны потребовались чрезвычайные тройки и почему так беспощадно уничтожалась «пятая колонна».

Масштаб его сверхзадачи действительно впечатляющ: не только обвинить во всевозможных грехах архитекторов перестройки, но и оправдать сталинские репрессии.

А вот Александра Филипповича Катусева Мухин обидел напрасно («...осенью 1990 г., главный военный прокурор СССР Катусев из отъявленных негодяев ГВП собрал «следственную бригаду» для юридической фальсификации этого дела»). Более ревностного борца с «пятой колонной», чем Катусев, пожалуй, не найти. В 1990 году он совместно с В. Оппоковым написал для «Военно-исторического журнала» статью «Иуды. (Власовцы на службе у фашизма)»⁷. Название говорит само за себя и выводит нас еще на одну тему, не менее животрепещущую.

НА ЧЬЕЙ СЛУЖБЕ НАХОДИЛИСЬ ВЛАСОВЦЫ?

В 1990-е вышло несколько серьезных книг об антисталинском протесте советских граждан 1941 — 1945 годов. Они, как правило, написаны молодыми историками и опубликованы частными издательствами. Но вот книга, написанная Михаилом Ивановичем Семирягой — корифеем советской исторической науки, ветераном (что немаловажно), напечатанная издательством РОССПЭН — «Российская политическая энциклопедия». В этой монографии, озаглавленной «Коллаборационизм. Природа, типология и прояв-

ления в годы Второй мировой войны»⁸, читаем: «Подавляющее большинство граждан государств прежнего Советского Союза резко осуждает бесчеловечный сталинский режим. Но когда заходит речь о политической оценке тех, кто вел активную борьбу против него, то возникает, казалось бы, парадоксальная ситуация: люди готовы сочувствовать тем узникам сталинского режима, которые были заточены в многочисленные лагеря ГУЛАГа и, по существу, не могли активно бороться против него. Но эти же люди психологически и поныне не готовы понять и принять тех противников Сталина, кто с оружием в руках сражался против того же режима... Жизнь всегда богаче, сложнее, многограннее любых, даже самых устоявшихся схем и стереотипов. Поэтому, думается, с течением времени отношение к коллаборационистам — исключая, конечно, подлинных военных преступников, карателей, которым нет и не может быть прощения, — наверняка изменится. Новые поколения наших соотечественников сумеют, очевидно, более широко и непредвзято оценить характер и мотивы поведения многих коллаборационистов, увидеть и понять трагичность их судеб»⁹.

Такой взгляд, представленный фактически на официальном уровне, был большим событием для отечественной науки. Но тут же пошел и откат назад. Борис Филиппов в статье «Сопrotивление советскому режиму (1920 — 1941)»¹⁰ начинает «за здравие»: «Массовому сознанию был навязан тезис об отсутствии сопротивления, о пассивном поведении обескровленного мировой войной, революцией и войной гражданской населения, активная часть которого либо погибла, либо эмигрировала». Приводит многочисленные факты сопротивления большевизму в 1920 — 1930-е, классифицирует их. Но заканчивает «за упокой»: «...до начала Отечественной войны не прекращалось сопротивление сталинскому режиму». А что, после начала «Отечественной войны» оно прекратилось? Именно после 22 июня оно и развернулось по-настоящему.

С. Чуев, автор книги «Проклятые солдаты»¹¹, признает и наличие сопротивления, и его размах. Но, задаваясь вопросом, почему это стало возможным, дает ответ: «В пер-

вую очередь, это готовность немецких командиров привлекать на службу местных жителей и военнопленных, хотя подобная инициатива порой и тормозилась гитлеровским окружением»¹².

Такая готовность немецких командиров проявилась отнюдь не сразу. Инициатива сотрудничества с немцами исходила именно от местного населения и от военнопленных. Идея политического оформления движения тоже исходила от местных — конкретно от жителей Смоленска осенью 1941 года. Вопрос о том, что первично — антисталинский протест граждан СССР, перешедший из латентной фазы в открытую в условиях войны, или желание немцев пополнить кем-либо свои редущие полки, — принципиально важен. Нельзя согласиться и с тем, что инициатива «порой и тормозилась гитлеровским окружением». Она встретила активнейшее противодействие нацистской партийной верхушки, прежде всего самого Гитлера, поскольку противоречила идеологическим установкам, разработанным еще до войны.

«...У нас служба немцам, — продолжает Чуев, — все-таки воспринималась, в том числе и в народном сознании, как предательство, а уж если бургомистром становился бывший советский или партийный чиновник, а полицаем — бывший милиционер, то такой поступок расценивался как особо циничный и непростительный ... »¹³

Единого отношения к сотрудничеству сограждан с немцами не было, поскольку само сотрудничество было массовым. Кроме того, многие смотрели на это с прагматических позиций. Криминальная полиция (в СССР — милиция) должна существовать в любой стране при любом режиме. И она должна быть местной, говорить на одном языке с населением, иметь опыт работы в конкретных городах и населенных пунктах, знать специфику криминального мира. Большевики отступили, так и жуликов ловить не надо? Не надо обслуживать систему жизнеобеспечения? Пахать, сеять, собирать урожай? Сталин так и хотел: либо при мне, либо вообще никак. Отсюда и приказы об уничтожении инфраструктуры при отступлении Красной Армии. (Так будет действовать и Гитлер с конца 1944 го-

да — тактика «выжженной земли».) Диктаторы хотят, чтобы жизнь заканчивалась вместе с ними, но должна ли нация разделять этот взгляд?

Книга Чуева компиляционная, он опирается на множество документальных данных, введенных в научный оборот другими авторами, но выводы и оценки предлагает прямо противоположные. Благодарность, которую он выражает К. Александрову, С. Дробязко, Г. Кокунько и другим, выглядит поэтому довольно странно.

Книга Б. Ковалева «Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941 — 1944»¹⁴ написана на основе диссертации, что видно уже из введения: характерное для этого жанра перечисление объекта, предмета, цели, задач исследования, классификация источников, анализ историографии проблемы. Уже это обязывает нас особенно внимательно отнестись к данной работе.

«Насаждая на оккупированных территориях свой «новый порядок», нацисты стремились стереть само слово «Россия» с карты так называемой «Новой Европы»¹⁵.

России на карте мира в 1941 году не было, она уже была стерта большевиками.

Автор дает оценку работам предшественников: «С середины 90-х годов в России появились статьи и книги, рассказывающие о различных формах русского коллаборационизма в апологетических тонах. К ним относятся, в первую очередь, статьи К. Александрова в журналах «Посев» и «Новый часовой». С 1997 г. в Москве под редакцией А.В. Окорочкова выходят «Материалы по истории Русского Освободительного Движения (1941 — 1945 годы)»... Власовское движение в них называется «Русским Освободительным Движением» (именно в таком написании, все слова с большой буквы. — Б.К.). О советском сопротивлении пишется в уничижительных тонах ... »¹⁶

Предпочтения Ковалева очевидны: «Из наиболее фундаментальных работ общего характера о событиях Второй мировой войны следует отметить выпущенный в 1960 — 1965 годы Военным издательством Министерства обороны СССР шеститомник «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 — 1945». Ее авторы ввели

в научный оборот огромный материал, отражающий все основные стороны истории войны, в том числе и события на оккупированной нацистами территории нашей страны»¹⁷. Не менее лестного отзыва удостоен 12-томник «История Второй мировой...», издававшийся в 1973 — 1982 годы. «Отдельные главы этого труда посвящены были борьбе советских людей в тылу врага»¹⁸. Сопоставим это высказывание с оценкой, данной советским многотомникам в 1992 году (цитата в начале данной статьи). Опять откат. Тенденция удручающая.

«...Пока еще нет комплексного исследования по этой проблеме, — продолжает Ковалев. — Отсутствием работ в данной сфере сейчас воспользовались те, кто прямо или косвенно пытается реабилитировать лиц, сотрудничавших с немцами в годы Великой Отечественной войны. Активно используя средства массовой информации, они проводят мысль о самостоятельности коллаборационистского движения. Одной из важнейших задач, стоящих сейчас перед отечественными историками, является объективное исследование данной проблемы, разоблачение подобных утверждений»¹⁹.

Автор заключает: «У страны был один враг — иноземные захватчики...»²⁰ Ну а раз так, то бороться против Сталина не нужно? (По данным, представленным в 1991 году в Верховный Совет РСФСР органами прокуратуры и МВД, суммарное число жертв сталинских репрессий составило 50 114 267 человек.) Значит, те, кто это делал, находились «на службе у фашизма», и не более того? Подводя читателя к такому выводу, автор возвращается к самым прямолинейным советским трактовкам, отбрасывая целый пласт исследований и выводов, сделанных в 1990-е.

СТРАСТИ ПО «ЛЕДОКОЛУ» ПРОДОЛЖАЮТСЯ

В 2002 году издательство «Вече» в Москве выпустило книгу Александра Помогайбо «Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны». Это очередная попытка опровергнуть концепцию о подготовке Сталина к нападению на Европу в 1941 году. Прежние попытки отличались

беспомощностью. Главный аргумент критиков был идеологическим: «Книгой «Ледокол» Суворов оскорбил чувства ветеранов Великой Отечественной войны». Текст книги не анализировал никто, в том числе и главный критик — Габриэль Городецкий. Его монография «Миф «Ледокола»» должна была бы называться по-другому — «Некоторые сведения о советско-германских отношениях на рубеже 1930 — 1940-х годов». В ней много нового и интересно, но опровержения концепции Суворова в ней нет.

Помогайбо первый, кто поставил перед собой задачу опровергнуть Суворова по пунктам, но, опять же, безуспешно. Первое, что обращает на себя внимание, — это попытка автора воспроизвести стиль своего противника. Язык Суворова живой, афористичный, почти разговорный. В этом и сила и слабость его книг о войне. Сила в том, что автор обрел массовую читательскую аудиторию, слабость — дал повод своим недоброжелателям отнести «Ледокол» к разряду публицистики, хотя по сути это научное исследование. Суворов любит острить, но делает это талантливо, а Помогайбо — бездарно: «Я прямо-таки вижу: бородатый Маркс колдует над ретортами, выращивает чистый марксизм. Но чистый не получается. Выходит все грязный, с осадком. «Эх, чего-то не хватает, — скорбно шепчет Маркс. — Подбавил бы сюда мне Суворов-Резун сто пятьдесят грамм мировой революции...» Кошмарная сцена. Бр-р-р».

Подобные ерничества встречаются почти на каждой странице. Действительно «бр-р-р». Читать тяжело и неприятно.

Второе — мелочность придинок. Суворов пишет: «И снаряды «Тигра» (вес 56 тонн) и «Тигра-Б» (вес 67 тонн) с такой дистанции пробить «ИС-2» не могли...» Помогайбо парирует: «Не может быть такого, чтобы танк имел снаряды в 67 тонн!» Да, фраза Суворова построена не очень удачно, но тем не менее совершенно ясно, что тонны относятся к танкам, а не к снарядам.

На форуме письмо: «Господин Помогайбо! Давайте начистоту... Книгу Вы написали плохую. Поверхностную в изложении фактов, в построении контраргументов к теории Владимира Богдановича и попросту непрофессио-

нальную. Я с июня 2001 года пишу аналогичный труд (уже написано свыше 3 Мб вордовского текста, более 1,2 млн печатных знаков с пробелами), поэтому как коллега вижу достоинства и недостатки. Когда я писал каждую из глав, то закапывался в различные источники, как наши, так и иностранные, и доискивался до сути дела. Даже пробился в РГВА (Российский государственный военный архив. — Ю.Ц.) и почитал документы по финской. Ну как можно скакать в одной главе с темы на тему, не заканчивая мысль и не выстраивая четкое доказательство с выводом в конце «слушали-постановили»? Так, как это делаете Вы, книги не пишутся. Хаотичное изложение фактов, отсутствие собственной цельной теории о развитии событий... В. Суворов Вашу книгу в порошок сотрет...»

Посмотрим, конечно, что в итоге представит сам автор письма, но попытку «разоблачить» Суворова, предпринятую Помогайбо, следует признать неудачной.

Кроме того, эти попытки уже утомили читателей. Анти-суворовские книги перестали пользоваться спросом. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что одно из произведений читателю пытались впихнуть контрабандой. «Ледокол-2». Дизайн обложки как у всей суворовской серии, имя автора — «Виктор Суворов». Порядок букв изменен, но беглый взгляд выхватывает это не сразу. Как маркетинговый прием — мерзость, с точки зрения содержания — еще большая мерзость. Это даже не критика, переходящая на личность, а просто набор грязных домыслов.

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН

А. Орлов в книге «За кулисами второго фронта»²¹ задается вопросом: «Что позволило Гитлеру чуть ли не пять лет (сентябрь 1939 г. — июнь 1944 г.) успешно избегать войны на два фронта? Почему второй фронт был открыт только на пятый год войны?»²² Автору, конечно, известно про высадку союзников в Италии в 1943 году, боевые действия в Северной Африке в 1942 году, на Тихом океане в 1941 году, в Западной Европе в 1940 году и про то, что Англия и Франция объявили войну Гитлеру 3 сентября

1939 года — через два дня после того, как он атаковал Польшу. Но для него это малозначительные эпизоды: «...Понятие «второй фронт» подразумевало боевые действия вооруженных сил США и Англии в Западной Европе (и в 1944 году. — *Ю.Ц.*), да, именно в Западной, ибо только сокрушительный одновременный натиск на Германию с востока и запада, с территорий, непосредственно выводящих армии государств антигитлеровской коалиции к границам самой Германии и к столице Третьего рейха, позволял союзникам взять цитадель фашистского блока в мощные тиски. Только такие условия обеспечивали победу над гитлеровским рейхом и во всей Второй мировой войне»²³.

Во-первых, территорией, непосредственно выводящей к границам рейха, была не только Франция, но и Италия. Во-вторых, наличие нескольких фронтов, безотносительно к тому, где они расположены, вынуждало немцев распылать силы, не давало собрать их в единый кулак на восточном направлении. Что касается Японии, то для нее альтернативой Перл-Харбору был советский Дальний Восток, но японский удар пришелся по США. Иначе на два фронта воевал бы не Гитлер, а Сталин.

Все это довольно очевидно, но у Орлова сверхзадача — еще раз подтвердить советский тезис о том, что СССР взял на себя не просто наибольшую часть задачи по разгрому Гитлера, но что значение участия союзников крайне мало, и они до последнего уклонялись от решительных действий.

А вообще-то какой фронт второй, а какой первый? На момент объявления Англией и Францией войны Гитлеру СССР и Германия были связаны договором о ненападении. Через 25 дней они подписали договор о дружбе, то есть стали союзниками. СССР поставлял Германии стратегическое сырье — «Мессершмитты», утюжившие Британские острова, работали на топливе, изготовленном из бакинской нефти. Два диктатора договорились о сферах влияния в Европе, приступили к разделу и, конечно, перегрызлись.

Тут мы подходим к еще одной сверхзадаче Орлова — убедить читателя в том, что у СССР будто бы не было агрессивных намерений: «...С середины 30-х годов сталинское руководство предпочитало во внешней политике уже не

идеи Коминтерна, а национальные интересы советского государства. Ведущую роль приобретала геополитика, а не идеология. Произошло, можно сказать, прощание «Славянки» с «Варшавянкой». Советскому Союзу нужен был мир»²⁴.

Каламбур про песенки эффектный, но декларация в целом не подтверждена никакими фактами. Из чего следует, что Сталин отказался от мировой революции, — из лозунга «Социализм в отдельно взятой стране»? Так тут противоречия нет — сначала в одной стране, потом повсеместно. Что же касается «национальных интересов советского государства», то это вообще некорректная постановка вопроса, таковых у СССР просто не было, это государство не ставило перед собой задачу обслуживать интересы нации.

Тон книги Роберта Иванова «Сталини и союзники: 1941 — 1945 годы»²⁵ задает эпиграф — цитата из Сталина: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора, но ветер истории развеет ее!» Книга откровенно реваншистская — автор ставит задачу перечеркнуть выводы, сделанные исторической наукой 1990-х. Это свое стремление он оправдывает так: «В канун 50-летия Победы на Западе резко усилилась фальсификация истории и итогов войны. К сожалению, в этой кампании активно участвуют и отдельные отечественные историки»²⁶. «Многие историки, писатели, публицисты специализируются сейчас на беспредельном очернительстве всего, что было в истории нашей страны после 1917 г.»²⁷.

Иванов стремится выглядеть объективным, неоднократно повторяет, что Сталин допускал «серьезные ошибки». Однако автор «объективен» настолько, что готов уравнивать черта с младенцем: «Сталин — с одной стороны, Рузвельт и Черчилль — с другой — представляли различные, противоположные по своему социально-экономическому и общественно-политическому содержанию системы... каждая из них имела свои плюсы и минусы... Император России Александр I ни в коей мере не был образцовым демократом, не блистал он и какими-либо другими добродетелями. И тем не менее его имя вписано в историю как освободителя Европы от ига Наполеона»²⁸. Это попытка провести аналогию с «освободителем Евро-

пы» Сталиным, который тоже не был «образцовым демократом».

Автора интересует моральная сторона вопроса: «...С самого начала Второй мировой войны государства, воевавшие с блоком фашистских стран, вели справедливую, освободительную войну за свое существование. Этот освободительный характер Второй мировой войны еще больше усилился после вступления в нее Советского Союза»²⁹. Освободительный характер войны действительно усилился после 22 июня 1941 года, поскольку увеличилось число людей в мире, ведущих борьбу против тирании, причем как внешней, так и внутренней (последнее, впрочем, Иванов не подразумевает). Но 22 июня 1941 года не есть дата вступления СССР во Вторую мировую войну, он к этому времени уже почти два года воевал. С учетом этого утверждение автора лживо. СССР вступил во Вторую мировую войну 17 сентября 1939 года, ударив в спину Польше. И ничего освободительного в этом нет — полку агрессоров прибыло. С учетом этого утверждение Иванова лживо тоже.

Некоторые высказывания автора вообще повергают в недоумение: «Народный характер Второй мировой войны требовал поиска новых путей сотрудничества самых широких народных масс Советского Союза с общественностью союзных и дружественных стран»³⁰. Во-первых, если речь идет о новых путях, то что такое старые пути сотрудничества? Количество граждан СССР, имевших контакты с иностранцами в довоенные годы, было ограничено крайне узким кругом ответственных работников, и они были первыми кандидатами на «посадку». Во-вторых, если исходить из целесообразности сохранения общественно-политического устройства СССР, а Иванов именно из этого исходит, то требовалось, как и в довоенные годы, не допускать соприкосновения граждан СССР с «тем миром», чтоб не набрались ума-разума и не явили зарубежному сообществу свидетельства о советских порядках. Это прекрасно понимал Сталин, отсюда его отношение к тем, кто в годы войны соприкасался с союзниками, например, по работе в области ленд-лиза, не говоря уже о военнопленных и остарбайтерах. Соприкосновение последних с союзниками лишь отягчало

их участь: освобожденные из немецких лагерей Красной Армией — кандидаты на «червонец», а освобожденные англо-американцами — на «четвертак». Иванов упоминает несколько созданных в СССР антифашистских комитетов, члены которых действительно путешествовали по союзным странам, но это не «широкие народные массы». К тому же исключение подтверждает правило: большинство участников этих турне потом посажали и постреляли, а Михоэлсу устроили ДТП с летальным исходом.

Иванов сетует: «...в огромной исторической и публицистической литературе, посвященной истории Второй мировой войны, все еще остается большое белое пятно — показ роли широких народных масс в разгроме фашистской Германии, ее союзников и сателлитов»³¹. С учетом того, что именно на это была в первую очередь направлена советская литература о войне, и все равно — «белое пятно», может быть, слухи об этой роли стоит признать преувеличенными? Регулярная армия — да, управляемое и строго контролируемое Москвой партизанское движение — да, но «широкие народные массы»?..

Как и другие красные реваншисты, Роберт Иванов любит выводить тему на современность: «...просматривается прямая связь темы «Сталин и союзники: 1941 — 1945 годы» с острейшими проблемами современной России, ее внутренним и внешнеполитическим положением». Личные политические предпочтения автора предельно четко раскрываются его фразой: «Сталин остался один из Большой тройки, когда настало время подводить итоги войны. И это было большое благо для нашей страны»³².

ДАВИТЬ И НЕ ПУЩАТЬ

Учебник Игоря Долуцкого «История СССР. XX век» лишен грифа «рекомендовано». В интервью журналу «Новое время» (21 декабря 2003 года) автор сказал, что издатель сумел из чиновничьего экземпляра учебника перерисовать их пометки. Гнев чиновников вызывает упоминание о жертвах репрессий: «За 1941 — 1942 годы расстреляно за трусость и паникерство 150 тысяч человек, это равняется

16 дивизиям». Они также в ужасе от формулировок, таких как «полувековая оккупация Прибалтики Советским Союзом». Негодуют по поводу следующего абзаца: «Бобруйская группировка немцев 15 раз пыталась вырваться из окружения. В полный рост днем бросались немцы на прорыв. Метров с семисот по ним открывали огонь наша артиллерия, пулеметы. А они продолжали идти, переступая через трупы». Один возмущенный рецензент, — свидетельствует Долуцкий, — вопрошал: разве так надо учить истории?!

История как наука вообще не ставит перед собой воспитательных задач, точно так же, как их не ставит перед собой физика или химия. Об их воспитательном значении говорить было бы просто нелепо, а вот о воспитательном значении истории говорить почему-то принято. Единственная задача исторической науки — по возможности максимально точная реконструкция событий прошлого. Эта задача может быть выполнена, только если масштаб исторического явления и степень внимания, которое уделяют ему исследователи, адекватны друг другу. Любой перекос — повышенное внимание к избранным сюжетам, отстранение от других сюжетов — тут же создает эффект кривого зеркала. А что такое воспитание, тем более патриотическое воспитание? Это стремление донести до воспитуемого систему взглядов и суждений. И если на службу этому ставится историческая наука, то это неизбежно будет означать тенденциозный отбор фактов — пишем и говорим о том, что делает честь отечеству, а что не делает — о том не пишем и не говорим. Тем более не говорим о том, что делает честь противнику отечества. И сразу же наука вырождается в пропаганду, исследователь и преподаватель превращаются в политука.

Эпизод с бобруйской группировкой немцев, продолжает Долуцкий, это почти дословный пересказ воспоминаний маршала Рокоссовского. «К Рокоссовскому 40 лет претензий не было, что он неправильно освещает нашу историю. Но у нас такая технология издания, что она не дает сносок». Действительно, в учебной литературе практически отсутствуют источниковедение и историография. Никого не учат методологии проверки источников на досто-

верность, не учат анализировать факты, сопоставлять концепции и делать самостоятельные выводы. Вместо этого приучают принимать на веру и возбуждать некие клишированные суждения.

«Сейчас начался откат от прежних либеральных трактовок и наступление державнической идеологии, — пишет Долуцкий. — В годы перестройки, в эпоху Ельцина, из нее изъяли коммунистическую сердцевину, но государство-то осталось... Не надо только путать государство и людей, государство и страну. Они не совпадают, это не синонимы. Я пытался изобразить... как на самом деле вело себя государство, вели себя правители и как люди им сопротивлялись... Можно любить родину, но ненавидеть государство... Большевики совершили преступление в 1917 году, ддящееся преступление, и оно не может содержать каких-то светлых моментов, которые мне советуют найти. Единственный светлый момент — сопротивление народа этому натиску».

Формируется стереотип: Великая Отечественная война — это (после Пушкина) «наше все». При Министерстве образования и науки РФ создана «общественная организация» — Совет ветеранов. Цель очевидна — осуществлять внедрение советского патриотизма. Ветераны в массе своей — самая консервативная часть общества.

Долуцкий: «Есть Конституция, которая гарантирует отсутствие официальной идеологии. Если наша идеология не националистическая, не шовинистическая, мой учебник имеет право на существование... Идет попытка смены идеологии, и это государственная политика, и она каждый учебный год делает шаг вперед... Министерство — только исполнитель государственного заказа, который идет от стоящих на самом верху людей, а им, конечно, выгодно, чтобы у всех имелось одно мнение».

Судьба учебника Долуцкого — не единственный прецедент. Несколько лет назад началась травля учебника А.А. Кредера «Новейшая история зарубежных стран». То же сняли гриф, автор перенес два инфаркта и умер. Чиновников не устраивало примерно то же, что и в книге Долуцкого. Кредера травили нещадно за то, что он не показал в должном, по их мнению, объеме подвиг советского

народа. Хотя у него тема другая — всемирная история. Вот рецензия Ю. Мухина, выложенная на сайте газеты «Завтра»: «Прочитав этот учебник, я пришел к выводу, что данная книга — это образец антиславянского сионистского расизма, на обложке которой не хватает только надписи: «Для 9-го класса туземных школ колонии Раша (Russia)».

Долуцкого критикуют, в частности, за то, что он подрывает «коллективистские исконные ценности русского народа и насаждает не свойственные нашему народу индивидуалистические ценности». Определять, что характерно, а что не характерно для народа в целом, — стремление само по себе пагубное. Тем более что история доказала: прогресс основывается на индивидуальном творчестве в условиях интеллектуальной свободы (хотя многим людям действительно уютнее чувствовать себя в стаде). Если же говорить о войне, то трудно не согласиться с авторами статьи, размещенной к 9 мая 2005 года на сайте Агентства Русской Информации: «...Вся арифметическая нечистоплотность в истории войны является следствием нечистоплотного отношения советской власти к населению страны, величие которой зиждилось на том, что ценность жизни отдельной личности была не просто ничтожно мала, а отсутствовала вовсе, принесенная в жертву коллективному «сплочению масс»³³.

Итак, тенденции печальные: интеллектуальному прорыву, начавшемуся на рубеже 1980 — 1990-х годов, противостоит нарастающая волна лжи. Особенно это заметно, когда речь идет об истории Второй мировой войны. Есть ли выход? «Я верю, — говорит автор «нерекомендованного» учебника, — в возможность сопротивления каждого отдельного человека на своем участке натиску государства».

Примечания

¹ Цит. по: В войне мы победили не благодаря «священному интернационалу всех советских наций», а вопреки. // АРИ.ру Агентство Русской Информации. Новости. События. Комментарии, <http://ari.ru/>

² Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922 — 1933. Известные документы. — М.: Сов. Россия, 1992. С. 7 — 8.

³ Катынская драма: Козельск, Старобельск, Осташков: судьба интернированных польских военнослужащих / Сост. и общ. ред. Яснова О.В. — М.: Политиздат, 1991. — 240 с.

⁴ Там же. С. 158.

⁵ *Абаринов В.К.* Катынский лабиринт. — М.: Новости, 1991. — 208 с.

⁶ Здесь и далее цитаты из книги Ю. Мухина «Антироссийская подлость» приводятся по интернет-изданию: http://www.patriotica.ru/history/muhin_antiros_.html

⁷ *Катусев А., Оттоков В.* Иуды. (Власовцы на службе у фашизма) // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 68 — 81.

⁸ *Семирага М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. — М.: РОССПЭН, 2000. — 863 с.

⁹ Там же. С. 484.

¹⁰ История. 2000. № 31.

¹¹ *Чуев С.* Проклятые солдаты. — М.: Изд-во «Эксмо», Изд-во «Яуза», 2004. — 576 с.

¹² Там же. С. 6.

¹³ Там же.

¹⁴ *Ковалев Б.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941 — 1944. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. — 483 с. (Военно-историческая библиотека).

¹⁵ Там же. С. 9.

¹⁶ Там же. С. 20.

¹⁷ Там же. С. 22.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 29.

²⁰ Там же. С. 482.

²¹ *Орлов А.* За кулисами второго фронта. — М.: Вече, 2001. — 349 с.

²² Там же. С. 10.

²³ Там же. С. 5.

²⁴ Там же. С. 8 — 9.

²⁵ *Иванов Р.* Сталин и союзники: 1941 — 1945 годы. — Смоленск: Русич, 2000. — 592 с. (Тайны XX века).

²⁶ Там же. С. 3.

²⁷ Там же. С. 543.

²⁸ Там же. С. 3.

²⁹ Там же. С. 552.

³⁰ Там же. С. 545.

³¹ Там же. С. 550.

³² Там же. С. 551.

³³ Там же. С. 553.

ВИКТОР СУВОРОВ КАК «ЛЕДОКОЛ»

К ОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ

Цель этой статьи — дать русским читателям обзор дискуссий по поводу книг Виктора Суворова за пределами России, а также представить доступную на Западе тематическую литературу.

«Иосиф Сталин планировал нападение на Германию в 1941 году» — это основное положение книг Виктора Суворова (настоящее имя — Владимир Резун, офицер ГРУ, сбежавший в Англию). Такое высказывание обладает взрывной силой и сегодня прежде всего в странах бывших военных противников — России и Германии. При этом дебаты на тему предыстории Второй мировой войны, особенно касающиеся плана «Барбаросса», сегодня актуальны как никогда. В Германии они возобновились в виде «битвы историков», в России — с выходом книги Суворова «Ледокол», а также в связи с частичным и временным открытием архивов.

Как же классифицировать с сегодняшней точки зрения произведения¹ Суворова? Что нового откроют нам рассекреченные документы, которые были недоступны Суворову?

В последние годы стали известны многочисленные документы из партийных, государственных, военных и кагэбистских архивов², которые убедительно подтверждают те-

¹Томас Титур — историк, Трайзен, Австрия. Область научных интересов: история Восточной Европы и военная история XX века.

зисы Суворова. К самым важным, без сомнения, принадлежат военные планы Генерального штаба Красной Армии 1940 — 1941 гг. В дальнейшем в рамках этого исследования мы коснемся пропагандистских партийных и армейских материалов. Отдельно будет освещена роль советского Военно-морского флота — тема, которой до сих пор Суворов не касался.

Важную роль при оценке роли Сталина и предвоенного Советского Союза неизбежно играет идеология. В самом начале сталинской диктатуры Советский Союз был вынужден избегать военных конфликтов с капиталистическими государствами. Сталину нужна была передышка для укрепления роли партии и создания промышленной базы для массивного производства вооружения. При введении пятилеток в первую очередь предусматривалось создание тяжелой промышленности и индустрии вооружений, причем самыми беспощадными методами³. Рабочая сила, высвободившаяся в сельском хозяйстве вследствие кровавой коллективизации, буквально поглощалась многочисленными новыми производствами в области энергетики и тяжелой индустрии. Руководство Красной Армии ревниво следило и контролировало постоянно возрастающую промышленную мощь государства.

Требования Красной Армии к промышленности уже в 1929 году были чрезмерными: была запланирована армия из трех миллионов человек, двух тысяч самолетов (дополнительно полторы тысячи резервных), 9350 артиллерийских орудий (дополнительно 3400 более мелкого калибра), полутора тысяч танков (дополнительный резерв в начальной стадии войны — до трех тысяч штук). Началось «добывание» иностранных моделей танков и самолетов, и не только официальным путем, но и с помощью промышленного шпионажа.

Из дальнейшего будет видно, что эти цифры вооружений, какими бы они ни показались невероятными для 1929 г., бледнеют по сравнению с планированием и реальностью сороковых годов.

Для начала Сталин создал атмосферу угрозы со стороны капиталистических государств, чтобы расправиться с

настоящими и мнимыми «врагами» внутри страны. В конце 30-х гг. по всему Советскому Союзу преследовались «враги народа», «шпионы» и «саботажники», чтобы скрыть экономические неудачи, а также с целью дальнейшего укрепления власти Сталина. В то время бытовала такая точка зрения: СССР должен быть вооружен до такой степени, чтобы суметь отразить нападение *всех мыслимых вражеских коалиций* одновременно. Такая цель требовала от промышленности, чтобы львиную долю ее составляла индустрия вооружения, что и привело страну к упадку и экономическому коллапсу.

Однако уже в середине 30-х гг. Сталин почувствовал себя достаточно сильным, чтобы вместо задач чисто оборонного значения в случае нападения на СССР переориентировать промышленность и партию на другую цель — наступательную. Усилия по созданию индустрии вооружения начали приносить первые плоды. По всей стране росли и множилось военные заводы и фабрики, немалая доля среди которых была построена с технической помощью капиталистических стран. Стремительное развитие советской индустрии было бы невозможным без западных машин и технологий. К предпочитаемым поставщикам технологий относились Германия, США и даже Италия Муссолини.

Даже кажущаяся «мирной» индустрия, например тракторные заводы, создавалась с целью производства оружия. «На основе тракторов или автомобилей на тракторных и автомобильных заводах будут создаваться танки в качестве «военной версии» мирных машин. Поэтому только от мощности этих заводов будет зависеть качественная механизация армии», — говорил еще 14 июня 1932 г.⁴ начальник Генерального штаба Красной Армии Егоров.

И действительно, автомобильные и тракторные заводы в Харькове, Сталинграде, Челябинске и Ленинграде, построенные с участием Форда, послужили основой для танкового производства перед Второй мировой войной⁵. Уже в предвоенное время 50% мощности этих заводов использовалось в военных целях. В конце 30-х гг. количество боевых танков в Советском Союзе превышало общее число танков Германии, Франции, Англии и США, *вместе взятых!*

Сталин не забыл и о военно-воздушных силах. Соответствующая промышленность создавалась систематически. На Западе закупаались самолеты и самолетные моторы, по образцу которых в СССР строили свои собственные. У Сталина «добывание» современных машин не было связано ни с какими идеологическими проблемами. Их планировали покупать как у итальянского дуче, так и у нелюбимой Англии. Между тем в Америке была приобретена лицензия на изготовление известного самолета DC-3, в советском варианте — модель Ли-2.

Советские летчики перед войной часто летали за границу. Так, например, три бомбардировщика ТБ-3 в 1934 г. посетили Рим. При этом советская военная делегация была принята самим дуче. Советским военным были предложены экскурсии на заводы, производящие самолеты⁶. В свою очередь, итальянские военные летчики были с визитами в СССР, в частности в Одессе.

У немецких самолетов была хорошая репутация, и Советский Союз захватил некоторые экземпляры еще во время гражданской войны в Испании («Мессершмитт Вф-109В» и «Хейнкель HE-111»).

Поэтому говорить о недостаточном техническом уровне советских самолетов не всегда приходится. Даже если многочисленные авторы объясняют удачу немецких войск в самом начале войны именно техническим превосходством над Советским Союзом, советские специалисты приходят к другим результатам. Вот что говорил советский летчик-испытатель Супрун о захваченной машине «Мессершмитт Вф-109В»: «Самолет Messerschmidt Вф-109В с мотором Jumo 210 по своим тактическим и техническим данным стоит ниже скоростных истребителей, которые находятся на вооружении военно-воздушных сил Красной Армии»⁷. Очень похоже звучит оценка самолета «Хейнкель HE-111» летчиком-испытателем Кабановым: «1. Самолет Heinkel HE-111 уступает отечественным машинам в скорости. 2. Взлетная скорость, дальность полета и предельная высота этой машины значительно ниже требований, предъявляемых к двухмоторному бомбардировщику»⁸.

После заключения пакта между Сталиным и Гитлером

совместная работа с немецкими военно-воздушными силами приобрела официальный характер. Сталин отдал распоряжение составить список современных машин и моторов, которые Германия могла бы ему поставлять и которые его интересовали. Так, СССР купил, к примеру, машину «Heinkel HE-100», на которой в 1938 году в Германии был достигнут мировой рекорд в скорости. Эта машина по своим аэродинамическим данным была, вероятно, самой современной немецкой моделью перед войной. Но ее не приняли на вооружение немецкой авиации, а продали Советскому Союзу. Авиационная промышленность СССР, несомненно, многому научилась на основе этой машины.

В 1939 г. советской делегации, в которую входили и такие известные конструкторы, как Александр Яковлев и Николай Поликарпов, были показаны в Германии практически все типы самолетов и заводы, на которых они производились. Советские летчики-испытатели могли даже испробовать новейшие машины в воздухе.

Советские конструкторы и техники использовали поставленные Германией самолеты для повышения своей квалификации. Только в 1940 г. на немецких машинах обучалось более чем 3500 советских техников. Результаты этого обучения и пробных полетов на немецких самолетах обобщает Соболев следующим образом: «Из этого становится ясно, что новое поколение советских боевых самолетов по своим основным параметрам не только не отстает от немецких, но превосходит аналогичные машины, например, по скорости»⁹. У Советов была другая проблема — вовремя наладить серийное производство новых типов самолетов.

Стоит еще раз обратить внимание на то, что из оценки немецких самолетов в Советском Союзе непосредственно перед началом войны совершенно нельзя сделать вывод о более низком уровне советских самолетов. Таким образом, советское руководство во главе со Сталиным ни в коем случае не могло испытывать ужаса перед немецкой военной техникой. Наоборот, высшее военное и партийное руководство считало себя вполне способным выиграть наступательную войну против Германии. Говоря словами профессора Моудсли: «Вопреки мнению многих сегодняшних

историков, я бы аргументировал это так: Сталин и высшее военное командование полагали, что смогут обойтись с Гитлером именно с позиции собственной силы, а не слабости»¹⁰. Тем более что немецкие танки, показанные советским экспертам, произвели на них очень плохое впечатление. Советские специалисты просто не могли поверить, что в Германии действительно нет лучших танков. Зная о возможностях и мощи новейших советских типов танков Т-34 и КВ-1, они не могли воспринимать немецкие танки как серьезного противника.

Появление на фронте советских боевых танков КВ-1, названных в честь маршала Ворошилова, действовало как шок на немецкие войска. Известен эпизод из мемуаров австрийского генерала Эрхарда Рауса, в котором описывается появление одного-единственного танка КВ-1 после начала осуществления плана «Барбаросса»: КВ-1 перекрыл путь для снабжения шестой немецкой танковой дивизии и блокировал ее почти на два дня. Атаки немецких танков, противотанковые пушки калибра 50 мм и даже атаки пикирующего бомбардировщика остались безуспешными. Обычно очень действенные зенитные пушки 88 мм сработали только на очень близком расстоянии, и то не сразу»¹¹.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ НЕМЕЦКИХ И СОВЕТСКИХ ТАНКОВ В 1941 Г.

	Германия		СССР	
	PzKpfw III	PzKpfw IV	T-34/76	КВ-1
Вес, в т	16,0	18,0	28,0	47,2
Фронтальное бронирование, в мм	14,5	14,5	60	110
Калибр вооружения, в мм	3,70	7,5 (3,7)	7,62	7,62
Мощность двигателя, в л/с	230	230	500	600

Советские танки были по своим техническим возможностям не только либо равны немецким, либо лучше их, но и значительно превосходили их количественно. В то время как вермахт имел на вооружении всего 3350 танков

всех типов (рядом с трофейными 35 — 38-тонными танками «Шкода» действовали многочисленные, полностью устаревшие модели «Panzer II» и «Panzer III»), арсенал Сталина выглядел примерно таким образом ¹²:

Ленинградский военный округ: 1977 танков;

Северо-Западный фронт (Балтийский военный округ): 1646 танков;

Западный фронт (Особый западный военный округ): 3345 танков;

Юго-Западный фронт (Особый Киевский военный округ): 5894 танка;

Одесский военный округ: 1119 танков.

На примере этих немногих цифр становится ясно, насколько бесперспективным должно было стать для немцев нападение на Россию. Особенно если учесть, что здесь еще не приведены цифры по внутренним военным округам (Московскому, Кавказскому и т.д.).

Теперь обратимся к теме, которая даже в специальной литературе затронута очень мало: гигантской сталинской программе по созданию флота.

Царская Россия никогда не играла большой роли как морская держава. Громадная континентальная империя основное внимание уделяла вооружению сухопутных сил. В любом случае, России не приходилось защищать морские пути, по которым развивалась бы торговля. В СССР морские торговые пути также не играли важной роли. Поэтому и создание большого флота даже с оборонными целями не было необходимым. Тем не менее Сталин разрабатывал грандиозные планы по созданию океанского флота. Если бы планы Сталина осуществились, Советский Союз обладал бы таким военно-морским флотом, который превосходил бы морские силы обеих традиционно морских держав — Англии и США, вместе взятых!¹³

В 1936 г. Советы начали зондировать в США возможность приобрести линкор. Человека, которому было поручено вести переговоры, звали Сэм Карп, он был братом жены Вячеслава Молотова. Сэм Карп родился в России, но жил в Америке.

Сталин ходатайствовал даже перед американским послом Штайнхардтом, чтобы получить разрешение на покупку линкора у правительства США. До этого Штайнхардту в его бытность послом в Москве никак не удалось встретиться со Сталиным. В конце концов, после долгих улаживаний, президент Рузвельт дал согласие на разработку и поставку линкора в СССР. Этой работой занялась в августе 1937 г. американская фирма «Gibbs & Cox». Кроме одного линкора, Советский Союз должен был получить еще детали и вооружение для второго, чтобы собрать его на своих верфях.

Планы «Gibbs & Cox» на самом деле были исполинскими. Оба корабля должны были быть водоизмещением не менее 66 000 тонн (вариант А) либо даже 74 000 тонн (вариант Б). Для сравнения: немецкий линкор «Бисмарк» имел водоизмещение 42 000 тонн¹⁴.

Советский Союз рассчитывал и на техническую помощь Италии. Например, двигатель крейсера класса «Киров» был сделан по образцу, купленному в Италии. Двигатели других кораблей этого же класса должны были быть построены по итальянской лицензии. Кроме того, в Италии были куплены чертежи крейсера «Raimondo Montecuccoli».

Итальянские эскадренные миноносцы «Dardo» и «Valeno» послужили образцом для советских эсминцев класса «Гневный» (проект 7). Уже в 1929 году на итальянской верфи Cantieri Riuniti dell' Adriatico были разработаны планы для советской подводной лодки класса «Декабрист».

Сталин одобрил огромную программу по созданию морского флота, представленную ему Ворошиловым 7 сентября 1937 г. В этой программе было предусмотрено строительство не менее восьми линкоров (четыре — типа Б/проект 25 и четыре — типа А/проект 64), 10 тяжелых крейсеров (проект 22), 22 крейсера (проект 68), два авианосца (проект 71), 20 ведущих эсминцев, 144 эсминца, различные миноукладчики, противоминные тралы, 85 больших, 175 средних и 116 маленьких подводных лодок.

Строительные программы для 10 эсминцев, восьми линейных крейсеров, 14 крейсеров и двух авианосцев были утверждены 27 июля 1940 г.

Это только два примера из обширной советской программы строительства флота, ясно демонстрирующие ее грандиозный объем. Какой смысл имела эта программа для континентального Советского Союза?

Такая программа не могла иметь оборонительный характер, поскольку для защиты побережий она была слишком большой и слишком амбициозно задуманной. Если бы речь шла о следовании оборонительной доктрине, нужно было бы проектировать и строить совсем другой флот.

Роль советского военного флота была predeterminedена наступательной доктриной. Описание роли флота во «Временном военно-морском уставе 1937» («Временном уставе морской службы 1937») начинается с наступательных задач: «Наступательные бои в открытом море и в воздушном пространстве над морем, кроме того, у вражеского побережья и вблизи вражеских морских баз, чтобы достичь оперативных целей войны на море...» Флотские командиры должны были проводить наступательные операции, чтобы нанести врагу решающее поражение¹⁵.

Молотов, ближайшее доверенное лицо Сталина, сказал 14 февраля 1938 года: «Могучему Советскому государству нужен морской и океанский флот, соответствующий его интересам и достойный его великих целей»¹⁶.

Сталинские планы по строительству флота превышали возможности советских верфей. Поэтому часто сроки спуска судов на воду затягивались. В конечном счете вся эта гигантская программа вооружений так и не смогла быть выполнена вовремя, до начала операции «Барбаросса».

Этот короткий экскурс в область морских вооружений должен послужить очередным штрихом в изучении сталинских намерений перед Второй мировой войной.

Еще одним очень спорным моментом при обосновании экспансионистских планов Советского Союза служат речи Сталина на заседании Политбюро 19 августа 1939 г. и перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г.

Подлинность речи 19 августа 1939 г. многими историками подвергается сомнению. В этой речи Сталин подготавливает высшее руководство партии к заключению пакта с Германской империей. Необычно откровенная, эта

речь никак не может соответствовать концепциям историков, оставшихся верными советской линии.

Сталин открыто признается в том, что он намерен использовать пакт с Гитлером, для того чтобы втянуть Германскую империю в изнурительную войну с западными странами. В этом случае Советский Союз сможет сам определить момент своего вступления в войну, то есть сам назначить срок нападения. Ослабленные противники тогда упадут в руки Сталина, как «спелые фрукты». Традиционная историческая наука, естественно, никак не может использовать такое откровенное заявление Сталина о собственных планах. Историческая версия, согласно которой Адольф Гитлер был единственным агрессором, в случае признания речи Сталина подлинной рушится.

Однако была ли речь Сталина действительно такой экстраординарной, как принято считать, или просто нам недоступны другие похожие документы из ближайшего сталинского окружения? В действительности мы можем привести множество других доказательств агрессивных намерений Сталина.

Одним из важнейших свидетелей может считаться вождь коммунистического Интернационала болгарин Георгий Димитров, чьи дневники были найдены в одном из архивов Софии.

Особого внимания заслуживает запись от 7 сентября 1939 г.¹⁷:

«Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т.п.). За передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если бы руками Германии было расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему. .. Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. **Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии.** Следующий шаг — подталкивать другую сторону. .. Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши

мы распространили социалистическую систему на новые территории и население?»

Эти дневниковые записи Димитрова полностью соответствуют попавшему на Запад тексту речи Сталина 19 августа 1939 г.! Свидетелями высказываний Сталина были, кроме Димитрова, еще Молотов и Жданов.

Обратимся теперь к Андрею Жданову, сталинскому надсмотрщику над идеологией и искусством, секретарю ЦК и члену Политбюро. Могли ли быть такие высказывания Сталина, как приведенные в дневнике Димитрова, неожиданными для Жданова? Ни в коем случае¹⁸.

Несколько лет назад стало известно секретное выступление Жданова в 1938 г. перед Центральным Комитетом чехословацкой компартии в Праге¹⁹. Жданов говорил, что хотя долг каждого коммуниста — бороться с фашистским агрессором, однако коммунисты должны одновременно пытаться «со всей силой использовать порожденный войной экономический и политический кризис, чтобы мобилизовать массы и ускорить закат капитализма в Чехословакии». В своей борьбе против Гитлера, а позднее против капитализма коммунисты будут поддержаны Красной Армией, которая станет «важным политическим фактором в этом конфликте».

Еще один документ бросает свет на сталинские политические игры. В документе, попавшем в руки американского консула в Праге, рассказывается о поездке чешских коммунистов в Москву в 1939 г. Делегации были следующим образом объяснены советские мотивы заключения пакта Гитлер — Сталин:

«Если бы СССР заключил пакт с западными странами, Германия никогда не смогла бы начать войну, следствием которой станет мировая революция, которую мы так долго готовили... Окруженная Германия никогда бы не начала войну... Мы не можем допустить, чтобы Германия проиграла войну, потому что, если она попадет под контроль Запада и Польша будет воссоздана, мы будем отрезаны от остальной Европы. Нынешняя война должна длиться столько, сколько мы захотим... Оставайтесь спокойными,

потому что никогда еще не наступало время, настолько благоприятствующее нашим интересам, как сейчас»²⁰.

Еще цитата из товарища Жданова, на этот раз из одной, не предназначенной для публикации речи в Ленинграде: «Политика социалистического правительства состоит в том, чтобы использовать противоречия между империалистами, в данном случае — военные противоречия, для усиления позиций социализма там, где только представляется к этому возможность»²¹.

А вот высказывание Жданова в ноябре 1940 г.: «Наш нейтралитет — это необычный нейтралитет. Мы без боев приобретаем территории (смех в зале). Для поддержания этого нейтралитета важна сила... Мы должны быть достаточно сильны, чтобы защищать позиции социализма как дипломатическими, так и военными средствами». Далее Жданов призывает своих слушателей «не терять ни одного дня, не терять ни одного часа для совершенствования военной технологии, военной организации, при этом должен быть учтен современный наступательный опыт со всеми его методами и средствами нападения»²².

И это только немногие из цитат, которые выдают экспансионистские цели Советского Союза при Сталине.

Достоверность речи Сталина перед выпускниками военных академий вечером 5 мая 1941 года тоже долгое время находилась под сомнением²³. Впоследствии стало известно и содержание этой речи, включая три тоста, которые Сталин произнес на последующем банкете²⁴. Сталин заявил, что немецкий вермахт не должен больше рассматриваться как непобедимый. Он хвалил Красную Армию, которая состояла уже из 300 дивизий, треть из которых были механизированными. Вот такими словами он закончил свое выступление: «Красная Армия — современная армия, а современная армия — это армия наступательная».

После речи Сталина 5 мая 1941 г. пропаганда стала еще откровеннее и агрессивней, в первую очередь внутри Красной Армии²⁵. Так, например, проект директивы «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время» содержал, помимо прочего, следующую формулировку: «Все формы пропаганды, агитации и вос-

питания направить к единой цели: политической, моральной и боевой подготовке личного состава к ведению справедливой, наступательной и всеокрушающей войны...»

И наконец, из доклада «Современное международное положение и внешняя политика СССР» (май 1941 г.): «Германская армия еще не столкнулась с равноценным противником, равным ей как по численности войск, так и по техническому оснащению и боевой выучке. Между тем такое столкновение не за горами». И далее: «Опыт военных действий показал, что оборонительная стратегия никакого успеха не давала и кончалась поражением. Следовательно, против Германии нужно применить ту же наступательную стратегию, подкрепленную мощной техникой». К первой цитате Г.Ф. Александров, руководитель Отдела пропаганды и агитации ЦК, сделал следующую многозначительную пометку: «Этакой формулировки никак нельзя допускать. Это означало бы раскрыть карты врагу». Замечание к второй цитате: «Война с Герм[анией]».

Я думаю, нет нужды приводить дальнейшие цитаты, чтобы сделать однозначный вывод о сталинской политике в 1941 г.

В заключение коснемся наступательной стратегии Красной Армии и ее военных приготовлений²⁶ против Германии летом 1941 г.

Еще Виктор Суворов определил военные приготовления Красной Армии летом 1941 г. как наступательные. Аэродромы были расположены вблизи границ, чтобы суметь нанести внезапный удар по Германии. В начале войны это сыграло роковую роль для военно-воздушных сил Сталина. Сотни самолетов были уничтожены немецкой авиацией прямо на земле или при попытке взлететь.

Так оценивает ситуацию известный американский историк Е. Ф. Цимке: «После того как была совершена непоправимая ошибка и главные силы красной авиации в ожидании наступательных действий были размещены вблизи границы, она была практически полностью уничтожена на земле и в воздухе еще до наступления темноты 22 июня 1941 г. и полностью так и не оправилась до самого конца войны»²⁷.

То же самое произошло и со сконцентрированными во

Львовском и Белостокском выступлениях танковыми войсками Советского Союза. Сконцентрированные там ударные танковые клинья были вермахтом обойдены, окружены и уничтожены.

Для обороны от немецкого нападения эти военные приготовления были полностью непригодны. Благодаря им эти танковые части были преподнесены немцам для уничтожения как на тарелочке. Но Красная Армия и готовилась не к нападению, а к осуществлению внезапного глубокого удара по немецким войскам в оккупированной немцами Польше. Это признают даже А. Кокошин (первый заместитель министра обороны и бывший советник по безопасности президента Ельцина) и генерал-майор В. Лавринов, авторы предисловия к книге о советской военной стратегии²⁸.

Эван Моудсли тоже приходит к похожему выводу²⁹: «За планированием 1940 — 1941 гг. стояла наступательная доктрина Красной Армии». «Наступательная советская доктрина означала не только то, что силы Красной Армии были выведены далеко вперед. Это означало еще, что они были сконцентрированы не у того региона границы»³⁰.

Советский военный план от 15 мая 1941 г. предполагал удар по южной Польше из Украины для того, чтобы отрезать Германию от нефтяного района Плоешти. Поэтому сильнейшие советские танковые части были сконцентрированы на Украине³¹.

Военный план от 15 мая 1941 г. можно рассматривать как самый сенсационный документ предвоенного времени. Пятнадцатистраничный документ, озаглавленный как «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» содержит предложения по нанесению превентивного удара по Германии.

Соответствующая формулировка гласит: «Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, предупредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».

Этот план был предложен Сталину наркомом обороны маршалом Тимошенко и начальником Генерального штаба генералом армии Жуковым. Написан документ рукой генерала Василевского, начальника отдела планирования советского Генерального штаба.

Хотя этот план не был подписан Сталиным, предложенные в нем мероприятия проводились в жизнь вплоть до самого начала войны. Сталин обычно не подписывал подобные документы лично, на предыдущих военных планах (например, ноября 1940 и марта 1941 гг.) тоже нет его подписи.

Эти планы ни в коем случае не были лишь играми Генерального штаба, как охотно утверждают некоторые специалисты. Так, например, на военном плане марта 1941 г. можно найти примечание генерал-лейтенанта Николая Ватутина: «Наступление начать 12.6.». Как известно, Ватутин был не просто некий генерал-лейтенант, а заместитель начальника Генерального штаба Красной Армии.

Также абсурдно мнение о том, что планы наступления были разработаны без ведома Сталина или против его воли. Решился бы Генштаб в 1940 — 1941 гг. на приведение в действие такого далеко идущего плана без ведома Сталина или без его приказа? Естественно, в Советском Союзе 1941 года это было невозможно. Тот, кто настаивает на этом, делает вид, что никогда не было только что закончившихся кровавых чисток среди офицерского состава Красной Армии. Сталин бросил бы непокорных ему генералов в подвалы Лубянки, не размышляя ни секунды.

Интересна позиция по отношению к тезисам В. Суво­рова двух известных на Западе авторов — полковника Давида Э. Глантца³² (издатель журнала «*Journal of Slavic Military Studies*») и Габриеля Городецкого³³ (университет Тель-Авива).

Несмотря на то что вряд ли кто-то опубликовал больше материалов на тему «План «Барбаросса», чем Давид Глантц, в его книгах нет практически ничего, касающегося советских военных планов 1940 — 1941 гг. Если он и упоминает об этом, то в лучшем случае одним или двумя короткими абзацами. Он также упорно избегает цитирования ключевых документов по советскому военному плани-

рованию, хотя в других случаях публикует каждую мелочь, какую только можно себе представить.

Похоже ведет себя и Габриель Городецкий. Городецкий не только не признает достоверность речи Сталина 19 августа 1939 г., но и считает советские наступательные планы 1940 — 1941 гг. совершенно безобидными. Он утверждает, что эти планы — в лучшем случае внутренние документы Генштаба, каковые имеются в любом Генштабе мира. Даже оккупация и аннексия Сталиным Бессарабии, Литвы, Латвии и Эстонии представлены Городецким как чисто защитная мера! Роль Сталина при разделе Польши его тоже особенно не огорчает. Расширение границ Германии Гитлером всегда выглядит нападением, расширение границ СССР Красной Армией, по Городецкому, преследовало только оборонительные цели.

Можно только надеяться, что в будущем станут доступны новые документы из бывших советских архивов, которые дадут возможность следующим поколениям историков приходить к более взвешенным заключениям.

Примечания

¹ На немецком языке вышли следующие книги Виктора Суворова: «Der Eisbrecher. Hitler in Stalins Kalkül» (1989), «Der Tag M» (1995), «Stalins verhinderter Erstschlag. Hitler erstickt die Weltrevolution» (2000) и «Marschall Schukow. Lebensweg über Leichen».

² В качестве примеров таких публикаций можно назвать: «1941 год» (в 2 томах, М., 1998), под ред. А. Яковлева; А. Колпакиди, Д. Прохоров. Империя ГРУ (в 2 томах, М., 2001); Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне (в 2 томах, М., 1995).

³ Stone David R. Hammer and Rifle. The Militarization of the Soviet Union, 1926 — 1933. Kansas University Press, 2000.

⁴ Обратный перевод с немецкого. РГВА (Российский государственный военный архив), 33988/3/301. Цит. по: Samuelson Lennart. Plans for Stalin's War Machine. Tukhachevskii and Military-Economic Planning, 1925 — 1941. Mackmillan Press Ltd., 2000. S. 163.

⁵ См.: Sutton Antony C.: National Suicide. Military Aid to the Soviet Union., The Australian League of Rights, 1973. S. 101 ff.

⁶ J. Calvitt Clarke III. «Italo-Soviet Military Cooperation in the 1930s» in: Donald J. Stoker jr. und Jonathan A. Grant. «Girding for Battle. The Arms Trade in a Global Perspective, 1815 — 1940». Praeger Publishing, 2003, S. 181.

⁷ РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 24.708.

On. 9. Д. 142. С. 26. Цит. по *Sobolew Dimitri*: «Deutsche Spuren in der sowjetischen Luftfahrt», E.S. Mittler und Sohn, 2000, S. 101.

⁸ РГВА (Российский государственный военный архив). Ф. 24.708. On. 9. Д. 142. С. 26. Цит. по *Dimitri Sobolew*: «Deutsche Spuren in der sowjetischen Luftfahrt», E.S. Mittler und Sohn, 2000, S. 102.

⁹ *Sobolew Dimitri*: «Deutsche Spuren in der sowjetischen Luftfahrt», E.S. Mittler und Sohn, 2000, S. 118.

¹⁰ *Mawdsley Evan*: «Thunder in the East: «The Nazi-Soviet Struggle 1941 - 1945», HodderArnold, 2005, S. 34.

¹¹ *Newton Steven H.* (Hrsg.): «Panzer Operations. The Eastern Front Memoir of General Raus, 1941 — 1945», Da Capo Press, 2003, S. 26 — 34.

¹² Данные взяты из следующих малоизвестных публикаций: *Crofoot Craig*: «The Order of Battle of the Soviet Armed Forces. The Sleeping Bear. Volume 1: 22 June 1941. Part one. An extraction of the Official Soviet Order of Battle. For the entire Armed Forces of the Union of Soviet Socialist Republics during the Great Patriotic War», The Nafziger Collection, 2001.

¹³ Эта информация основана на следующих публикациях: *Jürgen Rohwer/Igor Amosov*. «Strange Parallels in Stalin's and Hitler's Naval Programs» von in Robert W. Love Jr./Laurie Bogle/Brian VandeMark/Maochun, Yu.: «New Interpretations in Naval History. Selected Papers from the Eleventh Naval History Symposium», Naval Institute Press, 2001, Seite 281ff; *Jürgen Rohwer/Mikhail S. Monakov*: «Stalin's Ocean-going Fleet. Soviet Naval Strategy and Shipbuilding Programmes 1935 — 1953», Frank Cass Publishers, 2001; *Stephen McLaughlin*: «Russian & Soviet Battleships», Naval Institute Press, 2003; *Milan L. Hauner*. «Stalin's Big-Fleet Program», Naval War College Review, Spring 2004, Vol. LVII, No. 2; *R. D. Layman/Stephen McLaughlin*: «The Hybrid Warship. The amalgamation of Big Guns and Aircraft», Naval Institute Press, 1991.

¹⁴ См.: *Siegfried Breyer*. «Schlachtschiffe und Schlachtkreuzer 1921 — 1997. Internationaler Schlachtschiffbau», Bernard & Graefe Verlag, 2002.

¹⁵ *Jürgen Rohwer/Mikhail S. Monakov*: «Stalin's Ocean-going Fleet. Soviet Naval Strategy and Shipbuilding Programmes 1935 — 1953», Frank Cass Publishers, 2001, S. 105.

¹⁶ *Jürgen Rohwer/Mikhail S. Monakov*: «Stalin's Ocean-going Fleet. Soviet Naval Strategy and Shipbuilding Programmes 1935 — 1953», Frank Cass Publishers, 2001, S. 77.

¹⁷ *Georgi Dimitroff*: «Tagebücher 1933 — 1943», Aufbau Verlag, 2000, Seite 274f.

¹⁸ Еще в 1995 г. проф. Ричард С. Раак указал на экспансионистское стремление Сталина на Запад. *Richard C. Raack*: «Stalin's drive to the West 1938 — 1945», Stanford University Press.

¹⁹ *Igor Lukes*: «Czechoslovakia between Stalin and Hitler. The Diplomacy of Edvard Benes in the 1930s.», Oxford University Press, 1996 (Paperback), Seite 198f.

²⁰ *Igor Lukes*: «Czechoslovakia between Stalin and Hitler. The Diplomacy of Edvard Benes in the 1930s.», Oxford University Press, 1996 (Paperback), Seite 258.

²¹ *Aleksandr M. Nekrich*: «Pariahs, Partners, Predators. German-Soviet Relations 1922 — 1941», Columbia University Press, 1997, Seite 230.

²² Обратный перевод с немецкого. Эту и другие похожие цитаты см.: *Vladimir Nevezhin*: «Soviet War Propaganda, from Anti-imperialism to Anti-fascism: Shifts and Contradictions» in Silvio Pons/Andrea Romano (Hrsg.): «Russia in the Age of Wars 1914 — 1945», Fondazione Giangiacomo Feltrinelli Milano, 2000, Seite 251 — 264.

²³ *Vladimir A. Nevezhin*: «Stalin's Speech of 5 May 1941 and the Apologia for an Offensive War», In «Russian Studies in History. A Journal of Translations», Fall 1997, M.E. Sharpe, Seite 48ff.

²⁴ *Albert L. Weeks*: «Stalin's Other War. Soviet Grand Strategy, 1939 — 1941», Rowman & Littlefield, 2002.

²⁵ *Vladimir A. Nevezhin*: «Ideological Documents of May-June 1941 concerning World War II events» in «Russian Studies in History. A Journal of Translations», Fall 1997, M.E. Sharpe, Seite 73ff.

²⁶ О военных планах Советского Союза и стратегии Красной Армии см.: *Evan Mawdsley* (University of Glasgow): «Crossing the Rubicon. Soviet Plans for Offensive War 1940 — 1941», *The International History Review* XXV, 4: December 2003; *Heinz Magenheimer*. «Entscheidungskampf 1941. Sowjetische Kriegsvorbereitungen — Aufmarsch — Zusammenstoß?», Osning Verlag, 2001. Д-р Магенхаймер преподает в Австрийской академии обороны и в университете г. Зальцбурга.

²⁷ *Earl F. Ziemke*: «The Red Army, 1918 — 1941: From Vanguard of World Revolution to America's Ally», Frank Cass Publishing, 2004, Seite 277.

²⁸ *A.A. Kokoshin/V.V. Lavrinov*: «Origins of the Intellectual Rehabilitation of A.A. Svechin» in Alexander A. Svechin: «Strategy», Eastview Press, 1991.

²⁹ *Evan Mawdsley*: «Thunder in the East: The Nazi-Soviet Struggle 1941 - 1945», Hodder Arnold, 2005, Seite 38.

³⁰ *Evan Mawdsley*: «Thunder in the East: The Nazi-Soviet Struggle 1941 — 1945», Hodder Arnold, 2005, Seite 39.

³¹ См. классическую работу мюнхенского историка Вальтера Поста «Операция «Барбаросса». Немецкие и советские военные планы 1940/41 гг.». *Walter Post*: «Unternehmen Barbarossa. Deutsche und sowjetische Kriegspläne 1940/41», Verlag E.S. Mittler & Sohn, 1995. Эту книгу и сегодня можно рекомендовать как лучшее исследование по данной теме на немецком языке.

³² См., к примеру: «The initial Period of War on the Eastern Front. 22 June — August 1941», Frank Cass Publishing, 1993 (второе издание — 2001); «The Stumbling Colossus. The Red Army on the Eve of World War», University Press of Kansas, 1998; «The Battle for Leningrad 1941 — 1944», Kansas University Press, 2002; «Colossus Reborn. The Red Army at war, 1941 — 1943», Kansas University Press, 2005.

³³ «Grand Delusion. Stalin and the German Invasion of Russia», Yale University Press, 2000.

РОЛЬ СТАЛИНА В РАЗВЯЗЫВАНИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

«Виктор Суворов» — псевдоним бывшего офицера советской военной разведки, многие годы проживающего в Англии. В 80-х годах он опубликовал исследование военных планов Сталина, которое, если версия Суворова заслуживает доверия, должно было бы потрясти тверди исторического истеблишмента. В 1990 г. британское издательство выпустило, наконец, английский перевод его книги «Ледокол». Суворов предлагает в ней новое понимание цели Сталина в войне, детально обоснованное цитатами из советских военных мемуаров и другими важными документами. Американское издательство в том же году выпустило книгу Суворова в Нью-Йорке. Подзаголовок лондонского издания был: «Кто начал Вторую мировую войну?» Естественно, это должно было привлечь внимание читателей. Но, несмотря на постоянный интерес, особенно в те юбилейные годы, к истории войны 1939 — 1945 годов, на лондонское и нью-йоркское издания не появилось рецензий ни в общих периодических изданиях, ни в профессиональных исторических журналах США¹. Разумеется, издательства «Гамиш Гамильтон» и нью-йоркское «Викинг Пресс» заинтересованы в успехе своих изданий — и поэтому разослали экземпляры для рецензий. Отчего же странное молчание?

¹ Ричард Ч. Раак — заслуженный профессор Калифорнийского государственного университета (Hayward, USA). Статья впервые опубликована в журнале «World Affairs», том 158, №4, весна 1996.

Книга под схожим названием, «Как пришла война», лондонского профессора Д. Уатта была опубликована в Англии и в США в 1989-м. На нее вышли рецензии — в основном положительные — как минимум в пятнадцати журналах (учитывая только рецензии из *Digest of American Book Reviews* и *Index of Book Reviews*)². Профессор Уатт представил общепринятую версию начала войны, в подавляющем большинстве случаев основанную на западных и германских материалах и не учитывающую множество новых источников, появившихся из-за бывшего «железного занавеса» в те ранние дни гласности.

На самом деле две книги похожи только названиями. Книга Уатта шире, ее подход к освещаемому предмету гораздо более традиционен. А у книги Суворова только один фокус — сталинские планы войны, игнорируемые большинством историков, и она использует совершенно иные источники, в основном военно-исторические.

Суворов выстраивает свою аргументацию на исторической почве, оставленной без внимания: плане советского нападения в западном направлении. По утверждению Суворова, Сталин развертывал свои войска для осуществления именно этого плана, но был застигнут врасплох упредившим его нападением Германии. В тексте Уатта нет ни малейшего намека на этот советский план войны.

Суворов предложил также новое рассмотрение более ранних замыслов Сталина, когда тот в 1939 году подписал «пакт о ненападении» с Гитлером, что подготовило ситуацию для нападения Германии и СССР на Польшу. Этот пакт, учитывая существующие британские гарантии Польше, сделал общеевропейскую войну неизбежной и в течение месяца привел вермахт к советской границе. Без этой общей границы, которую Сталин умышленно помог создать в 1939-м, не могло бы быть прямого нападения Германии на СССР в 1941-м.

Как сказано ранее, Уатт не одинок в том, что не взглянул вперед для того, чтобы лучше разглядеть то, что произошло в прошлом. Бесчисленные авторы так же, как и он, полностью и непонятно почему игнорировали слова Гит-

лера по этому поводу, хотя именно Гитлер был главным участником событий.

Гитлер много раз говорил, что он вынужден был напасть на Советы прежде, чем они нападут на него³. Был ли он прав? Были ли у Сталина планы использовать войну, особенно войну 1939-го, на пользу СССР и большевизма, интересы которых были, с точки зрения Сталина, идентичны? Широко распространяемая марксистско-ленинская теория, объявившая войны между «империалистическими» державами необходимой дорогой к их неизбежной гибели в пролетарских и колониальных революциях, должна была бы заострить внимание как современников, так и историков на связи между этой войной и вероятной заинтересованностью Сталина в извлечении пользы из нее.

Эти явные связи так же, как и пророчества Гитлера и Ленина, были почти полностью игнорированы историками, которые не задали очевидный вопрос: чего именно ожидал Сталин от второй «империалистической» войны? Они явно предпочли поверить Сталину, что его намерения при подписании пакта были чисто оборонительными, так же как и его планы накануне неожиданного нападения Гитлера в 1941-м.

На самом деле, в своей большей части «информированное» западное общественное мнение полностью приняло тогда сомнительные заверения СССР в том, что он якобы потерял интерес к центральным принципам международного авантюризма, движимого марксизмом-ленинизмом⁴.

Привлечет ли вышеописанное внимание читателя, у которого сейчас есть вполне обоснованные причины относиться с подозрением к всевозможным фантазиям, порожденным средствами массовой информации? И есть ли причины относиться с подозрением к выпущенной известными издательствами книге, содержащей совершенно новую историческую концепцию, но оставшейся без рецензий? Даже в Британии только один видный журнал опубликовал рецензию на книгу Суворова — кстати, положительную. Джон Заметика, рецензент «Обозревателя», высказал мысль о том, что книга Суворова подвергнется нападкам «многих академических историков, предыдущие работы которых окажутся ли-

шенными смысла, если Суворов нрав». Было бы естественно увидеть среди таких критиков многих академических авторов, изучавших события 1938 — 1941 годов, начиная с захвата Гитлером Австрии и Судет и кончая нападением Германии на СССР. Но к Суворову отнеслись иначе: его не рецензировали, что уведомило бы о нем широкую публику, а игнорировали, дали спокойно исчезнуть из области академического общественного мнения. Его практически изолировали, оставив вне внимания интеллигенции западного побережья Атлантического океана, получающей информацию из межрегиональных газет и ведущих общественно-политических журналов⁵. Стал ли Суворов жертвой интеллектуальной «чистки» в наших краях?

Какого рода историческую концепцию могла бы разрушить версия Суворова, если его аргументы обоснованны?

Современный читатель, интересующийся Второй мировой войной, по всей вероятности, знаком со следующей общепринятой концепцией (изложенной здесь упрощенно ради краткости). На ней основана система распространенных на Западе мнений, в течение многих лет дающая как минимум благосклонное объяснение поведения Сталина в военные и послевоенные годы. Общепринятая история выглядит так.

Недоверие Сталина к западным демократиям, Великобритании и Франции, резко выросло после того, как они практически прекратили поддерживать чешского президента Бенеша, которому Гитлер предъявил свои требования накануне мюнхенского кризиса в сентябре 1938-го. Советский Союз был тогда связан двухсторонними оборонительными пактами с Чехословакией и Францией. Оба эти соглашения были частью системы коллективной безопасности, которую европейские державы медленно создавали в противовес нацистской Германии. Но когда англичане и французы договорились в Мюнхене с Гитлером и позволили ему присоединить к Германии заселенные немцами области Чехословакии, Сталин потерял веру в эти демократии. Он полагал, что их желание умиротворить Гитлера, удовлетворив его требования к Чехословакии, а также то, что они не консультировались с Советским Союзом по этому вопросу, указывает на готовность позволить

Гитлеру захватить всё, что он хочет на востоке Европы. После этого Гитлер был бы готов к нападению на Советский Союз⁶.

Гитлер громко декларировал свою враждебность к тому, что он называл «иудео-большевизмом», и свою решимость получить для германского народа «жизненное пространство» на Востоке. Учитывая такие склонности Гитлера, было бы трудно допустить, что эта расплывчатая экспансионистская цель не включает в себя как минимум большинство западных славянских земель Советского Союза.

Согласно этой версии, Сталин, предвидя войну с Германией, усиливал борьбу с тем, что ему представлялось кознями Запада. Он позволил Гитлеру продвинуться на восток и занять половину Польши в обмен на согласие Гитлера разрешить ему, Сталину, передвинуть советскую границу на запад, заняв вторую половину Польши. Таким образом Сталин смог создать из восточной Польши и других восточноевропейских государств и территорий, полученных им в результате этой сделки, земляной вал, буфер между СССР и немцами, прикрывающий восемь миллионов квадратных миль первоначальной советской территории. В результате Гитлер оказался в состоянии конфронтации с западными державами. Так Сталин выиграл и пространство и время, отчаянно необходимые ему для строительства собственной обороны, поскольку он знал, что Гитлер был непреклонен в решении в скором будущем выступить против него. Поэтому пакт Сталина с нацистами и его согласие поставлять Германии многие виды сырья, в которых она тогда нуждалась для войны на западе Европы против Англии и Франции, были оборонительными мерами, частью плана для оттягивания конфликта с целью приобретения жизненно необходимого пространства и времени.

Как следует из этой версии, декларирующей оборонительные цели Сталина, сталинский вариант большевизма не был агрессивен, несмотря на войны, которые он вел против Польши и Финляндии после пакта, и вопреки последующему жестокому захвату малых стран Балтии. Часто приходится читать, что к тому времени уже пошел на убыль кровавый большевистский экспансионизм, первоначаль-

чальными создателями которого в дни революции были Ленин и Троцкий и одним из безуспешных проявлений которого было катастрофическое (для большевиков) вторжение в Польшу в 1920-м. Хотя Сталин сам был одним из политических руководителей Красной Армии и одним из главных виновников того вторжения, верящие в эту версию тем не менее доказывают, вопреки очевидности, что позже Сталин отказался от таких дорогостоящих зарубежных авантюр по рецептам его умершего учителя Ленина. Сталин, как следует из этой версии, был озабочен в основном внутренней безопасностью, боялся за будущее Советского Союза. Так считали многие историографы, и очень многие в течение последних пятидесяти лет с симпатией воспринимали внешнюю политику советского вождя. Они полагают, что у Сталина практически не было иного выхода, кроме как заключить пакт с Гитлером и сыграть собственную роль в разрушении того, что осталось от независимой Центральной и Восточной Европы.

Далее, согласно этой версии, Сталин фатально просчитался, поскольку вскоре после неожиданного и быстрого поражения Франции в руках Гитлера оказался весь европейский континент. Не имея серьезных врагов на западе континента, фюрер начал сосредотачивать свои армии против Советского Союза. Советский диктатор, планы которого — выиграть время и строить в безопасности свою страну — были прерваны германскими победами во всей Европе, не предвидел такого поворота событий. И хотя после пакта с немцами он поспешно перевооружался, укреплял свои оборонительные позиции на западе и выиграл два года в подготовке к войне, его армии тем не менее не сдержали первоначальное германское нападение в июне 1941-го. Красный военно-воздушный флот был практически уничтожен на своих аэродромах по всему фронту германского наступления. Все это произошло несмотря на то, что Сталин получал бесчисленные предупреждения о приближающемся нападении. С самого начала германского вторжения русские почти везде панически отступали. Их потери были огромны: миллионы солдат были убиты или пленены немцами и их союзниками, которые вскоре захва-

тили главные города и промышленные центры запада СССР. За невероятной политической катастрофой последовала невероятная военная.

В вышеприведенной версии (в которой часто замалчиваются масштабы катастрофы, на которую обреч свою страну Сталин, «величайший гений человечества», как его, к его собственному удовольствию, называли) содержится нечто большее, чем отдельные ошибки. Однако, насколько невероятным это ни кажется, именно ее можно услышать чаще всего. Кто не верит, может почитать исторические труды на эту тему или заглянуть в университетские учебники или в «Нью-Йоркер» — один из множества популярных журналов, которые регулярно бомбардируют читателей любительской историографией о различных аспектах войны против Гитлера, как правило, подтверждая при этом, хотя и не всегда прямо, сталинистскую версию о советских оборонительных планах.

Даже во время войны эта версия убедила многих людей, разрабатывавших политический курс Лондона и Вашингтона и искавших исторические обоснования для предсказания того, что будут делать Советы после войны. Ее явно приняли за чистую монету наши лидеры военного времени, Уинстон Черчилль и Франклин Рузвельт. Она легла, как общепринятая историческая истина, в основу многих критически важных решений и послевоенного планирования во время ВМВ — решений, принятых в Тегеране, Ялте и Потсдаме. На этих важнейших конференциях Запад решал, как себя вести по отношению к сталинскому Советскому Союзу, своему союзнику в войне, опираясь на собственные надежды относительно поведения Сталина в ближайшие годы после войны. И часто решения Запада, обусловленные незнанием и непониманием того, что произошло в действительности, помогали Сталину. Эта версия долго преподносилась населению Запада в оправдание ошибочного доверия к Советскому Союзу и после начала холодной войны, когда советские армии удобно расположились в центре Европы, а сталинские границы и сферы влияния оказались серьезно расширены в Азии. Всего лишь несколько лет назад бывший коммунистический ли-

дер Михаил Горбачев все еще рассказывал эту сказку для укрепления своего нынешнего оправдания Сталина⁷.

За этой версией, разные варианты которой никогда далеко не отклонялись от вышеприведенного, слышится голос сталинистской пропаганды и желание общественности Запада, легковверных журналистов и политиков, а также многочисленных историков верить защитникам Сталина и принимать пропаганду за чистую монету. Сегодня это удивляет, но это должно было удивлять с самого начала. Ведь у современников Сталина на Западе никогда не было серьезных причин ожидать чего-либо хорошего от неожиданно обретенного военного союзника — бывшего военного союзника Гитлера! Серьезных причин не было и у их преемников. Фактически у них было еще меньше причин вообще видеть в нем что-либо хорошее — хотя многие предпочитали это делать в течение долгих лет. Сегодня мы должны признать, что долговременная популярность вышеприведенной сказки — это блестящий продукт наилучшей из когда-либо проведенных пропагандистских кампаний. Но нынешний доступ к многим архивам бывшего Восточного блока, прежде закрытым для независимых исследователей, приводит к тому, что эта версия больше не может оставаться вне критики.

Если так долго распространявшаяся историческая сказка неверна, то какая история заменит ее? По Суворову, Сталин вообще не хотел мира, ни во время судетского кризиса в 1938-м, ни в 1939-м, ни в 1941-м. Его позиция не была ни оборонительной, ни реагирующей на кого-либо. Он не тянул время для подготовки обороны, а готовил нападение, ожидая подходящего момента для собственного похода на запад. Он видел в Гитлере «ледокол», пробивающий большевикам путь на запад, демонического нигилиста, которой разорвет в клочья непрочную ткань постверсальской Европы, повсеместно разрушая правительства, экономический и общественный порядок, натравливая народ против народа, государство против государства, группу против группы.

Таким образом, предполагалось, что «ледокол» — Гитлер широко раскроет ворота континента для вторжения марксистских *terribles simplificateurs* («ужасных упрости-телей») (франц.). — Прим. ред.) и поможет реализовать их

мечты об окончании империалистических войн повсеместным триумфом пролетарских революций, во время которых массы, пришедшие в отчаяние от бед и лишений войны с Гитлером, наконец восстанут против капиталистических поджигателей войны.

Суворов доказывает, что сталинское вторжение на запад при помощи РККА было назначено на начало лета 1941-го. Если бы его доказательства широко обсуждались, то читатели, столкнувшись с хорошо разработанной системой цитат из советских военно-исторических источников, могли бы начать пересматривать всю прежнюю историю начала войны. И если бы суворовские доказательства были подвергнуты проверке, то приведенная выше псевдоисторическая версия могла быть в конце концов опровергнута. Ведь если Сталин действительно намеревался напасть на Запад в им самим выбранный момент, то причиной, по которой он заключил пакт с Гитлером в 1939-м, было не стремление к обороне, а часть тщательно разработанного плана завершить европейскую войну на истощение политическим, общественным и экономическим разрушением европейских держав.

Суворов писал военную историю и не углублялся в изучение доступных в тот момент документов, чтобы выяснить политические причины военного плана Сталина. Но в действительности этот план войны должен был иметь под собой — и имел — политический фундамент.

Очевидно, что авторами политического курса на агрессивную войну были Сталин и его ближайшие соратники в Кремле. Путь, по которому они шли, был начертан Лениным, и на их долю выпало воплотить в жизнь вышеописанную схему войны и последующей всеевропейской революции. Сообщения об этом мы находим в достоверных источниках из Коминтерна. Кроме того, что Сталин был членом его президиума, руководитель Коминтерна Георгий Димитров был частым гостем в Кремле и находился в регулярном контакте со Сталиным и с теми представителями его ближайшего окружения, кто лично передавал решения вождя органам политического контроля, а в случае Димитрова — международного политического контроля. Задолго до нападения Гитлера на СССР в июне 1941-го

Сталин и его ближайшее окружение планировали исход европейской войны именно таким образом, как Суворов описал ее почти пятьдесят лет спустя: разрушение воюющих держав изнутри в результате массового недовольства (которое Красная Армия сможет поощрять силой), возникающего вследствие войны и ее неизбежных тягостей. Он готовил Красную Армию вступить в действие, как только ожидаемый гражданский конфликт — повторяющийся внутренние волнения и революции в воюющих странах в 1917-м и 1918-м — вспыхнет в Западной Европе за фронтами воюющих армий как союзников, так и Германии.

Суворов только набросал эскиз этого рискованного плана. Но теперь мы получили информацию о нем от трех независимых источников, каждый из которых подтверждает слова других, каждый рассказывает о том, что сам слышал из уст кремлевских лидеров и от других высокопоставленных советских деятелей.

Информация самого подробного из этих источников является просто древней, по стандартам современной историографии⁸. Самое свежее свидетельство (из самого Коминтерна), подтверждающее этот план, стало известно совсем недавно благодаря открывшемуся доступу в партийные архивы бывшего Восточного блока. Описание этого устрашающего плана похода на запад было сделано руководителем Коммунистической партии Германии в московском изгнании, верным сталинцем, близким к исполкому Коминтерна. Сообщение этого руководителя, скопированное в феврале 1941-го другим источником, знавшим Сталина, обрисовало возможные и предполагавшиеся тогда Кремлем последствия бушующей на Западе войны, в которую Советский Союз не был тогда непосредственно вовлечен⁹.

Тогда, в феврале 1941 г. Вальтер Ульбрихт, немецкий коммунистический лидер (в будущем — строитель позорной Берлинской стены), рассказал своим товарищам по изгнанию о том, что только что узнал: о запланированных Кремлем возможных сценариях окончания идущей тогда в Западной Европе войны¹⁰. Одним из них была описанная выше безумная затея мировой революции, поддержанной Красной Армией. Очевидно, что этот исход был наиболее

благоприятным в глазах Кремля, так как только он из всех предполагавшихся ближе всего подводил Советский Союз к достижению внешнеполитических целей большевиков¹¹.

Мы не знаем, как долго разрабатывался этот план Сталиным и его кремлевской бандой¹². Он предполагал использование большевистскими агитаторами кризиса гражданского общества внутри воюющих держав. Кремль рассчитывал на то, что Красная Армия, следуя модели 1917 — 1922 годов, придет на помощь воюющему пролетариату (или, возможно, воображаемому воюющему пролетариату) и рабочим и солдатским революционным советам на Западе. Революционные правительства будут установлены по всей Европе. Планы Ленина о международной революции как последствии Первой мировой войны будут исполнены таким образом в процессе Второй мировой войны.

Кроме отсутствия убедительного документального источника этого политического замысла, в доказательствах Суворова есть еще один возможный изъян. Этот драматический сценарий, с учетом предварительных условий, подразумеваемых планом похода Красной Армии на запад, совсем не совпадает с условиями военного времени, существовавшими в период, когда Сталин, согласно Суворову, планировал напасть на Гитлера: 6 июля 1941 г. Дело в том, что в то время Гитлер, еще не напавший на Советский Союз (что он фактически совершил 22 июня), должен был быть в зените своей военной силы. Он был занят, но только на нескольких второстепенных полях сражений из-за продолжающейся войны против Британии. Исходя из этого, можно сомневаться в аргументированности ряда важных доводов Суворова, особенно в предложенной им последовательности военных действий. Но на сегодняшний день общий план военного вторжения красных на Западе хорошо известен на основании исторических свидетельств. Так что сомневаться в нем, без предварительного опровержения этих свидетельств, не приходится. В любом случае, две исторических концепции, одна — устанавливающая политический замысел Кремля, и другая — его военную реализацию, должны рассматриваться по отдельности. Существование самого плана может сегодня считаться дока-

занным благодаря высказываниям его авторов и их ближайших сотрудников, хотя в работах Суворова оно недостаточно обосновано¹³.

Сегодня главный военно-исторический аспект доводов Суворова подтверждается данными, недоступными ему во время написания «Ледокола». И эти данные, полученные из советских военных архивов и из других, доселе закрытых архивов Восточного блока, заслуживают очень пристального внимания. Имеет смысл привести мнение другого советского военного историка, В.И. Семидетко. Начиная свое исследование «Результаты битвы в Белоруссии» о поведении Советской армии ранним летом 1941-го, он вряд ли предполагал, что придет к нижеприведенным выводам.

Семидетко, вероятнее всего, ничего не знал тогда о работе Суворова. Но, публикуя в советском «Военно-историческом журнале» результаты своих поисков в недавно открытых советских военных архивах, он пришел к выводу, что причина, по которой германская армия так легко прошла через позиции Красной Армии на центральном фронте в Белоруссии в июне 1941-го (где у обеих армий, нападающей и защищающейся, были приблизительно равные силы), была в том, что позиция Красной Армии была атакующей¹⁴. Это открытие, разумеется, является главной составляющей сформулированной за несколько лет до этого концепции Суворова, объясняющей тот самый разгром. Суворов тогда сказал, что Красная Армия была развернута для атаки на запад и поэтому располагалась вне оборонительных позиций, брошенных из-за наступательной доктрины Кремля. Поэтому Красная Армия оказалась очень уязвима во время наступления немцев, которые, упреждая Сталина, напали первыми.

В мои руки попали другие материалы, подтверждающие заключения, к которым Суворов и Семидетко пришли независимо друг от друга (эта независимость важна сама по себе). Один материал — советского дипломатического происхождения, совершенно независимый от военных источников, приведенных русскими авторами. Второй, совсем другой источник, содержит ту же удивительную информацию! Он из чешских архивов, закрытых до недавнего времени для независимых исследователей.

Перед германским нападением в Москву поступали предупреждения о германских военных приготовлениях на западной советской границе (многие из них британского и американского происхождения, а одно от германского посла в Москве¹⁵), и Сталин явно решил успокоить дипломатические круги и унять разговоры о германском вторжении. Сегодня мы можем только догадываться, каковы были его цели.

Кремль отправил к советскому послу в Лондоне Ивану Майскому эмиссара, ведущего советского журналиста (источник не называет его имени). Майский, действуя, несомненно, по указаниям из Москвы, давно притворялся якобы самостоятельным, заигрывал со многими политическими группами и личностями по всему демократическому Лондону, передавал британцам разные, вероятно успокаивающие вести от Сталина. Мы знаем, что 15 июня у Майского была очень длительная встреча с очень высокопоставленным чиновником британского МИДа. Там настойчиво домогались того, чтобы он передал в Москву срочные предупреждения о предстоящем германском нападении. (Читатель помнит, насколько успешны были тогда британские перехваты германских сообщений.) Доказательства, которые британский дипломат представил на этот раз, явно впервые потрясли веру Майского в утверждения его собственного начальника¹⁶. (Посол, которого могли отозвать домой в Москву, наверняка не часто подвергал сомнению слова, провозглашенные «величайшим гением человечества».) После этого британцы передали своим союзникам в качестве политических разведывательных данных сталинское послание, отрицающее вероятность германского нападения. Через три дня сообщение из Москвы было записано как минимум одним из них, Карелом Эрбаном, аналитиком Министерства иностранных дел Чехословацкого национального комитета (в изгнании), и передано чешскому руководству в Лондоне¹⁷.

Эрбан сообщил, что Советы не боятся немцев, объясняя германскую концентрацию сил на советских границах просто проверкой бдительности и готовности потенциального противника. Однако, сказал московский эмиссар, если необходимо, они готовы пойти на многие политические

и экономические уступки, чтобы откупиться от Гитлера даже с временным эффектом. Было сказано открыто о разрешении предоставления германской военной помощи нейтральной Турции (и, следовательно, намекалось на то, чего Берлин давно хотел: вступление Турции, добровольное или принудительное, в лагерь Германии). Такой ход, вполне возможно, ожидаемый после недавних успешных кампаний Гитлера на Балканах, не вызовет возражений Москвы. Это означало отказ Сталина (как минимум временный) от традиционных российских интересов в юго-восточной Европе, особенно в Болгарии и в проливах, — от интересов, реализации которых Сталин, с помощью Молотова, совсем недавно добивался на советско-германских переговорах в Берлине в ноябре 1940-го — к явному отвращению Гитлера.

Сталин, вероятно, представлял себе, что такого рода германское продвижение на юго-запад отвлечет на некоторое время внимание Гитлера от советских границ (и растянет силы вермахта далеко на юго-запад, создавая уязвимый балканский фланг), что уже отчасти и произошло во время его югославской, греческой и критской кампаний. (Быстрое советское продвижение в южном направлении на Румынию, которое Суворов считает необходимым для сталинского плана предстоящего нападения на Германию, не только отрезет поставку нефти Гитлеру, но и поймает в ловушку германские армии на юге и на востоке, не позволяя им вернуться на домашний фронт, чтобы встретить там предстоящую главную советскую атаку в западном направлении, через бывшую Польшу.)

Эмиссар сообщил, что сталинский план отвлечь силы потенциального нацистского противника и отсрочить, за счет Болгарии, его продвижение прямо на восток был также направлен на ослабление обеих сторон в войне, заботясь о том, чтобы она длилась как можно дольше. Ясно, что, если бы Гитлер принял от Сталина эту взятку, британцы были бы еще больше втянуты в войну на Балканах и в восточном Средиземном море. Советские уступки в Турции, чтобы заманить немцев на юго-восток, потребовали бы от Гитлера отложить нападение до осени. Это озна-

чало бы отсрочку, по климатическим соображениям, до следующей весны. Это дало бы Красной Армии шанс стартовать первой — если действительно, как считает Суворов, Сталин имел в виду наступать¹⁸ в 1941-м (или даже в 1942-м, по мнению другого историка). Тот, кто докладывал из Кремля, сообщил, что в Москве так мало боялись немцев, что Красная Армия уже заняла наступательные, а не оборонительные позиции.

В этом докладе много поразительной информации, определенно неизвестной огромному большинству исследователей истории Второй мировой войны и подтверждаемой другими источниками. Это подтверждение увеличивает доверие к самому источнику, который является, таким образом, совершенно достоверным свидетельством об удивительном — и уязвимом — расположении Красной Армии за неделю до немецкого нападения 22 июня 1941 г.

Такие данные о поведении советских войск накануне нападения Гитлера безусловно должны вызвать новый интерес к спорным заключениям Суворова. Поэтому я считаю важным более подробно коснуться творчества Суворова и надеюсь объяснить, почему большинству англоязычных читателей, интересующихся этой войной, ничего не известно о его точке зрения.

Фактически выводы Суворова были оспорены в английской прессе только одним автором, профессором Тель-Авивского университета Габриелем Городецким. Обмен аргументами между Суворовым и Городецким произошел впервые еще в 1986 году в Журнале Британского Королевского Института Служб [RUSI], военном периодическом издании¹⁹. Концепция Суворова была опубликована вне русских эмигрантских кругов только незадолго до этого обмена мнениями.

Решив опубликовать статью Суворова, редакторы журнала RUSI, возможно, решили, что ее спорность требует быстрого опровержения. Редакторы иногда пользуются подобной техникой, чтобы снять с себя ответственность за особо необычную публикацию, в данном случае — в определенном смысле потенциально прогерманскую. Ведь Гитлер сам, как было сказано ранее, оправдывал свое нападе-

ние на Советский Союз тем, что он должен был ударить на восток до того, как Советы ударят на запад. И что может быть менее политически корректно, и тогда и сейчас, чем согласиться даже в чем-либо с фюрером нацистов, о котором никто (среди взрослых и умственно полноценных) не будет жалеть.

Возможно и другое объяснение: Городецкий прочитал статью Суворова и предложил редакторам свои доводы в качестве опровержения. Кстати, доводы Суворова были оспорены не раз на различных основаниях (например, автором этих строк, желавшим знать, как кремлевский план удара на запад, следующий за ожидаемым внутренним развалом в воюющих странах, мог быть назначен, по Суворову, на 6 июля 1941 года, когда Гитлер был наиболее силен в военном отношении и его империя относительно послушна)²⁰. Но историк Городецкий не пытался тогда опровергнуть доводы Суворова, даже его странные сроки советского нападения, используя свои источники в противовес военно-историческим источникам Суворова. Вместо этого он цитировал дипломатические записи советского происхождения, которые, разумеется, были тщательно отобраны и отредактированы — и крайне ненадежны. И он не использовал никаких своих аргументов для опровержения суворовских суждений о политическом плане Кремля, стоящем за военными планами. Итак, Городецкий никогда по-настоящему не оспорил утверждение Суворова, что у Сталина был прежде всего политический план похода на запад. Он просто игнорировал политический аспект. Отсюда следует, что, хотя некоторые из дипломатических аргументов Городецкого познавательны и интересны, он не скрестил интеллектуальные шпаги с Суворовым ни по одному из его важнейших аргументов. Городецкий и в более поздних своих работах на ту же тему не проявил ни малейшей осведомленности о существовании опубликованных документов, указывающих на то, что был обстоятельный политический план вмешательства Советов в ситуацию на Западе²¹.

В контраст почти полному молчанию англоязычных рецензентов, сыгравшему, возможно, свою роль в запоздалом

появлении английского перевода книги Суворова (через пять лет после его статьи в журнале RUSI), немецкий перевод «Ледокола», вышедший в 1989 г., самый ранний книжный вариант его исследования (с несколько иным подзаголовком, «Гитлер в планах Сталина» [Hitler in Stalins Kalku²²]), получил очень серьезные рецензии. Среди рецензентов были два очень знающих исследователя того периода, Александр Фишер, профессор Боннского университета (недавно умерший, в прошлом член важной парламентской комиссии по повторному изучению германского прошлого), и Гюнтер Гиллессен, многолетний исторический редактор самой престижной германской газеты «Франкфуртер алгемайне цайтунг». Профессор Фишер, автор многих книг и сборников документов о дипломатии того периода, включая советскую дипломатию, нашел книгу Суворова смелой — но не убедительной. Однако он тактично воздержался от окончательного приговора, верно замечая, что настоящее решение требует изучения того, что, возможно, раскроют советские архивы. Редактор Гиллессен описал книгу как слишком полемичную и, вторя Фишеру, недостаточно убедительную, как основанную на исключительно косвенных доказательствах²³.

Читатель, знакомый с трагической современной историей Германии и понимающий, какая огромная ответственность накладывается необходимостью исторического и юридического объяснения событий, отягощающих прошлое нескольких поколений немецкого народа, поймет, насколько осторожны должны быть немецкие авторы, оценивая исторические работы, могущие как-либо положительно осветить действия бывшего немецкого фюрера.

Суть того, что можно было бы назвать негласным соглашением между серьезными немецкими авторами, состоит в утверждении, что нельзя снисходительно относиться к попыткам уменьшить ответственность немцев за войну. Следует любой ценой избегать способа уменьшения исторической ответственности, к чему могло бы привести слишком буквальное восприятие доводов Суворова и близких к ним рассуждений. Недавняя долгая, временами беспощадная, дискуссия в немецкой прессе об источниках

преступного поведения Гитлера (включая попытки найти эти источники вне Германии), так называемая «битва историков» (Historikerstreit)²⁴, ясно показала, насколько болезненными могут оказаться исторические дискуссии в немецком обществе, мучимом чувством вины, доходящим почти до духовного самоуничтожения. С этой точки зрения можно рассматривать критическую сдержанность обоих немецких рецензентов в отношении вескости доводов Суворова (несомненно, заслуживающих немало скептицизма). Таким образом, в Германии крайняя осторожность, продиктованная ужасными событиями германского прошлого, произвела тот же цензурирующий эффект, что в англоязычных странах произвело явное отсутствие интереса к пересмотру этой части прошлого²⁵.

Сам факт того, что первый перевод исследования Суворова появился в Германии, важен не только для историографии. Издание работы Суворова на немецком языке в виде книги свидетельствует о том, что в постоянно ведущихся, хотя и ограниченных, немецких публичных дискуссиях по истории Второй мировой войны пакт Молотова — Риббентропа играет центральную роль. Публикация книги позволила заново открыть тему, почти никогда не обсуждавшуюся и выглядевшую вполне решенной благодаря многолетнему господству (и в Германии тоже) единой интерпретации событий начала Второй мировой войны²⁶.

Как мог бы Гитлер начать войну, к которой он так отчаянно стремился в 1939-м, если бы Советский Союз активно поддержал военной помощью или как минимум военными поставками и продовольствием страны на своем западном фланге, которые блокировали немецкую агрессию, направленную на восток, на Советский Союз? Даже Гитлер не пошел бы, вероятнее всего, на такой риск, имея сильных противников с запада. Но если бы этот вечно рискующий авантюрист все равно двинулся бы в поход, это была бы совершенно иная война, иные союзники, иные сроки, а не те, которые нам известны.

Недавно появилась новая книга Суворова с новыми, тщательно разработанными доказательствами его доводов, и продолжается международное обсуждение тем, относя-

щихся к его работе. Доказательства правоты его версии становятся все сильнее. Поэтому эти темы обсуждаются все шире, хотя, как ни странно, пока вне первых полос исторических форумов англоязычных стран. Нынешнее обсуждение в Европе было стимулировано появлением первой книги Суворова в Польше и в России²⁷. Можно было представить себе популярность польского издания в посткоммунистической, вновь освобожденной Польше. Ведь Вторая мировая война — это центральное событие в новейшей истории Польши. Поляки были первыми и в конечном итоге наиболее несчастными жертвами советско-нацистского альянса с 1939 по 1941 год. Половина их довоенной территории была захвачена Сталиным, бесчисленные граждане Польши попали в сталинские и гитлеровские лагеря (наибольшей частью многих миллионов евреев, убитых в немецких лагерях смерти, были граждане Польши), с 1944 по 1989 год они были узниками тиранического режима, изобретенного Сталиным и его друзьями для них — и предназначенного для всех и каждого, кого Красная Армия смогла загнать в свой лагерь. То, что поляки обнаружили большой исторический интерес к своему самому продолжительному — в течение веков — традиционному мучителю, России, не удивит никого, кто знаком с историей Центральной и Восточной Европы.

Русское издание книги Суворова «Ледокол» 1992 года особенно важно для обсуждения судьбы его идей, так как оно явно помогло выдвинуть дискуссию о предполагаемом сталинском плане войны на центральное место исторического спора о Сталине и сталинизме в нынешней России.

Русское издание Суворова появилось только в 1992-м, и уже после этого в послесоветских исторических журналах появились три статьи на ту же тему. Ведущий журнал *«Отечественная история»* напечатал русский перевод статьи немецкого военного историка Йоахима Хоффмана «Подготовка Советским Союзом наступательной войны в 1941 г.»²⁸. Приблизительно в то же время появилась в *«Новой и новейшей истории»* вторая статья, «Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.»²⁹. Ее автор, генерал-полковник Ю.А. Горьков, рассмотрел план

под названием «Соображения по стратегическому развертыванию Вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», найденный некоторое время до этого в бывших советских архивах. Этот план, подготовленный в мае 1941 г. генералом армии (в будущем — маршалом) Г.К. Жуковым, был опубликован в краткой форме в падком на сенсации немецком журнале «Шпигель»³⁰.

Статья Хоффмана является исследованием, совершенно независимо от суворовского доказывающим, что Сталин собирался напасть на Запад в 1941 г. Она появилась впервые в 1991 г. в сборнике статей на немецком языке под названием «*Два пути на Москву*» [*Zwei Wege Nach Moskau. Vom Hitler-Stalin Pakt zum «Unternehmen Barbarossa»*]³¹. Профессор Городецкий был включен в тот же сборник, примостившись в печатной форме рядом с Хоффманом, с намерением опровергнуть Суворова (и усиливая впечатление того, что некоторые редакторы боятся, как бы историки, подозревающие Сталина в агрессивных намерениях, не остались бы одинокими и неоспоренными). Как ни странно, та же в сущности его статья, с некоторыми добавлениями, была опубликована двумя годами раньше в немецком историческом журнале *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. Там Городецкий очередной раз высказался о Суворове и так же запальчиво, как и в своих предыдущих нападках на него, взялся разгромить предположение Суворова о том, что у Сталина был наступательный план (на этот раз назвав его «новейшим, самым крайним и самым неточным описанием тех событий»)³². Но снова атака была направлена на русского эмигранта, а не на ближайшего соседа по сборнику Хоффмана, статья которого осталась неупомянутой.

Работа Хоффмана поддерживает многие открытия Суворова. Но Городецкий явно не видел ее, за исключением намного более ранней (1983) и менее законченной версии. Городецкий снова приходит к своим антисуворовским заключениям, не рассматривая никакие военно-исторические источники Хоффмана (в последней статье — в основном немецкие отчеты о допросах советских военнопленных) и также не критикуя военно-исторические источники, проци-

тированные Суворовым. Более того, Городецкий писал, явно не зная о давно опубликованных материалах кремлевских планов войны³³. Эти планы (которые, как было замечено выше, Суворов тоже пропустил), были с 1954 г. широко доступны на английском языке. Вместо этого Городецкий отверг саму идею того, что подобное мышление — не оборонительное — существовало в Кремле, отождествляя ее с идеями, которые были созданы (антисталинистами, следует полагать) «в разгар холодной войны»³⁴. И в той области, где новые исторические источники и сюрпризы появлялись почти ежедневно, он привел в поддержку своего последнего опровержения Суворова только материалы, опубликованные как минимум за два года до немецкой публикации «Двух путей на Москву». И, опираясь на такую непрочную базу, Городецкий тем не менее объявил «абсурдным» утверждение, что Сталин планировал наступление в западном направлении. Не заметив нескольких недавних сообщений, ставящих на основе советских источников под вопрос допущение, что политические намерения Сталина с 1939-го по 1941-й были добрыми и оборонительными, сообщений, предоставленных еще в 1989-м и в 1990-м советскими историками В.И. Дашичевым и М.И. Семирягой, Городецкий пришел к заключению (как читатель уже знает — неверному), что «совершенно нет свидетелей [дающих показания] о намерениях Сталина»³⁵.

Городецкий связал интерес к Суворову в Германии с попыткой снять вину с Германии. Он заявил, что популярность книги в Германии (в отличие от ее практической безвестности в Англии, Франции и, он мог бы добавить, в США) происходит из тайной поддержки ее неонацистами. На самом деле, если бы профессор Городецкий следил за солидной немецкой библиографией в этой области исследований, он знал бы, что немецкий исторический интерес к войне на Восточном фронте (и к Восточной Европе вообще, если судить по немецким академическим трудам на славянские темы — в отличие, скажем, от французских) многие годы был большим, чем где-либо в Европе — если не по каким другим, то по понятным географическим причинам. Итак, позиция Городецкого как историка очень

странна. От исследователя можно было бы ожидать скорее преданности идее открытого обмена мнениями, а не их замалчивания. Такую судьбу, постигшую англоязычные издания Суворова, Городецкий косвенным образом приветствует³⁶.

Статья генерал-полковника Горькова интересна тем, что он отрицает то, что план советского нападения на Запад мая 1941 г. (который он сам и публикует) был чем-то большим, чем просто планом контратаки, ввиду известных немецких приготовлений к нападению на Советский Союз. Подчеркивая оборонную суть советского плана войны, Горьков отрицает, что у Советов был и дополнительный план захвата территории после запланированного броска на запад — броска, успех которого завел бы их внутрь Германии, до Бреслау и Данцига.

Невозможно представить, чтобы этот дополнительный советский план не существовал. Как могли обе стороны оставить Красную Армию на ее позициях внутри Германии после таких первоначальных военных достижений — если бы жуковский план увенчался успехом? Осталась ли бы Красная Армия просто занимать большую часть Восточной Германии и того, что ранее было захваченной нацистами центральной или даже западной Польшей? Следовало ли Красной Армии после успешного продвижения на запад стойко держаться на новой линии обороны, ведя войну на истощение против немцев — войну, поддерживаемую огромными людскими и сырьевыми ресурсами Кремля, — до тех пор, пока внутренний фронт Германии не рухнет и Красная Армия снова не двинется на запад, на этот раз почти беспрепятственно?

Но и в том маловероятном случае, если бы Сталин имел в виду мир, а не международную революцию, Советам наверняка был бы нужен военно-политический план окончательного, оформленного переговорами отступления с фронта в центрально-восточной Европе к советским границам, после того как Гитлер будет разбит и воцарится мир. Красная Армия на могла просто так промаршировать несколько сотен миль внутрь хорошо вооруженной гитлеровской Германии, как предполагалось планом Жукова, а

потом вернуться на свои первоначальные позиции. Чего ради? Где-то, на каком-то уровне, должны были быть другие планы с каким-то политическим результатом успешного вторжения, предусмотренного планом, о котором сообщил Горьков.

Однако Горьков демонстрирует непонимание того, что обсуждаемый им военный план мог иметь какое-то отношение к кремлевским замыслам на то время, которое следует за предполагаемым успехом западной кампании. Он также предстает неосведомленным о склонности Сталина к политическому авантюризму, склонности, обсуждавшейся даже в советских исторических изданиях (и в других местах) российскими коллегами Горькова — Дашичевым и Семирягой (и некоторыми другими).

Статья Горькова 1993 года тем не менее важна, поскольку она, как и российское издание перевода статьи Хоффмана, выдвинула вопрос сталинских военных планов прямо в центр оживленных российских обсуждений ключевого периода советского прошлого. Работа Горькова касается и Суворова, и ряда публицистических статей в российской прессе о сталинских военных планах, и «круглого стола» на эту тему, проведенного в мае 1992 г. в Москве в Институте военной истории Министерства обороны Российской Федерации³⁷.

Третья статья, помещенная в № 1 *«Отечественной истории»* за 1994 год, тоже фокусируется на Суворове. Цель автора очевидна: изложить в основном мнения многочисленных немецких критиков Хоффмана и Суворова (игнорируя, как и почти все другие такие авторы, постсоветских историков, доказывающих агрессивные намерения Сталина). Но автор, А.И. Борозняк, тем не менее отмечает, что некоторые из критиков, как, например, профессор Фишер, утверждают, что вопрос не может быть решен, пока советские архивы, многие из которых и сегодня закрыты для независимых исследователей по очевидным политическим причинам, не будут тщательно исследованы³⁸. Недавно та же *«Отечественная история»* опубликовала несколько статей российских историков, которых пустили в архивы, открытые для независимых исследователей, в то время как

Центральный президентский архив недоступен. Суть находок трех из них состоит в том, что советская военная доктрина поощряла «империалистические» войны и что Сталин радикально изменил направление советской пропаганды зимой 1941 г. (когда Вальтер Ульбрихт сообщал немецким партийным товарищам новости о возможной поддержке Красной Армией революции на Западе): от осуждения всех «империалистических» войн на поддержку наступательной войны³⁹.

Обсуждение роли Сталина в развязывании войны идет сейчас и на Западе, и на Востоке, хотя некоторые историки полны решимости прервать это обсуждение, называя «абсурдным» оспаривание традиционного видения замыслов Сталина как миролюбивых. Обсуждение доводов Суворова и других исследователей об агрессивных планах Сталина должно в ближайшие годы помочь вернуть эту тему в главное русло мировых научных споров. Их место там — особенно учитывая склонность некоторых постсоветских историков, как и защитников Сталина на Западе, заранее отвергать его ответственность за несчастья Второй мировой войны.

Настало время добросовестных исторических дискуссий, основанных на открытом допуске к архивам и ведущих к честному пониманию советского прошлого и советской политики, приведшей СССР к катастрофе как на внутренней, так и на международной арене. Это особенно важно, если учитывать тенденцию нынешнего правительства России к военным решениям кризисов и к бессовестному использованию угроз — как в отношениях с более слабыми соседями, так даже и с Соединенными Штатами.

Перевод с английского Миши Шаули.

Примечания

¹ На книгу Суворова была написана краткая рецензия, вместе с рецензией на книгу Д. Уатта (см. в тексте и в сноске 2) и на другие книги того же времени, в *New York Review of Books*, 12 октября 1989, 11 — 16, отставным профессором Гордоном Крейгом из Стэнфордского университета. Но Крейг писал для американского читателя о немецком издании — английское тогда еще не вышло в свет. Крейг, который многие годы работал в области немецкой истории, но мало занимался совет-

скими или восточноевропейскими темами, как военными, так и другими, сталинского периода, посчитал аргументы Суворова недостаточными. Крейг выразил мнение, что если Сталин действительно собирался нападать в западном направлении в 1941-м, как считает Суворов, то западные военные атташе и дипломаты в Москве сообщили бы об этом. Он не нашел «никаких записей об этом в документах зарубежных посольств или в докладах их военных атташе». Даже если мы предположим, что Крейг перерыл документы и отчеты во многих относящихся к делу архивах, он должен был иметь в виду западные документы и отчеты, так как в 1989-м многие архивы бывшего Восточного блока не были еще открыты для западных и других независимых исследователей. Более того, исследователь, который работал с западными дипломатическими документами из Москвы, должен знать, что в параноидально скрытном государстве Сталина иностранные дипломаты и военные обозреватели не могли свободно передвигаться по Советскому Союзу, и особенно по его недавно оккупированным западным приграничным районам, чтобы проводить свои наблюдения. Многие западные дипломаты упоминали об этих огорчающих обстоятельствах в своих докладах. Поэтому этот аргумент против Суворова вряд ли действителен.

² Нью-Йорк, 1989.

³ См. *Ralf Georg Reuth, Goebbels* (перевод с немецкого, Нью-Йорк), запись в дневнике Геббельса от 16 июня 1941 г. В феврале 1945 г. Гитлер повторил, что Сталин собирался напасть в западном направлении. См. *Alan Bullock, Hitler and Stalin* (перевод с английского, Берлин, 1991), SS. 924 - 26, 939, 941.

⁴ Судя по всему, многие авторы воспользовались подвернувшейся коммерческой возможностью, представленной пятидесятилетним юбилеем войны в 1989-м, чтобы написать книги о 1939-м. Когда буря разглашений разразилась в начале 1988-го в СССР, а вскоре после этого в остальном Восточном блоке, они, видимо, не знали, что там происходит, либо были связаны договорами или другими обязательствами, заставлявшими их закончить работу к годовщине окончания войны (т.е. практически к 1989 г.). Новые материалы, жизненно важные для понимания истории возникновения войны, остались вне рассмотрения.

О руководителях западной дипломатии, ведущих кампанию веры в оборонительные намерения Сталина, см. *R.C.Raack, Stalin's drive to the West, 1938 — 1945. The Origins of the Cold War* (Stanford, 1955), 55, 89.

⁵ *Observer*, 5 мая 1990, 30. Книгу проигнорировали главные академические и специальные (занимающиеся славянскими исследованиями) журналы. В США были рецензии только в двух относительно малоизвестных военных журналах. В обоих случаях рецензенты отвергли доводы Суворова: один очень решительно (*The Journal of Soviet Military Studies*, 4[1991]:195 — 97); вторая рецензия была краткой, в *Air Force Magazine* 7[1991]:55. Рецензент *JSMS* написал, что германские военные документы не подтверждают выводы Суворова, согласно которым Советы были неподготовлены, и что Сталин отверг жуковский план предупреждающего удара. См. три сноски 26 — обсуждение работы немецкого

военного историка Иоахима Хоффмана, доводы которого частично поддерживают Суворова на основании тех же немецких источников. Смотри в тексте также обсуждение жуковского плана. В Британии книгу не рецензировали в двух наиболее важных академических журналах, специализирующихся на славянских исследованиях.

⁶ Игор Люкес в нескольких статьях успешно опроверг мнение о том, что Сталин хотел предоставить чехословакам серьезную военную помощь в 1938-м. См. статьи Люкеса «Желал ли Сталин войны в 1938? Новый взгляд на советское поведение во время майского и сентябрьского кризисов», *Diplomacy and Statecraft*, 2 (1991): 2 — 53; и «Benesch, Stalin und die Komintern 1938/1939. Vom Munchener Abkommen zum Hitler-Stalin Pakt», *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, Jg. 1993, Heft 3, 325 - 353.

⁷ Горбачев в «Правде», 3 ноября 1987 г. Далее следует небольшая, но представительная выборка работ как популярных, так и академических авторов, поддерживающих мнение об обороняющемся Сталине. Не все авторы согласны друг с другом по всем деталям вышеприведенной версии. Но суть, т.е. то, что намерения Сталина в 1939-м были оборонительными, присутствует везде, явно или намеком. См. *Winston S. Churchill*, «The Gathering Storm» in *The Second World War*, I (Boston, 1948), 391 — 94; Arnold J. and Veronica Toynbee, eds., «The Eve of War, 1939» *Survey of International Affairs* 10 (London, 1958): 23, 25, 504; A. J.P. Taylor, *The Origins of the Second World War* (New York, 1968), 163 - 64, 241, 261, 263, 267, 278; D.C. Watt, *How War Came. The Immediate Origins of the Second World War* (London, 1989), 112 — 113, 117 — 119, 369 — 370, 372 — 373; *Peter Calvocoressi, Guy Wint and John Pritchard*, *Total War. The Causes and Course of the Second World War* (second ed., Harmsworth, 1989), 71, 96 — 100, 106; *Hermann Graml*, *Europas Weg in den Krieg. Hitler und die Mächte 1939* (Munich, 1990), 251. Контрастируя с вышеприведенными авторами, James E. Macsherry (*Stalin, Hitler and Europe. The Origins of World War II, 1933 — 1939*, vol. II (Cleveland, 1970)) уделил должное внимание советским источникам, существовавшим во время, когда он писал, но тем не менее оптимистично заключил (задолго до недавнего открытия источников и архивов бывшего Восточного блока), что «сравнительно легко сформулировать ясную картину советской зарубежной политики в 1938-м и 1939-м». Еще недавно наличие оборонительных намерений Сталина в 1939-м представлялось как неоспоримое Джонатаном Гасламом: *Jonathan Haslam*, *Soviet Foreign Policy, 1939 — 1941: Isolation and Expansion*, *Soviet Union* 18 (1991): 106.

⁸ См. мою статью «Stalin's Plans for World War II» in *Journal of Contemporary History*, 26 (1991): 215 — 27.

⁹ Доклад Вальтера Ульбрихта в архиве *Stiftung der Parteien und Massenorganisationen der DDR im Bundesarchiv* (Berlin), *Wilhelm Pieck Nachlass* 36/528: «Politischer Informationsabend am 21.2. 1941». Пик также отметил, что Ульбрихт непосредственно перед этим выступил в Президиуме Исполкома Коминтерна. См. также «Did Stalin Plan a

Drang nach Westen?» in *World Affairs*, 155 (1992), 13 — 22; особенно важно — «Послесловие», 22.

¹⁰ Читатель помнит, вероятно, что в феврале 1941-го, когда Ульбрихт это рассказывал, Советы были вовлечены в несколько необъявленных войн, связанных с общей европейской войной, формально объявленной Британией и Францией после вторжения Германии в Польшу в сентябре 1939-го. У Советов было несколько серьезных схваток с Японией на границе Маньчжурии в конце лета 1939-го. Они вторглись в Польшу в конце лета — начале осени того же года, в сотрудничестве с Гитлером, потом сделали то же в Финляндии без его помощи. Через несколько месяцев они военной угрозой присоединили страны Балтии и румынские провинции Бессарабию и Северную Буковину к Советскому Союзу. Но слишком многие историки, часто видящие события от 1938-го до 1945-го исключительно через очки, изготовленные в Западной Европе и в США, проглядели связь между советским авантюризмом на востоке и германской войной на гораздо более знакомом им западе Европы.

¹¹ Наиболее доступным из нескольких сообщений, если читатель не понимает литовский язык, является свидетельство бывшего министра иностранных дел Литвы Винкаса Креве-Мицкевичуса, переведенное на английский в U.S. Congress, House of Representatives, Select Committee on Communist Aggression, Third Interim Report (Washington, D.C., 1954), 340 — 45, 451 — 63. J. Эдгар Гувер предоставил явно независимое сообщение о нем же от одного из «высших русских источников», А.А. Берлу 17 июня 1940 г. в United States National Archives, M982, R25. См. также Grigoriï A. Tokaev, *Stalin Means War* (London, 1951), chapter 2, passim.

¹² Вероятнее всего — с первых же дней большевистской власти в России, поскольку этот план в общем дублирует недавно опубликованную ленинскую идею войны против Польши: В.И. Ленин, «Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать», *Исторический архив*, № 1/1992, 12 — 30; см. также Joachim Hoffmann, *Stalins Vernichtungskrieg, 1941 — 1945* (Munich, 1995), 18.

¹³ См. R. C. Raack, «Stalin's Plans for World War II», passim, и того же автора «Stalin's Plans for World War II Told by a High Comintern Source», *The Historical Journal* 38 (1995).

¹⁴ В.И. Семидетко. Истоки поражения в Белоруссии, № 4/1989, 1 — 30.

¹⁵ С.А. Горлов в «Новом времени», № 8/1991, 38 — 39 и В.В. Соколов, «Дипломатический ход во имя мира», *Вестник Министерства иностранных дел СССР*; №20/1990, 57 — 58.

¹⁶ Gabriel Gorodetsky, «Was Stalin Planning to Attack Hitler in June 1941», *RUSI Journal* (June 1986): 71 - 72.

¹⁷ Датировано 18 июня 1941-го, найдено в Archiv ministerstva zahranicnich veci' в Праге, дело 4 — 70 — 114.

¹⁸ Joachim Hoffmann, «Die Angriffsvorbereitungen der Sowjetunion 1941» in Bernd Wegner, ed., *Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt bis zum «Unternehmen Barbarossa»* (Munich 1991), 367 — 388.

¹⁹ *Viktor Suvorov*, «Who was Planning to Attack Whom in June 1941, Hitler or Stalin?» *RUSI Journal*, (June 1985): 50 — 55; *Gorodetsky*, *ibid.*, June 1986, 69 — 72; и снова, *Suvorov*, «Yes, Stalin Was Planning to Attack Hitler in June 1941», *ibid.*, 73 — 74.

²⁰ На конференции в итальянском курорте Белладжio, посвященной годовщине немецкого нападения, как минимум четыре историка коснулись непосредственно этой темы, но только двое говорили о плане сталинского нападения на запад — и оба отвергли эту идею. Немец Герд Юбершар (*Gerd Ueberschar*) говорил о «Hitler's Decision to Attack the Soviet Union in Recent German Historiography» (опубликовано в *Soviet Union* 18 [1991]: 297 — 316). Он цитировал статьи Суворова в журнале *RUSI*, книгу Суворова и Хоффмана (о последней — см. сноску 18) и критиковал доводы обоих. Доклад Александра Даллина (*Alexander Dallin*) назывался «Сталин и немецкое вторжение» (напечатано в том же номере *Soviet Union* 18, 19 — 37). Даллин заметил, что «мнение о возможном советском нападении на Германию в 1941-м (или в 1942-м) абсурдно... полностью несостоятельная гипотеза» (там же, 20). Он цитирует статьи Суворова, но не книгу и не статью Хоффмана. Даллин назвал статью Городецкого в сборнике Вегнера (см. сноску 21) «мастерским опровержением» (там же). Он ничего не сказал об аргументах и доказательствах в пользу его утверждения. Карл Дрекслер (*Karl Drechsler*), историк из бывшей Восточной Германии, в докладе «Germany and its Al lies and the War against the Soviet Union, 1940 — 1942» (там же, 39 — 58) не обращался к этой проблеме, явно важной для темы его работы. Так же поступил и британский ученый Джонатан Гаслам (см. сноску 7).

²¹ *Gabriel Gorodetsky*, «Stalin und Hitlers Angriff auf die Sowjetunion», in Wegner, 347 — 366.

²² Stuttgart, 1989.

²³ Fischer in *Das historisch-politische Buch*, 1989, 117; Gillessen in «Politische Bücher», *FAZ*, 27 April 1989.

²⁴ См. обсуждение у Charles S. Maier, *The Unmastered Past* (Cambridge, Mass., 1988).

²⁵ В книге Ernst Topitsch, *Stalin's War: A Radical New Theory on the Origins of the Second World War* (перевод с немецкого, Лондон, 1984), содержащей ранние версии тезисов, похожих на суворовские, нет исследовательского материала, основанного на военной документации или на других источниках, могущих убедить автора этих строк в том, что в ней представлено нечто большее, чем гипотеза.

²⁶ Очевидная самоцензура немецких историков, пишущих по этому предмету, и вредящая историческим исследованиям, описана Гюнтером Гиллессеном в рецензии на книгу Йоахима Хоффмана «*Сталинская война на уничтожение*» (см. сноску 12) как «связанная с политическими интересами и проявляющаяся в добровольном отрицании профессиональных знаний».

²⁷ *Lodolamacz* (Варшава, 1991) и «*Ледокол*» (Москва, 1992).

²⁸ В номере 4/1993, 19 — 31, опубликован перевод с немецкого этой статьи из Вегнера, 367 — 388.

²⁹ В номере 3/1993, 29 — 45. К той же теме относится и опубликованный в ВИЖ («Планировал ли Сталин войну против Гитлера?») 6/1991, 26 — 33) отрывок из книги 1970 года двух немецких авторов, писавших в те времена, когда еще не были известны важные материалы, и отвергавших версию о том, что Гитлер был вынужден начать превентивную войну. Мне показалось, что редакторы журнала очень хотели опубликовать все, что только угодно, опровергающее этот взгляд.

³⁰ «Schukows Angriffsplan», *Der Spiegel*, 24/ 1991, 148

³¹ См. сноску 15. Недавно сборник вышел на английском.

³² Сборник Вегнера, сноска 1. Городецкий также нападает в том же сборнике Вегнера на статью Гоффмана с 1983 г. («Der Rote Armee bis Kriegsbeginn 1941», в сборнике Хорста Боога и др., *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, IV [Stuttgart, 1983], 56 — 75*) как «не имеющую существенных доказательств».

³³ См. сноску 11.

³⁴ Статья Городецкого под заголовком, сходным с появившимся в сборнике Вегнера, «Stalin und Hitlers Angriff auf die Sowjetunion. Eine Auseinandersetzung mit der Legende vom deutschen Praeventivschlag», in *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, Jg. 37 (1989): 645 — 72. Приписывание Городецким вины на основании хронологической общности — в сборнике Вегнера, сноска 13.

³⁵ *V. I. Dashichev*, «Der Pakt der beiden Banditen», и «Stalin hat den Krieg gewollt», в *Rheinischer Merkur/Christ und Welt*, 21 и 28 апреля 1989; и М.И. Семиряга, «17 сентября 1939 года», *Советское славяноведение*, 5 (1990): 14, и «Советский Союз и предвоенный политический кризис», *Вопросы истории* 9 (1990): 54 — 61. Два известных американских специалиста, Роберт Конквест (Robert Conquest) и Роберт Такер (Robert C. Tucker), также скептически относившиеся к предполагаемым оборонительным планам Сталина, подверглись, как и Хоффман, резкой атаке в статье из журнала (стр. 646, сноска 3, стр. 658, сноска 40). Городецкий заявляет, что мнение о том, что у Сталина были экспансионистские планы и что он собирался захватить Центральную и Восточную Европу, давно устарело (сборник Вегнера, стр. 363, сноска 13). В 1977 г. Такер высказал мнение, что сталинские территориальные планы международного большевизма восходят к Ленину. См. «The Emergence of Stalin's Foreign Policy», in *Slavic Review*, 36 [1977]: 588 — 589.

³⁶ В статье, напечатанной в журнале (сноска 34, стр. 645 — 648), Городецкий явно радуется неизвестности Суворова в англоязычных странах (стр. 646); Городецкий возмутительным образом связывает популярность Суворова с «ревизионистской» частью участников «битвы историков» в Германии (там же, 645 — 646). Кажется совершенно очевидным, что историки должны добывать факты, письменно излагать их и критически рассматривать основанные на них аргументы, не приписывая «политически некорректные» мотивы тем, с кем они интеллектуально несогласны.

³⁷ Горьков, стр. 29.

³⁸ «22 июня 1941 года: взгляд с той стороны», в номере 1/1994, 148 — 156. Автор Борозняк, открыто восторгающийся тем, что немцы (как минимум — некоторые) так хотят оправдать Сталина (и русских), явно не понимает, что некоторые немецкие критики идеи превентивной войны Гитлера грешат той же роковой ошибкой, что и американские историки-«ревизионисты», пишущие о холодной войне: они пытаются разгадать замыслы Сталина, изучая исключительно собственные архивы. Но это очевидно порочный метод, хотя его неизбежно ущербные результаты не помешали их издателям продать много книг.

³⁹ См. в номере 1/1995, *Л.Н. Нежинский и И.А. Чельшев*, «О доктринальных основах советской внешней политики в годы холодной войны», 3 — 27, и в номере 2/1995, *В.А. Невежин*, «Речь Сталина 5 мая 1941 года и апология наступательной войны», 54 — 69, и *М.И. Мельтюхов*, «Идеологические документы мая-июня 1941 года о событиях Второй мировой войны», 70 — 85.

КАК Г. ГОРОДЕЦКИЙ ОПРОВЕРГАЕТ
В. СУВОРОВА, ИЛИ РЕМЕЙК
«ФАЛЬСИФИКАТОРОВ ИСТОРИИ» (1948 Г.)

1. «ЖИЗНЕННО ВАЖНАЯ ЗАДАЧА»

Книга израильского историка Г. Городецкого «Миф «Ледокола»¹ привлекла мое внимание в связи с работой над тематикой советско-германского пакта о ненападении 1939 года. Представляющая, по словам автора, «венiec» его пятнадцатилетних усилий по изучению международных отношений 1939 — 1941 годов (с. 4)². С посулом сказать нетривиальное слово в историографии Второй мировой войны. И — что примечательно: описываемые события рассматриваются под углом внешней политики Советского Союза, но фактическую основу книги составляют британские архивные материалы и литература. При заметном дефиците источников советского и постсоветского времени, даже официальных изданий документов.

Освещение вопросов, образующих тематику советско-германского пакта — предмета моего исследовательского интереса, сужено в «Мифе «Ледокола» до предела, как это практиковалось в советской историографии. Приходится напомнить о фактах и документах, опущенных его автором.

¹Наджафов Джахангир Гусейн-Оглы — ведущий научный сотрудник-консультант Института всеобщей истории Российской академии наук.

Странности «Мифа «Ледокола»³ обусловлены его предназначением обосновать особое историческое видение Второй мировой войны. Отвергая идею книги «Ледокол» В. Суворова — о том, что сталинский Советский Союз рассчитывал воспользоваться антизападным агрессивным потенциалом Германии для подрыва европейского капитализма⁴, Г. Городецкий поспешно, без должного внимания к причинно-следственным связям событий, переходит к своеобразно трактуемым обстоятельствам нападения гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. За отдельными «действительными событиями», которыми он оперирует, не видно глобальных явлений, исчезает исторический процесс как таковой.

Г. Городецкий старается добиться своего двояким образом:

Во-первых, игнорированием предпосылок и глубинных причин всеобщего конфликта на том основании, что это уводит «далеко в сторону от действительных событий, приведших к войне на Востоке» (с. 13). Поиск исторической истины в рамках дипломатического аспекта темы противопоставляется кропотливой работе над выявлением «теоретических основ и идеологических корней» мировой войны (там же), составной частью которой являлся Восточный фронт. Такой работе, на которую решился В. Суворов. Вообще все изложение строится на антитезе войн мировой и советско-германской. В результате фактически реанимируется официальная советская концепция, сводящая суть мировой войны по преимуществу к силовому противостоянию между социализмом и капитализмом.

Во-вторых, утверждением, что в критический период развязывания мировой войны единственной заботой сталинского руководства было «защитить российскую революцию» (с. 47). И.В. Сталину приписывается сомнительная честь проводника такой внешней политики, которая «*была продиктована национальными интересами, а не принципами или моральными факторами, подобно политике его западных партнеров*» (с. 57. *Курсив мой.*). Предпочтение, отданное внешнеполитическому курсу сталинского Советского Союза, подкрепляется сомнениями, что западный лозунг

«уничтожения нацизма» отражал подлинные цели Англии в войне (с. 86). Напоминает характеристику этого лозунга как «преступной глупости», озвученную В.М. Молотовым в годы советско-германского сотрудничества⁵. Хотя позже Советский Союз присоединился к Атлантической хартии Ф. Рузвельта — У. Черчилля от 14 августа 1941 года с ее требованием «окончательного уничтожения нацистской тирании»⁶. Возникает и вопрос: а можно ли было эффективно отстаивать национальные интересы Советского Союза, отбросив и принципы, и мораль?

В авторской схеме товарищу Сталину отводится роль статиста на этапе как подготовки, так и развязывания всеобщего вооруженного конфликта. Рассмотрение системы мировых координат сталинского руководства подмечено смелым утверждением, что «с самого начала советская внешняя политика характеризовалась постепенным, но последовательным переходом от откровенной враждебности по отношению к капиталистическим странам к мирному сосуществованию с ними, основанному на взаимной выгоде» (с. 33. *Курсив мой.*). В таком случае неясно, почему советские руководители через двадцать с лишним лет после Октябрьской революции продолжали считать себя во «враждебном капиталистическом окружении» и почему внешний мир не замечал этой трансформации, по-прежнему видя в СССР угрозу для себя. Неясно также, как расценивать такие ленинско-сталинские определения, служившие для характеристики места и роли Советского государства в системе международных отношений, как несовместимость длительного сосуществования «двух систем» и закономерность перманентного обострения «идеологической борьбы» между ними. Будто не было нараставшего десятилетиями тотального противоборства советского социализма и западной демократии, достигшего своего апогея в холодной войне и приведшего к развалу советской коммунистической империи и краху самого СССР⁷.

Не удивительно, что Г. Городецкий не ограничивается провозглашенной целью — опровержением (как ему кажется) «Ледокола» В. Суворова. Израильский историк ос-

паривает — а это он подчеркивает то и дело — ключевые положения в работах «большинства историков», еще чаще — всех «других историков» (с. 3, 12, 45, 50 — 51, 94, 98 и др.). Поэтому в истолковании политико-дипломатических событий кануна мировой войны чаще всего В. Суворов оказывается вместе с «другими историками», а Г. Городецкий — против.

Неприятие автора «Мифа «Ледокола» вызывают труды российских историков, которые в последние годы уделяли большое внимание проблеме происхождения Второй мировой войны и ее начальному этапу. Однако, полагает он, это привело лишь к тому, что «бывшие «белые пятна» ныне заполняются набором лжи, тенденциозными подборками фактов, которые общественность склонна принимать за истину» (с. 3). Посему Г. Городецкий счел «своей жизненно важной задачей» дать такое описание критических событий 1939 — 1941 годов, чтобы российский читатель получил «возможность сориентироваться во всем разнообразии фактов прошлого, увидеть их именно такими, какими они были...» (с. 4. *Курсив мой.*). Все это, заметьте, — о периоде горбачевской перестройки и первых лет существования демократической России, когда отечественные ученые получили возможность переосмыслить наследие историографии, десятилетиями принуждаемой обслуживать нужды тоталитарной системы.

Свое видение наступивших в нашей стране судьбоносных перемен — для израильского историка это «смутное время» — он подкрепляет рекомендацией не отказываться от «советского периода», не противопоставлять историческому опыту Советского Союза архаику дореволюционной России (с. 18). Он также призывает наших историков не тревожить память погибших в войне с нацистской Германией, закрыть до поры до времени (не уточняется, до какого) тему советской внешней политики рассматриваемого периода (с. 3). Себе в этом занятии, как видим, Г. Городецкий не отказывает. Такое понимание им предназначения своей книги плохо согласуется с провозглашаемой готовностью руководствоваться принципом объективности, а не политическими или идеологическими интересами.

Таким образом, «Миф «Ледокола» задуман и осуществлен в расчете на российского читателя. Участниками действия оказываются, с одной стороны, наша общественность, склонная принимать за истину «набор лжи» и «тенденциозно подобранные факты», с другой — историк-просветитель, гуру в своей области.

В то же время обилие нестыковок, неувязок текста книги оставляет стойкое впечатление английского *Wishful Thinking*: формирование представлений исходя не из объективного анализа, а в соответствии со своими предпочтениями. Перед нами, в лучшем случае, версия англо-советских отношений, то есть фрагмент международных отношений 1939 — 1941 годов — вне многообразия исторического процесса.

Как бы то ни было, «Миф «Ледокола» не произвел эффекта, на который рассчитывал его автор. Не раз приходилось слышать и читать мнения о том, что книга израильского историка никак не является опровержением «Ледокола» В. Суворова. Чтобы опровергнуть его труд, говорит один из коллег-историков, следует доказать несостоятельность сотен и сотен приводимых им фактов. По некоторым свидетельствам, в один из своих приездов в Москву Г. Городецкий выражал недовольство тем, как распространяется его книга — не так широко, как работа В. Суворова. Видимо, поэтому он продолжил свою критику, переиздав под другим названием фактически тот же опус, что не добавило убедительности его позиции. Более того, странности первой книги перекочевали во вторую⁸.

Наконец — *самое поразительное*. Представьте, в «Мифе «Ледокола» откровенно отстаиваются положения брошюры «Фальсификаторы истории» 1948 года — памятного пропагандистского продукта разгоравшейся холодной войны⁹. Положения о сугубо оборонительной предвоенной внешней политике Советского Союза, о его неизменной приверженности коллективной безопасности, о западной политике провокационного натравливания Германии на Советский Союз, о двойной игре западных держав на англо-франко-советских переговорах, о международной изоляции СССР в преддверии мировой войны, вынудившей

его пойти на пакт о ненападении с нацистской Германией и т.п. Перед нами печатное наследие официального издания, на долгие годы навязавшего советским историкам сталинские внешнеполитические установки. Так Г. Городецкий реализует свой призыв не отказываться от «советского периода».

Но удалось ли ему обличить автора «Ледокола» и в то же время опровергнуть работы «других историков»? Подкрепить тезисы подконтрольной властям советской историографии о роли СССР накануне и с началом Второй мировой войны? Каков итог вызова, брошенного практически всему сообществу историков, с претензией на пересмотр устоявшейся в мировой историографии критической версии предвоенной внешней политики сталинского Советского Союза — критической за ее роль в развязывании мировой войны? И не этим ли объясняются оригинальные приемы и стиль, используемые в «Мифе «Ледокола»?

2. «НЕВЕЖЕСТВЕННЫЙ» В. СУВОРОВ

Г. Городецкий, именующийся историком-профессионалом, позволяет себе вызывающие недоумение обвинения в адрес В. Суворова и его книги.

Исходя из собственных представлений о критериях научности, он характеризует В. Суворова как автора «нелепых», «невежественных писаний»; не серьезного историка, а «любителя» и «разведчика», проявляющего «неразборчивость в средствах»; автора, «вольное обращение» которого с источниками «стало его товарным знаком», не отягощающего себя доказательствами, прибегающего к «неуклюжим доводам», «абсурдным» и «абсолютно смехотворным» утверждениям; «невозвращенца», «перебежчика», «предателя», «мелкой сошки» в ГРУ, морально нечистоплотной личности и т.п. (с. 4, 9, 13, 14, 15, 20, 21, 34, 48, 71 и др.).

В. Суворов, пользующийся исключительно открытыми материалами, обвиняется в том, что он пишет в «процветающем жанре заговорщицкой психологии» (с. 15). В из-

ложении Г. Городецкого, это связано с переходом России от тоталитаризма к демократии, когда «теория заговора, будучи исключительно привлекательной для обывателей, пропагандирует мифы, преднамеренно и настойчиво скрывает истину, упрощая сложные ситуации» (там же). По этой классификации советско-германский пакт попал в разряд «основополагающих мифов»¹⁰ (там же). Однако, как представляется, обвинение в «заговорщицкой психологии» всего лишь предлог, чтобы уйти от рассмотрения такого вопроса, как международная стратегия сталинского Советского Союза, запрограммированная его социально-политическим строем.

Книге В. Суворова приписывается негативное воздействие на националистические чувства, в частности потакание польскому национализму и даже реабилитация нацизма (с. 8 — 9). Мало того, ее цели, оказывается, состояли «прежде всего» в том, чтобы «подорвать процесс разрядки» (с. 9), «разжечь «военный психоз» и предостеречь общественное мнение Запада от возобновления разрядки» (с. 15). Значит ли это, что В. Суворову удалось «подорвать» международную разрядку, а затем переключиться на то, чтобы помешать ее «возобновлению»?!

Несмотря на обещание во введении больше не «скрещивать с Суворовым шпаги», а «лишь дать альтернативную интерпретацию событий» (с. 28), постоянным, вплоть до заключения, упоминанием его имени Г. Городецкий обогатил свой инструментарий исследователя: дискредитированное имя призвано служить окончательным, исчерпывающим аргументом в системе его доказательств.

Время уничижительных оценок личности В. Суворова и его книги довлеет над израильским историком. Иначе не понять, почему он прибегает к приемам, не принятым в научной среде. Сразу о двух примерах такого рода можно прочитать на одной и той же странице раздела «Полемика», открывающего его книгу.

Г. Городецкий пишет: «Утверждение о том, что нацистская Германия «имеет больше оснований считаться нейтральной в 1939 — 1940 годах», является абсурдным» (с. 10). Открываем указанную им 48-ю страницу «Ледокола»

В. Суворова, на которой приводится аргумент — *в ряду других* — против официального тезиса о советском нейтралитете в эти годы. Когда угрозами и насилием — совместное с Германией нападение на Польшу, «зимняя война» с Финляндией, ультиматумы странам Прибалтики и Румынии — Советский Союз присоединил к себе ряд государств и территорий вдоль своих западных границ.

В этот так называемый предвоенный период, читаем у В. Суворова, Красная Армия понесла в сражениях больше потерь, чем германская армия в боях на западе Европы. Что и послужило для него основанием заключить: «Если судить по потерям, то Германия имела больше оснований считаться нейтральной в 1939 — 1940 годах». Критиком В. Суворова опущены слова, выделенные мною курсивом.

Намеренно ли, нет — не важно — так Г. Городецкий избегает постановки вопроса, может ли Советский Союз, учитывая его партнерство с нацистской Германией в 1939 — 1941 годы и его же военно-силовые акции против стран-соседей, считаться нейтральной страной. Для В. Суворова, как и для «других историков», это — значимые события, вписанные в анналы мировой войны. Для израильского историка, ратующего за то, чтобы уделять первостепенное внимание «действительным событиям», такого вопроса не существует.

Второй пример: «Также безосновательно заявление, что глава советской военной разведки генерал Голиков не был наказан Сталиным за принижение данных о наращивании германских вооруженных сил 21 июня, так как он докладывал Сталину правду. Гитлер действительно к войне против Советского Союза не готовился». Снова не так. У В. Суворова на странице 312-й (на нее ссылается Г. Городецкий) *нет никакого упоминания* 21 июня. Там имеется в виду более ранний период, когда советская разведка старалась судить о приготовлениях к войне против Советского Союза по тому, готовится ли германская армия к военной кампании в условиях русской зимы: запасаются ли немцы зимней экипировкой и проводят ли соответствующую военно-техническую подготовку.

В свете данного обвинения против В. Суворова забавно читать в «Мифе «Ледокола» комментарий автора к распоряжению Гитлера в июле 1940 года о подготовке нападения на СССР. Ссылаясь на то, что это распоряжение было устным, он делает вывод: «Нападение на Россию не следует таким образом считать заранее решенным вопросом из-за того, что оно состоялось» (с. 98). Читателю явно навязывается мысль, что все дело было в складывавшихся (непонятно как) обстоятельствах: и гитлеровское нападение на Советский Союз могло не состояться, и даже конфигурация участников мировой войны могла выглядеть по-другому. Для этого используются формулировки типа: «запутанная международная обстановка» (с. 22), Лондон и Москва — «потенциальные враги» (гл. 4), «загадка» решения Гитлера напасть на Советский Союз (с. 94), нет «конкретных доказательств связи» между идеологией и политикой Гитлера и Сталина (с. 94), историки «недооценивают сложности стратегического и политического положения» (с. 98) и т.п.

В поисках доказательств Г. Городецкий ставит под сомнение полноценность книги В. Суворова на том основании, что в ней использованы исключительно открытые, доступные всем источники (с. 14, 17, 28, 116). Но следовало бы воздать должное тому, кому удалось переработать такой массив исторического материала, что критики-завистники «Ледокола» выражают сомнение в способности одного человека проделать столь замечательную работу. Разве что, говорят они, ему это удалось с помощью людей из служб английской разведки. Книга В. Суворова наглядно доказывает, что никакие архивные материалы, при всей их ценности, не могут отменить уже состоявшиеся исторические события, как и их преломление в официальных документах своего времени. Между тем тексту «Мифа «Ледокола» как раз недостает таких документов, чтобы, выражаясь языком его автора, увидеть описываемые им события «именно такими, какими они были» и «не судить о них с позиций сегодняшнего дня» (с. 4, 12).

Г. Городецкий противопоставляет книге В. Суворова свое повествование как основанное на многих источниках, особо подчеркивая значение архивных документов. В од-

ной из антисуворовских статей он пишет, что «тщательно» изучил материалы важнейших российских архивов: МИДа, Генерального штаба, Разведывательного управления и Архива Президента Российской Федерации¹¹. Мне, которому не раз отказывали в доступе к секретным архивным материалам, верится с трудом. Летом 2005 г., будучи в Департаменте по обеспечению деятельности Архива Президента Российской Федерации (чтобы узнать об ответе на свой запрос), при упоминании имени Г. Городецкого было заявлено, что он никогда в их архиве не работал.

Еще об одном *весьма и весьма странном* утверждении израильского историка. В его интерпретации, В. Суворов «изобразил Советский Союз не жертвой, а виновником войны», утверждая, что «в июне 1941 года Сталин был готов к неожиданному нападению на нацистскую Германию, а Гитлер лишь опередил его» (с. 7). Налицо подмена одного вопроса — об ответственности за Вторую мировую войну другим — об обстоятельствах нападения гитлеровской Германии на СССР. Поразительно, как критики В. Суворова в упор не видят основного смысла его книги, подменяя вопрос о концепции книги, отраженной в расширении названия книги — «Кто развязал Вторую мировую войну?», *вторичным, производным* от первого вопросом — готовил ли Сталин нападение на Гитлера в июне 1941 г. То же самое с продолжением «Ледокола» — книгой «День «М», с подзаголовком «Когда началась Вторая мировая война». Суть обеих книг — в доказательстве того, что Сталин, как и Гитлер, также несет ответственность за развязывание мировой войны. Тут можно спорить лишь о мере вины каждого из диктаторов. У Сталина была подсобная, по сравнению с Гитлером, роль. Роль подстрекательская, провокационная, что сам Сталин, как мы увидим далее, ставил себе в заслугу.

Несомненно: начало мировой войны в сентябре 1939 года и нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года — события взаимосвязанные: не было бы мировой войны, не было бы и гитлеровского нападения. Но повторюсь: главная мысль ««Ледокола» (как и его продолжения «День «М») в том, что свою долю ответственности за

мировую войну несет и сталинский Советский Союз. Мне лично спор с В. Суворовым его критиков представляется малопродуктивным, так как он сводится к срокам начала войны СССР с Германией — в 1941 году или несколько позже. И никто не оспаривает, что нападение, опережая врага, — лучшее средство обороны.

Думается, не имеет смысла перечислять все странности «Мифа «Ледокола». Они обусловлены самой целью его автора, иным способом недостижимой. Отметим далее лишь те исторические сюжеты, когда то, что можно было бы счесть за банальную ошибку (с кем этого не бывает), используется автором в качестве аргумента для обоснования своей правоты.

3. «РОССИЯ В ОСАДЕ»

Сталинские тезы брошюры «Фальсификаторов истории» нашли наглядное продолжение в трактовке Г. Горюшевым предвоенного курса советской внешней политики. Содержание раздела его книги «Россия в осаде» (с. 45 — 47), где это преподносится наиболее выпукло, плотно перекликается с третьей главой брошюры «Изоляция Советского Союза. Советско-немецкий пакт о ненападении»¹².

Ставшие доступными для исследователей материалы архивного фонда Сталина подтвердили, что он был одновременно заказчиком, соавтором и редактором «Фальсификаторов истории». Его рукой внесены вставки, наиболее показательная из которых — оправдывающая заключение пакта с Гитлером враждебностью стран демократического Запада¹³.

Как известно, брошюра эта была подготовлена в противовес западной публикации архивных документов германского МИДа под названием «Нацистско-советские отношения в 1939 — 1941 годы», чтобы опровергнуть вытекавшее из этих документов заключение о том, что пакт о ненападении между Германией и СССР имел антизападную направленность¹⁴. О правдивости брошюры можно судить по тому факту, что в ней нет и намека на подписанный одновременно с пактом секретный дополнительный

протокол, раскрывающий подоплеку советско-германской договоренности. (Г. Городецкий по-своему обходит этот неприемлемый для его исторического построения момент, но об этом позже.) Недаром после смерти Сталина мало кто из советских историков решался сослаться на «Фальсификаторов истории». Г. Городецкий, наоборот, воспользовался сталинскими наработками, забыв об обещании сказать нечто свежее о политике «кремлевского горца».

Отсюда положения «Мифа «Ледокола» о строго оборонительном характере внешней политики Советского Союза, когда даже призывы к революционной войне «имели исключительно оборонительное звучание» (с. 15, 25, 95), о следовании сталинским руководством национальным интересам страны (с. 19), об угрозе, исходившей для Советского Союза от всех без исключения капиталистических государств (с. 46 — 47), о том, что, заключив пакт с Гитлером, «Сталин сделал выбор в пользу меньшего из двух зол» (с. 61) и т.д. и т.н. Все это прикрывается абсолютно ничем не обоснованным посылом, что восстановление всей правды о Второй мировой войне, включая раскрытие далеко не однозначной роли предвоенной сталинской внешней политики, якобы ведет к обелению германского нацизма и его агрессии.

Как же доказываются (и доказываются ли) старые как мир положения из «Фальсификаторов истории»? Или — скажем по-иному: почему Г. Городецкий, в отличие от «других историков», полагает, что «советская политика ни в коей мере не определялась экспансионистскими соображениями» (с. 46)? Почему он отказывает сталинскому Советскому Союзу в праве на активную, наступательную антикапиталистическую стратегию?

В упомянутом разделе «Россия в осаде» читаем: «Ясная и последовательная, с небольшими тактическими отклонениями, политика строилась на осознании потенциальной опасности, исходящей *от всего капиталистического мира*, будь то фашистская Германия или западные демократии. Стремясь в отношениях с державами к балансу, столь чуждому для марксистской теории, отвергающей идею поддержки одной капиталистической державы про-

тив другой, Сталин стремился защитить российскую революцию. Вначале сотрудничая с Веймарской Германией, а с приходом к власти Гитлера — через коллективную безопасность» (с. 46 — 47. *Курсив мой.*).

В самом деле Сталину не откажешь в определенности его предвоенной внешней политики, поистине «ясной и последовательной», но — в проведении экспансионистского классово-имперского курса. Да, ему были одинаково чужды и «агрессивные державы», и «так называемые демократические государства» (пользуясь определениями из «Краткого курса истории ВКП (б)», повторенными в докладе Сталина на партийном съезде в марте 1939 года). Вот почему упоминаемая автором марксистская теория, которая видела в «межимпериалистических противоречиях» причину мировых войн, исключала длительную ориентацию на какую-либо из формировавшихся с середины 1930-х годов враждующих группировок — фашистско-милитаристской государств Оси и государств демократического Запада. В попеременном участии Советского Союза в ходе мировой войны в обеих капиталистических коалициях Г. Городецкий, видимо, и видит проявление «стремления в отношениях с державами к балансу». Но советские руководители усматривали в таком «балансировании» проявление «мудрой сталинской внешней политики», благодаря которой, по их словам, удалось как в предвоенные, так и в военные годы «правильно использовать противоречия внутри лагеря империализма»¹⁵.

Проводимое автором «Мифа «Ледокола» разграничение международных отношений — мировой капитализм против революционной России, не мешает ему, вопреки логике, отрицать наличие классовых мотивов в политике сталинского руководства. Отмежевываясь от «других историков», он считает излишним, как уже говорилось, заниматься поисками глубинных, в том числе классовых, причин советско-германского конфликта. Но в чем же состоит задача историка, как не в том, чтобы всесторонне исследовать круг вопросов избранной темы? Разумеется, и ее контекст, охватывающий и «теоретические основы», и «идеологические корни» политики государств, решившихся на

войну друг с другом. И можно ли квалифицированно судить о советской внешней политике, отвлекаясь от вполне определенных доктринерских основ этой политики, обусловленных коммунистической идеологией, а тем более игнорируя тоталитарную сущность советской системы? Можно ли вообще представить себе работу, в которой методология изучения прошлого свободна от тех или иных общих рамок такого изучения, раскрывающих замысел работы? Автор «Мифа «Ледокола» своими пристрастиями подтверждает — нет, таких работ не бывает.

Суть, так сказать, концепции Г. Городецкого в том, что в преддверии мировой войны враждебное капиталистическое окружение от слов перешло к делу, поставив Советский Союз не просто в положение «международной изоляции» (как у товарища Сталина), а — в положение страны, подвергшейся «осаде» со стороны многочисленных внешних врагов. И нацистской Германии, и западных демократических государств.

Но было ли положение СССР столь безнадежным, безвыходным, как это хочет представить Г. Городецкий, развивающий версию «Фальсификаторов истории»? А если, как он советует, «постараться понять настроения людей того периода и не судить о них с позиций сегодняшнего дня»?

Товарищу Сталину ситуация виделась из Кремля отнюдь не столь безрадостной. В сентябре 1938 года он объявил, что «вторая империалистическая война на деле уже началась», а в марте 1939 года подтвердил: «новая империалистическая война стала фактом», но она «не стала еще всеобщей, мировой»¹⁶. Излишне говорить, что в «Мифе «Ледокола» этих сталинских определений, столь важных для уяснения мотивов предвоенной советской политики, читатель не найдет. В противном случае пришлось бы согласиться, что ситуация «второй империалистической войны» исключала изоляцию, а тем более «осаду» Советского Союза, дав Сталину долгожданный шанс с шумом ворваться в мировую политику.

Все же Г. Городецкий, противореча самому себе, признает, что такое *принципиальное изменение* в международ-

ном положении Советского Союза имело место. Но в его изложении произошло это случайным образом — опосредствованно, вопреки намерениям Сталина. Произошло из-за недалекости (чтобы не сказать, глупости) английского премьера Н. Чемберлена, предоставившего в конце марта 1939 года гарантии безопасности Польше, которая стала следующей мишенью Гитлера после оккупации Чехословакии. Английские гарантии, пишет он, «вызвали непредвиденный драматический переворот в международных отношениях... с его непосредственными и *трагическими последствиями*» (с. 51. *Курсив мой.*). Не захват Чехословакии в прямое нарушение Мюнхенского соглашения, а английские гарантии Польше стали «первым залпом Второй мировой войны», изменив «одним ударом» всю международную ситуацию (там же).

Вот ход его удивительных умозаключений.

Своими гарантиями Польше «Англия фактически бросала вызов Германии, тем самым полностью отказываясь от ключевой роли в равновесии сил в Европе» (с. 51 — 52). Что и вынудило нацистов «добиваться нейтрализации Советского Союза», в поддержке которого нуждалась и сама Англия (с. 52). «Таким образом без всяких тайных замыслов Советский Союз *стал основой равновесия сил в Европе*» (там же). То есть не провал западной политики умиротворения и приближение всеобщего вооруженного конфликта на европейском континенте вынудили обе враждующие капиталистические коалиции обратить свои взоры в сторону Москвы, а жалкие потуги Н. Чемберлена. Вот так в нагнетании международной напряженности фюрера нацистской Германии, взявшего на прицел Польшу, опередил глава английского правительства!

По ходу этих рассуждений следуют (чтобы окончательно запутать читателя?) ритуальные нападки на В. Суворова (хотя было обещано более не возвращаться к его персоне) за осуждение пакта Сталина с Гитлером в преддверии их совместного нападения на Польшу. Забыв в очередной раз о своем призыве видеть события «именно такими, какими они были», Г. Городецкий отвергает критику советско-германского пакта, остерегаясь, однако, оспаривать

анализ В. Суворовым фактов и документов. Во всем он винит холодную войну, стимулировавшую, по его словам, возрождение «мифов» 1920-х годов, которые «основывались на упрощенном понимании событий, приведших к заключению пакта» (с. 52). Дело было, следовательно, не в стратегии враждующих государств, а в событиях, происходивших, по Городецкому, вопреки политике европейских лидеров. Кто на самом деле проявляет «упрощенное понимание событий», пусть судит читатель.

Выходит, истинная причина и советско-германского пакта, и вообще возникновения войны в Европе — в антигерманском демарше Англии. Не следовало ей гарантиями Польше отказываться от роли третейского судьи в делах континента, так как это и сблизило гитлеровскую Германию и сталинский Советский Союз. Да, нетривиальный подход к истории, не хватает разве что поговорки «англичанка гадит»...

А что, если читатель поинтересуется, так ли обстояло дело, как это рисует Г. Городецкий, заостряя внимание читателя на зловещей роли английских гарантий, и обратится к уже известным материалам?

А. Тойнби, современник описываемых событий и, пожалуй, наиболее известный британский историк XX века, согласен с тем, что тогда, в первый весенний месяц 1939 года, Европа вступила в самый пик сползания во всеобщую войну. В предисловии к соответствующему тому много томного «Обозрения международных дел в 1939 — 1946 гг.», главным редактором которого он был, А. Тойнби писал, что, с многих точек зрения, Вторая мировая война фактически началась с оккупации Чехословакии 15 марта нацистской Германией и лишь формально — с ее нападения на Польшу 1 сентября. Март 1939 года стал переломным для международных отношений, но не из-за английских гарантий, а по причине насилия нацистов над Чехословакией¹⁷.

А что говорят давно опубликованные официальные советские документы (которыми пренебрег Г. Городецкий) о том, как в Кремле оценивали ситуацию на европейском континенте после предоставления английских гарантий

Польше в ответ на нацистскую агрессию? Почувствовали ли на себе товарищ Сталин со товарищи «трагические последствия» гарантий? По этим документам легко установить, что «действительные события» развивались не так, как описано в «Мифе «Ледокола».

По мнению сталинского руководства, «наиболее серьезные события, в корне ухудшившие положение в Европе», были связаны с действиями нацистской Германии и ее фактической союзницы фашистской Италии. Таковыми событиями, угрожавшими многим странам, оно считало расторжение Гитлером, использовавшим в качестве повода предоставление Польше английских гарантий, англо-германского морского соглашения от 18 июня 1935 года и декларации о дружбе и ненападении между Германией и Польшей от 26 января 1934 года, а также объявление о предстоящем заключении военно-политического союза между Германией и Италией. Наконец, говорилось в цитируемом советском документе (от 11 мая 1939 года), на этой почве «возникли переговоры между Англией и Францией, с одной стороны, и СССР, с другой, об организации эффективного фронта мира против агрессии»¹⁸.

Так когда же сказались «трагические последствия» английских гарантий Польше — после их предоставления или десятилетия спустя, когда писался «Миф «Ледокола»? Или одно из «трагических последствий» гарантий Польше в политико-дипломатическом возвышении Сталина? И это плод «бесконечных поисков новой информации и материалов» (с. 4)?

Но случайно ли, как утверждает Г. Городецкий, товарищ Сталин оказался в роли третьей силы в назревшем общеевропейском конфликте? В чем тогда был смысл постоянно провозглашаемой сталинским руководством *особой линии* в международных делах — линии вне — и надкоалиционной политики, которую оно считало вполне самодостаточной? Разве не в том, чтобы воспользоваться «второй империалистической войной» и ее ожидаемыми социальными последствиями по-своему — в интересах классово-имперских? Западные союзники-«империалисты», вспоминал В.М. Молотов, правая рука Сталина во

внешнеполитических делах, рассчитывали на ослабление Советского Союза в мировой войне. Но: «Тут-то они просчитались. Вот тут-то они не были марксистами, а мы ими были. Когда от них пол-Европы отошло, они очнулись. Вот тут Черчилль оказался, конечно, в очень глупом положении»¹⁹.

Тем не менее, автор «Мифа «Ледокола» настаивает на том, что ему сопутствовал успех — «*в особенности в последовательном анализе сталинской политики этих лет*»²⁰.

Но я бы не сказал, что в его книге уделяется должное внимание словам и делам сталинского руководства. Собственный же критерий автора — «постараться понять настроения людей того периода и не судить о них с позиций сегодняшнего дня» — не применяется там, где более всего уместен. Мягко говоря, недооценены документы Коммунистической партии, материалы ее центральных органов — газеты «Правда», журнала «Большевик». Между тем именно анализ *партийных материалов* позволяет прийти к заключению, что Сталин и его окружение рассматривали классовые мотивы как подоснову своей международной политики. Как можно без таких материалов судить о взглядах и деятельности высшего советского руководства, непонятно.

Из сталинских документов я бы обратил внимание читателя (израильского историка это вряд ли заинтересует) на «Краткий курс истории ВКП (б)», увидевший свет в сентябре 1938 года. Товарищ Сталин гордился этой книгой как своим трудом, в котором *движение истории зависит исключительно от непримиримой борьбы идей*. Партийные кадры, считали в Кремле, «могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке» только при условии их политико-идеологической подготовки²¹.

В последней главе «Краткого курса», ее международном разделе, опубликованном в «Правде» в сентябре 1938 года — *еще до Мюнхена*, провозглашалась независимая, сепаратная линия СССР в международных делах *в противовес* практически сложившимся обеим враждующим капиталистическим группировкам. А одной из них, странам демократического Запада, было обещано (со ссылкой на

печальные последствия для русской буржуазии большевистской революции 1917 года) «историческое возмездие»²². Положения раздела, говорилось на самом высоком официальном уровне, давали «марксистское объяснение» переменам в мире, а значит, по ним только и можно «судить о внешней политике Советского Союза и всех международных событиях последнего времени»²³. Эти положения получили развитие в выступлении Сталина на закрытом совещании в ЦК (см. ниже) и позже вошли в его доклад на партийном съезде. Международные разделы истории партии и сталинского доклада на партийном съезде — явления одного порядка, позволяющие судить о *тенденции* советской внешней политики.

Существенно и другое. Г. Городецкий, отстаивая право сталинского руководства на защиту «русской революции» от внешних врагов, попросту повторяет версию «Фальсификаторов истории» о тождественности ситуации революционного 1917 года и кануна Второй мировой войны. В упомянутой выше сталинской правке в тексте брошюры так объясняется решение заключить пакт с нацистской Германией: «Как в 1918 году ввиду враждебной политики западных держав Советский Союз оказался вынужденным заключить Брестский мир с немцами, так и теперь, в 1939 году, через 20 лет после Брестского мира, Советский Союз оказался вынужденным заключить пакт с немцами ввиду той же враждебной политики Англии и Франции»²⁴. Но оправдан ли подход, сопоставляющий внешнеполитические акции большевистских руководителей, разделенные двумя десятилетиями? Ответ содержится в отвергаемых Г. Городецким работах «других историков», которые пришли к выводу, с одной стороны, о переоценке Сталиным вероятности образования антисоветского фронта капиталистических стран, а с другой — о недооценке им опасности фашизма. В самом деле возникшую в 1930-е годы глобальную угрозу фашизма Сталин и его окружение рассматривали не с общедемократических, а с классовых позиций и интересов. В фашизме они усматривали прежде всего «признак слабости капитализма» (Сталин), считали фашизм проявлением так называемого общего кризиса ка-

питализма и, таким образом, еще более приближающим гибель мировой системы капитализма.

Стоит отметить, что в вопросе о *целенаправленности* политики СССР перед мировой войной позиции большинства отечественных авторов практически совпадают. Д.М. Проэктор, много и плодотворно изучавший историю мировой войны, объясняет решение Сталина пойти на «беспринципное и пагубное» соглашение с Гитлером его стратегией воспользоваться ослаблением врагов в межимпериалистической войне²⁵. В свою очередь, член Российской академии наук А.Н. Сахаров (возглавляющий Институт российской истории РАН) вполне определенно — как «четкую» — характеризует линию предвоенной дипломатии Сталина. Линию на то, чтобы «сработать на столкновение своих потенциальных соперников в Европе, а в дальней перспективе войти в войну с целью не только закрепления уже достигнутых геополитических преимуществ, но и осуществить революционную экспансию»²⁶.

Таковы суждения «других историков», следующих принципу «постараться понять настроения людей того периода и не судить о них с позиций сегодняшнего дня». Адекватность их суждений историческим реалиям подтверждается свидетельствами современников. В своих воспоминаниях писатель К.М. Симонов делился мыслями, рожденными советско-германским пактом: до неизбежной схватки с фашизмом «будет долго идти война между Германией, Францией и Англией, и уже где-то потом, в финале, столкнемся с фашизмом мы. Такой ход нашим размышлениям придал пакт»²⁷.

Архивные материалы говорят то же самое. Да, такие глобальные антикапиталистические планы не только вынашивались в Кремле, но и были приняты как руководство к действию.

За неделю до доклада Сталина на XVIII съезде ВКП (б) 10 марта 1939 года в Ленинграде выступил А.А. Жданов²⁸, критика которого политики Запада, получившая огласку на съезде, была доведена до логического конца. Один из самых близких Сталину деятелей был откровенен: «Здесь партийная конференция, стесняться нечего».

Мировая обстановка, говорил докладчик, складывается так, что фашистская агрессия «направлена главным образом против Англии и Франции». Хотя Англии «очень хотелось бы уравновесить положение таким образом, чтобы Гитлер развязал войну с Советским Союзом. Но Гитлер понимает по-своему и считает, что должен развязать войну там, где слабее. И так как видит, что слабее на Западе, он туда и прет, вместе с Муссолини». Слушатели-партийцы аплодировали, смеялись.

«Товарищи, — продолжил А.А. Жданов, — под маской миролюбия, под маской коллективной безопасности Англия стравливает одну державу с другой, не прочь втравить и войну с нами организовать, используя в этом отношении действия, тактику, старые традиции буржуазных политиков — чужими руками жар загребать, дожидаться положения, когда враги ослабнут, и забрать». Но эта политика рассчитана на людей наивных. Что касается Советского Союза, то «у нас даже пионеры могут разгадать это дело, уж очень грубовато это дело».

Раз все так очевидно для сталинского руководства, которое «обмануть трудно», то и советская внешняя политика уже вполне определилась: «...Будем копить наши силы для того времени, когда расправимся с Гитлером и Муссолини, а заодно, безусловно, и с Чемберленом». Встречено было аплодисментами.

Израильский историк (впрочем, как и другие критики «Ледокола») игнорирует факты и документы, характеризующие глубинный сталинский замысел воспользоваться агрессией нацистской Германии против Англии и Франции, чтобы добиться их ослабления. Тем более что в этой идее, верно схваченной В. Суворовым, — использовать Германию, революционную ли, нацистскую ли, как таран против капитализма в Европе, — нет ничего нового. Напомним, что стратегия Коминтерна, направляемая Кремлем, строилась на том, чтобы инициировать пролетарскую революцию в Германии и тем самым пробить решающую брешь в системе капитализма²⁹.

С приходом Гитлера к власти в Германии цель распространения социализма (в его советской модели) на Европу

не претерпела значительных изменений. Основным инструментом для достижения этой цели оставалась все та же Германия, теперь уже нацистская, что сулило новые возможности. Ибо нацистское движение, считал Сталин, было естественной реакцией на несправедливости Версаля. Такой Германией, следовательно, удастся манипулировать. Иначе трудно расценивать эйфорию, охватившую товарища Сталина после подписания советско-германского пакта о ненападении: «Ну, кто кого обманет? Мы обманем Гитлера!»³⁰.

Пользуясь обстановкой «второй империалистической войны», Кремль активизировал давние экспансионистские планы. Интересно, как бы Г. Городецкий прокомментировал откровения члена президиума и секретариата Исполкома Коминтерна Д.З. Мануильского, которого называли «рукой Сталина» в этой международной коммунистической организации. Уже летом 1939 года, еще до начала мировой войны, судьба Польши, по его мнению, была предопределена. Выступая в закрытой аудитории, он прогнозировал: «Если бы вместо СССР была бы старая царская Россия, мы могли бы сказать, что в случае конфликта, по существу, произошел бы новый раздел Польши». Но и от России советской Польша не ждет ничего лучшего: «боятся, что если она свяжет свою судьбу с нами, то из этого выйдет социализм на ее территории (смех)»³¹.

Под этим же классовым углом зрения — *как расширение сферы социализма* — оправдывал В.М. Молотов советские захваты в Восточной Европе во исполнение советско-германской договоренности по секретному протоколу³².

Надо полагать, что Г. Городецкий в курсе оценок советской внешней политики, зафиксированных в документах своего времени³³. Но он предпочитает не останавливаться на них, не опирается на них для анализа описываемых событий. Налицо — в который раз — фактический отказ от продекларированного им же принципа видеть события прошлого «именно такими, какими они были» и «не судить о них с позиций сегодняшнего дня».

Другими словами, если исходить из заинтересованности Советского Союза в том, чтобы его многочисленные

капиталистические враги «лучше разодрались» (Сталин — см. ниже), то вслед за подрывом позиций классово чуждых крупнейших государств Европы следовало, разумеется, воспользоваться этим в своих целях. Только у Г. Городецкого эти цели сугубо оборонительные, а у В. Суворова и «других историков» — экспансионистские, классово-имперские. Различия между ними — в реконструкции хода событий в соответствии с разными представлениями о критериях объективности.

Так кто же следует логике исследовательского поиска — В. Суворов и «другие историки» или Г. Городецкий, если все исходит из установки, что руководители Советского Союза считали себя окруженными врагами? Тот, кто анализирует предвоенную сталинскую внешнюю политику с ее стратегией воспользоваться «империалистическими противоречиями» в стане врагов социализма, чтобы, столкнув их друг с другом, прорвать «враждебное капиталистическое окружение» и получить другие преимущества? Или тот, кто, не заботясь о должной интерпретации «действительных событий», желает прослыть первооткрывателем более чем сомнительной исторической истины в духе и стиле сталинских «Фальсификаторов истории»?

4. «ОЦЕНКА» СОВЕТСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Как уже подчеркивалось, Г. Городецкий избегает более или менее внятного изложения событий преддверия мировой войны, чтобы не считаться с совокупностью обстоятельств перехода, пользуясь сталинскими определениями, от «второй империалистической войны» к «войне всеобщей, мировой». И, по логике вещей, задаться вопросом, какое преломление это сталинское представление о развитии международных отношений нашло во внешней политике Советского Союза. То есть попытаться выявить, какова была роль товарища Сталина в развязывании Второй мировой войны, ставшей точкой отсчета всех последующих судьбоносных перемен и в Европе, и за ее пределами. Но автора «Мифа «Ледокола», увлеченного своими странно-

стями, мало интересует проблема взаимосвязи сталинской внешней политики и начала мировой войны. О чем говорит его более чем скромное внимание к такому знаковому для всеобщего мира и для самого Советского Союза событию, каким был доклад Сталина на XVIII съезде ВКП (б) 10 марта 1939 г.

Между тем доклад Сталина на партийном съезде — единственное его *публичное* выступление за все месяцы, предшествовавшие мировой войне. Естественно, что историки уделяют этому выступлению то внимание, которого оно заслуживает. Г. Городецкий же посвящает сталинскому докладу всего один абзац:

«Большинство историков считают водоразделом оценку Сталиным советской внешней политики на XVIII съезде партии 10 марта 1939 года. При этом часто ссылаются на знаменитое предостережение Сталина в адрес западных демократий, что он не собирается «таскать для них из огня каштаны». Под влиянием происшедших затем событий историки усматривают в этом решение Сталина пойти на сближение с нацистской Германией. Однако (?) достаточно даже поверхностного ознакомления с полным текстом выступления Сталина, чтобы стало ясно, что антинацистская направленность его очень сильна. Если бы Суворов ознакомился с этим выступлением, он бы заметил, что Сталин отказался от ленинской идеи революционной войны и предупредил, что война представляет собой угрозу для всех. Кроме того (?), отказ Гитлера от Мюнхенских соглашений, вызвавшийся в аннексии оставшейся части Чехословакии неделю спустя, породил надежды на возрождение идеи коллективной безопасности. Действия Гитлера были осуждены — во всяком случае, публично — Чемберленом, и противники умиротворения укрепили свои позиции. Именно на этом фоне Советское правительство выступило с предложением о заключении военного соглашения с Англией и Францией» (с. 50 — 51. Курсив мой).

По-своему — не так, как «большинство историков», — трактуя сталинское выступление, Г. Городецкий напрямую связывает его с набором чудных умозаключений. По его

мнению, историки недооценивают «антинацистскую направленность» выступления, а на их вывод о том, что своим выступлением Сталин открыл путь к сближению с Германией, повлияли события, не связанные с международными последствиями выступления. И якобы в докладе был озвучен отказ от классовой стратегии в международных отношениях, что подготовило почву для возобновления попыток добиться коллективной безопасности с участием стран Запада. Любой, читавший доклад, скажет, что ничего подобного в его тексте нельзя обнаружить.

Попутно заметим еще раз: «невежество» В. Суворова, в данном случае в интерпретации доклада Сталина, разделяют «большинство историков», а то и все историки, *исключая* самого Г. Городецкого. Однако попробуем разобраться с обоснованием автором «Мифа «Ледокола» его несогласия с выводом «большинства историков» о том, что выступление Сталина на партийном съезде явилось «водоразделом» для предвоенной советской внешней политики.

Возьмем вопрос о мнимой «антинацистской направленности» доклада. Так представить дело можно только в том случае, если не считаться с прогерманскими акцентами выступления, привлечшими внимание «других историков».

С высказыванием Сталина о том, что Германия — страна, *«серьезно пострадавшая в результате Первой мировой войны и версальского мира»*³⁴ (подтверждение распространенного мнения о том, что Сталин рассматривал нацистское движение как главным образом реваншистское). С его заявлением о том, что западным странам так и не удалось «поднять ярость Советского Союза против Германии (в связи с пропагандистской шумихой в иностранной печати вокруг Карпатской Украины. — Д.Н.), отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией *без видимых на то оснований*»³⁵. Еще с одним заявлением о том, что «немцам отдали районы Чехословакии (имеются в виду Чешские Судеты. — Д.Н.), как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю, посылая их (страны Запада. — Д.Н.) куда-то подальше»³⁶.

Анализ международного положения Сталин завершил перечнем принципов своей внешней политики. Главные из них: «Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами... поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны... не попытаются нарушить прямо или косвенно интересы целостности и неприкосновенности границ Советского государства». Это — в адрес нацистской Германии, от которой только и могла исходить угроза советским границам. Их дополнили слова, послужившие основанием для характеристики выступления Сталина за рубежом как «речи о жареных каштанах»: «Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками»³⁷. А это — в адрес стран Запада.

Думается, Г. Городецкий сознательно отказался от разбора текста доклада Сталина с его положениями, позволяющими предметно судить о международной стратегии советского руководства. Остановись он, скажем, на сталинском положении об отсутствии для вооруженного конфликта с Германией «видимых на то оснований», пришлось бы задаться вопросами, требующими ответов.

К примеру, какие основания были для такого утверждения, то есть углубиться в прошлое советско-германских отношений и в сталинские представления о нацизме. Задаться вопросом и о том, какая связь существовала между этим утверждением и его же, Сталина, критикой политики стран Запада. Также попытаться сопоставить заявление об отсутствии оснований для советско-германского вооруженного конфликта, сделанное накануне оккупации Чехословакии с трибуны партийного съезда, с официальным протестом, выраженным по дипломатической линии 18 марта М.М. Литвиновым³⁸ (которому, кстати, не было дано слово для выступления на партийном съезде), и спросить самого себя: какое из этих «действительных событий» имело большее значение? Словом, последовать своему призыву попытаться «понять настроения людей того периода и не судить о них с позиций сегодняшнего дня».

Посмотрим, как оценивали выступление Сталина современники — иностранные дипломаты в Москве, донесе-

ни я которых своим правительствам, надо думать, более важны для уяснения политики тогдашних мировых лидеров, чем то, как в наши дни это выступление представляется историку.

Иностранными дипломатами, аккредитованными в советской столице, речь Сталина на партийном съезде была воспринята однозначно — как прогерманская и антизападная. Посол Германии Ф. Шуленбург в донесении в Берлин обращал внимание на то, что «сталинская ирония и критика в значительно более острой форме была направлена против Британии, т.е. против находящихся там у власти реакционных сил, чем против так называемых агрессивных стран, в частности Германии»³⁹. Временный поверенный в делах США в СССР А. Керк сопоставил высказывание Сталина о стремлении Запада спровоцировать советско-германский конфликт «без видимых на то оснований» со сформулированной им задачей «не дать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны». И заключил: «судя по словам Сталина, публично провозглашено, что если Германия не станет непосредственно угрожать советским границам, то она может рассчитывать на советский нейтралитет в случае войны против западных держав»⁴⁰. С этим был согласен и английский посол У. Сиде. Обстоятельное донесение в Лондон посол завершил рекомендацией тем «наивным людям» в Англии, кто полагает, что Советский Союз только и ждет приглашения, чтобы присоединиться к западным демократиям, поразмыслить над поставленной Сталиным задачей «соблюдать осторожность и не давать втянуть себя в конфликты провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками»⁴¹.

Советские заявления были в том же антизападном и прогерманском русле. На позднем ужине в Кремле в узком составе, которым завершилось подписание советско-германского пакта 23 августа 1939 года, В.М. Молотов, согласно немецкой записи переговоров, «поднял бокал за Сталина, отметив, что именно Сталин своей речью в марте этого года, которую в Германии правильно поняли, *полностью изменил* политические отношения между двумя странами»⁴². Спустя неделю, выступая на внеочередной сессии

Верховного Совета СССР с предложением о ратификации пакта, Молотов повторил: «Теперь видно, что в Германии в общем правильно поняли эти заявления т. Сталина и сделали из этого практические выводы»⁴³. По его словам, «Советское правительство и раньше считало желательным сделать дальнейший шаг в улучшении политических отношений с Германией...»⁴⁴

О реакции в Берлине на сталинскую речь можно прочитать в предсмертных воспоминаниях министра иностранных дел Германии И. Риббентропа, который «ознакомил» Гитлера с речью «и настоятельно просил» полномочий «для требующихся шагов». Но сначала Гитлер занял выжидательную позицию и колебался⁴⁵. Хотя, как теперь известно из документальных публикаций, объясняя германскому военному руководству свое решение заключить пакт о ненападении с Советским Союзом, Гитлер говорил, что еще осенью 1938 года, не будучи уверен в безусловной поддержке своих планов Италией и Японией, он решил «быть заодно со Сталиным»⁴⁶. Есть над чем задуматься, не правда ли? Над тем, скажем, что давало основания Гитлеру рассчитывать на договоренности со Сталиным.

Теперь относительно того, что будто на партийном съезде Сталин провозгласил отказ от революционной борьбы и вообще от наступления на позиции мирового капитализма. Хотя «вторая империалистическая война», грозившая перерасти в «войну всеобщую, мировую», создавала определенные возможности для прорыва «враждебного капиталистического окружения». В то время, но воспоминаниям Н.С. Хрущева, Сталин готовил партработников к «большой войне» СССР с его врагами, которая «неумолимо надвигалась»⁴⁷. Кому мало этого свидетельства представителя партийной верхушки, нужно обратиться к свидетельству самого товарища Сталина.

В сталинском «Кратком курсе истории ВКП (б)», никак не заинтересовавшем Г. Городецкого, подчеркивается именно военная сторона дела: поскольку «вторая империалистическая война» представляла опасность «прежде всего» для СССР, ответом стало «дальнейшее усиление обо-

роноспособности наших границ и боевой готовности Красной Армии и Красного Флота»⁴⁸.

Дальше — больше. В этой книге (увидевшей свет в сентябре 1938 года) в разделе «Теория и тактика большевистской партии по вопросам войны, мира и, революции» говорилось о том, что в годы Первой мировой войны «большевики не были против *всякой* войны». Они признавали законность войн справедливых, относя к таким войнам не только «защиту народа от внешнего нападения и попыток его порабощения», но и «освобождение народа от рабства капитализма», а также «освобождение колоний и зависимых стран от гнета империалистов»⁴⁹. Но не потеряли ли эти положения актуальности в новых условиях «второй империалистической войны»? Нисколько, о чем можно судить по многим «действительным событиям».

Возьмем доклад на XVIII съезде ВКП (б) Д.З. Мануильского, который, наряду с отчетным докладом Сталина, стал для заграницы ориентиром для выводов о курсе советской внешней политики. Выступая от имени делегации ВКП (б) в Коминтерне, он заявил, что «указания «Краткого курса» о справедливых и несправедливых войнах — четкая марксистско-ленинская линия в связи с империалистической войной»⁵⁰. Но партийные документы практически остались вне исследовательского интереса Г. Городецкого.

Не обратил внимания израильский историк и на Постановление ЦК ВКП (б) от 14 ноября 1938 года, принятое по случаю публикации учебника по истории партии. В нем решительно отвергались «извращения марксистско-ленинских взглядов по вопросу о характере войн в современную эпоху, непонимание различия между войнами справедливыми и несправедливыми, неправильный взгляд на большевиков, как на своего рода «пацифистов»⁵¹.

Это положение Постановления ЦК, проект которого был «исправлен» Сталиным⁵², в обнаженном виде было прокомментировано им же в выступлении на закрытом совещании по вопросам пропаганды в ЦК 1 октября 1938 года. Товарищ Сталин высмеял представление о большевиках как о людях, которые «вздыхают о мире и потом на-

чинают браться за оружие только в том случае, если на них нападают. Неверно это». А что верно? А то, что «бывают случаи, когда большевики сами будут нападать, если война справедливая, если обстановка подходящая, если условия благоприятствуют, сами начнут нападать». Далее еще конкретнее, еще яснее: «Они (большевики. — Д.Н.) вовсе не против наступления, не против всякой войны. То, что мы кричим об обороне, — это вуаль, вуаль. Все государства маскируются: «с волками живешь, по-волчьи приходится выть». Ответом партийной аудитории был дружный смех. И в завершение пассажа: «Глупо было бы свое нутро выворачивать и на стол выложить. Сказали бы, дураки»⁵³.

Для Г. Городецкого подобные откровения Сталина из разряда свидетельств, которыми можно пренебречь. «Другие историки» не считают себя вправе следовать приему умолчания.

Как же выполнялись указания советского вождя о преодолении неправильного взгляда на большевиков «как на своего рода пацифистов», об агитационно-пропагандистской подготовке к «справедливой войне»?

Остановимся на статье «Международная обстановка второй империалистической войны», появившейся в номере журнала «Большевик» за февраль 1939 г. Она была написана заместителем народного комиссара иностранных дел В.П. Потемкиным (под псевдонимом В. Гальянов), как можно предположить, по заданию Сталина⁵⁴.

Автор статьи отталкивался от основной сталинской установки — «идет вторая империалистическая война»⁵⁵. При самом внимательном чтении в ней невозможно обнаружить даже чисто словесных заявлений о необходимости остановить войну, предотвратить ее разрастание. Наоборот, в статье приветствовалось конфликтное развитие событий, ибо, говорилось в ней, «человечество идет к великим битвам, которые развяжут мировую революцию»⁵⁶. Пропаганда мира и коллективной безопасности уступила место марксистскому просвещению людей «с обывательским кругозором», надеявшихся, что «все устроится, все обойдется». Подобным рассуждениям противопоставля-

лась позиция «сознательной части человечества», заявленная в словах о том, что «для учеников Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина вторая империалистическая война представляет собой *важнейшее* явление жизни людей»⁵⁷. И завершалась статья на той же высокой антикапиталистической ноте. Находясь «между двумя жерновами»: Советским Союзом, «грозно поднявшимся во весь исполинский рост», и «несокрушимой стеной революционной демократии, восставшей ему на помощь, — в прах и пыль обращены будут последние остатки капиталистической системы»⁵⁸.

В.П. Потемкина вдохновляла уверенность, что Советский Союз — «сильнейшая в мире военная держава», а потому без него «неразрешим ни один общий внешнеполитический вопрос, не мыслимо ни одно серьезное начинание в области международной жизни»⁵⁹. Не преувеличение ли это — что Советский Союз был сильнейшей военной державой? Нет, не преувеличение. В. Суворов в «Ледоколе» приводит на этот счет достаточно доказательств.

Любопытно, что уверенность в военных возможностях Советского Союза подкреплялась верой в революционный потенциал международного пролетариата. Вот что писал по этому поводу Д.М. Прозектор: «Идея неизбежности революции в капиталистических странах в случае агрессии против Советского Союза глубоко вошла в сознание Сталина и его окружения. Они отражались в той или иной мере и в политике, и в военной теории, и в военной доктрине, и даже в планах будущей войны»⁶⁰.

Материалы бывшего партийного архива (ныне РГАСПИ) говорят: да, таковы были в Советском Союзе «настроения людей того времени».

В докладе Д.З. Мануильского на международные темы (с грифом «инструктивного»), с которым он выступил в середине июля 1939 года, рисовалась радужная картина растущего мирового антифашистского движения, распространявшегося и на страны-агрессоры. Вот несколько мест из его выступления:

«Я утверждаю, что несколько времени тому назад в одной венской казарме появился портрет, повешенный сол-

датами, товарища Сталина (бурные аплодисменты. Крики «ура». Все встают)»⁶¹.

«Я утверждаю... что в германской армии имеются такие части, которые находятся под влиянием коммунистов. А в Чехословакии рабочие вместе с немецкими солдатами пели «Интернационал». Комментарий докладчика: «Я скажу откровенно — незавидно положение фюрера, у которого солдаты поют «Интернационал»... немецкий народ ждет поражения германского фашизма»⁶².

Такие взгляды — с одной стороны, мы «самая сильная военная держава», с другой — антифашистское движение разлилось по миру так, что приводит к разложению армий враждебных государств, имели широкое хождение. И неудивительно, поскольку они не только разделялись в Кремле, а исходили оттуда, от сталинского руководства.

На военно-патриотической волне, захлестнувшей страну⁶³, с книгой «Первый удар. Повесть о будущей войне» выступил Н. Шпанов (писатель, получивший позднее скандальную известность романом «Поджигатели»). Первоначально книга была отклонена Главлитом (цензурой) как «беспомощная» в художественном отношении⁶⁴. Беда была не в бездарности этой повести, вспоминал писатель К. Симонов, а в том, что она была издана «полумиллионным тиражом и *твердой рукой поддержана сверху*»⁶⁵. Надо ли говорить, чья это была «твердая рука»?

Повесть живописала о начале победоносной для СССР войны против Германии. Страшен для врага «первый удар» — ответный, уже к исходу первого часа войны, удар сотнями новейших скоростных советских бомбардировщиков по немецким тыловым военно-промышленным объектам. Рабочие-антифашисты помогают советской воздушной армаде, подавая световые сигналы. При вступлении на территорию врага советских армий «во взбудораженной, вздыбленной Европе» приходят в движение антифашистские массы. Описаны «волнующие сцены» актов пролетарских братаний. В журнале «Большевик» писатель Вс. Вишневский завершил свою рецензию на повесть так: «Она увлекательно (!) говорит о том, какой будет справедливая война советского народа против агрессоров, — вой-

на, смертельная для врагов социализма»⁶⁶. Чем не предтеча версии «Ледокола» о сталинской подготовке к наступательной войне против капиталистов всего мира?!

Показательно, что антикапиталистический по духу и букве доклад Сталина на партийном съезде, завершившийся провозглашенной готовностью «ответить двойным ударом на удар поджигателей войны, пытающихся нарушить неприкосновенность Советских границ»⁶⁷, вдохновил делегатов на воинственные выступления⁶⁸. Однако Г. Городецкий проигнорировал не только сам доклад Сталина на XVIII съезде ВКП (б), но и другие материалы съезда, составившие объемистый том стенографической записи. Иначе он (предположим с сомнениями, учитывая предназначение «Мифа «Ледокола») не был бы так уверен в своем открытии об отсутствии у товарища Сталина геополитических планов.

Чтобы удостовериться в том, что Сталин намеревался воспользоваться взаимным ослаблением капиталистических врагов, достаточно было прочитать первый, международный раздел его доклада на съезде. Благо это немного чтения, страницы с 9-й по 15-ю стенографического отчета⁶⁹. В этом случае он, возможно, засомневался в том, что у Сталина не было «замыслов» (не тайных, а достаточно прозрачных) воспользоваться «второй империалистической войной» в своих целях. Имеется в виду то место раздела доклада, где Сталин объясняет «систематические уступки» агрессорам со стороны стран Запада, которые, «взятые вместе, бесспорно сильнее фашистских государств и в экономическом, и в военном отношении». Одно объяснение — в их чувстве «боязни перед революцией» в случае еще одной мировой империалистической войны, которая, по опыту Первой мировой войны, «может повести также к победе революции в одной или в нескольких странах».

Однако главную причину отказа стран Запада от политики коллективной безопасности Сталин видел в том, что они своей политикой невмешательства и нейтралитета провоцируют мировую войну, чтобы затем «продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия», подытожив — «И дешево, и мило!»⁷⁰ При этом он сделал акцент

на стремлении «provokatorov войны» на Западе столкнуться друг с другом СССР и Германию «без видимых на то оснований». В условиях «новой империалистической войны», то есть вооруженного конфликта внутри «враждебного капиталистического окружения», как раз у сталинского Советского Союза появилась возможность воспользоваться «золотым правилом» дипломатии — оставаться до поры до времени в стороне, пока его многочисленные враги разбираются между собой, ослабляя друг друга. Чтобы было «и дешево, и мило!»

Так кто же прав в оценке доклада Сталина на партийном съезде:

В. Суворов и «другие историки», рассматривающие это выступление как переломный момент в советской внешней политике, или Г. Городецкий с отрицанием этого, причем не утруждающий себя доказательствами?

5. «ЛИШЬ ДОГОВОР О НЕЙТРАЛИТЕТЕ»

Не меньше вопросов вызывает интерпретация Г. Городецким исторического значения советско-германского пакта о ненападении и его последствий.

Читаем на странице 45-й «Мифа «Ледокола»:

«Поздно ночью 23 августа 1939 года в Кремле советский комиссар Вячеслав Молотов подписал с германским министром иностранных дел Иоахимом Риббентропом пакт о ненападении. *Хотя это был лишь договор о нейтралитете, он, как правило, рассматривается историками как наиболее очевидная, непосредственная причина Второй мировой войны. Это событие привело к военным действиям и потому заслуживает внимательного рассмотрения. До какой степени разделяет Советский Союз с нацистской Германией вину за возникновение войны? Некоторые историки идут в своих аргументах дальше. Они уделяют первостепенное внимание подписанным месяц спустя совершенно секретным протоколам, разделившим Восточную Европу на сферы влияния. Именно секретные протоколы, утверждают они, а не пакт о ненападении, отражают истинные цели советской внешней политики. Договор заложил основы проч-*

ного союза между Германией и Советским Союзом». Тут же дежурная ссылка на В. Суворова, который, мол, «в своих аргументах заходит еще дальше», связывая заключение пакта с давними намерениями Сталина, развязав мировую войну, создать «благоприятные условия» для достижения внешнеполитических целей.

Упоминание имени В. Суворова (как и в предыдущих случаях) само по себе, полагает Г. Городецкий, ставит под вопрос трактовку «другими историками» причин заключения советско-германского пакта и его последствий, как бы освобождая от обязанности что-либо особо доказывать. Все-таки остановимся на умозаключениях автора, выделенных мною курсивом.

Что значит «хотя это был лишь договор о нейтралитете», но историки, «как правило», считают договор «наиболее очевидной, непосредственной причиной Второй мировой войны»? «Как правило» — значит, опять-таки большинство историков. Следовательно, Г. Городецкий (еще и еще раз) не разделяет точку зрения не только «невежественного» В. Суворова, но и «других историков».

Разумеется, советско-германский пакт отнюдь не был «лишь договором о нейтралитете», как он упорно именуется в «Мифе «Ледокола». Здесь автор то ли подправляет, то ли развивает «Фальсификаторов истории», где пакт называется так, каким он и был — пактом о ненападении. И не только формально — по названию. Никакого упоминания нейтралитета нет и в самом тексте соглашения. *Главным* в нем было обязательство сторон *ни при каких обстоятельствах* не выступать друг против друга, если одна из них «окажется объектом военных действий со стороны третьей державы» (статьи I и II). Обычно в соглашения о нейтралитете включался пункт, освобождавший одну из сторон от обязательств, если другая сторона сама совершит акт неспровоцированной агрессии. Однако такого пункта в советско-германском пакте как раз и не было. Классический случай подготовки к агрессии, о чем в свое время предупреждал М.М. Литвинов, оказавшийся неудобным Сталину с ускорением его курса на сближение с Гитлером: «Это значит, что государства, обеспечившие себе

тыл или фланг подобным пактом о ненападении, резервируют себе возможность безнаказанного нападения на третьи государства»⁷¹.

Немедленное вступление пакта в силу, еще до ратификации, говорило о том, что все готово для нападения на уже намеченную жертву. Несколько дней спустя, 1 сентября 1939 г., Гитлер напал на Польшу, а 17 сентября, о чем было договорено при заключении пакта, Красная Армия вторглась в Польшу с востока. В совместном коммюнике о задачах советских и германских войск в Польше говорилось, что их действия соответствуют «духу и букве пакта о ненападении»⁷². *О ненападении, а не о нейтралитете.*

Нужны еще доказательства, почему историки, «как правило», рассматривают советско-германский пакт в том качестве, каковым он и был, — как самую непосредственную причину возникновения (не подготовки — она началась задолго до заключения пакта) Второй мировой войны?!

Привлеку внимание читателей к переговорам в Кремле, приведшим к подписанию пакта. Существует немецкая запись переговоров, из которой видно, что участники переговоров — И.В. Сталин, В.М. Молотов, И. Риббентроп говорили не о сохранении всеобщего мира, а оценивали соотношение сил участников назревшего вооруженного конфликта: Германии и ее противников — Англии и Франции. Люди, замыслившие сговор, были единодушны насчет предназначения пакта. При этом Сталин не скрывал своего предпочтения, отданного Германии⁷³.

При анализе историко-международного значения пакта следовало бы отталкиваться от определения В.М. Молотовым пакта как «поворотного пункта в истории Европы, да и не только Европы»⁷⁴. Определения однозначного, указывающего на далеко идущие намерения сторон пакта, вошедших в отношения, по оценке «других историков», *стратегического партнерства*. Но Г. Городецкому приходится, чтобы не подрывать свою историческую конструкцию, снова отмежевываться от «других историков». Поэтому слова В.М. Молотова (как и ряд красноречивых фактов советско-германского сотрудничества, включая совместный раздел Польши), пишет он, «не следует принимать за

чистую монету» (с. 74). Почему не следует? Разве сталинское руководство, общее мнение которого отражено в молотовском определении, не ведало, что творило? Объяснение израильского историка замечательно просто: «эти эпизоды (как бы мелкие, незначительные события. — Д.Н.) отражают сложности, с которыми столкнулись русские после заключения пакта» (там же). «Другие историки», наоборот, на основании тех же фактов пришли к выводу, что советско-германским пактом, как до этого XVIII съездом ВКП (б), был запущен событийный ряд, зримо ускоривший драматическую развязку мировых противоречий.

Если оценка В.М. Молотовым значения советско-германского пакта лишена содержательности, как быть с его же заявлением о взаимных геополитических выгодах, которые получили стороны благодаря военно-политическому сотрудничеству? С его заявлением о том, что заключение пакта «устранило возможность трений в советско-германских отношениях при проведении советских мероприятий вдоль нашей западной границы и, вместе с тем, обеспечило Германии спокойную уверенность на Востоке»?⁷⁵ Это — о территориальном расширении Советского Союза за счет его малых восточноевропейских соседей и победах немецкой армии в Западной Европе.

В подготовленном в мае 1941 года в ЦК ВКП(б) документе «О текущих задачах пропаганды» в качестве одной из двух причин немецких успехов в войне против Франции и Англии — после фактора военного превосходства Германии — называлось то, что, готовясь к войне, она постаралась установить «дружественные отношения с СССР». Потерпевшая же поражение Франция, наоборот, проявила, как и Англия, «легкомысленное отношение к вопросу о роли и удельном весе Советского Союза»⁷⁶.

Не много ли официальных заявлений, которые «не следует принимать за чистую монету»? Разве начавшийся «сталинский натиск на Европу»⁷⁷, капитуляция Франции (по оценке английского историка Рейнольдса, повлиявшая на ситуацию во всем мире)⁷⁸, ликвидация независимости многих малых европейских государств — эти «действи-

тельные события» 1939 — 1940 годов не привели к *крутым геополитическим сдвигам* на континенте?

Г. Городецкий убеждает читателя не доверять не только тому, что говорил глава советского правительства В.М. Молотов, но и товарищу Сталину. Он пишет: «Было бы ошибкой *принимать за чистую монету* собственное объяснение Сталина, что, подписывая пакт, он знал, что ему придется воевать с Германией, и он стремился лишь к передышке» (с. 61. *Курсив мой.*). А несколькими строками выше говорится прямо противоположное — что пакт «отразил относительную слабость России и *прекрасное понимание* того, что рано или поздно России придется встретиться с Германией на поле боя» (там же. *Курсив мой.*).

Отказ Г. Городецким признать значимость обобщающих самооценок советской политики сталинским руководством, объявив их не заслуживающими того, чтобы принимать за «чистую монету» (этими двумя примерами дело не ограничивается — см. ниже), вынуждает коснуться и других его исследовательских приемов такого же свойства. Так, слова Сталина о том, что «действия Красной Армии — также дело мировой революции», объявляются им «неудачным заявлением» (с. 78). Еще больше примеров, когда израильский историк отвергает важные положения на том основании, что, мол, это всего лишь словесная дань идеологии.

Странные умозаключения Г. Городецкого ставят читателя его книги перед дилеммой. Чему верить: нынешним представлениям автора о событиях того времени или тому, как воспринимали эти события мировые лидеры, в соответствии с которыми они строили свою политику? Читатель был бы избавлен от такого выбора, следуй автор «Мифа «Ледокола» своему призыву «постараться понять настроения людей того периода и не судить о них с позиций сегодняшнего дня». Действительно, как иначе подходить к историческим событиям?!

Далее — не меньшая странность. Вступаясь за предвоенную сталинскую внешнюю политику, Г. Городецкий пишет, что напрасно историки «уделяют первостепенное внимание подписанным месяц спустя совершенно секрет-

ным протоколам», используя их для выявления истинных целей советской политики (см. курсив в вышеприведенной цитате из «Мифа «Ледокола»). Почему напрасно? А потому, аргументирует он, что секретные протоколы были подписаны месяц спустя, а не сразу, не вместе с пактом. Следовательно, секретные протоколы не имели того значения, которое им придают «другие историки». Дело доходит до того, что на последующих страницах он спорит сам с собой, доказывая существование связи пакта с секретными протоколами (с. 45 — 46). В свете того, что уже говорилось о приемах, используемых израильским историком в подкрепление странностей «Мифа «Ледокола», его трудно заподозрить в невнимательности при чтении документальных изданий с текстом пакта. Он не мог не знать, что вместе с пактом в ночь с 23 на 24 августа 1939 года был подписан и приложенный к нему секретный дополнительный протокол — *первый и основной* из общего числа шести секретных протоколов, принятых сторонами в 1939 — 1941 годах. *Принятых на протяжении нескольких лет, а не за один месяц.* Оба документа, пакт и секретный протокол, по которому стороны «обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе», в соответствующих дипломатических публикациях следуют один за другим, на соседствующих страницах⁷⁹. Согласитесь, все это более чем странно.

Наконец, неужели Г. Городецкому неизвестно, что не сам пакт, а дополняющий его секретный протокол о разделе Восточной Европы и стал главным предметом переговоров в Кремле? Читаем примечание к секретному протоколу, опубликованному в 22-м томе «Документов внешней политики СССР». Оговорка об отсутствии записи хода переговоров в Кремле (на самом деле существует упомянутая выше немецкая запись переговоров; думается, есть и советская запись переговоров, только запрятана далеко) сопровождается примечанием составителей тома о том, что Сталин счел необходимым начать встречу с И. Риббентропом 23 августа именно с вопроса о разграничении «сфер интересов»⁸⁰. В своем последнем слове на Нюрнбергском

процессе И. Риббентроп говорил, что, когда он приехал в Москву для заключения пакта, Сталин «дал понять, что если он не получит половины Польши и Прибалтийские страны, еще без Литвы с портом Либава, то я могу сразу же вылететь обратно»⁸¹. Что и было зафиксировано в секретном протоколе.

Кстати, этот важнейший том (в двух книгах) широко известной серии «Документы внешней политики СССР», посвященный 1939 году, не нашел никакого отражения в «Мифе «Ледокола». Между тем в документах тома прослеживается встречное движение сторон к пакту, импульс которому придало требование В.М. Молотова подвести «соответствующую политическую базу» под отношения между Германией и Советским Союзом. Чего он стал тут же добиваться, заменив М.М. Литвинова в НКВД СССР⁸². Таковы приемы, которые использует израильский историк, чтобы избавиться от углубления в международные отношения кануна войны и избежать постановки вопроса о роли Сталина в развязывании мировой войны.

Ко всему прочему, заявляя, что секретный протокол был подписан не одновременно с пактом о ненападении, а месяц спустя, Г. Городецкий обходит застарелую проблему советской внешней политики — как сохранить тайну секретного протокола к советско-германскому пакту о ненападении от 23 августа 1939 года. *Полвека* советские руководители, от товарища Сталина до М.С. Горбачева, скрывали от нашей общественности тайну секретного протокола. Она продержалась так долго потому, что разглашением содержания протокола снимался вопрос о том, кто, в какой конкретный момент и с какой целью развязал мировую войну. Это объясняет и то «трогательное единство» в сохранении тайны секретного протокола, которое пронесли через всю мировую войну нацистские лидеры и сталинское руководство. Правда, интересно, что же оказалось весомее схватки смертельных врагов — Сталина и Гитлера, раз никто из них не решился обнародовать секретный протокол, обвинив во всем противную сторону?

Тот факт, что Г. Городецкий следует советской традиции сохранения тайны секретного протокола (применяя

прием, до которого никто из последователей «Фальсификаторов истории» до него не додумался, — мол, пакт и секретный протокол были подписаны в разное время), не мог не сказаться на интерпретации им исторического значения пакта (и еще раз: в разительном отличии от «других историков»). Поражает и то, что, оправдывая внешнюю политику сталинского руководства, он начисто игнорирует проблему взаимосвязи политики и морали применительно к международным отношениям 1939 — 1941 годов. В его узкодипломатическом повествовании все державы и их лидеры уравниены в качестве субъектов международных отношений. У «других историков» подход совершенно иной.

Поскольку морально-нравственная сторона «действительных событий» мало интересует автора «Мифа «Ледокола», он не видит ничего плохого в факте ведения сталинским руководством в последние предвоенные месяцы переговоров одновременно и со странами демократического Запада, и с нацистской Германией. Для Г. Городецкого, развивающего свой тезис о враждебном окружении, которое «все более смыкалось вокруг Советского Союза», это — «реалистическая политика» (с. 46, 57). Другими словами, ничего иного не оставалось, как только проводить «такую политику, которая бы наилучшим образом отвечала безопасности Советского Союза» (с. 60).

Так родилось решение Сталина пойти на пакт с нацистским лидером Гитлером.

Заключительный вывод автора «Мифа «Ледокола» сводится к тому, что и в 1939 году, и в 1941 году действия Сталина объясняются «безнадежностью политических альтернатив для Советского Союза» (с. 344). Признавая, однако, что с весны 1939 года, с английских гарантий Польше, перед Советским Союзом «открывалась возможность выбора», то есть у него появилась свобода маневра, являющаяся «венцом успеха любой внешней политики» (с. 52 — 53). Но почему же Г. Городецкий говорит об отсутствии альтернатив для СССР? Только потому, что он так и не смог разобраться в мотивах сталинского руководства, в том, что оно руководствовалось во внешней политике *исключительно* классово-имперскими целями. В создавших-

ся для СССР крайне благоприятных международных условиях.

Трудно поверить, что историку с пятнадцатилетним опытом изучения международных событий того времени неизвестно, что как западные страны, демократические Англия и Франция, так и нацистская Германия придавали решающее значение тому, на чьей стороне окажется Советский Союз в приближающемся всеобщем конфликте. Поэтому наряду с официально объявленными советско-западными переговорами шли *тайные* двусторонние советско-германские «разговоры» (В.М. Молотов) и «беседы» (И. Риббентроп).

В политико-дипломатических кругах Европы существовало убеждение, что масштабный конфликт на континенте начнется только после того, как определится с выбором Советский Союз — последняя не ангажированная великая европейская держава, могущая склонить чашу весов в ту или иную сторону. *Но никак не раньше.*

Прибегнем к свидетельству непосредственного участника предвоенных дипломатических переговоров с советской стороны с представителями и Запада, и Германии. К свидетельству В.П. Потемкина, в 1937 — 1940 годах первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР. Позже главного редактора третьего тома «Истории дипломатии» (первое издание), целиком посвященного дипломатической подготовке Второй мировой войны и опубликованного за три года до появления «Фальсификаторов истории». В главе по предвоенному 1939 году, а ее соавтором был В.П. Потемкин, выделен параграф «Соперничество англо-французского блока и немецко-фашистской дипломатии из-за соглашения с СССР»⁸³. Выходит, Советский Союз не только не был в «осаде», а находился в выигрышной позиции, когда шло *соперничество*, конкурентная борьба за то, чтобы привлечь его на свою сторону. Ибо — так начинается параграф: «Для обоих лагерей *исключительное значение* приобретал вопрос, на чьей стороне в предстоящем столкновении окажется Советский Союз»⁸⁴. Высокоставленный очевидец свидетельствует: сталинский Советский Союз *был хозяином положения*, вы-

бор был за ним. И он был сделан — в пользу нацистской Германии.

А что говорят опубликованные советские и иностранные дипломатические документы? Какую из версий они подтверждают: раннюю в «Истории дипломатии» или позднюю в «Фальсификаторах истории», которую пытается возродить и развить Г. Городецкий своей книгой?

Мне уже приходилось доказывать, что советские руководители в послевоенной Европе вовсе не считали себя в «международной изоляции», а тем более в «осаде». Наоборот, Сталин и его окружение считали, что пришло время, когда они могут последовать примеру царской России, которая во внутриевропейских конфликтах нередко определяла исход конфликта⁸⁵.

Г. Городецкий же, отвлекаясь от мотивов сталинского руководства, утверждает, что выбора, поддержать ли западные страны или их противника в лице Германии, Советский Союз лишила несговорчивость западных держав на трехсторонних переговорах в Москве и опасения войны с Германией в результате ее вторжения в Польшу (с. 57 — 59). На этих страницах, ссылаясь на секретные разведывательные данные от 7 мая и 19 июня, попавшие на стол к Сталину и якобы определившие «на ближайшие два года» его политику, израильский историк вновь навязывает читателю абсолютно бездоказательный вывод о том, что «у Сталина не было альтернативы подписанию пакта» (с. 61). Как в «Фальсификаторах истории», где подписание пакта выдается за «лучший выход из всех возможных выходов»⁸⁶.

Но как быть с официальными советскими заявлениями, по которым дело выглядит совершенно по-другому? Для Г. Городецкого это не проблема. Или он, как уже отмечалось, просто отмахивается от таких заявлений, предлагая не принимать их «за чистую монету». Или, как в данном случае, вновь проигнорировал заявления сталинского руководства, которое по-прежнему было уверено в том, что агрессия нацистской Германии в первую очередь направлена не против Советского Союза, а против Франции и Англии. Одно из таких заявлений В.М. Молотов сделал в конце мая, комментируя заключение 22 мая гер-

мано-итальянского военно-политического договора. По его словам, теперь агрессорам больше не нужно прятаться за ширму борьбы с Коминтерном для отвлечения внимания. Теперь «определенно говорят, что этот договор направлен именно против главных европейских демократических стран»⁸⁷. Даже по разведывательной информации от 19 июня (с. 59), о которой так высоко отзывается Г. Городецкий («выдающийся документ», «блестящая разведывательная информация»), немецкие планы в отношении Советского Союза не шли дальше его временной нейтрализации путем «второго Рапалло».

Товарищ Сталин сполна воспользовался возможностями маневрирования в открывшейся для него уникальной ситуации. Советский руководитель, якобы не имевший иного выхода, как сделать «выбор в пользу меньшего из двух зол» — то есть заключить пакт с Гитлером (с. 61), воспользовался представившейся ему возможностью, чтобы продвинуться в своих классово-имперских планах.

После начала войны Германии с Англией и Францией, выступивших в соответствии со своими обязательствами на стороне Польши, Сталин с предельной откровенностью разъяснил мотивы, по которым он заключил пакт о ненападении с Гитлером. Сделал он это 7 сентября, принимая генерального секретаря Исполкома Коммунистического интернационала Г. Димитрова, обратившегося за политическими установками для Коминтерна. В присутствии В.М. Молотова и А.А. Жданова, наиболее близких Сталину в то время членов Политбюро.

О сталинских инструкциях стало известно из дневника Г. Димитрова, которым пользовался и Г. Городецкий. Но поступил он с этим документом выборочно, опустив самую существенную часть, раскрывающую замысел, заложенный товарищем Сталиным в пакт с Гитлером. Конечно, после всего, что было сказано об исследовательской методике израильского историка, мало удивительного в том, что аналогичным способом — все способы хороши, лишь бы подкрепить свою версию событий, он обошелся и с дневником Г. Димитрова, записавшего высказывания Сталина.

Г. Городецкий дважды ссылается на дневниковые записи руководителя Коминтерна (с. 76 — 77).

Первый раз, приводя слова Сталина о судьбе, которая была уготовлена Польше: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным государством меньше! Что плохого было бы, если [бы] в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую] систему на новые территории и население»⁸⁸. Комментарий Г. Городецкого: «По своему обыкновению он [Сталин] откровенно защищал интересы и приоритеты Советского Союза, слегка прикрывая их идеологическим флером... Однако не следует принимать такие заявления за чистую монету». Мол, преобладали «интересы СССР, а не ленинские догмы об «империалистической войне» (с. 77. *Курсив мой.*). Ну да, ведь сталинский Советский Союз уже давно отказался от наступления на позиции мирового капитализма...

Во второй раз израильский историк воспользовался сталинскими высказываниями о московских тройственных переговорах. Он приводит (не полностью) еще одно место из инструкций Сталина Коминтерну — о том, что «мы предпочитали соглашение с так называемыми демократическими странами и поэтому вели переговоры. Но англичане и французы хотели нас иметь в батраках и притом за это ничего не платить! Мы, конечно, не пошли бы в батраки и еще меньше ничего не получая». Цитирует без комментариев. А ведь есть что прокомментировать.

Казалось бы, Г. Городецкому должно было заинтересовать, чего ж добивался Сталин на переговорах с Англией и Францией, какую «плату» требовал в обмен на «батрачество». А требовал он от них того, что получил от Гитлера — контроля над западными приграничными соседями между Балтийским и Черным морями. Но Англия и Франция никак не соглашались на это, чего не мог не учитывать Сталин. Можно было бы задаться вопросом, почему, даже войдя в составе антигитлеровской коалиции, западные союзники так и не признали право Советского Союза на три Прибалтийские государства. Не сделали они этого и по окончании войны. Можно было задаться еще одним во-

просом: не хотел ли Сталин, выдвигая такие территориальные требования на тройственных англо-франко-советских переговорах, довести до Гитлера свои условия достижения договоренности с ним. Ведь ход московских переговоров не был секретом для немцев.

А опущено Г. Городецким, как уже было сказано, самое важное из «откровенной беседы» (с. 76) Сталина с Г. Димитровым. Восстановим, по соображениям научной добросовестности, ту часть сталинских высказываний, в которой приводится оценка советско-германского пакта, данная *в контексте* мировой войны.

Охарактеризовав начавшуюся войну как схватку «между двумя группами капиталистических стран», Сталин продолжил: «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии было [бы] расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивая одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент — подталкивать другую сторону»⁸⁹.

Как читатель «Мифа «Ледокола», не могу избавиться от чувства неловкости за израильского историка. Приведя, худо-бедно, две цитаты из сталинских инструкций Г. Димитрову, он скрыл от читателя самую принципиальную их часть. О том, что советско-германский пакт помогает Гитлеру, который, не сознавая этого, войной с западными странами подрывает капитализм в Европе; что следует и дальше поощрять воюющих, чтобы они «лучше разодрались». Испытываю неловкость от того, что не нахожу приличествующего историку-профессионалу ответа на вопрос, почему он не решился процитировать ключевые сталинские фразы о назначении советско-германского пакта. Почему он так откровенно отказался от обещания писать, соблюдая объективность, которой, по его мнению, не хватает «невежественному» В. Суворову и «другим историкам». Как быть с его же призывом «поста-

раться понять настроения людей того периода и не судить о них с позиций сегодняшнего дня». Откровения Сталина, центральной фигуры всего повествования, заслуживали того, чтобы они были переданы полностью и квалифицированно проанализированы.

Приходится констатировать: Г. Городецкий опустил самую важную часть сталинских свидетельств потому, что одними этими откровениями *доказывается* концепция «Ледокола» В. Суворова. Это не только отказ от принципа объективности, а молчаливое признание несостоятельности его «нетривиальной» версии советской внешней политики 1939 — 1941 годов.

Раз израильский историк вступил на путь утаивания наиболее важных сталинских документов («Краткого курса истории ВКП (б)», доклада на XVIII съезде, наиболее показательной части инструкций Коминтерну), он продолжил его и в отношении других исторических свидетельств. Так, в «Мифе «Ледокола» не нашлось места дипломатическим донесениям в Москву из европейских столиц, в которых говорилось об охватившей западные страны панике перед неизбежными социальными последствиями мировой войны⁹⁰. Неужели его автору представляется, что деятели того времени действовали по рецептам, которые он выписывает им задним числом?!

Говоря о целях советской внешней политики в связи с мировой войной, Г. Городецкий полностью абстрагируется от ее геополитических последствий — распространения советского контроля на Восточную и Центральную Европу вплоть до Берлина. Поочередное «подталкивание» сторон, якобы одинаково враждебных СССР, вылилось в советское участие — *на договорных началах* — в обеих воюющих коалициях. Сперва заключив в августе-сентябре 1939 года два договора с нацистской Германией и войдя с ней в официально признанные «дружеские отношения»; затем, после начала советско-германской войны, присоединившись к Атлантической хартии Рузвельта — Черчилля от 14 августа 1941 года, объявивших об объединении усилий их стран в войне против «нацистской тирании». Это — из

числа *главных событий* начального этапа Второй мировой войны. Их нельзя ни обойти, ни превратно истолковать.

По окончании войны Сталин вновь уравнивал обе коалиции, как он это делал и до войны, охарактеризовав Вторую мировую войну как схватку «двух капиталистических коалиций, вцепившихся друг в друга», чтобы «добиться мирового господства»⁹¹. А на партийном съезде 1952 г. историческое значение мировой войны (то есть ее главный итог) рассматривалось под углом образования «лагеря мира и демократии, противостоящего лагерю империализма»⁹². Какие еще требуются доказательства того, что в своей внешней политике сталинское руководство исходило из постулата необходимости воспользоваться «межимпериалистическими противоречиями» в интересах «дела социализма»?! Точнее — в классово-имперских целях сталинского Советского Союза.

Речь Сталина 10 марта с ее прогерманскими акцентами, смещение 3 мая сторонника соглашения с западными странами наркома иностранных дел М.М. Литвинова, сталинские инструкции К.Е. Ворошилову от 7 августа, откровенно нацеленные на срыв еще не начавшихся переговоров с военными миссиями Англии и Франции⁹³, решение Политбюро от 11 августа о готовности вступить в официальные переговоры по уже оговоренным с немецкой стороной вопросам (которые и составили содержание секретного протокола)⁹⁴ — таков неполный перечень документированных фактов весны-лета 1939 года, говорящих о целенаправленном курсе сталинского руководства на достижение договоренностей с нацистской Германией.

Пожалуй, этот ряд стоит дополнить еще одним архивным документом на тему о том, как себе представляли в ближайшем окружении Сталина исход параллельных официально объявленных тройственных (СССР, Англии и Франции) и тайных двусторонних (СССР и Германии) переговоров.

Этот документ — стенограмма доклада Д.З. Мануильского в аудитории, состоявшей из представителей партийной и научной элиты. Говорилось доверительно о перспективах московских трехсторонних переговоров: «Мы пре-

красно понимаем, что сейчас за нами так ухаживают, как приблизительно за богатой московской невестой в свое время (смех), но мы цену своей красоте знаем (аплодисменты) и если сделаем брак, то по расчету (смех, аплодисменты). Брак по любви у нас не войдет (так в тексте. — Д.Н.), а по расчету — милости просим». И в конце выступления, в ответах на вопросы: «Я не большой оптимист, я не скажу, как английская печать, что уже соглашение между СССР и Англией и Францией в кармане. В кармане может быть и фига». Видимо, опомнившись, продолжил: «Это серьезный вопрос, я так не буду говорить». Тем не менее: «И я говорю, я не оптимист, я не думаю, что соглашение уже в кармане, у меня просто, как у советского человека, есть большая доля скептицизма». Документам подобного рода в «Мифе «Ледокола» места не нашлось.

6. БЕЗ СУХОГО ОСТАТКА

Почему «Ледокол» В. Суворова нашел своих многочисленных читателей, а «Миф «Ледокола» Г. Городецкого — нет? Потому, думается, что важна не только историческая истина, провозглашаемая каждым из этих авторов, но и путь к этой истине, который вместе с исследователем проходит читатель. Путь доказательств на фактах, документах, аргументах. У кого это убедительнее, у того и благодарные читатели.

Историческая ретроспектива, отраженная в словах и делах товарища Сталина, убеждает, что *итог* (да, итог!) его предвоенной внешней политики — заключение советско-германского пакта о ненападении был предопределен расчетом на подрыв сил капиталистических стран в новой мировой войне. Пакт явился практическим приложением марксистско-ленинской идеи использования «межимпериалистических противоречий» в классово-имперских интересах сталинского Советского Союза. Отсюда советские метания от сотрудничества с Германией (1939 — 1941 гг.) до вхождения в антигитлеровскую коалицию вместе с Англией, США и Францией (1941 — 1945 гг.). Ни один из основных участников мировой войны не проделал таких глу-

боких военно-политических зигзагов, как Советский Союз; все остальные участники войны — войны *коалиционной* с обеих сторон — определились в выборе потенциальных союзников заранее.

В общем и целом «Миф «Ледокола» Г. Городецкого есть не что иное, как *ремейк* сталинских «Фальсификаторов истории», от положений которых давно отказались историки, уважающие себя и читателей. Противопоставив себя другим историкам, а не только В. Суворову, автор лишил себя возможности попытаться раскрыть историческое значение Второй мировой войны. Не говоря уж о том, что вне его внимания остался общий контекст XX века — глобальное противостояние демократии и тоталитаризма.

Примечания

¹Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны Перевод с английского. М., 1995. 350 с.

²Здесь и далее ссылки на книгу Г. Городецкого приводятся непосредственно в тексте статьи.

³Странности «Мифа «Ледокола» уже были предметом публичного разбора: см., например: *Невежин В.А.* Сталинский выбор 1941 года: оборона или... «лозунг наступательной войны»? (По поводу кн. Г. Городецкого «Миф «Ледокола»). // Отечественная история. 1996. № 3. С. 55 - 73.

⁴*Суворов В.* Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992; День «М». Когда началась Вторая мировая война? Продолжение книги «Ледокол». М., 1994.

⁵О внешней политике Советского Союза. Доклад Председателя Совета народных комиссаров и Народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова на внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. // «Правда». 1 ноября 1939 г. О том, что эта оценка принадлежит Сталину, стало известно из его правки текста статьи «Мир или война?», которая была опубликована в газете «Известия» 9 октября 1939 г. в поддержку «мирных предложений» Гитлера, выдвинутых им в речи в рейхстаге 6 октября 1939 г. // Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. И. Д. 1123. Л. 35.

⁶Декларация правительства СССР на Межсоюзнической конференции в Лондоне. Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1. М., 1944. С. 144 — 148.

⁷См. подробнее: *Наджафов Д.Г.* Об историко-геополитическом наследии советско-германского пакта о ненападении 1939 года. // Правда

Виктора Суворова. Восстанавливая историю Второй мировой — 2. М., 2007. С. 33 - 80.

⁸См. *Городецкий Г.* Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001.

⁹Фальсификаторы истории. (Историческая справка.) М., 1948.

¹⁰Солидная работа английских соавторов А. Рида и Д. Фишера «Смертельные объятия: Гитлер, Сталин и нацистско-советский пакт. 1939 — 1941» (*Read A., Fisher D. The Deadly Embrace: Hitler, Stalin and Nazi-Soviet Pact, 1939 — 1941. London. 1988*) отвергается как проявление «живучести этого мифа». // Миф «Ледокола». С. 70.

¹¹*Городецкий Г.* «Ледокол»? Сталин и путь к войне. // Война и политика. 1939 - 1941. М., 1999. С. 247.

¹²Фальсификаторы истории. С. 36 — 55. Название главы брошюры принадлежит Сталину.

¹³Там же. С. 53 — 55.

¹⁴*Nazi-Soviet Relations, 1939 — 1941: Documents from the Archives of the German Foreign Office. Ed. by R. G. Sontag, J. S. Beddie. Washington, 1948.* Понятно, что документы этого сборника Г. Городецкому не понадобились.

¹⁵Тов. Маленков: Информационное сообщение о деятельности ЦК ВКП (б). // Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 81. В изданном в начале 1960-х годов «Дипломатическом словаре» в качестве примера использования противоречий между империалистами «для обезвреживания их агрессивных замыслов» содержится ссылка на внешнеполитическую стратегию СССР как перед, так и в годы Второй мировой войны. // Дипломатический словарь. В 3 тт. М., 1960 — 1964; т. 1. С. 467. Для авторов официальной истории советской внешней политики Вторая мировая война явилась подтверждением ленинского предвидения неизбежности «самых ужасных столкновений» между социализмом и капитализмом, т.е. была естественным продолжением борьбы двух систем. // История внешней политики СССР. 1917 - 1985. В 2 тт. Изд. 5-е. М., 1986. Т. 1. С. 15.

¹⁶Краткий курс истории ВКП (б). М., 1938. С. 318; Отчетный доклад т. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП (б). // XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). 10 — 21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 12.

¹⁷*The World in March 1939. Ed. by A. Toynbee, F. T. Ashton-Gwatkin. London, etc. 1952. P. VII.*

¹⁸Передовая газеты «Известия» «К международному положению». 11 мая 1939 г. // МИД СССР. Год кризиса. Документы и материалы. В 2 тт. М., 1990. Т. 1. С. 452. Передовица была воспринята советскими дипломатами за рубежом как указание Москвы.

¹⁹*Чуев Ф.М.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 82.

²⁰Ответы Г. Городецкого на вопросы журнала «Новая и новейшая история». // «Новая и новейшая история». 1995, №. 3. С. 71 (*курсив мой*).

²¹Постановление ЦК ВКП (б) от 14 ноября 1938 г. О постановке

партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП (б)». // «Правда». 15 ноября 1938 г.

²²«Правда». 19 сентября 1938 г.

²³21-я годовщина Октябрьской революции. Доклад тов. В.М. Молотова на торжественном заседании Московского совета 6 ноября с.г. // «Правда», 7 ноября 1938 г.

²⁴Фальсификаторы истории. С. 54.

²⁵*Прозектор Д.М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 202.

²⁶*Сахаров А.Н.* Война и советская дипломатия: 1939 — 1945. // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 32.

²⁷*Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1990. С. 86. См. также: *Вишневский В.* «...Сами перейдем в нападение». Из дневников 1939 — 1941 годов. // М., 1995. № 5. С. 104 - 105, 107 - 109.

²⁸РГАСПИ. Ф. 77, оп. 1, д. 714, л. 33 — 54. Далее ссылки на отдельные листы не приводятся. Стиль документа сохранен. (*Курсив мой. — Авт.*)

²⁹См.: Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998.

³⁰Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. // «Вопросы истории». 1990, № 8. С. 60.

³¹Стенограмма доклада тов. Мануильского о международном положении. 14 июля 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 92. Л. 16.

³²Внешняя политика Советского Союза. Доклад председателя Совета народных комиссаров и Народного комиссара иностранных дел тов. В.М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. // «Правда», 2 августа 1940 г.

³³По утверждению критика В. Суворова, он изучил, помимо архивных документов, «также широкий круг опубликованных документальных материалов». // *Городецкий Г.* Миф «Ледокола». С. 27.

³⁴Отчетный доклад т. Сталина... // XVIII съезд... С. 11 (*курсив мой. — Авт.*).

³⁵Отчетный доклад т. Сталина... // XVIII съезд... С. 13 (*курсив мой. — Авт.*).

³⁶Там же. С. 14 (*курсив мой. — Авт.*).

³⁷Отчетный доклад т. Сталина... // XVIII съезд... С. 15.

³⁸Нота народного комиссара иностранных дел СССР М.М. Литвинова послу Германии в СССР Ф. Шуленбургу. 18 марта 1939 г. // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 202 - 204.

³⁹Documents on German Foreign Policy, 1918 — 1945. Series D (1937 - 1945). Vol. 6. P. 1.

⁴⁰Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Soviet Union, 1933 — 1939. Washington, 1952. P. 748 — 749.

⁴¹Documents on British Foreign Policy. 1919 — 1939. 3rd Ser. Vol. 1 - 9. London, 1949 - 1955. Vol. 4. P. 419. Далее - DBFP.

⁴²Запись беседы имперского министра иностранных дел со Сталиным и Молотовым. Государственная тайна. Канцелярия Имперского Министра иностранных дел, 24 августа 1939 г. // СССР — Германия.

В 2 книгах, Vilnius, 1989. Т. 1. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. С. 69.

⁴³Речь председателя Совета народных комиссаров, Народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР. 31 августа 1939 г. // Год кризиса. Т. 2. С. 348.

⁴⁴Там же. С. 350 (курсив мой. — *Авт.*).

⁴⁵*Риббентрон И.* Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. Из наследия, изданного Аннелиз фон Риббентрон. М., 1996. С. 134.

⁴⁶DBFP. Vol. 7. P. 257 - 258.

⁴⁷Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. // «Вопросы истории». 1990, № 7. С. 75, 80.

⁴⁸Краткий курс истории ВКП (б). С. 320.

⁴⁹Там же. С. 161 (курсив источника).

⁵⁰Доклад делегации ВКП (б) в ИККИ на XVIII съезде ВКП (б). Докладчик т. Мануильский. // XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. С. 59 (курсив мой. — *Авт.*).

⁵¹Постановление ЦК ВКП (б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП (б)» // «Правда». 15 ноября 1938 г.

⁵²Постановление ЦК ВКП (б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП (б)». 14 ноября 1938 г. // Стенограмма заседаний Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б). 1923 - 1938 гг. В 3 тт. Т. 3. 1928 - 1938 гг. М., 2007. С. 756.

⁵³И.В. Сталин о «Кратком курсе истории ВКП (б)». Стенограмма выступления И.В. Сталина на совещании пропагандистов. 1 октября 1938 г. // «Исторический архив». 1994, № 5. С. 5 — 29.

⁵⁴См.: *Шейнис З.С.* Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989. С. 360. После партийного съезда эта же статья вышла в серии «В помощь пропагандисту», открывая брошюру «Материалы к изучению доклада товарища Сталина на XVIII съезде ВКП (б)» (Новосибирск. 1939).

⁵⁵*Гольянов В.* Международная обстановка Второй мировой войны. // «Большевик». 1939, № 4. С. 49.

⁵⁶Там же.

⁵⁷Там же. С. 50 (курсив мой. — *Авт.*).

⁵⁸*Гальянов В.* Международная обстановка Второй мировой войны. // «Большевик». 1939, № 4. С. 65.

⁵⁹Там же. С. 65.

⁶⁰*Прозектор Д.М.* Указ. соч. С. 89.

⁶¹Стенограмма доклада тов. Мануильского о международном положении. 14 июля 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 523, оп. 1 д. 92, л. 20.

⁶²Там же. Л. 20 - 20 об., 21.

⁶³См. подробнее: *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939 — 1941 гг. М., 1997.

⁶⁴Главлит — переписка с ЦК ВКП (б) по цензурным вопросам. 4 января — 14 июля 1938 г. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9425с, оп. 1, д. 6, л. 33.

⁶⁵Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1990. С. 291 (курсив мой. — Авт.).

⁶⁶Вишневский Вс. Книга о будущей войне. Ник. Шпанов. «Первый удар. Повесть о будущей войне». М., Воениздат, 1939, 134 с. // «Большевик». 1939, № 11 — 12. С. 119 - 123.

⁶⁷Отчетный доклад т. Сталина... // XVIII съезд... С. 15.

⁶⁸См.: Гогун А. Съезд воинствующих. // Правда Виктора Суворова-2. Восстанавливая историю Второй мировой. М., 2007. С. 23 — 32.

⁶⁹Международное положение Советского Союза. // Отчетный доклад т. Сталина... // XVIII съезд... С. 9 — 15.

⁷⁰Там же. С. 13.

⁷¹Речь Председателя советской делегации М.М. Литвинова на заседании Ассамблеи Лиги Наций. Женева, 14 сентября 1935 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1957 — Т. 18. С. 510 — 511.

⁷²Германо-советское коммюнике. 18 сентября 1939 г. // Там же. Т. 22. Кн. 2. С. 98.

⁷³Запись беседы Имперского министра иностранных дел со Сталиным и Молотовым. Государственная тайна. Канцелярия Имперского министра иностранных дел. 24 августа 1939 г. // СССР — Германия. 1939 — 1941. В 2 книгах. Vilmiis, 1989. Кн. 1. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. С. 65 — 69.

⁷⁴Речь председателя Совета народных комиссаров, народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР. 31 августа 1939 г. // Год кризиса. Т. 2. С. 350.

⁷⁵Внешняя политика СССР. Доклад председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. // «Правда». 2 августа 1940 г.

⁷⁶О текущих задачах пропаганды (с замечаниями А.А. Жданова). // РГАСПИ. Ф. 77, оп. 4, д. 13, л. 164 - 165, 167.

⁷⁷См.: Raak R.C. Stalin's Drive to the West. 1938 — 1945. The Origins of the Cold War. Stanford (Cal.), 1995.

⁷⁸См. Рейнольдс Д. 1940 год и его место в истории XX века. // XX век: Основные проблемы и тенденции международных отношений. По материалам международной конференции 21 — 23 ноября 1989 г. Москва. М., 1992. С. 49 - 95.

⁷⁹См. изданный в 1992 году том 22-й, книга 1-я серии «Документы внешней политики СССР»: 484. Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. [23 августа 1939 г.] — С. 630 — 632; 485. Секретный дополнительный протокол. [23 августа 1939 г.] — С. 632.

⁸⁰Там же. С. 591 (примечание 178).

⁸¹См.: Запись беседы Народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом. 20 мая 1939 г. Секретно. // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 386 - 387.

⁸²История дипломатии. Том 3: Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919 — 1939 гг.). Под ред. академика В.П. Потемкина. М.; Л., 1945. С. 679 — 686.

⁸³Там же. С. 679 (курсив мой. — *Авт.*).

⁸⁴*Наджафов Д.Г.* СССР в послевоенной Европе. Октябрь 1938 г. — март 1939 г. // Отечественная история. 2000, № 2. С. 67 — 88.

⁸⁵Фальсификаторы истории. С. 54.

⁸⁶Доклад председателя Совета народных комиссаров и Народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова на сессии Верховного Совета СССР «О международном положении и внешней политике СССР». 31 мая 1939 г. // Год кризиса. Т. 1. С. 524 — 525.

⁸⁷Политбюро ЦК РКП (б) - ЦК ВКП (б) и Коминтерн. 1919 - 1943. Документы. М., 2004. С. 780.

⁸⁸Беседа воспроизведена по дневниковой записи Г. Димитрова. // Политбюро ЦК РКП (б) - ЦК ВКП (б) и Коминтерн. С. 779 - 780.

⁸⁹См.: *Белоусова З.С., Наджафов Д.Г.* Вызов капитализму: Советский фактор в мировой политике. // XX век. Многообразие, противоречивость, целостность. М., 1996. С. 83.

⁹⁰*Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 30.

⁹¹*Маленков Г.* Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП (б). 5 октября 1952 г. М., 1952. С. 9.

⁹²См. Инструкции народному комиссару обороны СССР К.Е. Ворошилову, главе советской делегации на переговорах с военными миссиями Великобритании и Франции. 7 августа 1939 г. Секретно. // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 584.

⁹³Сообщение Комиссии по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года. (Доклад председателя комиссии А.Н. Яковлева 23 декабря 1989 года на II Съезде народных депутатов СССР. // «Правда», 24 декабря 1989 г.

⁹⁴Стенограмма доклада тов. Мануильского о международном положении. 14 июля 1939 г. // РГАСПИ. Ф. 523, оп. 1, д. 92, л. 18, 43, 44.

ДОБРОВОЛЬНЫЕ ПОМОЩНИКИ СТАЛИНА

ПОЧЕМУ НЕНАВИДЯТ ВИКТОРА СУВОРОВА

Проанализировав в свое время все военные ходы Адольфа Гитлера — особенно относящиеся к августу/сентябрю 1939 г., — я пришел к выводам, изложенным в книге *The Collapse and Its Lessons* (1993)¹, в которой проведены параллели между войной Судного дня² 1973 г. и переходом реки Маас вермахтом в 1940 г.

Немецкое правительство в конце 1930-х гг. не было заинтересовано ни в мировой войне, ни даже в войне против Польши. Гораздо больше его заботило — и с полным основанием — то, что объединенные силы Великобритании и Франции выйдут к западным границам Германского рейха, а Советский Союз одновременно атакует восточные. Гитлер полагал, что ему понадобятся еще годы для вооружения и внутреннего укрепления, прежде чем он сможет пойти на риск общеевропейской войны, и что если он сейчас рискнет воевать, то поставит на карту все, что было создано его агрессивной политикой. А именно: превращение побежденной страны всего лишь за семь лет успешной стратегической игры ва-банк в великую державу. 1 сентября 1939 г. Гитлер был уверен, что его вступление в Польшу не приведет к войне, поскольку у него перед глазами еще стояло мирное, без единого выстрела присоединение

¹ Ури Мильштейн — историк, доктор политических наук, живет в Израиле, urimilsh@smile.net.il.

Судетской области, и что Польша примет его требования, не вступив в войну. Гитлер думал так еще и потому, что Польша была слабее Чехословакии, и потому, что Сталин пактом Молотова — Риббентропа дал ему гарантию ненападения, а тайный протокол к нему означал однозначное крушение в будущем Восточной Европы.

По всем этим пунктам Гитлер ошибался.

Для Сталина стратегическое значение пакта состояло в том, что он создавал ось Москва — Берлин, разрешавшую рейху — вначале — захватить Западную Европу, но затем позволявшую уничтожение немецких товарищей по пакту и — в качестве третьего шага — подчинение всего мира большевизму.

Собственно, уже тогда было ясно, что речь идет о пакте между врагами, готовыми в любой момент его нарушить и уничтожить противника еще до того, как высохнут на бумаге чернила.

Возможно, Сталин подписал пакт в расчете на то, что Третий рейх будет развивать свои вооруженные силы не быстрее, чем это происходило после 1933 г.; в середине 1940 г. гитлеровская армия была бы не в состоянии оказать серьезное сопротивление атакующей Красной армии. Со времен Петра Первого Германия олицетворяла для русских вершину прогресса и идеал для достижения. Поэтому Сталин как раз в это время сделал ставку на войну между капиталистическими странами Запада, которым по его плану было суждено рано или поздно быть включенными в сообщество коммунистических государств.

Еще в то время, когда я ничего не знал о Викторе Суворове и его грандиозном труде, мне казалось ясным, что Сталин подтолкнул Гитлера напасть на Польшу. Если бы Сталин напал на Польшу одновременно с Гитлером — как подразумевалось дополнительным соглашением к договору о ненападении, или днем позже, как того требовал от него Гитлер, то Великобритания и Франция не осмелились бы объявить войну немецко-советскому военному союзу. Это следует из немецкого призыва к Советскому Союзу 3 сентября 1939 г. вступить в Польшу в соответствии с договоренностью, т. е. в тот самый день, когда Вели-

кобритания и Франция объявили Германии войну. Сталин был крайне заинтересован в объявлении западными демократиями войны Германии, поскольку это устраняло угрозу СССР в будущем и ослабляло все замешанные в войну страны; это должен был быть первый шаг в направлении будущего вторжения советских войск.

Бывший советский офицер секретных служб Виктор Суворов, повернувшийся в 1978 г. спиной к рушащемуся советскому тоталитаризму и перебежавший на либеральный Запад, посвятил все свои силы раскрытию сталинского мастер-плана: советский вождь стремился к мировому господству большевистского тоталитаризма и хотел обратить в свою пользу немецкий военный потенциал. Целью сталинских интриг было развязывание войны превосходящими немецкими силами под командованием злобного и непобедимого «цепного пса» (если пользоваться выражением самого Суворова)³ — Адольфа Гитлера.

С начала 1990 г. среди историков разгорелась «мировая война» из-за вопроса о главном виновнике. Сегодня все говорит за то, что был один главный виновник Второй мировой войны — и катастрофы, настигшей еврейский народ, — и это был не «цепной пес» Адольф Гитлер, а тот, кто его натравил на соседей: Иосиф Сталин.

Вышедшая в 2008 г. в США книга Суворова «Главный виновник»⁴ ставит своей целью окончательно утвердить тезис, впервые заявленный за двадцать лет до того в книге «Ледокол».

Концепция Суворова при этом настолько проста и элегантна, что кажется удивительным, почему только в середине 1980-х гг. он первым ее последовательно выстроил. Эта концепция опирается, помимо прочего, на контакты, возникшие между Советами и НСДАП в 1923 г.; на запрет немецким коммунистам в 1933 г. войти в коалицию с социал-демократами, что могло бы предотвратить приход нацистов к власти; на поддержку, которую тайно получала проигравшая войну Германия из Советской России, так что она могла разрабатывать военную продукцию и обучать армейских офицеров на советской территории — что

полностью противоречило запретам, наложенным на немцев Версальским договором.

Нужно подчеркнуть, что «Главный виновник» ни в каком случае не переиздание классического труда Суворова «Ледокол», вышедшего в 1989 г. В новой книге Суворов мастерски использует многочисленные новейшие публикации, вышедшие в разных странах (некоторые — 2008 г.), в то время как его первенец «Ледокол» опирался только на открытые источники советской эпохи. В новой книге Суворов детально рассматривает многие важные события, которые раньше оказывались за рамками его внимания, — убийство Троцкого, войну в Испании, нападение на Японию в августе 1945 г.

С чрезвычайно странной для образованного человека непрофессиональной враждебностью концепция Суворова была рассмотрена известным американским историком Дэвидом Гланцем в вышедшей в 1998 г. книге «Споткнувшийся колосс»⁵ и не менее уважаемым израильским историком дипломатии Габриелем Городецким в книге «Роковой самообман» (1999)⁶.

Оба они вовсе не обсуждают результаты исследований Суворова, а просто заявляют, что их собственные книги Суворова опровергли.

Большинство обученных историков последовали тактике страуса, засунув голову в песок, в надежде, что, если замалчивать работы Суворова, о них все забудут. Такая тактика демонстрирует только неразумность самих этих историков — именно благодаря этому молчанию работы Суворова становятся еще более известными (я сам обратил внимание на работы Суворова, поскольку услышал, что их замалчивают).

Гланцу и Городецкому не удалось опровергнуть аргументы Суворова, они только сделали очевидным свое собственное, в высшей степени поверхностное понимание того, что происходило в СССР.

Их критика в сочетании с молчанием остальных больше говорит о природе западных «левых», представляющих собой продукт марксизма-ленинизма-сталинизма, слегка отполированный интеллектуальной болтовней франкфурт-

ской школы и ее самого известного представителя на Западе, немецко-еврейского ученого Герберта Маркузе, чем о Гитлере и Сталине.

И советские, и западные историки оправдывали заключение германо-советского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. — пакта Молотова — Риббентропа — тем, что он был якобы заключен под давлением обстоятельств и его нельзя осуждать, поскольку — как они говорят — СССР тогда был очень слаб. В первую очередь из-за того, что советские офицеры стали жертвами политических чисток, как, к примеру, маршал Михаил Николаевич Тухачевский. Поэтому Сталин хотел выиграть пару лет, чтобы успеть вооружиться для решающей схватки с Гитлером.

До Суворова в этом вопросе существовал консенсус: советские ученые боялись за свою жизнь, их западные коллеги были очарованы Советским Союзом. И самое главное: Германский рейх атаковал в июне 1941 г. СССР, и Красная Армия была разгромлена. Для всех это означало, что с боевыми возможностями Красной Армии в 1941 г. дело обстояло не лучшим образом. Следовательно, в 1939 г. она должна была быть еще гораздо слабее.

Однако Суворов в своей новой книге этот аргумент блестяще опроверг и доказал, что чистки вовсе не ослабили ощутимо Красную Армию. Сталин, мастер маскировки, великолепно зная о высокой боеспособности Красной Армии, тщательно скрывал ее от остального мира. Суворов, рассказывая о сталинской стратегии скрытности, пишет, например, о том, что как раз в те дни, когда подписывался германо-советский пакт о ненападении, Красная Армия одержала триумфальную победу над японцами в Монголии, но этот триумф был по указанию советских высших инстанций «закатан под ковер».

Со времен уничтожения испанской армады в 1588 г. тон в мире задавали англосаксы, хотя многие и пытались силой оспорить их превосходство.

К началу XX в., более чем через триста лет, англосаксы создали либеральную политическую цивилизацию, и из Первой мировой войны американский либерализм вышел

победителем, вопреки военной слабости США, но благодаря их промышленному превосходству.

С тех пор именно американский либерализм в союзе с европейскими сателлитами США Великобританией и Францией задавал тон в мире.

Но еще до этой победы США революционер-большевик Владимир Ленин писал в своей работе «Военная программа пролетарской революции» (1916/1917), что коммунистический тоталитаризм будет использовать войну как средство завоевания мира и что, если эта цель не будет достигнута, потребуются еще одна мировая война, чтобы распространить марксистскую утопию на весь мир. А до мессианской победы этой утопии Ленин предполагал выстроить свое владычество на жестокой марксистской идее «диктатуры пролетариата». После Октябрьской революции 1917 г. Ленин попытался продлить мировую войну, обеспечив поддержку Германской империи: в марте 1918 г. свежее испеченная Советская республика подписала мирный договор с Германией, которая после этого могла продолжать воевать только на Западном фронте. Кроме того, Германия получила от России огромные территории с промышленными предприятиями, сельскохозяйственным производством и важным военным сырьем.

Ленин верил, что капиталистические государства Запада взаимно истощат друг друга, эксплуатируемые массы восстанут и во всей Европе разразятся революции, которые прямо или косвенно пойдут на пользу большевикам. Но Германия согласилась в ноябре 1918 г. на прекращение боевых действий, а революции, спровоцированные большевиками в некоторых европейских странах, быстро затухли. Вскоре стало ясно, что коммунизм в Европе в мирное время не имеет шансов на победу.

Поэтому большевики стали тайными разжигателями войны.

По плану Сталина Гитлер — чей труд «Моя борьба» был очень быстро переведен на русский и внимательнейшим образом изучен Сталиным — должен был как «ледокол» пробить фарватер в застывшем океане либеральной Западной Европы. После этого Красная Армия смогла бы

без большого сопротивления вторгнуться в Европу и на штыках принести ее народам радости коммунизма.

Гитлер, однако, был не слишком внимательным читателем трудов Ленина и Сталина, и как раз в этом состояла одна из причин его последней неудачи: Сталин превосходил его интеллектуально.

Война — это в первую очередь война духа, еще Фридрих II Прусский в свое время внушал это своим генералам.

В большинстве западных стран — и в Израиле тоже — Суворов более чем нелюбим академическим историческим сообществом. Однако в том же Израиле у него бесчисленное количество читателей, особенно среди миллиона иммигрантов из бывшего СССР. Ненависть академического сообщества можно объяснить тем, что оно почти полностью сформировано франкфуртской школой, которая сильно повлияла на израильскую культуру. Эту проблему мы с доктором Гидеоном Ариелем рассматривали в нашей книге «Оазис мечты»⁷.

Однако ученые из группы «Гражданский форум по изучению боев»⁸ нашли много общего между тезисами Суворова и их собственными исследованиями войны между Израилем, Египтом и Сирией в 1973 г.

Согласно Суворову, Сталин планировал нападение на Германию, но Гитлер опередил его превентивным нападением 22 июня 1941 г. На вопрос, почему советские вооруженные силы сразу же после начала операции «Барбаросса» потерпели такое сокрушительное поражение, Гланц и Городецкий отвечают: получаемую Сталиным разведывательную информацию тот интерпретировал таким образом, будто Гитлер не сможет решиться напасть. Поэтому советский диктатор оказался полностью не подготовленным к нападению.

Суворов на тот же вопрос отвечает иначе: Красная Армия была разбита, потому что она готовилась к нападению.

Нечто похожее произошло во время войны Судного дня. Израильские силы, расположенные вдоль Суэцкого канала и на Голанских высотах, были ошеломлены тем,

что египтяне и сирийцы в апреле 1973 г. перехватили инициативу. Большинство исследователей — и в Израиле, и в других странах — видят причину этой растерянности в неправильной интерпретации разведывательной информации. Сотрудники группы «Гражданский форум» натолкнулись на неожиданный факт: несмотря на оборонительную политику после шестидневной войны 1967 г., израильская армия получала только наступательное оружие — самолеты и танки, разрабатывала только наступательные стратегии и планировала в будущей войне только наступательные операции.

После того как в полпятого утра 6 октября стало ясно, что в этот день начнется война, начальник Генерального штаба Давид Элазар и его офицеры были заняты разработкой исключительно наступательных планов, хотя они отлично знали, что Израиль будет атакован семью египетскими и сирийскими дивизиями. Им противостояли всего лишь три израильских полка, двум из которых предстояло в этот день быть уничтоженными.

Так же точно, как концепция Суворова, были либо проигнорированы, либо встречены в штыки открытия «Гражданского форума». В этом лежит причина «безумия правящих» (*Torheit der Regierenden*), разоблаченного американско-еврейским историком Барбарой Тухман в 1984 г. в одноименной книге. Интеллектуальная элита цеплялась за ложные догмы, только чтобы не признать, что она ошибалась.

Сталин был — и это доказуемо — не только главный виновник Второй мировой войны и катастрофы, постигшей евреев, но и — как это показывает Суворов — последнего распространения марксистского влияния на мнимолиберальном Западе, распространения, которое приняло форму такой «религии благоразумия», какую не сумели навязать революционной Франции после 1791 г. Максимилиан Робеспьер и его сообщники.

Карл Маркс определил религию как «опиум для народа». Он понимал, что массы не могут жить без религии. Но поскольку традиционная, трансцендентная религия сильно пострадала от скептицизма XVIII в., вожди фран-

цузской революции решили создать интеллектуальный опиум.

Маркс добился успеха там, где не справились все его предшественники: он создал религию, основанную на антикапиталистической утопии.

Но Маркс ошибался, потому что не понимал, что современная цивилизация основана на капитале, на прибавочной стоимости, и без нее мы будем ввергнуты в эпоху охоты и собирательства. Тезисы Маркса были Лениным, а позднее Сталиным переплавлены в догму, которая после окончания Первой мировой войны держится незыблемо. Псевдолиберальные интеллектуалы уже девять десятилетий заражены этой догмой, и именно поэтому они играют роль инквизиторов по отношению к таким людям, как Виктор Суворов, — последние в состоянии доказать безнадежность их религии. Сталину не удалось завоевать всю Европу, а то, что ему удалось завоевать, уже давно снова распалось. Сегодня Китай с его смесью «нацистского» политического тоталитаризма и экономического либерализма находится на подъеме и тянется к мировому владычеству.

Но в одном отношении Сталин имел несомненный успех — он впряг западных интеллектуалов в свою телегу.

Примечания

¹ «Разгром и его уроки», 1993.

² Война Судного дня.

³ «Когда мы недобрым словом поминаем пса, искусавшего пол-Европы, давайте не забудем и Сталина, который пса вырастил. А потом и спустил с цепи». *Суворов Виктор*. Ледокол. Москва: АСТ, 2001, с. 13.

⁴ *Suworow Viktor*. The Chief Culprit (2008).

⁵ *Glantz David*. Stumbling Colossus, University Press of Kansas. 1998.

⁶ *Gorodetsky Gabriel*. Grand Delusion, 1999. Русское издание: Покойной самообман. М.: Росспэн, 2001.

⁷ The Oasis of Dream. Survival Press, 2006.

⁸ Ziviles Forum far die Untersuchung von Schlachten.

ИДЕЯ «ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ»

ОСНОВА СОВЕТСКОЙ МИФОЛОГИИ НАШИХ ДНЕЙ

В конце 1980-х годов для советских патриотов сложилась крайне тяжелая ситуация. Она была сродни той, в которой оказались герои их легенды — «панфиловцы». Политруку «панфиловцев» приписывают фразу: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва». В конце перестройки идеологам советского патриотизма тоже отступать стало некуда — позади история «Великой Отечественной».

К тому времени в общественном сознании переоценке подверглись почти все догмы уходящей эпохи: «развитой социализм», «миролюбивая внешняя политика СССР», «добровольное вхождение» стран Балтии в «братскую семью народов Советского Союза», «небывалый расцвет культуры в СССР» и прочее. Дольше всех держался культ Ленина, но и он, в конце концов, пал под натиском неопровержимых свидетельств о массовом истреблении людей в ходе красного террора, о том, что именно Ленин заложил основы тоталитаризма в нашей стране.

Последним оплотом идеологии советских патриотов стала идея «Великой Отечественной войны». В конце 1980-х (как, впрочем, и сейчас) попытки опровергнуть тезисы советской пропаганды о Второй мировой войне воспринимались официальными лицами с особой нетерпимостью. Неудивительно. Ведь крушение «последней святы-

ни» лишает пребывание большевиков у власти какого-либо исторического оправдания.

Несмотря на противодействие официальных лиц, с начала 1990-х годов и до настоящего времени написано и опубликовано немало работ, авторы которых свободны от идеологических клише. Выйди первые из этих книг лет на пять раньше — рухнул бы и последний бастион советской пропаганды.

К сожалению, в 1990-е сознание многих российских граждан было уже не так восприимчиво к новым идеям, относящимся к области гуманитарных знаний. Люди были заняты не этим — одни созданием первоначального капитала, другие поиском средств к существованию, то есть «своими делами». Потому и стереотипы мышления в отношении событий 1941 — 1945 годов оставались в основном прежними.

«Последний бастион» советским патриотам удалось почти что отстоять и даже использовать как плацдарм для идеологического контрнаступления.

В 1990-е годы многие граждане разочаровывались в демократических реформах. Следствием этого стала ностальгия по СССР и поиски «светлых сторон» в его истории. Это сразу заметили те, кто мечтает о реставрации советских порядков. Сегодня идею «Великой Отечественной войны» они постепенно превращают в суррогат национальной идеи России. Национальной идеи как не было, так и нет, но «Великая Отечественная война» преподносится как нечто священное, не подлежащее переосмыслению. Любая попытка пересмотреть историю войны трактуется как отступничество.

Опираясь на миф о «Великой Отечественной», современные советские патриоты пытаются реабилитировать многие действия большевиков начиная с 1917 г. Нас пытаются убедить в том, что, несмотря на жесткость и даже жестокость применявшихся большевиками методов, именно эти методы обеспечили в конечном итоге победу над Германией.

При этом высказываются примерно такие суждения:

— 22 июня 1941 г. Николай II находился бы в возрасте

73 лет, его сыну — цесаревичу Алексею — было бы 37. Ни тот, ни другой, ни тем более политические наследники Керенского не смогли бы организовать адекватный отпор Гитлеру.

— Отпор не мог быть организован потому, что царская Россия была отсталой страной. Николай II страдал параличом воли, позволял вводить себя в заблуждение придворной камарилье, сам того не желая, становился заложником политических интриг. Он принимал решения, служившие интересам лиц, приближенных ко двору, а не интересам страны. Все это достаточно ярко проявилось в период Первой мировой войны.

— К 1941 году ситуация могла только ухудшиться. Во-первых, ко всем прочим скверным качествам Николая II добавляется старость; во-вторых, Гитлер был сильнее и опаснее кайзера Вильгельма. К началу нового германского вторжения цесаревич Алексей мог уже сменить отца на российском престоле. Но он был тяжелобольным человеком — страдал гемофилией. Либеральное республиканское правительство и подавно было бы неспособно отразить германский натиск.

— Конечно, и в несоветской России к 1941-му могли произойти определенные позитивные сдвиги, в том числе в экономике, но ничего подобного проведенной большевиками индустриализации явно не могло быть осуществлено.

— Раз Гитлеру невозможно было бы оказать должный отпор, Россию ждало уничтожение: территория расчленена, народы частью истреблены, частью порабощены «великогерманским рейхом».

— Только большевики имели волю к борьбе, смогли подготовить страну к обороне и тем самым спасти ее. За три предвоенные пятилетки страна проделала в своем индустриальном развитии путь, который европейские страны проходили за 50 — 100 лет. Россия из аграрной страны превратилась в промышленного гиганта. Развитая тяжелая промышленность позволила, хотя и с опозданием, оснастить Красную Армию современным оружием и победить врага.

— За индустриализацию была уплачена высокая цена. Но без ее проведения не было бы и победы, а следовательно, и самой России. Провести индустриализацию было невозможно без перекачки средств из сельского хозяйства в промышленность, а эта перекачка невозможна без коллективизации. Коллективизация была невозможна без раскулачивания, ибо неизбежно приводила к сопротивлению со стороны наиболее зажиточных крестьян.

— Все это не могло быть осуществлено без прекращения НЭПа, без использования бесплатной рабочей силы заключенных, без того, чтобы продавать за границу национальные богатства. Нельзя было не понизить жизненный уровень граждан, а дабы избежать волнений, стачек и забастовок, в стране должны были проводиться политические репрессии по принципу «не за то, что», а «чтобы не». Неизбежным было проведение борьбы с оппозицией и инакомыслием, а такая борьба невозможна в условиях существования многопартийности, парламентаризма и негосударственных средств массовой информации.

— Само собой, все это не могло осуществиться без взятия большевиками власти в октябре 1917 г. и без тех способов борьбы с врагами революции, которые имели место во время Гражданской войны.

— Да, большевики причинили много страданий людям, допустили много несправедливостей. Но, если бы не большевики, Гитлер бы нас уничтожил. Большевики пожертвовали частью, чтобы в конечном итоге спасти целое.

— То есть если бы большевики не взяли власть в 1917-м, то война в 1941-м закончилась бы поражением России.

Схема основана на двух постулатах:

— нападение Гитлера было неизбежно;

— Гитлер представлял реальную угрозу биологическому и культурному существованию народов России.

Однако эти постулаты зыбки, а без них вся схема ломается.

Как Гитлер стал Гитлером?

Ответ на вопрос, насколько неизбежным было нападение Гитлера, зависит от ответа на другой вопрос: насколько неизбежным был его приход к власти в Германии?

Вследствие чего это произошло? Разберемся.

Ни один из вождей большевизма в 1917 году не считал захват власти в России окончательным пунктом программы. Ленин даже рассуждал о том, что правильнее говорить не о русской революции, а о мировой революции, которая в силу исторических обстоятельств началась в России¹.

В 1919 году большевики создали в Москве транснациональную «пролетарскую» организацию «нового типа» — Коммунистический Интернационал (Коминтерн). Организация ставила перед собой задачу установления «диктатуры пролетариата» в масштабах всего мира. Коммунистический Интернационал определял себя как мировую коммунистическую партию. Устав Коминтерна гласил: «Являясь вождем и организатором мирового революционного движения пролетариата, носителем принципов и целей коммунизма, Коммунистический Интернационал борется... за создание Всемирного Союза Советских Социалистических Республик»² (что, по сути, было объявлением войны всему миру, по крайней мере холодной войны). В качестве плацдарма для осуществления этого плана лидеры большевиков, они же руководители Коминтерна, намеревались использовать территорию уже уничтоженного ими российского государства.

В первые годы пребывания у власти большевики совершили несколько неудачных попыток осуществить силами Красной Армии революционный поход в Европу. Народы сопредельных стран восприняли эти мероприятия не как миссию «освобождения от ига помещиков и капиталистов», а как агрессию. Красной Армии был дан отпор. Попытки большевиков организовать силами Иностранного отдела О ГПУ революции в европейских странах, то есть взорвать их изнутри, также не увенчались успехом.

Тогда большевики стали разрабатывать новую тактику мировой революции. Она заключалась в том, чтобы способствовать установлению в одной из европейских стран агрессивного режима, который развяжет новую мировую войну и поработит остальные народы Европы. В таком варианте предстоящее вторжение Красной Армии уж точно должно было восприниматься этими народами как миссия «освобождения». (Будущему агрессивному режиму в пери-

од его роста большевикам предстояло оказывать техническую помощь.)

Идеальным государством, которое могло в будущем развязать новую мировую войну, представлялась Германия. Здесь были наиболее подходящие условия для прихода к власти потенциальных агрессоров, а именно — реваншистские настроения в обществе.

Дело в том, что державы, победившие Германию в Первой мировой войне, покарали ее слишком жестоко. По Версальскому договору 1919 года Германия должна была выплачивать многомиллионные репарации. Это привело к бедственным для немцев социально-экономическим последствиям. Характерный показатель — гиперинфляция марки. В 1922 году в Германии цены менялись по 5 — 6 раз за сутки, зарплату выплачивали два раза в день. Условия Версаля стали ударом и по национальному самолюбию немцев. Германия потеряла 67,3 тысячи квадратных километров своей территории и все колонии.

Два этих фактора — нищета и национальное унижение — способствовали появлению и росту реваншистских настроений в немецком обществе.

В этих условиях началось советско-германское военное сотрудничество — первая фаза реализации новой тактики мировой революции.

Согласно Версальскому договору 1919 года вооруженные силы Германии — рейхсвер — были ограничены 100 тысячами человек в составе 10 дивизий: 3 кавалерийские и 7 пехотных. Германской армии было запрещено иметь подводный флот, крупные бронированные корабли, самолеты, дирижабли, танки, броневики, химическое оружие. А в 1922 году в Рапалло советские и германские представители подписали договор о сотрудничестве, который военных статей не имел, однако его важнейшим результатом стало взаимодействие именно в области вооружений. Рейхсвер получил право создать на советской территории, втайне от всего мира, военные объекты. Они предназначались для проведения испытаний военной техники, накопления тактического опыта, обучения личного состава родов войск, которые Германии было запрещено иметь.

В 1923 году было подписано несколько договоров, в частности с фирмой «Юнкере», о постройке на территории СССР авиазавода. В 1924-м советская промышленность приняла от рейхсвера заказ на производство 400 000 снарядов. Сложились три основных центра сотрудничества РККА с немцами: высшая школа летчиков в Липецке — «Липецк», танковая школа в Казани — «Кама» и школа химической войны в Подосинках — «Томка». В 1931 году в Москве проходили подготовку: В. Модель, В. Браухич, В. Кейтель, Э. Манштейн и другие будущие полководцы Второй мировой войны. В 1933-м сотрудничество сошло на нет, однако мощь германской армии к этому времени была уже во многом воссоздана³. В любом случае имеющиеся факты свидетельствуют о вполне определенных намерениях советской стороны — намерениях помочь Германии поддерживать на современном уровне военную сферу.

Следующей фазой новой тактики мировой революции было приведение к власти в Германии основной реваншистской силы — Национал-социалистической Германской Рабочей партии (НСДАП) — [Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei] [NSDAP] Адольфа Гитлера.

Согласно уставу Коминтерна, компартии разных стран входили в него в качестве секций. ВКП(б) также была одной из секций, но играла главенствующую роль: «Число решающих голосов каждой секции на всемирном конгрессе определяется... согласно числу членов данной партии и политическому значению данной страны»⁴. Совершенно очевидно, что ВКП(б) была самой многочисленной из всех коммунистических партий, а политическое значение СССР для мирового коммунистического движения было определяющим, поскольку только в Советском Союзе компартия была у власти, более того, никаких других партий в СССР не было.

Таким образом, Коминтерн был инструментом внешней политики СССР, а зарубежные компартии — исполнителями воли руководства ВКП(б): «Постановления Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала обязательны для всех секций Коммунистического Интернационала и должны ими немедленно проводиться в жизнь»⁵.

В 1928 году состоялся VI конгресс Коминтерна. На нем было провозглашено, что основной враг международного коммунистического движения — социал-демократы. К тому времени реальной силой в Германии обладали три партии: национал-социалисты, социал-демократы и коммунисты. Коминтерн (а практически — руководство СССР, а еще точнее — Сталин) запретил германским коммунистам поддерживать социал-демократов и создавать с ними предвыборные блоки. В результате на выборах в Рейхстаг 1932 г. гитлеровцы победили. Давно подмечена закономерность: сумма голосов, поданных за каждую из политически близких партий, идущих на выборы порознь, существенно меньше, чем количество голосов, которое могло быть подано за их единый блок. Ничто так не разочаровывает избирателя, как неспособность тех, за кого он собирался голосовать, договориться с политически близкими о совместных слаженных действиях. Немецкой компартии Сталин договариваться запретил.

Президент Германии Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером (главой правительства) 30 января 1933 г. В советских книгах сказано, что этот пост Гитлеру в буквальном смысле купили крупные германские промышленники. Их мотив — Гитлер будет готовиться к реваншу, следовательно, промышленность будет получать военные заказы. То есть речь шла о выгодном вложении денег. Это правда. Но Гитлер для того, чтобы на него сделали ставку, должен был что-то из себя представлять. Он и представлял — лидера партии, которая взяла самое большое число голосов на выборах.

Такова краткая история участия СССР в создании Третьего рейха.

ПОСЛЕДСТВИЕ ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА

В самой Германии голоса, поданные за НСДАП, означали отнюдь не только стремление к реваншу за Версаль и не только разочарование в «способности» немецких социал-демократов и немецких коммунистов найти общий язык. Они означали еще и страх перед большевизмом.

Этот страх был одним из закономерных последствий октябрьского переворота в России и последовавших за ним попыток распространить большевизм на другие страны: «Даешь Варшаву!»; «Даешь Берлин!».

В 1930-е в Германии, да и в других европейских государствах было распространено мнение, что режиму большевиков может успешно противостоять лишь аналогичный тоталитарный режим, но с обратным идеологическим знаком: не интернациональный, а национальный.

Таким настроениям вполне отвечал Гитлер, чья концепция тоталитарного государства была заимствована у Ленина, а острие нацистского тоталитаризма было обращено против интернационального собрата-образца. И у Ленина и у Гитлера один вождь, одна партия, у нее в руках мощная тайная полиция. В стране проводится полное «выравнивание» (Gleichschaltung) культурной и социальной жизни. Происходит ликвидация любых независимых от правящей партии общественных объединений. Но Гитлер копирует большевизм, чтобы ему же дать отпор. Даже гитлеровский антисемитизм облачался в тогу борьбы с «иудо-большевизмом».

Итак, без большевиков Гитлер вряд ли бы состоялся как диктатор. Одних «козней Версаля» мало, тем более что к началу 1930-х наиболее болезненные для Германии статьи Версальского договора были отменены. Гораздо важнее ситуация в России. При сохранении в ней до 1933 г. (и далее) монархического либо республиканского строя рейхсвер не получил бы возможности поддерживать себя на современном уровне, НСДАП не победила бы на выборах как по причине создания противостоящего ей левого блока, так и потому, что немецкие обыватели не имели бы повода голосовать за национал-экстремистов.

Для создания гитлеровского режима не было бы ни причин, ни образцов.

ДВЕ СИСТЕМЫ

Справедливости ради скажем, что таких законченных форм, как в СССР, тоталитаризм в Германии так и не обрел. Политическая модель, созданная Гитлером, имеет

много общего с моделью, созданной Лениным и Сталиным, но есть и существенные различия: большевики осуществили слом «старой государственной машины» — нацисты такую ломать не стали; большевики уничтожили аристократию и социальную элиту — нацисты сохранили; большевики ликвидировали частное предпринимательство, частный капитал, частную собственность на средства производства — нацисты все это оставили.

Соответственно разным был и образ жизни людей в СССР и в рейхе. В условиях отсутствия негосударственных предприятий в СССР исключалась возможность эмансипации гражданина от государства. Попросту говоря, куда бы человек ни пошел работать, он все равно будет работать на госпредприятии. Кроме того, увольняясь с работы, советский гражданин получал характеристику, без которой на новое место он устроиться не мог. А в этой характеристике могли написать такое, что в дворники не возьмут. Увенчал эту систему указ от 26 июня 1940 г., по которому гражданам вообще запрещалось самовольно переходить с одного предприятия на другое. В рейхе эмансипация гражданина от государства была возможна — посредством перехода на работу в частную компанию.

В СССР был существенно более низкий уровень жизни, чем в рейхе, что также было обусловлено в первом случае отсутствием, во втором — наличием частного сектора в экономике. В Германии не было коммунальных квартир, тогда как подавляющее большинство горожан Советского Союза жило именно в них. В Германии до войны не было продовольственных карточек. В СССР они появились в апреле 1929-го — на хлеб, чтобы к концу года распространиться почти на все продовольственные товары, а затем и на промышленные. В 1931 году были введены дополнительные ордера, так как даже по карточкам нельзя было получить положенного пайка. Советский человек задыхался от товарного дефицита. Для разгона многотысячных очередей за элементарным набором товаров повседневного потребления использовались наряды конной ми-

лиции. Немецкая деревня не знала голода, в СССР голод 1932 — 1933 годов унес жизни 6,5 миллиона сельских жителей.

В СССР политика репрессий осуществлялась методом лотереи, возможность быть репрессированным не зависела от степени лояльности к режиму. Человек мог быть сколь угодно предан «делу партии и лично товарищу Сталину», но это не давало оснований с уверенностью утверждать, что сегодня он будет ночевать дома, а не в камере предварительного заключения. В рейхе имела место избирательность репрессий. Для того чтобы оказаться за решеткой, человек должен был вступить в конфликт с системой — проявить себя как социал-демократ, коммунист, профсоюзный активист, австрийский сепаратист и так далее либо принадлежать к определенной общественной группе, прежде всего к еврейству.

Отсюда и сравнительно больший размах политических репрессий в СССР, осуществлявшихся преимущественно по доносам, питательную почву для которых создавал опять же низкий уровень жизни. Размах репрессий в рейхе был сравнительно меньшим, поскольку они осуществлялись преимущественно с учетом принадлежности гражданина к той или иной политической или общественной группе, которые сами по себе не многочисленны. Арест по доносу — у нацистов явление значительно более редкое, чем у большевиков.

У Гитлера несогласным разрешалось молчать, Сталин требовал от всех активного проявления восторга. В СССР в отличие от рейха практиковалась активная несвобода. Официальную пропаганду мало было читать и слушать — каждый обязан сам ее вести, чтобы показать свою «сознательность» и лояльность.

Наконец, атмосфера общественной жизни в двух сравниваемых странах была очень разной. В СССР господствовал суконно-кирзовый стиль, повсеместным было убожество внешних форм жизни, насаждалось ханжество и культ аскетизма. Германия же и при Гитлере оставалась светской страной.

МИФ ОБ «ОТСТАЛОЙ РОССИИ»

По утверждению современных советских патриотов, без Октябрьской революции «слабая, отсталая Россия» не могла бы противостоять врагу. И якобы только индустриализация, осуществляемая большевиками любой ценой, могла вытащить страну из экономической ямы.

Однако штурмовщина первых пятилеток наверстывала вовсе не «отсталость» царской России, а отставание, вызванное обвалом страны в результате совершенного большевиками переворота. В самой советской литературе много писали о том, что за годы НЭПа уровень производства дореволюционной России был приблизительно восстановлен к 1927 году. То есть октябрьский переворот, разрушительный опыт немедленного построения коммунизма и вызванная этим Гражданская война отняли у страны десять лет роста (и это помимо невосполнимых человеческих потерь, колоссальной моральной травмы и подкошенной национальной культуры). Вот эти-то десять лет и наверстывали первые пятилетки. Причем, во-первых, советская индустрия давала ярко выраженный флюс в сторону тяжелой промышленности, а та, в свою очередь, — в сторону производства вооружений. Российская же дореволюционная индустрия была разумно сбалансирована, работала на потребности общества, поскольку Российская империя не стремилась силой оружия распространяться до масштабов всего земного шара. Во-вторых, советская индустрия развивалась за счет понижения уровня жизни граждан, а российская — ради повышения этого уровня.

До Первой мировой войны, в думский период (1906 — 1913 годы) национальный продукт России увеличивался со скоростью 6% в год, то есть удваивался каждые 12 лет. Без катаклизмов 1917 — 1921 годов Россия в 1941 году была бы по крайней мере в 4 раза мощнее экономически, чем в 1913 году. Причем без «издержек», сопутствовавших политике большевиков.

Я предвижу возражение: такое развитие страны могли затормозить непредвиденные форс-мажорные обстоя-

тельства. Да, могли, и затормозили. Октябрьский переворот — это и есть то самое форс-мажорное обстоятельство.

НАСКОЛЬКО БЫЛ ОПАСЕН ГИТЛЕР?

Сталин просчитался с новой схемой мировой революции — Гитлер разгадал его планы и сам напал на СССР. Одна только разработка этой схемы делает Сталина преступником, а ВКП(б) преступной организацией. Но, если в 1941-м над страной нависла гигантская опасность и тот же Сталин сумел выправить ситуацию и добиться победы советского оружия, это может рассматриваться как реабилитирующий фактор?

Это зависит от ответа на очень важный вопрос — насколько Гитлер представлял опасность для биологического и культурного существования народов России?

Советские пропагандисты приложили максимум усилий для того, чтобы преувеличить возможности германской экономики и вооруженных сил. В конечном итоге родилась формулировка: «Красная Армия спасла мир от фашистской чумы». Очевидно, если бы Гитлер заявил о том, что после победы он погасит солнце, советские пропагандисты говорили бы: Красная Армия спасла для мира небесное светило.

В планы Гитлера действительно входило частичное истребление и частичное порабощение народов России, лишение их культурной идентичности. Можно привести массу соответствующих цитат из вождей рейха.

Однако намерения и возможности не всегда совпадают. Немецкие маршалы и генералы писали в своих мемуарах, что победить во Второй мировой войне они не могли. Причем некоторые из таких произведений были опубликованы в СССР еще в очень давние годы, когда и формировался тезис о «спасении мира». Одно противоречит другому, но вот перед нами сборник воспоминаний крупных германских командующих под общим заголовком «Роковые решения». Выпущен в 1958 году Военным издательством Министерства обороны СССР⁶.

Предоставим слово фельдмаршалу Г. фон Рундштедту: «Война с Россией — бессмысленная затея, которая, на мой взгляд, не может иметь счастливого конца»⁷. Генерал Г. Блюхментрит: «Даже мельком взглянув на карту мира, нетрудно было понять, что маленький район в Центральной Европе, занимаемый Германией, явно не мог выставить силы, способные захватить и удерживать весь европейский континент. Из-за политики Гитлера немецкий народ и его вооруженные силы шаг за шагом все дальше заходили в тупик»⁸.

А вот свидетельство генерал-лейтенанта З.Вестфала: «Немцы не могли и надеяться в течение длительного времени с оружием в руках угрожать всему миру. Просто мир был слишком велик... Основным роковым решением было то, которое исходило из ошибочного предположения Гитлера, что западные державы позволят ему уничтожить Польшу, не заступившись за своего союзника. Как только было принято решение о вторжении в Польшу, решилась и наша судьба. Уроки 1914 — 1918 гг. снова повторились четверть века спустя: Германия не может выиграть войну, ведя ее более чем на одном фронте»⁹.

В современной России издано множество воспоминаний германских полководцев. Каждый желающий может составить большой перечень высказываний подобного содержания.

Да, как правило, эти высказывания — результат «работы над ошибками». Прочитированные тексты написаны после поражения Германии. Вполне вероятно, что в 1939-м и в 1941-м германские генералы и маршалы думали иначе, но тем хуже для них.

Можно оставить в стороне источники личного происхождения и обратиться к научной литературе. Недостатка в ней нет. Монографии и коллективные научные труды написаны как российскими, так и иностранными учеными. Множество приводимых данных свидетельствует о неизбежном итоговом поражении Германии, вне зависимости от того, как мог развиваться ход отдельных сражений. Достаточно сопоставить совокупный военный и экономи-

ческий потенциал «оси» и Объединенных Наций, размеры территорий.

Гитлер, «нуждавшийся в расширении жизненного пространства», явно не по доброте оставил вне оккупации южную часть Франции. Немцы не могли полностью контролировать занятые территории СССР, на все не хватало сил. При этом планировалось дойти до Урала. А что делать с территорией за Уралом? Основной союзник Германии — Япония вместо того, чтобы открыть против Сталина второй фронт на Дальнем Востоке, втянула Гитлера в войну с США.

Эта картина написана самыми широкими мазками. Каждый может ее дополнить и детализировать. В любом случае история Третьего рейха закончилась бы не позднее августа 1945 г., когда американцы завершили работу по созданию атомной бомбы.

Таким образом, мы можем сделать выводы:

— Гитлер как политический лидер Германии был порождением Сталина;

— Гитлер не был в состоянии уничтожить и закабалить народы России, хотя действительно этого хотел;

— концепция спасительной миссии большевизма для судьбы России оказывается совершенно неубедительной.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Этой теме посвящено много серьезных научных исследований. Например: *Фельштинский Ю.* Крушение мировой революции. Очерк первый. Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918. Лондон: ОРИ, 1991. 655 с.

² Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919 — 1932 / Под ред. Бела Куна. М.: Партийное издательство, 1933. С. 47.

³ Этой теме посвящена книга Ю.Л. Дьякова и Т.С. Бушуевой «Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922 — 1933. Незвестные документы». М.: Сов. Россия. 1992. 384 с. Авторы ввели в научный оборот огромный массив документов, которые в деталях раскрывают характер советско-германского военного сотрудничества в указанный период.

⁴ Коммунистический Интернационал в документах... С. 48.

⁵ Там же.

⁶ Вестфаль З., Крейне В., Блюментрит Г., Байерлейн Ф., Цейтцлер К., Циммерман Б., Мантейфель Х. Роковые решения / Под ред. П.А. Жилина. М.: Военное изд-во Министерства обороны СССР, 1958. 317 с.

⁷ Там же. С. 76.

⁸ Там же. С. 108.

⁹ Там же. С. 305 — 306.

ЧИТАЯ КНИГИ «ЛЕДОКОЛ» И «ДЕНЬ «М» ВИКТОРА СУВОРОВА

По иронии нашей жизни политизированная история надевает на нас такие забрала слепоты, что нужно быть не историком, чтобы познать истину. Нужно быть не профессионалом, чтобы опрокинуть привычность догм. Нужно быть отшельником-одиночкой, чтобы избавиться от давления перевешивающих любую чашу весов всегда до скуки одинаковых мнений современников.

Так рождается еще не история, но искра истины, под которую потом будут подбиваться сноски и цитаты, документы и воспоминания. И, закончив чтение на списке используемых источников, мы поймем, что перед нами не просто книга, а исторический труд — еще одна ступень, в силу способностей автора приблизившая нас к той недостижимой вершине истины, которую стремится познать и на которую никогда не вступит историк, не могущий ощутить, изучить и описать все изгибы сверхчеловеческого замысла.

Среди казенщины и банальщины идей и людей, чьи книги вы никогда не отличите друг от друга, если вырвете

¹ Фельштинский Юрий Георгиевич — доктор исторических наук, автор книг: «Большевики и левые эсеры» (Париж, 1985); «К истории нашей закрытости» (Лондон, 1988; Москва, 1991); «Крушение Мировой революции» (Лондон, 1991; Москва, 1992); «Вожди в законе» (Москва, 1999); «ФСБ взрывает Россию» (в соавторстве с А. Литвиненко, Нью-Йорк, 2002). Впервые опубликовано в журнале «Вестник» № 26 (207), 22 декабря 1998 г.

титulyные страницы написанных ими томов, работы Виктора Суворова «Ледокол» и «День «М» — явление выдающееся. И именно потому, что автор этих книг никогда и ни в чем не убедит многочисленную армию историков-профессионалов, я пишу эти строки в защиту истории, в защиту истины, в защиту автора столь неординарных книг. Пишу с благодарностью и с ревностью, поскольку и сам довольно давно, еще до того, как в «Русской мысли» стали появляться статьи В. Суворова, пришел к выводу, что «конечно же» Сталин сам собирался напасть на Гитлера. Только так можно объяснить его поведение в 1939 — 1941 годах (на самом деле и раньше).

Откуда начать? В 1974 году я написал курсовую работу о первых неделях войны. Мой научный руководитель Э.Э. Шкляр оценил ее как «написанную в духе Некрича», поставил четверку и подал соответствующую докладную в деканат. Я понял, что иду в правильном направлении, и показал работу другу моего отца детскому писателю Виктору Важдаеву. Он также остался недоволен «тенденциозным подбором фактов и источников» и рассказал мне анекдот того времени: «Перед началом войны встречаются на советско-германской границе советский и немецкий офицеры. Первый спрашивает второго:

— А почему это на нашей границе сосредоточено столько германских войск?

Второй отвечает:

— Да они слишком устали на Западном фронте и перекинуты сюда в отпуск. Кстати, а почему это на нашей границе сосредоточено столько советских войск?

— А чтобы немецким солдатам ничто не мешало отдыхать, — отвечает советский офицер».

Так я узнал о концентрации советских войск на границе с Германией. Из анекдота. Так начался мой «Ледокол» и «День «М». Десять лет спустя, уже в США, я понял, что июнь 1941 года не объяснить без истории германо-большевистских отношений времен Первой мировой войны. Прочтя теперь в «Ледоколе» (с. 18): «По смыслу и духу Брестский мир — это пробный пакт Молотова — Риббентропа. Расчет Ленина в 1918 году и расчет Сталина в 1939-м тот

же самый...» — я был и поражен, и тронут. Автор, увидевший эту взаимосвязь, поймет и все остальное.

Как у автора, занимавшегося Брестским миром, у меня, разумеется, есть какие-то замечания к вступительным главам книги «Ледокол». Но, по крайней мере, мы с В. Суворовым говорим на одном языке. И на разном — со всеми остальными. При подписании Брестского мира расчет Ленина был более глубоким. «Поражение Германии уже было близким, — пишет В. Суворов, — а Ленин заключает мир, по которому Россия отказывается от своих прав на роль победителя... без боя. Ленин отдает Германии миллион квадратных километров самых плодородных земель и богатейшие промышленные районы страны да еще и контрибуцию золотом выплачивает. Зачем?!» («Ледокол», с. 17). Ответ В. Суворова: чтобы война продолжалась и Германия истощила себя и западных союзников как можно больше.

С этим трудно не согласиться, с той единственной оговоркой, что такое утверждение противоречит общепринятому мнению о желании Ленина как можно скорее разжечь в Германии революционный пожар. Одно из двух: либо ускорять революцию в Германии и для этого не подписывать Брестского мира, а вести открытую (позиция Бухарина и других левых коммунистов) или необъявленную (позиция «ни мира, ни войны» Троцкого) войну, либо, по существу, ликвидировать Восточный фронт, подписать перемирие с Германией и помочь германскому правительству — не забудем эпитеты: реакционному, империалистическому, милитаристскому — держать фронт на Западе против бывших союзников России.

Ленин выбрал второе. И не он, подписью председателя СНК, разорвал Брестский мир, а стоявший в оппозиции всей брестской политике Ленина советский актив — ВЦИК, за подписью Свердлова, уже оттеснившего Ленина в борьбе за власть в критические месяцы второй половины 1918 года. Если бы не фактическое отстранение Ленина от партийных дел летом 1918 года (кстати, именно из-за его крайне непопулярной брестской политики), Брестский мир, возможно, так никогда и не был бы разорван совет-

ским правительством. И Рапсальский договор 1922 года не рассматривался бы нами как рывок, а лишь как плавный переход от Брестского соглашения к новому, более равноправному.

Вряд ли можно согласиться с мнением Троцкого (1936), с которым согласен В. Суворов, что «без Сталина не было бы Гитлера». Без унижительных и неприемлемых для Германии условий Версальского договора, без большевистской угрозы, нависшей над Европой, в Германии — да! — не было бы Гитлера. И в этом смысле за победу национал-социализма в Германии Сталин, видимо, отвечает меньше, чем государственные деятели Франции, Бельгии и Англии. Сам Троцкий постоянной проповедью о неизбежности победы коммунистической революции в Германии оказал Гитлеру помощь куда большую, чем все остальные. Общеизвестны теперь уже факты о советско-германском сотрудничестве между 1922 и 1941 годами (что всегда отрицалось обеими сторонами). Вот что писал, выдавая государственные тайны, Троцкий 5 марта 1938 года в статье «Тайный союз с Германией», опубликованной в «Нью-Йорк тайме»:

«С момента низвержения Гогенцоллернов [советское] правительство стремилось к оборонительному соглашению с Германией — против Антанты и Версальского мира. Однако социал-демократия, игравшая в тот период в Германии первую скрипку, боялась союза с Москвой, возлагая свои надежды на Лондон и особенно Вашингтон. Наоборот, офицерство Рейхсвера, несмотря на политическую ненависть к коммунизму, считало необходимым дипломатическое и военное сотрудничество с советской республикой. Так как страны Антанты не спешили навстречу надеждам социал-демократии, то «московская» ориентация Рейхсвера стала оказывать влияние и на правительственные сферы. Высшей точкой этого периода было заключение Рапсальского договора об установлении дружественных отношений между Советской Россией и Германией (17 апр. 1922 г.).

Военное ведомство, во главе которого я стоял, приступило в 1921 году к реорганизации и перевооружению

Красной Армии, которая с военного положения переходила на мирное. Крайне заинтересованные в повышении военной техники, мы могли в тот период ждать содействия только со стороны Германии. С другой стороны, Рейхсвер, лишенный Версальским договором возможностей развития, особенно в области тяжелой артиллерии, авиации и химии, естественно, стремился использовать советскую военную промышленность как опытное поле для военной техники. Полоса немецких концессий в Советской России открылась еще в тот период, когда я был полностью поглощен Гражданской войной. Важнейшей из них по своим возможностям или, вернее, по надеждам являлась концессия авиационной компании «Юнкерс». Вокруг этих концессий вращалось известное число офицеров. В свою очередь отдельные представители Красной Армии посещали Германию, где знакомились с организацией Рейхсвера и с той частью немецких военных «секретов», которые им показывали. Вся эта работа велась, разумеется, под покровом тайны, так как над головой Германии висел дамоклов меч версальских обязательств. Официально берлинское правительство не принимало в этом деле никакого участия и даже как бы не знало о нем: формальная ответственность лежала на Рейхсвере, с одной стороны, и Красной Армии — с другой. Все переговоры и практические шаги совершались в строгой тайне. Но это была тайна главным образом от французского правительства как наиболее непосредственного противника. Тайна, разумеется, долго не продержалась. Агентура Антанты, прежде всего Франции, без труда установила, что под Москвой имеются авиационный завод «Юнкере» и кое-какие другие предприятия. В Париже придавали нашему сотрудничеству с Германией, несомненно, преувеличенное значение. Серьезного развития оно не получило, так как ни у немцев, ни у нас не было капиталов. К тому же взаимное недоверие было слишком велико. Однако полудружественные связи с Рейхсвером сохранились и позже, после 1923 года, когда Крестинский стал послом в Берлине.

Со стороны Москвы эта политика проводилась не мной единолично, а советским правительством в целом, вернее

сказать, его руководящим центром, т.е. Политбюро. Сталин был все это время членом Политбюро, и, как показало все его дальнейшее поведение, вплоть до 1934 года, когда Гитлер отверг протянутую из Москвы руку, Сталин являлся наиболее упорным сторонником сотрудничества с Рейхсвером и с Германией вообще.

Наблюдение за немецкими военными концессиями велось через Розенгольца как представителя главы военного ведомства. Ввиду опасности внедрения военного шпионажа Дзержинский, начальник ГПУ, в сотрудничестве с тем же Розенгольцем вел за концессиями наблюдение со своей стороны.

В секретных архивах военного ведомства и ГПУ должны были, несомненно, сохраниться документы, в которых о сотрудничестве с Рейхсвером говорится в очень осторожных и конспиративных терминах...»

Крайне интересные материалы по этому вопросу содержатся в зарубежных архивах, в частности, в коллекции Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Вот что писал меньшевик и экономист Н. В. Валентинов-Вольский в письме Р. А. Абрамовичу, одному из лидеров меньшевистской партии:

«Приехав летом 1927 года в Липецк, к величайшему моему удивлению, нашел его полным немцев и в небе над ним столько летающих аэропланов, сколько я в это время не видел и в Москве. В Липецке были арсеналы и аэрогазы немцев, охраняемые ГПУ. Все обыватели знали об этом, но никто не смел о том говорить — таких ГПУ арестовывало. На кладбище в Липецке был целый угол с памятниками в честь погибших немцев-авиаторов. [...] Когда, приехав из Липецка (я принимал там грязевые ванны) и посетив Рыкова, в разговоре с ним я коснулся немцев-авиаторов в Липецке, он сухо прервал меня, заявив: «Извините, об этом с вами говорить не буду» (ящ. 591, п. 14. Письмо Н. В. Валентинова-Вольского Р. А. Абрамовичу от 28 янв. 1958 г., с. 4 — 6). Уже примерно с 1924 года связь между штабом Красной Армии и Бендельштрассе осуществлялась через командиров Красной Армии высокого ранга (Тухачевский и Берзин), а обратно через немецких

офицеров, которые курсировали между Берлином и Москвой «со служебными поручениями» (ящ. 508, п. 44. Erich Wolenberg. Эрих Волленберг Б. И. Николаевскому. Письмо из Гамбурга в Калифорнию от 20 аир. 1965 г. Пер. с нем.).

Валентинов сообщил также Абрамовичу, что с 1924 года «Юнкере» строил в СССР самолеты и что в Самаре был построен завод по производству удушливых газов. Абрамович тоже был осведомлен о советско-германском военном сотрудничестве. Вот что ответил он Валентинову:

«Об этом у меня имеется чрезвычайно обширный материал, основанный на больше чем 225 книгах, докладах, статьях и т.д. немецкой и др. прессы. Началось оно еще во время Гражданской войны, когда Чичерин явился ночью в немецкое посольство к «наследнику» Мирбаха фон Гельфериху и предложил ему негласное военное соглашение для совместной борьбы [совместно] с немцами, финнами и балтийцами против англичан в Мурманске и Архангельске. Это было в июле — августе 1918 г. Продолжалось это сотрудничество до Гитлера и при Гитлере. Начальный период [был] примерно до 1926 г.; теперь вне споров [...] и то, что Вы сейчас сообщаете в письме о Липецке и о Троице (так назывался городок под Самарой, в котором была химическая фабрика газов для немцев. — Ю.Ф.). Об этих химических гранатах прогремела вся Германия, когда немецкие социал-демократы подговорили гамбургских грузчиков уронить несколько ящиков с советского парохода, и по всей набережной на глазах у многих людей рассыпались гранаты с удушливыми газами с маркой РСФСР. Тогда был запрос в парламенте, публичные дебаты, и этот инцидент был с трудом потушен» (ящ. 591, п. 14. Письмо Р. Абрамовича Н. В. Валентинову-Вольскому. 4 февр. 1958 г., с. 2).

Много говорилось об этом после Второй мировой войны, когда за границей оказалось большое число бывших советских граждан из пленных или интернированных немцами в годы войны. Один из этих эмигрантов, Л.Тренин, писал: «Начало немецкого влияния надо считать с 1922 г., когда между советской властью и Германией бы-

ло заключено тайное соглашение о вооружении и техническом оснащении Красной Армии. С экономической точки зрения это соглашение принесло Германии некоторую пользу, ибо часть военно-химических и авиационных запасов, оставшихся после великой войны и подлежащих уничтожению, она сбыла советскому правительству. [...] Во второй половине 1922 г. немецкие авиационные специалисты — офицеры Рейхсвера — прибыли в Москву, заключили контракт на 5 лет и основали в Филях, под Москвой, авиазавод. Все техническое оборудование было привезено из Германии. Рабочий и технический персонал первое время был также немецкий. В том же 1922 году было основано первое русско-немецкое авиационное общество «Дерулюфт», которое наладило первую линию Москва — Кенигсберг. В начале 1923 года другой группой немецких офицеров-химиков был основан в 12 км от Москвы между гор. Люберцы и гор. Люблино небольшой военно-химический завод. Первое время здесь работало всего несколько десятков человек, включая и руководящий персонал. Это были исключительно немцы. Завод этот самостоятельно никакой химической продукции не производил, и задача его состояла лишь в снаряжении мин, артиллерийских химических снарядов и ядовитодымных шашек хлорпикрином, адамситом и другими отравляющими веществами, привозимыми из Германии. Завод также производил испытание указанных мин, снарядов, шашек, а также и газовых волн. Все это происходило на территории будущего научно-испытательного химического полигона. [...] Постепенно большевики создали сами свои химические кадры и строили два мощных химических завода. [...] Когда в 1925 году эти заводы были готовы, большевики решили ликвидировать немецкий химический завод. Так как контракт имел силу до 1927 года, [...] в одну из осенних сентябрьских ночей 1925 года они подожгли завод и дом служащих немцев в Подосинках (17 км от Москвы по Казанской железной дороге). От завода остался один сарай с химической продукцией, а жилой дом сгорел дотла. После этого большевики обвинили немцев в саботаже. [...] Вскоре после этого была вы-

брошена с авиазавода в Филях и другая немецкая группа авиаспециалистов» (ящ. 295, п. 23. П. Тренин. «Немцы и русская авиация». Вырезка из газеты).

Примерно о том же сообщает безымянная заметка архива Николаевского:

«В результате весьма напряженной и кропотливой работы полуофициальных представителей Рейхсвера (с 1922 г.) в СССР в настоящее время имеются приличные запасы германского имущества и целые военно-промышленные организации (официально «госпредприятия Военведа»), созданные на средства германского Рейхсвера и при его непосредственном техническом контроле. [...] Рейхсвер заботился главным образом об артиллерийском и пулеметном вооружении Красной Армии: усовершенствования английского вида танков, постановки на должную высоту военно-химического дела и авиационного. В области морской Рейхсвер подвизался в усовершенствовании технического подводного плавания» (ящ. 14, п. 1. Рейхсвер и Коминтерн. Без даты и без автора, с. 1, 3). За военным сотрудничеством следовало политическое и даже идеологическое сближение. Борьба с франко-бельгийской оккупацией Рура (Рейнской области) в начале 1923 года преподносилась буквально как акция Коминтерна. На нелегальную работу туда были заброшены советские агенты. Тогда же обсуждались «планы о сражении русско-германских сил с французским империализмом на Рейне и снабжение Рейхсвера и германских националистов советскими гранатами» (ящ. 629, п. 3. *Сухомлин В.В.* В кольце измен. Измена Троцкого, Сталина, Бухарина, китайцев, англичан и др. — Воля России, 1926, с. 131).

Разногласия по вопросу о советско-германских отношениях были одной из причин конфликта между Сталиным и Бухариным. «На позицию Бухарина огромное влияние оказали вопросы внешней политики, — писал Николаевский. — Именно на них он порвал со Сталиным: Бухарин в 1926 г. пришел к выводу, что Германия перестала быть страной, находящейся на полуколониальном положении. Помните статьи Бухарина в «Правде» в 1926 — 1927 гг., когда он доказывал, что после Локарно Германия перестает

ла быть эксплуатированной страной? Ведь это — против Сталина. Сталин держался за союз с Рейхсвером Бредова-Шлейхера. Людвиг Рейсе, убитый в 1937 г. в Швейцарии, получил орден Ленина за то, что он в начале 1928 г. установил тайную связь с лидерами немецкой военно-морской разведки. Именно с этого момента начинается чисто сталинская игра секретных агентур — дважды подпольная. В беседе Бухарина с Каменевым ей соответствуют намеки на отказ Сталина подвергать шахтинцев карам за связи с немцами» (ящ. 476, п. 34. Письмо Николаевского от 6 окт. 1965 г., с. 1; ящ. 472, п. 32. Письмо Николаевского И. М. Бергеру от 2 окт. 1961 г., л. 1).

Упомянутая Николаевским беседа Бухарина с Каменевым состоялась в июле 1928 года. Как раз в это время, в мае — июле, в Москве проходил судебный процесс над «вредителями в Донбассе» — так называемое Шахтинское дело. Дело было сфабриковано. Пятеро обвиняемых были приговорены к расстрелу, остальные — к различным срокам тюремного заключения. Подсудимых обвиняли в том числе и в шпионаже в пользу Германии. И предложение Сталина не давать смертных приговоров, на которых настаивали в конце концов Бухарин и его сторонники, рассматривалось как заигрывание с Германией.

«Я нахожусь под впечатлением Ваших аргументов о том, что у Сталина были прогерманские симпатии, — писал Николаевскому бывший коммунист, а затем известный советолог Луи Фишер. — Я понимаю, что он приветствовал бы тесное сотрудничество с Рейхсвером. Это было в ленинской традиции и началось, как я понимаю, в 1919 году, что означает, что Троцкий и Чичерин, конечно, видели в том выгоду. После того как Гитлер пришел к власти в январе 1933 года, Сталин выжидал год. Я в тот год был в Москве.

[...] Москва всегда боялась иноземного вторжения. В 1934 году Радек сказал мне, что Сталин боится одновременной польско-японской атаки против СССР. По этой причине главным образом КВЖД была продана Маньчжоу-Го (Японии) в 1935 году. Безусловно, Сталин мечтал направить гитлеровскую экспансию на Запад. Но герман-

ская военная работа в Испании не повредила Гитлеру. Это был способ для тренировки вооруженных сил. Цель сталинской политики в Испании, по-моему, заключалась в том, чтобы заставить Францию и Англию отказаться от внешней политики умиротворения Гитлера и Муссолини и заставить их встать на путь активного противодействия. Мюнхен показал, что эта попытка закончилась провалом. Чемберлен, Даладьё и Рузвельт не пошли против Гитлера. Но за это время Сталин через чистки добился того, что он был полностью свободен в своих действиях во внешней и внутренней политике. И конечно же он вернулся теперь к своей цели: сотрудничеству с нацистами.

Я думаю, что дата, предшествующая советско-нацистскому соглашению от 23 августа 1939 года, это 1 апреля 1939 года, день английских гарантий Польше. [...] Переговоры с Францией и Англией были открытыми. Переговоры с Германией — тайными. Если бы Сталин хотел прийти к соглашению с Англией и Францией, он поступил бы прямо противоположным способом: вел бы открытые переговоры с Гитлером, чтобы этим оказать давление на Запад для выбивания еще больших уступок. Но Западу было нечего отдать. Они не могли отдать Прибалтийские государства, и соглашение с Западом для СССР означало войну, в то время как соглашение с Гитлером означало отсутствие войны в течение какого-то времени и империалистическую экспансию — как раз то, что хотел Сталин.

Мы расходимся в том, [...] велась ли серьезно Сталиным политика коллективной безопасности. Я считаю, что Литвинов был в этом вопросе серьезен и что он не мог действовать против воли Сталина. Но эта политика потерпела провал на Рейне, в Испании и вообще везде. И Сталин отказался от нее и повернулся к Гитлеру» (ящ. 479, п. 13. Письмо Луиса Фишера (Louis Fischer) Николаевскому от 26 янв. 1966 г. Пер. с англ.).

Николаевский ответил: «Слуцкий, начальник инотдела НКВД, давая инструкции Кривицкому, еще в 1935 г. говорил: «Знайте, что с Германией мы так или иначе, но сговоримся». И подлинная внешняя политика шла [...] через Слуцкого. Этот последний тогда же говорил Кри-

вицкому: «Помните, что Ваши доклады внимательно читает сам Сталин». [...] Сам Сталин всегда мечтал о сговоре с Германией, и притом большом сговоре для борьбы против англосаксов. Он был убежденным сторонником хаусхоферовского варианта геополитики, и сам Хаусхофер в течение многих лет слал Сталину секретные доклады. И Молотов знал, что он говорил, когда в своей речи в Верховном Совете при подписании договора с Гитлером говорил о гениальном провидении Сталина. Конечно, когда Гитлер открыто вел антисоветскую политику, Сталин не мог не выступать против него, но он всегда так выступал, чтобы не сделать соглашение [невозможным в будущем. Это была его борьба за советско-гитлеровский пакт» (ящ. 479, п. 13. Письмо Николаевского Луису Фишеру от 4 февр. 1966 г., л. 1).

«В одном из наших разговоров я Вам сказал, что решение Сталина сговориться с Гитлером относится к апрелю 1936 г., когда стало ясно, что Франция против Гитлера сама не пойдет. Теперь у меня подобрался ряд данных в этом направлении. [...] Между прочим, знаете ли Вы, что квартира Вильгельма II в Доорне была опорным пунктом работы сталинских агентов? Что секретный памфлет против Гитлера, написанный Матильдой Людендорф, был размножен Кривицким и распространен женой Вильгельма? Это было в 1936 г. — в 1938 г.: генералы, посещавшие Доорн, были арестованы. Кривицкий был убежден, что их выдал Гитлеру Сталин» (ящ. 479, п. 13. Письмо Николаевского Фишеру от 14 дек. 1965 г., л. 2).

Здесь уместно вернуться к книгам В. Суворова и задать вопрос, собирались ли Гитлер и Сталин соблюдать соглашение. И когда именно первый и второй приняли решение о разрыве.

Безусловная заслуга В. Суворова состоит в том, что им была названа дата принятия Сталиным решения о начале военных действий против Германии: 19 августа 1939 года — день подписания советско-германского пакта о ненападении. Это может показаться парадоксальным, но только так можно объяснить все дальнейшее поведение Сталина, чему и посвящает свои книги В. Суворов.

В смысле позиции Гитлера загадок нет. Можно утверждать, что принципиальное решение о разрыве со Сталиным он принял во время визита Молотова в Берлин в конце 1940 года. Молотов потребовал тогда от немцев согласия на советскую оккупацию Румынии, Болгарии, Финляндии и Проливов. Гитлер ответил решительным отказом и подписал директиву о нападении на СССР.

Перед самой войной, в 1938/39 финансовом году, Германия тратила на вооружение 15% своего национального дохода — столько же, сколько Англия. Гитлер не хотел вооружаться за счет благосостояния германского народа. К тому же это могло привести к падению его популярности.

В Советском Союзе на оборонные расходы в первые три года третьей пятилетки официально было затрачено 26,4% всех бюджетных ассигнований, причем в 1940 году этот процент был равен 32,6. А в 1941 г. на оборону планировалось затратить 43,4% бюджетных ассигнований.

Эти сухие цифры подводят нас к выводу, что советское правительство готовилось к войне. Однако до 19 августа 1939 года не Германия была главным внешнеполитическим врагом СССР. Этим врагом была Япония, и политика Сталина в отношении китайской революции 1926 — 1927 годов связана прежде всего с извечным советско-японским конфликтом.

Отказ советского правительства от открытого вмешательства в китайскую революцию, на чем так настаивала «левая оппозиция» Троцкого, был очередным «Брестским соглашением». Все развивалось по схеме 1918 года, только на месте Ленина был Сталин, на месте Бухарина — Троцкий. Подобно левым коммунистам 1918 года, левая оппозиция убеждала партийный актив в том, что политика советского правительства в отношении китайской революции непременно приведет к ее поражению. Подобно Ленину в 1918 году, Сталин не хотел рисковать, так как понимал, что активное вмешательство в китайские дела приведет к конфликту с Японией, а к нему СССР готов не был. Сталин пожертвовал революцией в Китае, как Ленин пожертвовал

революцией в Германии — ради передышки. Китайская революция действительно завершилась поражением, но время было выиграно, и первый серьезный конфликт с Японией вспыхнул лишь в 1938 году, когда Советское государство было куда сильнее.

Еще в 1937 году началось создание мощной промышленной базы на Урале, Дальнем Востоке, в Сибири, Казахстане и Средней Азии. Сегодня этот факт приводят в доказательство дальновидности советского правительства, чуть ли не предвидевшего не только войну с Германией, но и эвакуацию промышленности, проведенную в годы войны. Между тем в конце 1930-х годов главным внешнеполитическим врагом СССР была Япония. Как раз в сентябре 1937 года в Монголию были направлены советские войска. Несколько раньше, летом 1937 года, японцы приступили к захвату Китая. В июле ими был занят Пекин, в ноябре — Шанхай, в декабре — Нанкин. К октябрю 1938 года ими была оккупирована значительная часть Китая с главными промышленными центрами и важнейшими железнодорожными магистралями.

Историки указывают, что внешнеполитические цели Японии состояли в захвате советского Дальнего Востока. В течение 1936 — 1938 годов на советско-дальневосточной границе произошло 35 крупных военных столкновений с японскими войсками, самым серьезным из которых было столкновение в конце июля 1938 года в районе озера Хасан. Лишь в результате жестоких боев, продолжавшихся до 9 августа 1938 года, советская территория была очищена от японцев. В мае 1939 года Япония начала войну против Монголии (и косвенно — против СССР). Военные действия на реке Халхин-Гол продолжались четыре месяца и закончились уже после подписания пакта Риббентропа — Молотова в августе 1939 года благодаря еще и посредничеству Гитлера.

Таким образом, создание второй экономической базы СССР на востоке страны ни в коем случае не было вызвано ожиданием войны с Германией, но лишь желанием передвинуть промышленную базу поближе к потенциальному фронту — дальневосточному.

Вопрос о создании Советским Союзом второй экономической базы тем более не волновал Гитлера. Директива №21 Верховного командования («План «Барбаросса») предусматривала победу над СССР «в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии». Но не стоит вслед за советскими историками повторять, что Гитлер проиграл, так как не учел «идеологического фактора» — мужества Красной Армии. Можно с уверенностью сказать, что только это он и учел. В докладе германского Генштаба «О политико-моральной устойчивости Советского Союза и о боевой мощи Красной Армии» от 1 января 1941 года, в частности, говорилось: «Вооруженные силы Советского Союза, видимо, должны быть перестроены на новой основе, особенно с учетом опыта Финской войны. От большевистской мании величия... Красная Армия возвращается к скрупулезному индивидуальному обучению офицерского и рядового состава... Значительно строже становится дисциплина (упразднение института комиссаров; введение офицерских и сержантских званий; генеральская форма одежды; отдавание чести...). Все эти меры должны обеспечить постепенное совершенствование Красной Армии во всех областях службы... Не изменится русский народный характер: тяжеловесность, схематизм, страх перед принятием самостоятельных решений, перед ответственностью. Командиры всех степеней в ближайшее время не будут еще в состоянии оперативно командовать крупными современными соединениями и их элементами. И ныне, и в ближайшем будущем они едва ли смогут проводить крупные наступательные операции, использовать благоприятную обстановку для стремительных ударов, проявлять инициативу в рамках общей поставленной командованием задачи. Войска... будут сражаться храбро. Но требованиям современного наступательного боя, особенно в области взаимодействия всех родов войск, солдатская масса не отвечает; одиночному бойцу часто будет недоставать собственной инициативы. В обороне, особенно заблаговременно подготовленной, Красная Армия окажется выносливой и упорной, сможет достигнуть хороших результа-

тов. Способность выдерживать поражения и оказывать пассивное сопротивление давлению противника в особой мере свойственна русскому характеру. Сила Красной Армии заложена в большом количестве вооружения, неприязнительности, закалке и храбрости солдата. Естественным союзником армии являются просторы страны и бездорожье. Слабость заключена в неповоротливости командиров всех степеней, привязанности к схеме, недостаточном для современных условий образовании, боязни ответственности и повсеместно ощущаемом недостатке организованности».

Первые дни войны оказались для немцев куда более легкими, чем предвидели все их планы. 22 июня 1941 года начальник Генерального штаба генерал Гальдер записал в своем служебном дневнике: «Наступление наших войск, по-видимому, явилось на всем фронте полной тактической внезапностью. Пограничные мосты через Буг и другие реки всюду захвачены нашими войсками без боя и в полной сохранности. О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох в казарменном положении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать. Можно ожидать еще большего влияния элемента внезапности на дальнейший ход событий в результате быстрого продвижения частей, для чего в настоящее время всюду есть полная возможность. Военно-морское командование также сообщает о том, что противник, видимо, застигнут врасплох. В последние дни он совершенно пассивно наблюдал за всеми проводившимися нами мероприятиями и теперь сосредоточивает свои военно-морские силы в портах, очевидно, опасаясь мин...

Командование ВВС сообщило, что наши военно-воздушные силы уничтожили 800 самолетов противника. Нашей авиации удалось без потерь заминировать подходы к Ленинграду с моря. Немецкие потери составляют до сих пор 10 самолетов.

Командование группы армий «Юг» доложило, что на-

ши патрули, не встретив сопротивления, переправились через Прут... Мосты в наших руках...

Охрана самой границы была, в общем, слабой... После первоначального «столбняка», вызванного внезапною атакой, противник перешел к активным действиям... На ряде участков фронта почти отсутствовало руководство действиями войск со стороны высших штабов... Представляется, что русское командование благодаря своей неповоротливости в ближайшее время вообще не в состоянии организовать оперативное противодействие нашему наступлению... Организованное сопротивление отсутствует...»

Гитлер мог быть доволен. Иначе обстояло со Сталиным. Хрущев свидетельствует в своих мемуарах, что Сталин дезертировал, бросив бразды правления. Остальные члены правительства, прежде всего Молотов и Берия, пытались любой ценой урегулировать начавшийся с Гитлером «конфликт». Как записал в своем дневнике Гальдер, «они обратились к Японии с просьбой представлять интересы России по вопросам политических и экономических отношений между Россией и Германией и ведут оживленные переговоры по радио с германским министерством иностранных дел».

Переговоры не увенчались успехом. В своей победе Гитлер был уверен точно так же, как Сталин в своем поражении. Осенью 1941 года германское правительство приняло решение о свертывании своей военной промышленности. 3 октября 1941 года Гитлер заявил: «Мы так обеспечили все заранее, что я в самый разгар битвы могу приостановить дальнейшее производство вооружения в крупных отраслях промышленности, ибо знаю, что сейчас не существует противника, которого мы не могли бы сокрушить с помощью имеющегося запаса вооружения».

Людские резервы Германии к сентябрю 1941 года, по существу, еще не были затронуты серьезными мобилизациями, хотя к июню 1941 года число германских военнослужащих дошло до 7 254 000 человек. В то время как советское правительство в первый день войны издало приказ

о мобилизации военнообязанных 1905 — 1918 годов рождения, германская армия после нападения на СССР дополнительных мобилизаций не производила.

Ничто не изменилось и после поражения под Москвой, если не считать январского приказа Гитлера 1942 года о перераспределении бюджетных ассигнований внутри военного ведомства. Сокращались расходы на самый дорогостоящий вид вооружений — военные корабли — и увеличивались расходы на вооружение сухопутных войск.

Только после поражения под Сталинградом Гитлер начал подходить к войне с СССР более серьезно. 13 января 1943 года в Германии была объявлена так называемая тотальная мобилизация. Но заключалась она не в мобилизации как таковой, а в регистрации для работ военного назначения мужчин в возрасте от 16 до 65 лет и женщин в возрасте от 17 до 45 лет. Тем не менее, несмотря на серьезное положение на фронтах Германии, женский труд в германской промышленности до 1944 года практически не использовался, равно как и детский, так как считалось, что это разлагает семью и плохо сказывается на моральном состоянии мужчин, находившихся в армии. Женский и детский труд в Германии частично компенсировался трудом иностранных рабочих и военнопленных, которых к весне 1943 года в германской промышленности насчитывалось 6 259 900 человек. Таким образом, если советская промышленность с первого до последнего дня войны работала на износ и все здоровые мужчины были мобилизованы в армию, а нездоровые, подростки и старики — в ополчение, Германия только в 1943 — 1944 годах, под влиянием поражения под Сталинградом и бомбардировок союзниками германских городов, стала относиться к войне серьезно.

Германская военная промышленность достигла своей наивысшей производительности в дни, когда наибольший размах приняли бомбардировки союзников, — в июле 1944 года. Тогда же, во второй половине 1944 года, численность немецкой армии, несмотря на многочисленные потери на фронтах, в общем-то, без труда была доведена до 9 400 000 человек.

После лета 1944 года из-за бомбардировок и потерь территорий наблюдается спад в германской военной промышленности. И все-таки в марте 1945 года Германия производила больше вооружения, чем в июне 1941 года, когда Гитлер начал войну против СССР.

В одной из своих речей Сталин назвал войну соревнованием систем, в котором социалистическая система доказала свои преимущества перед национал-социалистической. Советская система, безусловно, была более тоталитарной. В плане мобилизации населения для фронта или работы в тылу она готова была идти куда дальше национал-социалистической. Уже в самом начале войны в СССР мирный сектор промышленности, в том числе и пищевой, был сведен на нет. Даже находившиеся под германской оккупацией поляки, мобилизованные для работ на заводах, питались лучше, чем советский тыл.

Но и при том трудно вообразимом напряжении, которое испытывала советская экономика и советский народ, война все-таки не была бы выиграна без экономической помощи союзников, прежде всего США. Вопрос об этой помощи советской историографией замалчивается. Среди тысячи книг о Второй мировой войне нет ни одной, посвященной специально этой теме. Между тем помощь была существенной.

Англия начала поставки в СССР в августе 1941 года. Только в последнем квартале она поставила 669 самолетов, 487 танков, 330 танкеток. Вооружения и стратегического сырья на 41 млн долларов поставили Советскому Союзу в первые месяцы советско-германской войны Соединенные Штаты. В то время из-за оккупации Германией значительной части европейской территории СССР и начавшейся эвакуации промышленности и перевода ее на военные рельсы Советский Союз вооружения фактически не производил. В свете этого важность первоначальных поставок союзников становится очевидной.

30 октября 1941 года, то есть еще до Битвы под Москвой, когда СССР находился в катастрофическом положении, США предоставили советскому правительству беспроцентный кредит в 1 млрд долларов, затем, 7 ноября,

распространили на СССР действие закона о ленд-лизе, принятого конгрессом США 11 марта 1941 года. Наконец, в феврале 1942 года США удвоили свой кредит советскому правительству, доведя его до 2 млрд долларов. (Суммы кредитов так никогда и не были выплачены советским правительством.)

За годы войны через Мурманск, Архангельск, Владивосток и Иран Америка и Англия доставили в СССР 18 700 самолетов, 10 800 танков, 9600 орудий, 2 600 000 тонн нефтепродуктов, 44 600 металлорежущих станков, 1860 паровозов, 11 300 платформ, более 500 000 тонн цветных металлов, более 172 000 тонн кабеля и провода. Общая сумма одной лишь американской помощи составила 9,5 млрд долларов. Даже Канада ввезла в СССР в 1942 —

1944 гг. 355 тыс. тонн грузов, в том числе танки (1188), бронетранспортеры (842), грузовики (2568), снаряды (827 000). Гордость советской армии, танк Т-34, делался из английской брони. Советская армия ела американский и канадский хлеб и знаменитую американскую тушенку. Из нейтральной Швеции шли в СССР станки, прессы, краны, энергосиловое оборудование и стальной прокат. Из Монголии за годы войны СССР вывез 700 000 голов крупного рогатого скота, 4 900 000 голов мелкого рогатого скота и 400 000 лошадей.

12% всех самолетов и 10% всех танков в Красной Армии было доставлено союзниками. Но если большая часть танков и самолетов все-таки производилась в СССР (хоть и из ввозимого союзниками сырья), то один вид техники союзники поставляли полностью — автомобильный транспорт. США поставили в СССР 52 000 джипов и 375 000 грузовиков. Никаких указаний на производство Советским Союзом во время войны собственных грузовиков и автомобилей в исторической литературе нет. Без американских грузовиков и монгольских лошадей Красная Армия оказалась бы полностью парализованной.

Масштабы союзнической помощи окажутся еще большими, если учесть, что примерно 15% всех грузов, отправленных из США и Великобритании в СССР, уничтожалось немцами до прибытия к месту назначения. Наиболь-

шие потери были в марте — апреле 1942 года, когда немецкой авиацией и подводными лодками была потоплена четверть всех судов, следовавших северным маршрутом. В результате из посланных в 1942 году в СССР 2505 самолетов доставлено было лишь 1550 — 1650. Советские историки сделали из этого лишь тот вывод, что потери при перевозках не могут «оправдать систематического недовыполнения союзниками поставок в СССР» (История социалистической экономики СССР. Т. 5, Москва, 1978, с. 545). Даже тут виноватыми оказались союзники!

Зная об этом, можно определить не только просчеты Гитлера, но и ошибки Сталина. С точки зрения соревнования систем, советская система конечно же доказала свою полную несостоятельность. Несмотря на все предпринятые усилия как в период 1939 — 1941 годов, так и после германского нападения, советская промышленность не смогла оправиться от потерь, понесенных в первые месяцы советско-германской войны. Очевидно, что война с Германией, к которой готовилось советское правительство, по крайней мере, с 19 августа 1939 года, не была бы выиграна без экономической помощи союзников и, главное, без военной интервенции США. В этом смысле приходится сделать заключение об экономической слабости советской системы в сравнении с германской.

Для изучения проблематики начального периода Второй мировой войны В. Суворов сделал больше, чем вся советская и западная историографии. Он нашел ответы на очень многие, мучившие нас десятилетиями вопросы. Он очень многое объяснил, и объяснил, безусловно, правильно. Заслуга его неопределима. И я все время ловлю себя на желании осыпать автора похвалами. Но именно потому, что В. Суворов поставил перед собой задачу перевернуть историографию по проблеме начального периода Второй мировой войны, нужно остановиться и на том, что больше всего мешает любому серьезному читателю.

Первое и, думаю, самое главное — это отсутствие ссылок на источники. По правилам жанра — а книги В. Суворова написаны в жанре исторического труда — ссылки эти необходимы. Между тем они даются очень выборочно.

А их отсутствие для основного объема книг делает невозможной реализацию главной цели автора: убедить не только обычного читателя, но прежде всего историков в том, что внешнюю политику советского правительства, и в частности события 1941 года, нужно оценивать иначе.

Вторым очевидным минусом книг В. Суворова является их излишняя эмоциональность или, как мы бы сказали, их журналистский стиль. Именно потому, что книги В. Суворова исторические, а не журналистские, они должны были быть написаны иначе. В. Суворову и его книгам предстоит сформировать взгляды новых поколений историков на затронутые им темы. А для этого нужен спокойный и уверенный стиль нападающего, а не бесчисленное отстреливание в обороне от необъятной советской историографии по проблематике Второй мировой войны.

В заключение несколько слов о еще одной дате, установленной В. Суворовым: 6 июля 1941 года, «Дне «М». Приводимые автором аргументы в пользу этой даты очень серьезны. И все-таки здесь нам, видимо, не обойтись без дополнительной информации, которой пока нет. Может быть, нам помогут недоступные сейчас архивы. Может быть, станут известны протоколы заседания Политбюро 21 июня 1941 года. Как историк я склонен считать, что В. Суворов прав. Если окажется, что «День «М» был назначен на 13 или 20 июля, это, в конце концов, не так уж будет важно. В. Суворов открыл для нас целый пласт нашей истории. В этом его величайшая заслуга. По его стопам, я уверен, пойдут теперь другие — поправляя, дополняя и уточняя. Они будут вторыми, третьими...десятыми. Виктор Суворов был первым.

Содержание

<i>Виктор Суворов.</i> СССР ГОТОВИЛСЯ НЕ К ТОЙ ВОЙНЕ	5
<i>Марк Солонин.</i> ПРОСТАЯ ПРИЧИНА ВЕЛИКОЙ КАТАСТРОФЫ	18
<i>Андрей Буровский.</i> СУВОРОВ - ДЕТОНАТОР РЕВИЗИИ.....	64
<i>Ирина Павлова.</i> ПОИСКИ ПРАВДЫ О КАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	131
<i>Юрий Цурганов.</i> КАК ЧИТАТЬ ПОСТСОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ?	179
<i>Томас Титура.</i> ВИКТОР СУВОРОВ КАК «ЛЕДОКОЛ».....	200
<i>Ричард Ч. Раак.</i> РОЛЬ СТАЛИНА В РАЗВЯЗЫВАНИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	218
<i>Джахангир Наджафов.</i> КАК Г. ГОРОДЕЦКИЙ ОПРОВЕРГАЕТ В. СУВОРОВА, ИЛИ РЕМЕЙК «ФАЛЬСИФИКАТОРОВ ИСТОРИИ» (1948 г.)	248
<i>Ури Мильштейн.</i> ДОБРОВОЛЬНЫЕ ПОМОЩНИКИ СТАЛИНА	303
<i>Юрий Цурганов.</i> ИДЕЯ «ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ».....	312
<i>Юрий Фельштинский.</i> ЧИТАЯ КНИГИ «ЛЕДОКОЛ» И «ДЕНЬ «М» ВИКТОРА СУВОРОВА.....	328

Научно-популярное издание

САМЫЕ ЗАПРЕТНЫЕ КНИГИ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ

Суворов Виктор, Солонин Марк, Буровский Андрей

ПОЧЕМУ БОЯТСЯ ВИКТОРА СУВОРОВА?
КНИГИ, ИЗМЕНИВШИЕ МИР

Ответственный редактор *Д. Галкина*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *А. Пучкова*
Корректор *Н. Хотинский*

ООО «Яуза-пресс»
109439, Москва, Волгоградский пр-т, 120, корп. 2.
Тел.: (495)745-58-23, факс: 411-68-86-2253

Подписано в печать 20.02.2012.
Формат 84x108 1/32- Гарнитура «Петербург»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 3000 экз. Зак. №4528.

Отпечатано в ОАО "Тульская типография".
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-9955-0408-5

9 785995 504085 >

Есть книги, которым суждено не просто стать бестселлерами, но буквально перевернуть все прежние представления, взорвать общественное сознание, раз и навсегда переписать прошлое, чтобы ни много ни мало **ИЗМЕНИТЬ МИР**. Так было с «Архипелагом ГУЛаг» Солженицына. Так стало с «Ледоколом» Виктора Суворова. И сколько ни бесновался кремлевский агитпроп, как бы ни проклинали его книги дрессированные историки-«анти-резунисты», им не удастся ни замолчать его откровения, ни спасти сталинскую мифологию Второй Мировой, ни заткнуть рот многочисленным последователям Виктора Суворова, которые продолжают его дело и находят все новые подтверждения его открытиям. Несмотря на негласную цензуру и преследование инакомыслящих, процесс переосмысления истории уже не остановить. Доказательством чему – эта книга.

ISBN 978-5-9955-0408-5

9 785995 504085 >